

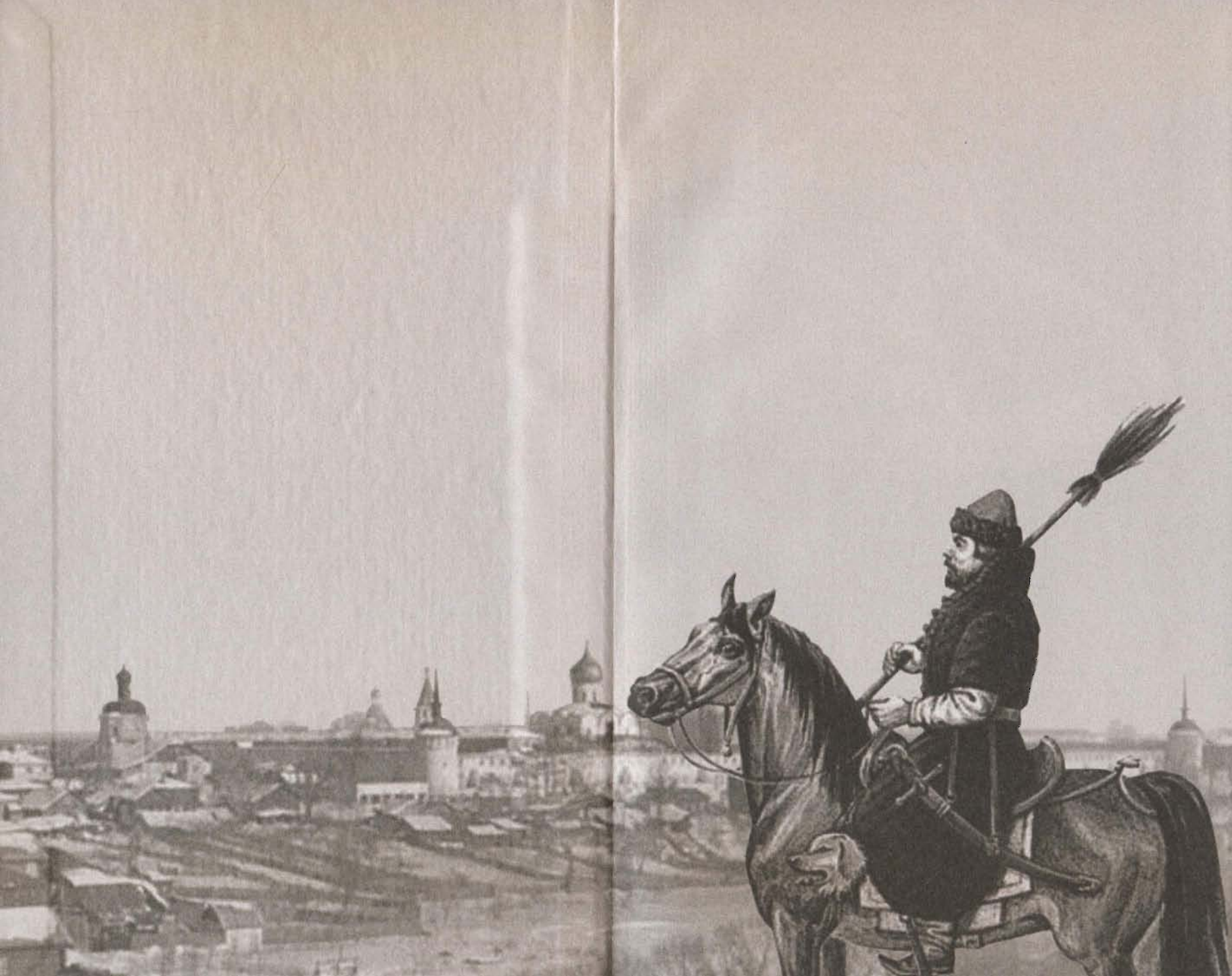
Игорь Курукин, Андрей Булычев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

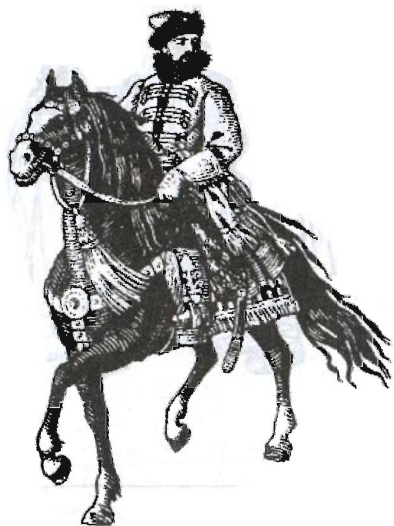

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Игорь Курукин,
Андрей Булычев

МОСКВА

ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

УДК 94(47)“450.7”
ББК 63.3(2)43-061
К 93

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 978-5-235-03340-5

© Курукин И. В., Булычев А. А., 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал.

В. О. Ключевский.
Боярская дума Древней Руси

«...Декабря в 3 день, в неделю (воскресенье. — *И. К., А. Б.*), царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с своею царицею и великою княгинею Марьею и с своими детми, со царевичем Иваном и со царевичем Феодором, поехал с Москвы в село в Коломенское и празником Николы чудотворца праздновал в Коломенском. Подъем же его не таков был, якоже преже того ездывал по монастырем молитися, или на которые свои потехи в объезды ездил: взял же с собою святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы все всяких судов, золотое и серебряное, и платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою. Которым же бояром и дворяном ближним и приказным людям повеле с собою ехати, и тем многим повеле с собою ехати з женами и з детми, а дворяном и детем боярским выбором из всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехати с собою с людьми и с конми, со всем служебным нарядом» — так начал летописец рассказ о внезапном отъезде Ивана Грозного из Москвы зимой 1564 года.

Оставшиеся в Москве бояре, приказные люди и церковные иерархи пребывали «в недоумении и во унынии»,

поскольку не ведали ни о цели царского «подъёма», ни о его причинах. Для них ситуация скоро разрешилась введением опричнины, и с тех пор любое учёное или художественное изображение царствования Ивана Грозного не обходится без картин лихих опричных репрессий.

Хронограф, составленный в середине XVII века, объясняет введение опричнины переменами в характере Ивана Грозного: «И потом аки чужая буря велиа припаде к тишине благосердиа его. И нечем како превратися многомудренный его нрав на нрав яр. И нача сокрушати от сродства своего многих. Еще ж и крамолу междоусобную возлюби. И во едином граде едины люди на другая пусти, и протчия опричнины нарече. Другая же собствены себе учини». Хронограф не называет причин произошедших с царем изменений, а некоторые тогдашние авторы связывают ожесточение Ивана Грозного со смертью первой жены, Анастасии Романовны. Таким образом трактует появление опричнины один из кратких летописцев: «Царь Иван Васильевич сочется законному браку, избра всечесную девицу Анастасию, дщерь вельможи Романа, при ней живя смиренномудрием и победи окрестныя царства: Казань, Астрахань, Сибирскую землю. А после смерти той царицы нрав начал имети яр и многих сокруши».

С тех пор споры и «недоумения» по поводу причин введения, целей, времени окончания опричнины, а также вызванных ею последствий не стихают на протяжении четырёх с лишним веков, а это явление остаётся одним из самых малопонятных институтов России XVI века. «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в годах мужества и старости, есть для ума загадка», — писал в своё время Николай Михайлович Карамзин. Государственный историограф и талантливый писатель утешал себя и читателей тем, что «между иными тяжкими опытами судьбы, сверх бедствий удельной системы, сверх ига моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла с любовию к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву, и землетрясение, и тиранов; не преломила

железного скиптра в руках Иоанновых и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы, в лучшие времена, иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (история не любит именовать живых)».

Более рационально мыслящим историкам пришлось труднее. Использованные нами в качестве эпиграфа слова Василия Осиповича Ключевского о странности опричнины для её современников и исследователей в полной мере характеризуют и его собственное отношение к ней. Другой исследователь русского Средневековья, академик Степан Борисович Веселовский, был настроен ещё более скептически: «Созревание исторической науки подвигается так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени».

Конечно, начиная с середины XX века в фундаментальных трудах П. А. Садикова, И. И. Смирнова, А. А. Зимины, Н. Е. Носова, Р. Г. Скрынникова, С. М. Каптанова, С. О. Шмидта, В. Б. Кобринина, Д. Н. Альшица, А. Л. Хорошкевич и других историков эпоха царя Ивана IV и в особенности его опричная политика подверглись тщательному рассмотрению¹. В настоящее время появляются всё новые интересные работы², совершенствуются методы исследования летописных текстов и известных сочинений Ивана Грозного и его современников, выявляются и публикуются акты того времени. Однако до сих пор так и не прозвучала адекватная оценка деятельности как самого царя, так и его любимого детища — опричнины.

Само изучение данной проблемы уже может быть темой обширной монографии. Иван Грозный — слишком крупная и противоречивая фигура, и каждый историк, писавший о нём, оценивал государя с позиций своих социальных, этических и иных взглядов. За последние десятилетия учёными выдвигались разные концепции понимания опричнины. Существуют точки зрения, что она была направлена против пережитков децентрализации — удельной системы, независимой от государства церкви и обособленности Новгорода (А. А. Зимин) — или против княжеско-боярской оппозиции и

старых московских служилых родов (Р. Г. Скрынников). А. Л. Хорошкевич и А. И. Филишкин полагают, что она была призвана мобилизовать силы страны для победы в Ливонской войне³, а по мнению А. Л. Юрганова, царь мыслил себя исполнителем воли Божьей по наказанию грешников в «последние дни» перед скорым Страшным судом⁴. Кто-то видит за организацией опричного «удела» создание царём тайного ордена поклонников сатаны⁵. Иные же полагают, что опричный корпус является модернизацией по турецкому образцу — подражанием порядкам двора османских султанов с янычарской гвардией и выделенными на её содержание землями, а сам царь Иван мнил себя защитником справедливости и стал Грозным по аналогии с султаном Селимом I⁶. Столь любопытные, хотя иногда и весьма экстравагантные гипотезы обязаны своим появлением на свет сразу нескольким факторам. Русская историческая наука возникла и развивалась под сильным влиянием идей европейского Просвещения и выпестованной ими либеральной идеологии, с их акцентированным вниманием к проблеме прав человека и, в частности, самоценности свободного развития отдельной личности. Именно с этих позиций донныне вершится моральный суд над Грозным и его «кровавым детищем» — опричниной, то есть события «средневекового» (применительно к российским реалиям) XVI столетия испытываются на соответствие «общечеловеческим» этическим стандартам конца XVIII — начала XXI века. Притом исследователи совсем не задаются вопросом, насколько методы обращения Ивана IV со своими недругами совпадали или, напротив, нарушали традиционные нормы поведения в эпоху Средневековья или раннего Нового времени.

В результате в массовом сознании возникает ощущение, что загадка опричнины едва ли когда-нибудь будет разгадана. К тому же в нашем распоряжении слишком мало источников: после бурного правления царя Ивана Россия пережила Смуту, а московский пожар 3 мая 1626 года уничтожил почти всю государственную документацию предыдущего века. Дошедшие до нас и хорошо известные сочинения самого царя, его современников и участников событий порой скупы на подробности и

далеко не беспристрастны, а сообщаемые в них сведения часто невозможно проверить. В этих условиях одни и те же известия неизбежно толкуются по-разному и порождают отмеченный ещё А. А. Зиминим факт «многозначности решения» при ответе на тот или иной вопрос: факты и события могут предполагать разные — и равно труднодоказуемые — причинно-следственные связи.

Кроме того, тяжкий крест истории как науки состоит в том, что, в отличие от, например, химии или географии, она рассматривает (и оценивает!) деятельность этнических и общественных групп, властных структур и персон, что неизбежно затрагивает интересы этих групп или их наследников, касается весьма чувствительной сферы национального самоощущения, а потому в принципе не может вызвать бесстрастного восприятия. Идеологическая заданность есть вещь трудноустраняемая, в том числе и потому, что общество (или хотя бы какая-то его часть) осмысливает тревожное настоящее, обращаясь к прошлому, а государство нуждается в чётком осознании его гражданами опорных вех и направления развития, особенно в нынешний переходный период от «советского» строя, не совсем понятного даже историкам, к пока ещё неизвестно какому.

Эпоха Ивана Грозного, наложившая трагический отпечаток не только на жизнь современников, но и на последующую историю страны, в этом смысле явно востребована. Публицист и профессор Нью-Йоркского университета Александр Янов рассматривает опрочину как «самодержавную революцию», прервавшую «марш в Европу» молодого Московского государства ради обретения статуса мировой державы: «Антиевропейский выбор царя (принципиально новый для тогдашней Москвы) заставил его — впервые в русской истории — прибегнуть к политическому террору. Причем террору тотальному, предназначенному истребить не только тогдашнюю элиту страны, но, по сути, и то государственное устройство, с которым вышла она из-под степного ярма»⁷. Большевицкая революция и сталинизм, таким образом, явились всего лишь перевоплощениями многовековой самодержавной политической традиции России.

На другом полюсе общественной мысли тема ещё более актуальна. Эксперимент царя Ивана покойный митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) признавал образцом «наилучшего, наихристианнейшего пути решения стоявших перед ним, как помазанником Божиим, задач»; его детище, по мнению архиерея, стало «кузницей кадров, ковавшей государю единомысленных с ним людей» и «орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь её порядок и уклад, отделял хорошие семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга»⁸. «В современной России явно назрела опричнина. Ситуация крайне похожа на XV век: внешние угрозы (натиск с Запада, расширение НАТО, оранжевые процессы в СНГ) и внутреннее разложение властной вертикали (немыслимый доселе уровень коррупции, моральный упадок, отчуждение, недееспособность, вырождение компрадорских элит). Потребность в ней назрела функциональная, психологическая, социальная, идеологическая», — убеждён отечественный философ-евразиец Александр Дугин⁹. «В коллективном сознании народа витает мечта о новой опричнине», — соглашается историк, писатель и вице-председатель Лиги консервативной журналистики Дмитрий Володихин. Правда, сам он не считает желаемое народом дозволение «кончать гадов на месте с нанесением особо тяжких увечий» полезным, а реформу царя Ивана удачной, поскольку «боеспособность вооружённых сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила». Более эффективным ему представляется другой исторический образец — Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича как «ведомство, жёстко отделённое ото всех прочих, привилегированное в смысле властных полномочий, жалования и близости к правящей особе и наделённое правом по распоряжению царя влезать в работу любого должностного лица — даже самого высокого уровня»¹⁰.

Появились православные организации вроде «Опричного братства во имя святого преподобного Иосифа Волоцкого» или «Опричного братства Ивана Грозного»,

и Русская православная церковь вынуждена отвечать на призывы канонизировать царя Ивана¹¹. Модный писатель Владимир Сорокин уже выпустил державную антиутопию «День опричника» о службе государева человека в 2027 году, после восстановления монархии: «Выезжаю на Рублёвый тракт. Хорошая дорога, двухэтажная, десятиполосная. Выруливаю в левую красную полосу. Это — наша полоса. Государственная. Покуда жив и при деле государевом — буду по ней ездить. Расступаются машины, завидя красный “мерин” опричника с собачьей головой...»

В менее кровопролитной и более дорогой (в смысле расходов заказчика) ипостаси антураж опричнины стремятся воскресить сотрудники музея Александровской слободы в виде театрализованных представлений с участием ряженных-опричников: «Один день на государевом дворе», «Посольский приём в Александровской слободе», «Царские забавы», «Царские пыточные палаты» или «Обед по-царски» (в ресторане «Александров» за тяжёлыми дубовыми дверями гостей встречает опричная атрибутика: пёсьи головы — символ верности опричников царю и метла для выметания изменников.

При таком повышенном внимании к властным экспериментам далёкого столетия поневоле вспоминаются слова мудрого историка В. О. Ключевского о том, что «в нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории». В этом смысле наша книга отнюдь не претендует на роль эпического полотна, изображающего развитие России при грозном царе Иване Васильевиче. Её задача намного скромнее: познакомить читателя с людьми XVI века, служившими не в вымышленной, а в реальной опричнине; их повседневным обиходом, вотчинным или поместным хозяйством, воинской службой, участием в придворных церемониях и карательных операциях, наградами и наказаниями, насколько это позволяют сделать немногочисленные и разрозненные свидетельства уцелевших документов. Собранные и осмысленные усилиями поколений историков, они в какой-то мере помогают нам проникнуть во внутренний мир наших соотечественников, живших в другую эпоху и по другим законам.

ОПРИЧНЫЕ СТОЛИЦЫ

Учинити ему на своем государстве себе опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой.

Продолжение Летописца начала царств. XVI в.

Учреждение опричнины

Таинственно отбивший из Москвы государь недолго томил подданных в неизвестности — уже 3 января 1565 года он прислал «ко отцу своему и богомолцу» митрополиту Афанасию список с перечнем «измен боярских и воеводских и всяких приказных людей», совершённых в малолетство Ивана IV: «И царь и великий князь гнев свой положил на своих богомолцов, на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей опалу свою положил в том, что после отца его блаженные памяти великого государя Василия при его государстве в его государские несвершенные лета бояре и все приказные люди его государства людем многие убытки делали и казны его государские тощили, а прибытков его казне государской некоторой не прибавляли, также бояре его и воеводы земли его государские себе розоимали, и другом своим и племяни его государские земли роздавали; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жало-

вания государския кормленные емлючи и собрав себе великие богатства, и о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети, и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянства обороняти, наипаче же крестьяном насилие чинити, и сами от службы учили удалятися, и за православных крестьян кровопролитие против безермен и против Латын и Немец стояти не похотели».

Иван Васильевич обвинил московскую элиту — высшую знать, приказную администрацию — и рядовых членов «государева двора», детей боярских, в тяжких преступлениях: расхищении казны, присвоении казённых земель и прямой измене — уклонении от военной службы. Потому он, законный и природный монарх, вынужденно «оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, Бог наставит». Говоря современным языком, «государь царь и великий князь всеа Русии» подал в отставку с поста главы страны, предоставив неверных подданных собственной судьбе. Эта, конечно, не самая рядовая, но приемлемая для новейших времён ситуация (можно вспомнить хотя бы новогодний уход с президентского поста Бориса Ельцина) была совершенно немыслима для москвитов XVI века, отчего и повергла их в «велице недоумение».

Работа правительственного аппарата остановилась: «...Все приказные люди приказы государские отставиша и град оставиша никим же брегом» (не оберегаемым). Москвичи, от бояр и до «множества народа», приходили к митрополиту и «от много захлипания слезного» с плачем говорили: «Увы, горе, како согрешихом перед Богом и прогневахом государя своего многими пред ними согрешении... ныне х кому прибегнем, и кто нас помилует, и кто нас избавит от нахождения иноплеменных? Како могут быть овцы без пастыря?.. Так же и нам как быть без государя? И иная многая словеса подобная сих изрекоша ко Афонасию митрополиту». Растерявшиеся жители умоляли владыку быть ходатаем перед государем, чтобы он «гнев свой отовратил, милость показал и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государствы владел и правил, яко же годно ему, государю».

Но и впечатлительному царю тревожное ожидание развития событий далось в слободе нелегко. Немцы-опричники Иоганн Таубе и Элерт Крузе рассказывали, что вернулся он в столицу неузнаваемо изменившимся: «...у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде, которые сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа». Повод для волнения у царя был: в качестве законных претендентов на трон вполне могли выступать его сын-наследник или двоюродный брат — удельный князь Владимир Андреевич Старицкий. Но едва ли такой выход устраивал Ивана Васильевича. Одновременно он прислал другую грамоту — своеобразное «открытое письмо» «гостем же и х купцом и ко всему православному крестиянству града Москвы» и повелел для публичного оглашения «перед всеми людьми ту грамоту пронести» дьякам Путилу Михайлову и Андрею Васильеву: «А в грамоте своей к ним писал, чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Через головы бояр царь обращался к народу за поддержкой против знатных корыстолюбцев и предателей — «ленивых богатин». Очевидно, он её получил: столичный посад обратился к митрополиту Афанасию, «чтобы били челом государю царю и великому князю, чтобы над ними милость показал, государьства не отставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял; а хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят». «Верхам» в этой ситуации ничего не оставалось, как капитулировать. К Ивану отправились новгородский архиепископ Пимен и архимандрит Чудова монастыря Левкий с ответом на его послание. Высшее духовенство и Дума обращались к царю с просьбой, чтобы «гнев бы свой и опалу с них сложил и на государстве бы был и своими бы государьствы владел и правил, как ему, государю, годно; и хто будет ему, государю, и его государьству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государьская воля». Вслед за ними в слободу потянулись бояре, дворяне, приказные люди — молить о снятии опалы.

Пятого января царь милостиво принял в слободе московскую депутацию, сообщил ей о согласии вернуться к управлению государством — но на особых условиях: с правом «учинити ему на своем государстве себе опришнину». Далее Иван разъяснил смысл нововведения: «...что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити... а которые бояре и воеводы и приказные люди дошли за государские великие измены до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь Освященный собор (собрание высших иерархов Русской православной церкви. — *И. К., А. Б.*) да бояре и приказные люди то все положили на государственкой воле»¹. Говоря современным языком, это означало, что в стране вводилось чрезвычайное положение.

Конечно, Московское царство, не так давно образовавшееся из недружной россыпи больших и мелких княжеств, отнюдь не было правовым государством в современном смысле, а власть его великих князей формально не ограничивалась никакими юридическими актами. Сам Иван Васильевич с молодости усвоил мысль о том, что самодержавная власть есть наилучшая форма правления и что «русские владатели... вольны были подовластных своих жаловати и казнити». Но эти представления о «вольном самодержавстве» не вполне соответствовали действительности середины XVI века: в средневековом обществе веками складывавшиеся отношения определялись не только юридически установленными, но и неписаными — но оттого не менее значимыми — нормами и традициями. К примеру, мужик заключал договор с землевладельцем, в котором обе стороны принимали на себя определённые обязательства. Крестьянин обещал «...поставити изба трех сажень, да клеть, да баню, да хлев с сенником, да и пашня распашати и около поль изгороду огородити»; обязался нести конкретные повинности, «жить тихо и смирно, корчмы не держать и никоим воровством не воровать». Боярин или монастырь, в свою очередь, освобождали крестьянина от податей на несколько лет и предоставляли ему

«подмогу» зерном, скотом или деньгами. Закон не вмешивался в этот порядок — лишь провозглашал право земледельца уйти от господина под Юрьев день осенний, разумеется, расплатившись с долгами.

Что касается знати, то московские великие князья, а позже цари вводили («пускали») к себе в Думу того или иного человека и по своему усмотрению пользовались людьми, пожалованными в советники. Думный чин давал не права, а служебные обязанности. В источниках мы нигде не находим определения компетенции думных людей. Одни думцы были в наместниках в крупных городах, другие стояли во главе полков в походах, третьи ездили в посольства и т. д. Остававшиеся в Москве должны были ежедневно являться во дворец на совещания. Те из них, которым было «приказано» какое-нибудь ведомство, докладывали государю о делах своего приказа. Пределы их компетенции не были регламентированы, всё было предоставлено их такту и сообразительности. Никакой регламентации и не требовалось, поскольку они ежедневно виделись с царём и получали от него соответствующие указания. Судебник 1550 года и другие источники свидетельствуют о том, что бояре сами решали дела, «а которого дела зачем (то есть почему-либо. — *И. К., А. Б.*) решить им не мочно, и о том докладывати государю».

Ушли в прошлое «отъезды» недовольных государем слуг: ехать было не к кому — разве что за рубеж, к великому князю Литовскому; но это уже означало измену. И родовитые, и незнатные служилые люди не имели утверждённых хартий и «вольностей», однако и здесь действовали определённые правила, которые защищали «место» лица в служебной иерархии (как говорили в то время, «за службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством»). Немилость была страшна, но и в этом случае имелся нужный ритуал: опального отправлялся в ссылку или отбывал в свои владения («выпадение» из череды придворных и служебных назначений уже само по себе являлось наказанием) и ожидал прощения, а духовные власти должны были «печаловаться» перед монархом о провинившихся. Нельзя было просто отрубить голову заслуженному боярину без

предъявления обвинения и суда Боярской думы. А с мнением бояр приходилось считаться: в 1549 году молодой царь Иван собирался разорвать перемирие с Литвой, не признавшей его царский титул, но не решился из-за протеста бояр, ссылавшихся на неурегулированные отношения с Крымом и Казанью и невозможность войны на три фронта. Теперь же, после введения опричнины, монарх собирался отменить стеснявшие его нормы и традиции, а единственным источником права становилась его «государская воля».

Однако царь понимал, что провести такие преобразования сложившихся отношений государя с подданными будет нелегко, — у него уже имелся опыт столкновений с княжеско-боярским окружением. К тому времени Россия несколько лет вела войну на западе за овладение землями Ливонского ордена и несколькими епископствами (на территории современных Латвии и Эстонии). Царским войскам поначалу сопутствовал успех: под их ударами орден развалился и Москва впервые получила «нарвское плавание» — выход на Балтику. Но упорное стремление Ивана Грозного завоевать «мало не вся Германия» втянуло Россию в первый в её истории большой европейский конфликт: в борьбу за экономически и стратегически важные земли Прибалтики вступили и Польшо-Литовское государство, и Швеция, и Дания, и Священная Римская империя.

Начавшаяся в 1558 году война затягивалась. Обострилась и внутривластная борьба: в 1560 году царь отстранил от власти прежнее правительство, ключевую роль в котором играли боярин Алексей Адашев и царский духовник, священник Сильвестр. Опале подверглись фамилия Адашева и родня самого царя — бояре И. Д. Бельский и В. М. Глинский. Победы на войне сменились поражениями: после взятия в 1563 году Полоцка армия боярина П. И. Шуйского в начале 1564 года была разбита. Разъярённый царь казнил смоленского воеводу Никиту Шереметева. Бежавший тогда же в Литву боярин Андрей Курбский обвинил царя в том, что тот «мученическими кровью праги (пороги. — *И. К., А. Б.*) церковные обогрил», а через несколько лет в «Истории о великом князе Московском» поведал, как в один день,

16 января 1564 года, по приказу Ивана IV в церкви во время службы были убиты бояре князь Михаил Репнин и князь Юрий Кашин. Суть конфликта якобы была в том, что царь, пригласивший Репнина на пир и, «упившись, начал и с скоморохами в маскарадах (масках. — *И. К., А. Б.*) плясати и сущие пирующие с ним»; когда же Репнин с плачем стал говорить, что христианскому царю не подобает так себя вести, государь потребовал: «Веселись и играй с нами», — и попытался надеть на боярина маску. Тот «отверже ю и потопта»; тогда царь в гневе «отогна его от очей своих», а затем приказал расправиться с ним. Спустя несколько часов на утренней молитве был убит князь Кашин.

Казнь бояр стала грубым нарушением традиционных норм отношений между царём и его советниками. Любопытно, что сам Иван Грозный в переписке с Курбским отрицал свою причастность к ней: «Кровию же никакою праги церковные не обагрям», — хотя имена обоих бояр вошли в составленный в конце его правления «Синодик опальных» — список казнённых по его приказу людей. Репрессии вызвали протест Думы и митрополита. Конфликт вспыхнул после убийства князя Д. Ф. Овчины-Оболенского в том же 1564 году. По одной из версий, князь осмелился попрекнуть царского любимца Фёдора Басманова «гнуною содомией», тот пожаловался своему покровителю, и Овчина-Оболенский был убит псарями. Митрополит и другие бояре, по описанию немца Альберта Шлихтинга, «сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка». «Несколько поражённый этим внушением и особенно тревожимый стыдом пред верховным священнослужителем, он (царь. — *И. К., А. Б.*), не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину, то есть проворных или воинов, стражей своего тела или, скорее, покровителей своей тирании, как бы убийц, чтобы под защитой их охра-

ны явиться на всеобщее избиение», — описывал эту историю немец-опричник².

Открытое выступление главы церкви и части бояр против казней поставило царя в неловкое положение и показало ему, что «выводить измену», оставаясь в привычном придворном окружении, будет затруднительно. Но Иван IV сумел предпринять решительные и неожиданные меры — и выиграл. Но теперь надо было закрепить успех. Иван приступил к созданию своего опричного владения.

Прежде на Руси опричниной называли часть княжества, которую после смерти князя оставляли его вдове, отдельно от полагавшихся сыновьям уделов. Вдовья часть, таким образом, выделялась «опричь» всего княжества и после смерти вдовой княгини заново делилась между её детьми. Теперь же такой особый удел потребовал для себя здравствующий природный государь, не отказавшийся при этом и от контроля над другой частью своего царства.

Искусный и гибкий политик, царь понимал, что сломить почтительно, но твёрдо выказанное сопротивление знати можно, только расколов столетиями складывавшийся «государев двор» — военно-административную корпорацию слуг московских князей, насчитывавшую несколько тысяч человек. Её составляли члены старых боярских родов (Шереметевы, Морозовы, Салтыковы, Пушкины, Годуновы, Бутурлины, Захарьины-Кошкины и др.), добровольно и поневоле переходившие на московскую службу князья ярославские (Курбские, Сицкие), оболенские (Долгоруковы, Репнины), суздальские (Шуйские), ростовские (Темкины, Лобановы), а также отпрыски литовской династии Гедиминовичей (князья Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие) и их бояре. Из этого круга выходили наместники, воеводы, послы, их помощники и подчинённые. Менее знатные слуги составляли «государев полк» — основную, наиболее надёжную часть московского войска. Наконец, сюда же входили члены дворцовой администрации: дьяки, казначеи, дворские, ключники. Выросший вместе с небольшим когда-то княжеством, «государев двор» был тесно связан с династией земельными пожалованиями

и наследственной службой. Он был опорой московских князей в борьбе за первенство в Северо-Восточной Руси — но теперь стеснял действия мечтавшего о «вольном самодержавстве» государя.

Теперь царь замыслил создать новый фундамент своей власти. Еще в начале 60-х годов XVI века недовольные, бежавшие за границу, упрекали Ивана в том, что он ищет себе опору в чиновничестве, выдвигая и возвышая его в ущерб родовой знати и вообще благородному сословию. Так думал не один Андрей Курбский. Бежавший от царского гнева царя «сын боярский» Тимофей Тетерин язвительно писал преемнику Курбского на посту ливонского наместника боярину Михаилу Яковлевичу Морозову: «Есть у великого князя новые верники — дьяки, которые его половиною кормят, а другую половиною себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (то есть боярским. — *И. К., А. Б.*) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют».

Но одними дьяками было не обойтись. Поэтому царь решил «себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов учинити себе особно; и на дворцах, на Сытном и на Кормовом и на Хлебном, учинити ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно». Определил царь и земли, которые пожелал взять в опричнину: ряд северных и центральных уездов страны. Разделённой оказалась и столица: в опричнину были взяты некоторые районы Москвы, где царь решил устроить свою опричную резиденцию.

«Опричный двор, враждою окружённый»

«...Он снёс затем несколько тысяч строений и назначает место для дворца в отдалении возле реки Неглинной, омывающей Китай-город и впадающей также

в знаменитую реку Москву, от которой называется обширный город Москва; она дала это имя москвитам, так как иначе они называются руссами или рутенами. Так вот в этом месте он выстраивает обширный дворец и окружает его высокой стеною, чтобы жить там пустынною. По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать опричнину, то есть убийц, и связал их с собой самыми тесными узами повиновения», — описал начало строительства нового опричного дворца приближённый царя, иноземец Шлихтинг³.

Иван Грозный взял в опричнину юго-запад Москвы, где помещались различные хозяйственные и служебные заведения царского дворца. Этот район начинался от Москвы-реки, включал Остоженку, Пречистенку, Арбат и выходил к нынешней Большой Никитской улице; если идти по ней от Кремля, левая её сторона была опричной, правая оставалась земской. Таким образом, в опричную часть Москвы входили Арбат, Знаменка и Воздвиженка. От Кремля опричную часть города отделяла река Неглинная (Неглимна, Неглинка, Самотёка), ныне текущая в трубе под Александровским садом. Кроме того, в опричнину попали три стрелецкие слободы в районе Воронцова Поля; жившие там служилые люди «по прибору», скорее всего, вошли в опричное войско.

Сначала царь хотел устроить отдельный опричный дворец в Кремле на «заднем государевом дворе» между церковью Рождества Богородицы и Троицкими воротами (там находится сейчас Дворец съездов): «На двор же свой и своей царице двор повеле место чистити, где были хоромы царицы, позади Рожества Пречистые и Лазаря святого, и погребы и ледники и поварни все и по Куретные ворота, также и княже Володимерова двора Андреевича место (где теперь стоит Царь-пушка. — *И. К., А. Б.*) принял, и митрополита места (возле церкви Двенадцати Апостолов. — *И. К., А. Б.*)». Однако перепланировка кремлёвских зданий была нарушена пожаром 1 февраля 1565 года, в котором сгорели дворы митрополита и князя Владимира Андреевича, предназначавшиеся для перестройки в опричный дворец.

После этого царь почему-то передумал строиться в Кремле. По долгом размышлении весной 1566 года он «повелел двор себе ставить за городом, за Неглинною, меж Арбацкие улицы и Никитские, от полого места, где церкви Великомученик Христов Дмитрей да храм Святых Апостол Петра и Павла, и ограду камену вокруг добру повеле сделать». Другой летописец о постройке этого опричного дворца записал: «Царь и великий князь учинил опришнину: из града и из двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на княж Михайловский двор Темрюковича, и велел на том дворе хоромы строити царския и ограду учинити, и все строение новое ставить, город (ограду. — *И. К., А. Б.*) и двор свой...»⁴ Упомянутый кабардинский князь на русской службе Михаил Черкасский являлся не только шурином царя — братом его второй жены, Марии Темрюковны, но и одним из главных царских опричников.

Дворец строился срочно собранными для этой цели мастерами-плотниками из отборного леса летом и осенью 1566 года; к зиме он был готов, и 12 января 1567 года государь переселился в него. Где именно находился огороженный стеной двор размером 260×260 метров, не вполне ясно — слишком недолго он существовал. Авторитетнейший историк старой Москвы И. Е. Забелин считал, что стена опричного двора частично сохранилась до его времени в виде каменной ограды бывшей усадьбы Нарышкиных — архива Министерства иностранных дел, где теперь расположены здания Российской государственной библиотеки. Другие исследователи признавали остатками царского дворца постройки во дворе Московского университета — но строения XVI века не могли спустя 400 лет остаться на поверхности в зоне интенсивной городской застройки.

Проводившиеся в последние годы на «Романовом дворе» (принадлежавшем в XVII веке боярину Ивану Никитичу Романову, а потом его сыну боярину Никите Ивановичу) археологические раскопки не обнаружили во дворах между Романовым переулком и Моховой улицей следов каменных стен, но дали основание говорить, что там располагалась хозяйственная зона опричного двора. Сама же крепость находилась несколько ближе к

Кремлю — на месте корпуса библиотеки Московского университета, трассы нынешней Моховой улицы и здания Манежа. А царские покои, видимо, были возведены в районе нынешнего дома 7 по Моховой улице, где пришлось засыпать белым песком овраг, по которому тек ручей⁵.

Немец-опричник Генрих Штаден оставил подробное описание этой царской резиденции: «Великий князь велел снести к западу от крепости на высочайшем холме дворы многих князей, бояр и торговых людей, <находившихся> на расстоянии ружейного выстрела по четырехугольнику, и обнести эту площадь стенами <высотой> в сажень от земли из тесаных камней, две же сажени были из обожжённого кирпича. Наверху <стены> были заострены, без крыши и защитных ходов вокруг, примерно в 130 саженей в длину и столько же в ширину с тремя воротами: одними — на восток, другими — на юг, а третьими — на север. Северные ворота находились напротив крепости и были окованы листами железа, покрытого оловом. Внутри — там, где ворота открывали и закрывали, — в землю были вбиты два толстых массивных дубовых бревна, в которых <были сделаны> два больших отверстия, так что через эти массивные брёвна можно было протащить или продеть бревно, укреплённое в стене — когда ворота были закрыты — до другой половины <стены> по правую руку. Эти ворота были покрыты жостью».

Главные, северные ворота вели к въезду на мост через Неглинную и далее, через Воскресенские ворота, на китайгородский посад. У ярко блестящих на солнце створок были установлены странные и пугающие фигуры. Штаден оставил их описание: «...два резных и расписных льва — на том месте, где у льва находятся глаза, были вставлены зеркала — и резной деревянный выкрашенный чёрным двуглавый орёл с распростёртыми крыльями. Один <лев> был с раскрытой пастью и смотрел в сторону земщины, другой же смотрел во двор. Между этими двумя львами находился двуглавый чёрный орёл с раскрытыми крыльями, грудью к земщине».

Входившие через эти ворота внутрь царской резиденции сначала должны были миновать «кухни, пог-

реба, хлебни и мыльни. На погребах, где <хранился> различный мёд, а в некоторых лежал лёд, сверху были построены большие помещения из досок, укреплённых камнями, а все доски насквозь прорезаны в виде листвы. Здесь вывешивали всех зверей, рыб, большей частью происходивших из Каспийского моря, таких как белуга, *averra*, севрюга и стерлядь».

Хозяйственные службы, как можно понять из описания Штадена, находились за пределами замковых стен, но сообщались с собственно царским дворцом через «небольшие ворота, так, чтобы из кухонь, погребов и хлебень в правый двор можно было доставлять еду и питьё». В этом внутреннем дворе посетители могли видеть «перед избой и палатой невысокий покой с горницей вровень с землёй; стена здесь была на добрые полсажени ниже на всём протяжении, где она обрамляла этот покой и горницу, для <доступа> воздуха и солнца»; площадь перед ним «была посыпана белым песком высотой в локоть из-за сырости». Здесь находились жилые комнаты Ивана Грозного, где он «всегда по утрам или в обед имеет обыкновение есть».

Для удобства государя были устроены две лестницы, по которым можно было подняться до больших покоев: одна начиналась напротив восточных ворот, другая была по правую сторону от них (если стоять к воротам спиной). Перед лестницами стоял небольшой помост, похожий на четырёхугольный стол, на который царь вставал, садясь на коня или сходя с него. Лестницы и переходы были крытыми; опорами им «служили две колонны, на них находились крыша и деревянный свод; на колоннах и на своде была резьба в виде листвы». Далее Штаден пишет: «С лестниц шёл свод во все покои вплоть до стены, чтобы великий князь мог по этому переходу пройти из верхних покоев до стены и через неё в церковь, что находилась перед двором за окружной стеной на востоке. Эта церковь была построена в форме креста и имела фундамент высотой в восемь дубовых брёвен от земли и три года стояла непокрытой. При этой церкви висели колокола, какие великий князь наградил и забрал в Великом Новгороде». Богомольный царь, таким образом, имел возможность

по крытому переходу отправиться в церковь Николы Зарайского.

Восточные ворота опричной крепости, по Штадену, были предназначены исключительно для царского проезда: «...князья и бояре не могли следовать или идти за великим князем из двора или во двор через восточные ворота, только великокняжеские лошади и сани». Выйдя из них, можно было попасть прямо на Троицкий мост Кремля.

Во внутреннем дворе постоянно находилась опричная стража: «Под этими двумя лестницами и переходами 500 стрельцов еженощно несли караул в покоях или палате, где великий князь имел обыкновение есть».

Через южные ворота (Штаден писал, что у них «ночной караул несли князья и бояре») попадали на приказный двор. Там были построены здания опричных учреждений-приказов и проходили привычные для людей XVI—XVII веков процедуры: «...Правили со всех должников и били батогами и плетью до тех пор, пока священник не выносил даров и не ударяли в колокол. Здесь же подписывали челобитья <из> опричины и направлялись в земщину. И что здесь было подписано, считалось правым, и в земщине против того не говорили согласно указу. Здесь во дворах и на улице княжеские и боярские слуги-малые держали всех своих лошадей во время поездок великого князя в земщину»⁶.

Некоторые современные исследователи склонны считать, что опричный дворец являлся не просто крепостью, а своеобразной копией эсхатологического Града Божьего, описанного библейским пророком Иезекиилем. В этом граде тоже было только трое ворот: на север, на юг и на восток. Западные ворота отсутствовали, а восточные были предназначены для особого случая: «И рече Господь ко мне: сия врата заключенна будут и не отверзутся, и никтоже пройдет ими: яко Господь Бог Израилев внидет ими, и будут заключенна» (Иез. 44:1—2). Пророк указывал, что в «последние времена» Бог соединится со своим народом, войдя через восточные врата в Град Божий. Поэтому только царь Иван позволил себе входить в священные ворота, приготовленные для самого Господа. Отсутствие же западных ворот возвещало,

что с приходом Судии не будет захода солнца и не наступит ночь. Церковь внутри стен тоже была не нужна, раз Бог присутствовал здесь непосредственно.

В Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова) говорится: «...И вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвёртое животное подобно орлу летящему». Один из первых толкователей Апокалипсиса, епископ Андрей Кесарийский, объяснял: «Высокий полёт и стремительное падение на добычу четвёртого животного — орла — указывает на то, что язвы приходят свыше от гнева Божия в отмщение благочестивых и в наказание нечестивых...» В лицевых (иллюстрированных) Апокалипсисах XVI века орёл изображался с распростёртыми крыльями, а вслед за его появлением и открытием четвёртой печати должен явиться всадник на бледном коне, «имя ему смерть»: «...и ад идяше в след его; и дана бысть ему область на четвертой части земли» (Откр. 6, 8). Идею царя поставить у входа в свою резиденцию обращённого в сторону земщины чёрного орла с «распростёртыми крыльями» можно расценивать как желание создать образ адского наказания, которое настигает грешников в наступающие последние времена⁷.

Нам трудно сейчас сказать, насколько понимали символику новой царской резиденции неискушённые в Священном Писании москвичи и «гости столицы»; возможно, их волновали более насущные проблемы. Кому-то уход государя из Кремля наверняка казался недобрым предзнаменованием. Кому-то из-за строительства дворца пришлось срочно покинуть отцовский дом и усадьбу и устраиваться на новом месте, при этом невольные переселенцы едва ли рисковали требовать компенсацию за утраченное имущество. А кому-то, наоборот, поворот событий сулил выгоду: появление рядом дворцового комплекса с конюшней, кухней, придворными и слугами давало возможность заработать, ведь семью надо кормить и при опричных порядках. Грех было упускать случай, когда такие «клиенты» оказались в соседях, ведь и сами государевы слуги нуждались в еде

и одежде. С противоположной стороны (от Кремля) к дворцу примыкали усадьбы людей, обслуживавших царский «обиход», о чём говорят старые и возвращённые названия переулков между Воздвиженкой, Арбатом и Большой Никитской (Кисловские, Калашный, Скатертный, Хлебный) и Поварской улицы. Происхождение этих названий обычно связывают с более поздним временем, однако, возможно, именно опричное разделение столицы способствовало их появлению.

Атмосфера новой резиденции государя едва ли располагала к благодушию. Над обычной городской застройкой возвышались шестиметровые стены; по стенам двигались и у ворот стояли стрелецкие караулы; мимо них проезжали всадники в чёрных одеждах, с притороченными собачьими головами и помельями. Внутренние постройки были плохо видны из-за высоких стен, но хорошо были заметны фигуры огромных орлов, водружённых над внутренними корпусами: по словам Штадена, во дворе замка стояли «три массивных здания, и на каждом сверху на шпиле помещался деревянный выкрашенный в чёрное двуглавый орёл с раскрытыми крыльями, грудью к земщине».

В этих помещениях, надо полагать, и размещались царские опричники; отсюда они отправлялись на караулы и выезжали в карательные рейды. Днём здесь царяла обычная дворцовая суета; ночью возвышавшийся над одно- или двухэтажными деревянными постройками замок освещался светом факелов и костров расположившейся вокруг стражи. Здесь гремели пиры опричников во главе с государем; сюда же доставляли на скорый царский суд действительных и мнимых изменников... Следы тех далёких дней остались найденные московскими археологами объедки — кости боровой дичи: рябчиков, глухарей, тетеревов. После весёлых гуляний выкидывались битые стеклянные кубки с полихромной росписью — продукция венецианских мастерских и подражания ей стеклодувов Германии и Чехии (похожий кубок был найден в погребении первой жены Ивана Грозного, царицы Анастасии). Кто-то из царских опричников потерял изящную пороховницу из рога оленя с гравировкой — такие вещи заказывались мас-

терам профессиональными вояками из европейских армий середины XVI века.

Вызов в опричный дворец не радовал современников грозного царя. «...Тот, собираясь пойти к тирану, прощается с женой, детьми, друзьями, как бы не рассчитывая их никогда видеть. Он питает уверенность, что ему придётся погибнуть или от палок, или от секиры, хотя бы он и сознавал, что за ним нет никакой вины. Именно, москвитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга пред тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану всё это любо, и он никогда не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай для гибели людей, хотя бы многим и в голову не приходило о взведённых на них обвинениях», — описывал Шлихтинг тогдашние настроения московской знати. Но и обитателям дворца приходилось несладко — подозрительность постоянно ожидавшего измены царя со временем только росла, а желавших выслужиться путём её искоренения всегда было достаточно: «Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеётся или поморщится, станет весёлым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты заодно с его врагами или замышляешь против него что-либо преступное. Но оправдать своего поступка никто не может: тиран немедленно зовёт убийц, своих опричников, чтобы они взяли такого-то и вслед затем на глазах у владыки либо рассекли на куски, либо отрубили голову, либо утопили, либо бросили на растерзание собакам или медведям»⁸.

Въезжавший на царский двор боярин, тайком крестясь, мог позавидовать суетившимся вокруг холопам, мастеровым и прочему обслуживающему персоналу. Какими бы страшными ни казались дела царя и его подручных, кто-то всегда должен был носить воду, кормить и чистить лошадей, стирать порты и рубахи, печь хлеб и варить щи. Слуги спускались в огромные погреба (глубиной по три с половиной метра). На хозяйственном дворе топились большие надворные печи в форме

усечённого конуса (подобные восточным тандырам, на внутренних стенках которых пекут лаваш); там в котлах с тяжёлыми глиняными крышками готовилась пища для обитателей дворца. Во дворе Московского университета археологи раскопали более десятка таких печей.

Деревянный опричный замок прослужил его хозяевам недолго. 28 июля 1568 года митрополит Филипп Колычёв произнёс в Новодевичьем монастыре приуроченную к массовому крестному ходу речь против опричных злодеяний. Оскорблённый Иван IV в гневе ушёл с богослужения, отправившись на свой опричный двор. Когда он проезжал по Арбату, ему была подана челобитная от верхов посада с просьбой отменить опричину. Челобитье вылилось в волнения горожан, и царь уже не чувствовал себя в безопасности посередине столицы.

Судя по всему, он и раньше стремился заготовить для себя более надёжное убежище, избрав для него Вологду. «Великий государь царь Иван Васильевич повелел заложить град каменной, и его, великого государя, повелением заложен град апреля 28 день, на память святых апостол Иассона и Сосипатра. Нецыи же глаголют, якобы и наречен бысть град во имя святаго апостола Иассона», — сообщал в 1566 году вологодский летописец.

В богатом северном городе начались грандиозные земляные и строительные работы. Прежний административный и духовный центр — архиерейское подворье — было перемещено на полкилометра вниз по реке Вологде. На участке, выбранном для нового кремля, началось строительство каменных стен длиной более трёх километров и высотой от двух до восьми метров; в пояс укреплений входили 23 башни, из которых семь были проездными. Ниже по реке часть города, где находились товарные склады и строились корабли, отделяется от napольной стороны ровом, известным в наше время как река Копанка. В Вологду доставили три сотни пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, а в гарнизоне крепости, кроме дворян, состояло полтысячи стрельцов.

В 1568 году началось строительство величественного собора: «Великий государь царь Иван Васильевич повелел соборную церковь во имя Успения Пресвятыя

Богородицы поставить внутри города у архиерейского дому, и сделаша в 2 года, а колико зделают, то каждого дня покрывали лубьем и другими орудии, и того ради соборная церковь крепка на расселины. Нецьи же глаголют, егда совершена бысть оная церковь, и великий государь вшед видети пространство ея, и будто нечто отторгнуся от свода и пад, повреди государя во главу, и того ради великий государь опечалился и повеле церковь разобрать. Но чрез некоторое время прощением преклонися на милость, обаче многие годы церковь была не освящена»⁹.

Масштабная стройка так и не была завершена — и не только по причине инцидента с куском штукатурки. Опасаясь действительных и мнимых заговоров, Иван IV не чувствовал себя в безопасности даже в возводимой вдали от Москвы крепости. Английский дипломат Джером Горсей видел в Вологде два десятка построенных кораблей — царь готовился к бегству, пытался найти прибежище в Англии и рассчитывал на союз с королевой Елизаветой. Но и этим планам не дано было осуществиться: «Лета 7079 (1571). Майя в 5 день прииде на Русь крымской царь и град Москву пожег, а царь государь Иван Васильевич был тогда на Вологде и помышляше в Поморские страны, и того ради строены лодьи и другия суды многия к путному шествию; и тогда были вологжанам великия налоги от строения града и судов. Того ж году грех ради наших бысть посещением Божиим на Вологде мор велики, и того ради великий государь изволил итти в царствующий град Москву, и тогда Вологды града строение преста и доньне закосне». Наполовину каменный, наполовину деревянный вологодский кремль, в два раза превосходивший по площади московский, простоял ещё столетие, пока не был окончательно разобран; сейчас от него остались только следы древних ровов.

В том же 1571 году погиб и московский опричный дворец. 24 мая прорвавшийся к Москве крымский хан Девлет-Гирей зажёл городские предместья. Тихая и безветренная погода внезапно сменилась настоящей бурей. Резкие порывы ветра погнали огонь с посадов в сторону Кремля. Напрасно звонили колокола опрично-

го двора; скоро они рухнули и все строения царской резиденции были охвачены огнём. За три часа город выгорел полностью; тысячи человеческих и лошадиных трупов лежали на улицах и пепелищах домов, подвалы были забиты задохнувшимися, у Крымского брода образовалась запруда из тел. После пожара ни в одной части города внутри городских стен не осталось ни кошек, ни собак. Даже в Кремле выгорели деревянные постройки, а крепостные стены были частично разрушены взрывами пороховых погребов. Татары, испугавшись пожара, не пытались проникнуть в город. На следующий день, пограбив окрестные монастыри и слободы и согнав людской «полон», они двинулись в обратный путь.

Видимо, как раз перед этим бедствием кто-то из небогатых царских слуг закопал рядом с дворцом восемь с лишним сотен копеек. Клад, найденный в 1993 году на нынешней Большой Никитской улице у дома 9, удивил учёных тем, что большинство монет были не столичной, а новгородской чеканки. Очень может быть, что хозяин денег раздобыл их при знаменитом опричном разгроме Новгорода зимой 1570 года. Тогда верные слуги государя неплохо поживились. «Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было», — писал А. Шлихтинг. Только у одного богатого новгородца, «главного секретаря Новгорода» Федора Сыркова, Иван Грозный пытками выбил «12 тысяч серебряной монеты».

Но владелец клада, судя по количеству монет, особым достатком не отличался — спрятанная им сумма равнялась размеру годового жалованья рядового дворянина. Но и эти средства ему впрок не пошли, раз он не смог вернуться за деньгами; скорее всего, служилый погиб при пожаре. Однако он мог лишиться головы и раньше: в 1570 году после возвращения опричников из похода расследование новгородского «изменного дела» привело к казням среди их руководства, а в следующем году царь устроил экзекуцию остававшимся в Москве опричникам, не сумевшим в его отсутствие защитить город. Так что неизвестный человек, сделавший захоронку на Большой Никитс-

кой, мог сгнуться в одном из очередных «переборов людишек»¹⁰.

Пожар уничтожил все постройки на территории опричного двора. Но всё же он был восстановлен и сохранялся, как и вся окрестная планировка, по крайней мере до 1582 года. 30 октября 1575 года Иван Грозный, назвавший себя «князем Иванцом Московским», посадил на престол крещёного татарского царевича Симеона Бекбулатовича, а сам поселился «за Неглиною... на Орбите против Каменного мосту старого»; в ноябре того же года он принимал здесь английского посланника Даниила Сильвестра. Но с возвращением в Москву в 1582 году Кремль снова стал главной резиденцией царя, а после его смерти и ликвидации особого «двора» бывший опричный дворец был окончательно заброшен. На плане города конца XVI века, известном как «Петров чертёж», этого комплекса строений нет; сооружение, сравнимое в Москве только с Кремлём, исчезло бесследно. Однако уже задолго до того дворец потерял прежнее значение главной царской резиденции. Государь предпочёл ему более изолированную Александровскую слободу.

Замок в слободе

Волость Великая слобода упоминается впервые в 1339 году в завещании московского великого князя Ивана Калиты. Судя по всему, именно при нём эти окраинные московские земли стали интенсивно заселяться. Землевладельцы из числа московских бояр (Иван Кобыла, Фёдор Бяконт и др.) призывали на новые не слишком плодородные, но спокойные места людей из других земель и княжеств и давали «новоприходцам» различные льготы. Центром новой волости стало село Слобода (нынешняя Старая слобода), которое впоследствии, скорее всего по имени одного из владельцев, стало называться Александровской слободой. Рядом с ним великий князь Василий III (1505—1533) купил для охотничьей «прохлады» маленькую деревню Кушниково и переименовал её в Новое село Александровское. Оно и стало царской Александровской слободой, одна-

ко могло бы так и остаться одним из охотничьих уголков, если бы великий князь не задумал основать здесь свою загородную резиденцию.

Её строительство началось вскоре после возведения в 1508 году Большого Кремлёвского дворца в Москве. Государев двор с огромной церковью был заложен в следующем году, а ещё через четыре года вернувшийся с царского новоселья игумен соседнего Троице-Сергиева монастыря Памва Мошнин сделал на полях богослужебного сборника запись: «...в лето 7022 (1513) священа была декабря 11 церковь Покрова... в Новом селе Александровском, тогда ж великий князь и во двор вшел»¹¹.

Сын «собирателя» и главного создателя Московской державы Ивана III продолжил дело отца: присоединил к своим владениям Псков и Рязань, занимался строительством и украшением столицы. Но именно он решил создать настоящую царскую резиденцию за пределами Москвы, не уступавшую по значимости её Кремлю. С этой целью и стал сооружаться единый архитектурный ансамбль слободы, расположенной на крутом берегу речки Серой, на середине пути между Троицким монастырём и Переславлем-Залесским. Его остатки — три храма и колокольня — сейчас заключены в стены провинциального Успенского девичьего монастыря в подмосковном городе Александрове. Почему-то ни в одном из летописных сводов первых десятилетий XVI века нет упоминаний о возведении под Москвой загородной великокняжеской резиденции. Но Василий III не раз бывал в своей новопостроенной слободе (в 1528, 1529, 1533 годах) на охоте, а его сын в годы опричнины сделал её основным местом своего обитания. Но после бурных лет Смуты правители из новой династии слободу не жаловали, а произведённые за столетия переделки разрушили облик государева двора и привели к необратимым утратам.

В Смуту сгорели деревянные хоромы дворца. Составленные после разорения писцовые книги отмечали «осыпи» — разрушенные крепостные стены. Затем в конце XVII века власти Успенского монастыря, получившие в своё распоряжение бывший царский замок, стали приспособлять его территорию под собствен-

ные нужды. В результате каменные палаты дворца были разобраны; от него остались лишь две кордегардии (караульные помещения) с парадной лестницей между ними, колоннада вокруг соборной церкви, три тёплых подклета на погребках под одним из храмов и каменные холодные погреба с холодными подклетами под другим. О размахе слободского строительства, завершившегося в 1513 году, свидетельствуют выдающиеся размеры резиденции и роскошь её отделки. На значимость осуществленного в слободе замысла указывает также постройка посреди государева двора, напротив собора, столпообразной подколоколенной капеллы со звонницей для отпевания умерших дворян и слуг¹².

Только в 1914 году стали широко известны гравюры-иллюстрации из книги побывавшего в Александровской слободе в 1578 году датского посла Якоба Ульфельдта, которые впервые (хотя отнюдь не точно) показали, как выглядел дворцовый ансамбль при Иване Грозном. Начиная с 1970 года на территории Успенского монастыря не раз проводились археологические раскопки, которые принесли дополнительные данные о дворцовой застройке. Много лет назад один из авторов этой книги зелёным студентом оказался их участником и до сих пор помнит, как нелегко было пробиваться к фундаментам дворца Василия III сквозь сплошной слой битого кирпича. Руководивший тогда экспедицией почтенный академик Б. А. Рыбаков поверил было одному из «мастеров» биолокации, якобы обнаружившему загадочные подземные пустоты и стены, но раскоп оказался пустым; это, впрочем, несколько не смутило умельца — он порекомендовал искать метров на двадцать глубже. До сих пор слобода неудержимо привлекает многочисленных любителей древностей, убеждённых в том, что именно в её подземельях находится загадочная библиотека Ивана Грозного.

Многолетние усилия археологов, историков, искусствоведов и музейных работников к настоящему времени дали возможность более или менее точно представить небывалый дотоле на Руси комплекс зданий загородного царского дворца XVI столетия. Государев двор в слободе ещё не очень похож на парадные резиде-

денции монархов эпохи Возрождения — это, прежде всего, укрепленный замок, стоявший на небольшом холме над рекой Серой. Его стены охватывали большее пространство, чем то, которое заключено сейчас в монастырской ограде XVII века. Если выйти за ворота и пойти налево, то на пустыре за башней можно увидеть остатки вала времён Ивана Грозного. Генрих Штаден указывал, что крепостные стены «построены из врезанных одно в другое брёвен и полностью засыпаны землёй; снаружи вокруг деревянного укрепления от земли до защитных ходов выложена стена толщиной в один кирпич». Так оно и было — в ходе раскопок были найдены рубленые клетки размером 2×2 метра, заполненные землёй и камнями, образывавшие каркас стены. С наружной стороны стены шла кладка из кирпича, затёртого известковым раствором; въезжавшему путнику она казалась мощной белокаменной твердыней¹³. Датский посол Ульфельдт заметил, что под стеной «вокруг замка есть маленький ров глубиной в пять локтей, и никакой воды; и тот же ров, наполовину широкий, у основания в два раза уже, чем наверху, и внизу у дна пять локтей в ширину, и обложен тесаными камнями».

До нашего времени дошли три дворцовые церкви на погребках и подклетах, пять смежных с ними малых палат, церковь «под колоколы» и часть окружавших государев двор крепостных валов. В центре крепости и поныне возвышается главный дворцовый Покровский (ныне Троицкий) собор. Выстроенный из белого камня и большемерного кирпича и освященный в 1513 году при основании слободы храм являлся третьим по величине зданием тогдашнего Московского государства после Успенского и Архангельского соборов Кремля. Белокаменная отделка храма — орнаментальные пояса, киот, резные капители — делала его нарядным, богатым и особенно торжественным. Внутреннее пространство собора — его стены, своды, столпы — расписано фресками на богородичные сюжеты. Покровский собор располагался «на сенях», в преддверии дворца, о чём говорят его частично сохранившиеся западные «пропилеи» между двумя палатами. Играя в слободе роль открытой для общественных богослужений соборной церкви,

Покровский собор имел, однако, и свою, связанную с дворцовым обиходом, внутреннюю часть — спрятанный внутри алтаря Никольский придел.

Этот храм сохранил наследие опричнины. В его южном портале находятся Васильевские врата, созданные в 1335—1336 годах новгородскими мастерами для главной святыни боярской республики — Софийского собора — по заказу архиепископа Василия Калики. Медные пластины врат украшает роспись золотом. Среди традиционных сюжетов из Ветхого и Нового Завета на правой створке врат изображён кентавр (по-древнерусски китоврас), забрасывающий мудрого царя Соломона на край света. Смысл этой сцены был близок средневековым новгородцам и означал их победу в борьбе с княжескими притязаниями на власть в Новгороде. Кроме того, китоврас считался мудрейшим существом, покровителем зодчих, знающим секреты обработки камня. Но судьба «господина Великого Новгорода» была решена ещё Иваном III, а его внук счёл необходимым окончательно уничтожить не только новгородских «изменников», но и память о их былой вольности. Во время опричного погрома Новгорода в 1570 году Васильевские врата были демонстративно сняты со стен Софийского собора и увезены в Александровскую слободу*. Там они находятся и сейчас, украшая главный собор царской резиденции. В начале XX века члены Новгородского общества любителей древности просили возвратить врата на историческую родину, но получили отказ.

Шатровый, на погребках и подклетах, Троицкий (Покровский) храм, некогда бывший домовою церковью грозного царя Ивана, дошел до нас в сильно перестроенном виде: в 1680 году из него сделали большую монастырскую трапезную. Но после расчистки и реставрации в 1960-х годах исследователи пришли к выводу, что он представляет собой древнейший из известных

* Царь Иван шёл по стопам своего отца. Установленные в западном портале того же собора Тверские врата происходят на самом деле не из Твери. Когда-то они тоже стояли в Новгородской Софии, а в XIV веке украсили собой главный, Троицкий, собор Пскова. В 1510 году, после ликвидации Василием III независимости этой северной республики, почётный трофей был отвезён в слободу. *(Здесь и далее, кроме оговорённых случаев, примечания авторов.)*

подобных храмов с хорошо сохранившейся росписью шатра. Находящиеся под ним белокаменные подклеты со сводами великолепно отделаны; эти внутренние дворцовые помещения, скорее всего, предназначались для хранения государственной казны — «рухлядной», постельной, оружейной. Кроме «погребов» при храме (до его реконструкции в 1680 году), как и при домовом кремлёвском Благовещенском соборе, существовала встроенная в алтари казённая палата для хранения походной казны государя.

Покровский, Троицкий соборы, изящная церковь «иже под колоколы» Алексея митрополита и Успенская церковь и были возведены в одно время. Небольшая по объёму Успенская церковь также получила в XVII—XIX веках пристройки (трапезные, звонницы), но в XVI столетии она служила домовою церковью для женской части царской семьи. Говорят, что от храма под землёй шла «государева труба», то есть подземный ход, по которому можно было в случае опасности бежать из дворца.

Во время опричнины началась перестройка дворцового ансамбля: были возведены парадное крыльцо к комплексу зданий близ Троицкой церкви и примыкавшая к ним палата с погребом и подклетом. Одни исследователи считают её парадным залом, другие полагают, что это был специально заказанный царём Иваном притвор, где проходили трапезы государя и его верных слуг, сопровождавшиеся чтением Священного Писания. Ведь именно в слободе, как считается, царь и его опричники подражали монастырской братии.

Построенная при Василии III подколокольная церковь Алексея митрополита была заключена внутри 56-метровой Распятской церкви-колокольни, которая является уникальным памятником шатрового зодчества. Венчающий сооружение лёгкий по пропорциям, устремлённый ввысь шатёр завершил создание нового архитектурного образа торжественного и парадного храма-памятника, который мог одновременно служить дозорной башней.

Якоб Ульфельдт на своём рисунке, иллюстрирующем приём посольства в слободе, изобразил ныне утраченную арочную столпообразную звонницу в виде двух ба-

шен-церквей, и потому несколько поколений исследователей тщетно искали в земле остатки второй башни. На том же рисунке из сочинения датского посла видны три отдельно стоящих каменных дворца. Однако проводимые в слободе исследования показывают, что знаменитый рисунок представляет собой не зарисовку с натуры, а, скорее, схематичный чертёж царской резиденции, где главным является изображение движения посольства между рядами придворных и опричников. Археологическими раскопками на территории государева двора вскрыты фундаменты многочисленных палатных построек, следы каменных столбов и других конструкций времён Василия III и Ивана IV. Эти открытия позволяют полагать, что дворцы государя, царицы и царевича некогда представляли единый комплекс и соединялись между собой каменными и деревянными галереями и дополнительными зданиями, остатки которых были недавно обнаружены¹⁴.

Глазам прибывавших в резиденцию гостей открывалась красочная картина дворцового ансамбля. Кладка всех храмов, сочетавшая белый камень и красный кирпич, не оштукатуривалась и не белилась; белым левкасом подкрашивались только некоторые кирпичные элементы декора. Но крыши дворцов Ивана Грозного были покрыты чёрной как вороново крыло лощёной черепицей, осколки которой постоянно находят в слободе. Такая черепица больше нигде не применялась — только здесь да ещё в московском опричном дворце. Чёрный цвет был любимым у опричников — не случайно они разъезжали на вороных конях и в чёрных одеждах, и обличавший царя Ивана князь Андрей Курбский называл их «кромешниками» («опричь» значит «кроме»).

Хозяева и гости слободы

Опричное воинство, администрация и придворные были главными жителями слободы. Резиденция тщательно охранялась — стрельцы днём и ночью дежурили на стенах и у ворот. Охрана стояла не только в крепости, но и на дальних подступах к ней: «В трёх верстах к

югу по Московской дороге была застава, называвшаяся Каринская, так что никто из бывших у великого князя в слободе не мог выехать и никто не мог проникнуть внутрь без «памяти», то есть памятной записки для удостоверения». Немец Генрих Штаден рассказывал, что туда подъезжали «неверные слуги», желавшие донести на своих хозяев, и говорили: «У меня есть дела господарские», — после чего холопа доставляли в слободу, «и всё, что он рассказывал о своём господине, тому давалась вера»¹⁵. Иностранных послов в самой крепости вроде бы не размещали — они, скорее всего, располагались под охраной на посаде.

В слободе, ставшей фактической столицей Московского государства, кипела жизнь. Как свидетельствует отрывок из более поздней летописи, государь «повеле бояром, чтобы вскоре построили град и дворец государю и себе бы дома устроили и приказные избы и судебные столы по чинам и розрядные и губные и всему чину приказному и караулным стрелцам и заплечным мастерам. Потом привезоша из Москвы столы и скамьи и потом сами судьи. И изволил сам государь смотреть и расправлял немилостиво, так яро, и сказать невозможно».

В новой крепости расположились опричные приказы: Разрядный, ведавший опричным войском; Розыскной, призванный карать изменников; Разбойный, руководивший органами местной власти — губными старостами на территории опричных владений¹⁶. Отсюда, «ис опричнины», рассылались царские жалованные грамоты; по ним получали вотчины (как в опричных, так и в земских владениях) пользовавшиеся благоволением государя монашеские обители: попавший в опричнину московский Симонов монастырь, Успенская Шаровкина пустынь под Козельском, Кирилло-Белозерский монастырь.

Перевод в Александровскую слободу государственного аппарата и опричного войска сопровождался массовым деревянным строительством: зданий приказов, казарм, хозяйственных построек и хором. Здесь же должны были находиться дворцовые слуги, подьячие, мастера-строители, а также живописцы (два дворцо-

вых храма, Покровский и Троицкий, были расписаны в 60—70-х годах XVI века).

Слобода, фактически выполнявшая столичные функции, на какое-то время превратилась в крупный культурный центр. В ней нашлось место не только для царской казны, но и для летописей: помета в описи царского архива XVI века свидетельствует, что в августе 1568 года «летописец и тетради посланы ко государю в слободу». Писцы продолжили работу над летописью, которая оборвалась в связи со смертью ведавшего летописанием А. Ф. Адашева в 1560 году. Здесь в конце 1560 — 1570-х годах переписывался и иллюстрировался монументальный Лицевой летописный свод — огромная компиляция, рассказывающая о всемирной истории с библейских времен до Ивана Грозного. Рядом с царскими палатами работала типография, организованная Андроником Тимофеевым Невежей; из её изданий известны Псалтырь (1577) и Часовники (около 1577 и 1580 годов).

Самому Ивану приписывается сочинение, под псевдонимом Парфения Уродивого, канона «грозному воеводе» — архангелу Михаилу. По всей видимости, написан он был уже в самом конце царствования: в его словах читаются и страх перед явлением грозного ангела, и надежда на спасение своей грешной души: «Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с тобою путешествовати. Страшный и грозный ангеле, не устраши мене мало-мощнаго. Дай ми, ангеле, смиренное свое пришествие и красное хождение, и велми ся тебе возрадую. Напой мя, ангеле, чашею спасения. Святыи ангеле, да мя напоиши чашею спасения, и весело теку во след твоему хождению и молюся — не остави мене сира».

Но всё это было позже, а в разгар опричнины царь, скорее всего, был уверен в своей правоте и больше думал не о загробном воздаянии, а об устройстве земной жизни в новой резиденции. Троицкий и Успенский храмы были окружены дворцовыми постройками — деревянными хоромами и каменными палатами. Вокруг Успенской церкви часть каменных папертей сохранилась до наших дней, другая выявлена исследованиями. Эти паперти окружали храм со всех сторон. Западная,

южная и частично северная паперти были сводчатые, восточная и северо-восточная представляли собой открытое каменное гульбище; оно имело продолжение на север, к предполагаемому центру дворца, где располагались столовый и тронный залы и парадные покои. Реставраторы и работники музея смогли восстановить несколько связанных с храмом царских палат и созданный во времена опричнины резной портал храма. Нынешние посетители музея могут ощутить себя гостями царского дворца, представить, как государь принимал послов, как отходил ко сну в опочивальне или трапезничал с опричниками.

Одно такое мероприятие описал всё тот же посол Ульфельдт: «На этот пир были приглашены довольно многие из них (бояр. — *И. К., А. Б.*), <но> они сидели за другими столами, мы же находились недалеко от царя по левую руку. Князь (Иван Грозный. — *И. К., А. Б.*), пока ещё не было подано кушанье, пил вино с пряностями, затем слуги, приносившие кушанье, по <существующему> порядку подали все тарелки ему, <и> среди бояр он распределил их таким образом: первое блюдо он послал своему главному военачальнику князю Ивану Фёдоровичу Мстиславскому, который принял его как величайшую честь, — в это время все бояре встали, — второе своему шурину Никите Романовичу, который принял его с таким же почтением, третьим удостоил меня, следующими — Грегерса, Арнольда и всех остальных <наших> людей дворянского звания; в то же самое время некоторые <блюда> были поданы и его боярам».

Выдержать парадное московское застолье было нелегко: «А так как число блюд было бесконечным, то и вставаниям не было конца, ведь сколько раз подавали <блюда>, столько же раз нам нужно было подниматься, а было их 65, и среди них (бояр. — *И. К., А. Б.*) не было недостатка в тех, кто придирчиво следил за нами, требуя, чтобы мы оказывали честь <их> царю. Спустя какое-то время князь послал мне кубок, наполненный мёдом, так же как и второй с мёдом другого сорта, после этого он приказал подать ему золотую чашу, в которую велел налить мальвазию. Пригубив её, он затем послал её мне. Взяв и отведав <вино>, я протянул его

Грегерсу, тот — Арнольду, этот последний — Поулю Верникену, он же — Юхану Вестерманну и так далее, дабы все они насладились его щедростью и великодушием, и это (как они считают) было знаком милости, <ведь> из других <чаш> он не отведал даже малой капли. Сделав это, он обратился ко мне через переводчику, говоря, что ему хорошо известно, что мы проделали долгий путь не только по суше, но и по морю, перенесли огромные трудности и, если нам нужно что-нибудь необходимое для поддержания жизни, это нам будет предоставлено... Это было единственное, о чём он говорил со мной и другими во время обеда. Все столы были настолько тесно заставлены серебряными кубками и блюдами, что совсем не оставалось свободного места, но блюдо ставилось на блюдо, чаша на чашу, одновременно нам подавалось много различных яств, так же как и разные виды мёда. Царь и его сын пользовались ножами длиной в половину локтя, но чашей и ложкой — деревянными. Как тошнотворно и с какой неучтивостью поведения они ели, знают все, кто присутствовал на его пиру, и никогда в жизни я не видел никого, кто занимал бы такое высокое положение и должность и кто принимал бы пищу более неопрятно, чем этот могущественный государь.

По окончании обеда переводчик приказал нам подняться, и, когда это было сделано, царь подозвал нас к себе и каждому дал по серебряному кубку, наполненному мёдом красного цвета. Каждый из нас один за другим в соответствии со своим рангом брал <кубок> из его рук; осушив их, мы удалились и отправились к домам, предназначенным для <нашего> пребывания»¹⁷.

Так же государь «потчивал» в Слободском дворце не только датчан, но и представителей других европейских стран, а в декабре 1570 года — крымских татар.

Из укреплённой слободы Иван Грозный выезжал только под надёжной охраной и в окружении опричников. Члены опричного корпуса, как правило, присутствовали при царской персоне не в полном составе — кто-то должен был находиться в Вологде и в московском дворце, кто-то — в полках и в различных посылках. Но иногда царь объявлял общий сбор. Таубе и Крузе писали, что

зимой 1569 года Иван вызвал к себе в Александровскую слободу всех опричников и сообщил им, «будто бы город Новгород и все епископы, монастыри и население решили предаться его королевскому величеству королю Польскому». Из слободы опричное воинство отправилось в печально известный поход на Новгород и в неё же вернулось после завершения неслыханно жестокой карательной акции. Отсюда же Иван Грозный 16 мая 1571 года выступил с войском «на берег» к Серпухову против войск Девлет-Гирея. Однако крымцы обошли линию обороны, а многие опричники в критический момент не явились на государеву службу; царь «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел», и, не заезжая в Москву, поехал к Ярославлю; весть о разорении Москвы застала его в Ростове.

В Александровской слободе царь отсиживался, пока в стране бушевала эпидемия, — в это время он не принимал даже посольства, их не пускали ни в слободу, ни в Москву. В 1568 году «в Москве было тогда лихое поветрие» (эпидемия чумы или пришедшего из Европы сыпного тифа); в Новгороде «много людей помроша, а которые люди побегоша из града, и тех людей, беглецов, имаша и жгоша»; «Бысть мор... и в селех, а мерли прищем да железюю. А на Устюзе на посаде померло, скажут, 12 000, опроче прихожих»¹⁸.

К мору добавился голод: «...приде на Казанские да на Свияжские да на Чебаксарские места мышь малая с лесов, что тучами великими, и поядоша на поле хлеб всякой и не оставиша ни единого колоса; да и не токмо по полем хлеб поядоша, но и в житницах и в закромах». Весной 1569 года в стране «недород был великой хлебного плоду: рожь обратилась травую мялицею и бысть глад велий по всей вселенней». В следующем 1569/70 году* «мор был силен по всей Русской земли», а голод сказывался даже в столице: «Бысть глад на Москве... люди людей ели. А ржи четверть** купили на Москве в то время по 12 рублей»¹⁹. К

* С конца XV до конца XVII столетия год на Руси начинался с 1 сентября. (Прим. ред.)

** Четверть — здесь: русская единица измерения объёма сыпучих тел. В XVI веке четверть ржи составляла четыре пуда (65,52 килограмма) зерна или 3,5 пуда муки (57,33 килограмма). (Прим. ред.)

зиме «была меженина* велика добре на Москве, и в Твери, и на Волоце, ржи четверть купили по полутора рубля и по штидесяти алтын. И людей много мерло з голоду». Если учесть, что обычная стоимость ржи была 30—40 денег, то цены выросли в семь-восемь раз.

Но следующим год стал ещё более тяжким: на страну почти одновременно обрушились эпидемия сыпного тифа, голод и нашествие орды крымского хана Девлет-Гирея. Летописец сообщает, что с июля по декабрь в Волоколамском монастыре «миряня, слугы и дети, и мастера все вымерли, и села все пусты, отчасти ся что остало». Власти богатого суздальского Покровского монастыря жаловались, что к декабрю 1571 года в их вотчинах монастырские люди и крестьяне «вымерли во всех деревнях». «Мор велик» в Вологде в конце концов заставил царя покинуть эту несостоявшуюся опричную резиденцию.

Иван IV принимал срочные меры по борьбе с эпидемиями. В сентябре 1571 года в опричную Кострому были посланы князь Михаил Гвоздев, Дмитрий и Данила Салтыковы на «заставу». Такие же заставы размещались в Унже и Галиче, где командовал брат Михаила и тоже опричник князь Осип Гвоздев. Царские посланцы должны были сообщать в Москву о том, сколько умерло народу и «какою болезнею умерли». Промедления в отправке сведений вызывали строгие окрики — сам Иван Грозный писал М. Гвоздеву: «Ты для которово нашего дела послан, а то забываешь, большая бражничаешь, и ты то воруеть!» Царь велел: «...поветренные места... крепить засеками и сторожами частыми» и смотреть, «чтобы из поветренных мест в неповетренные места не ездили никто, никаков человек, никоторыми делы. Чтобы вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти... А будет в вашем небрежении и рознюю ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия, и вам быть от нас самим сожженными»²⁰.

* Согласно словарю В. И. Даля, одно из значений слова «меженина» — засуха. Другие словари толкуют его как недостаток чего-либо, чаще всего хлеба. Возможно, его происхождение связано с тем, что в засушливые годы, когда был недород хлеба, приходилось употреблять в пищу что попало, «перемезать» еду. (*Прим. ред.*)

Обитательницы слободы

Слободу «поветрие» не затронуло. Но и здесь не было царю покоя — ни в «государских» делах, ни в личных. Стены слободских храмов видели жён грозного царя. Здесь бывала дочь кабардинского князя Кученей, в крещении Мария Темрюковна, чей брат долго являлся одним из первых лиц в опричнине. Мы не знаем, какой царицей была вторая жена Ивана, хотя иные историки отчего-то считают её жестокой, алчной, распутной и коварной: «Она с наслаждением наблюдала за медвежьими потехами, с горящими глазами смотрела на то, как ломали на колесе руки и ноги одним казнённым, как других сажали на кол, а третьих заживо варили в кипятке»²¹. Но у кавказской красавицы не было детей (единственный сын, царевич Василий Иванович, умер в двухмесячном возрасте в 1563 году), и царь начал охладеть к ней.

При живой жене он стал вести переговоры с полубезумным шведским королём Эриком XIV, желая получить в супруги его невестку Екатерину — жену его брата герцога Юхана, младшую сестру польского и литовского государя Сигизмунда II. Эрик согласился, и царь в 1567 году уже отправил за невестой боярина И. М. Воронцова с посольством. Однако дворцовый переворот в Швеции в сентябре 1568 года возвёл Юхана на престол и помешал этому плану осуществиться. Что в противном случае царь сделал бы с Марией, остается только гадать. Но и без того он вёл в слободе странную полумонашескую жизнь. К тому же, по воспоминаниям некоторых иноземцев, Иван Васильевич «начал склоняться» содомскому греху со своим любимцем Фёдором Басмановым. Весной 1569 года царь выехал с женой на богомолье по северным монастырям — в Троицу, Переславль-Залесский и далее через святыни Ростова и Ярославля в Кирилло-Белозерский монастырь. Возвращалась Мария уже больная, оставленная мужем на попечение опричников. Царицу с трудом довели до Александровской слободы, где 6 сентября 1569 года она умерла.

Государыню отпели в соборе слободы и на траурной повозке доставили в Москву, в кремлёвский Вознесенс-

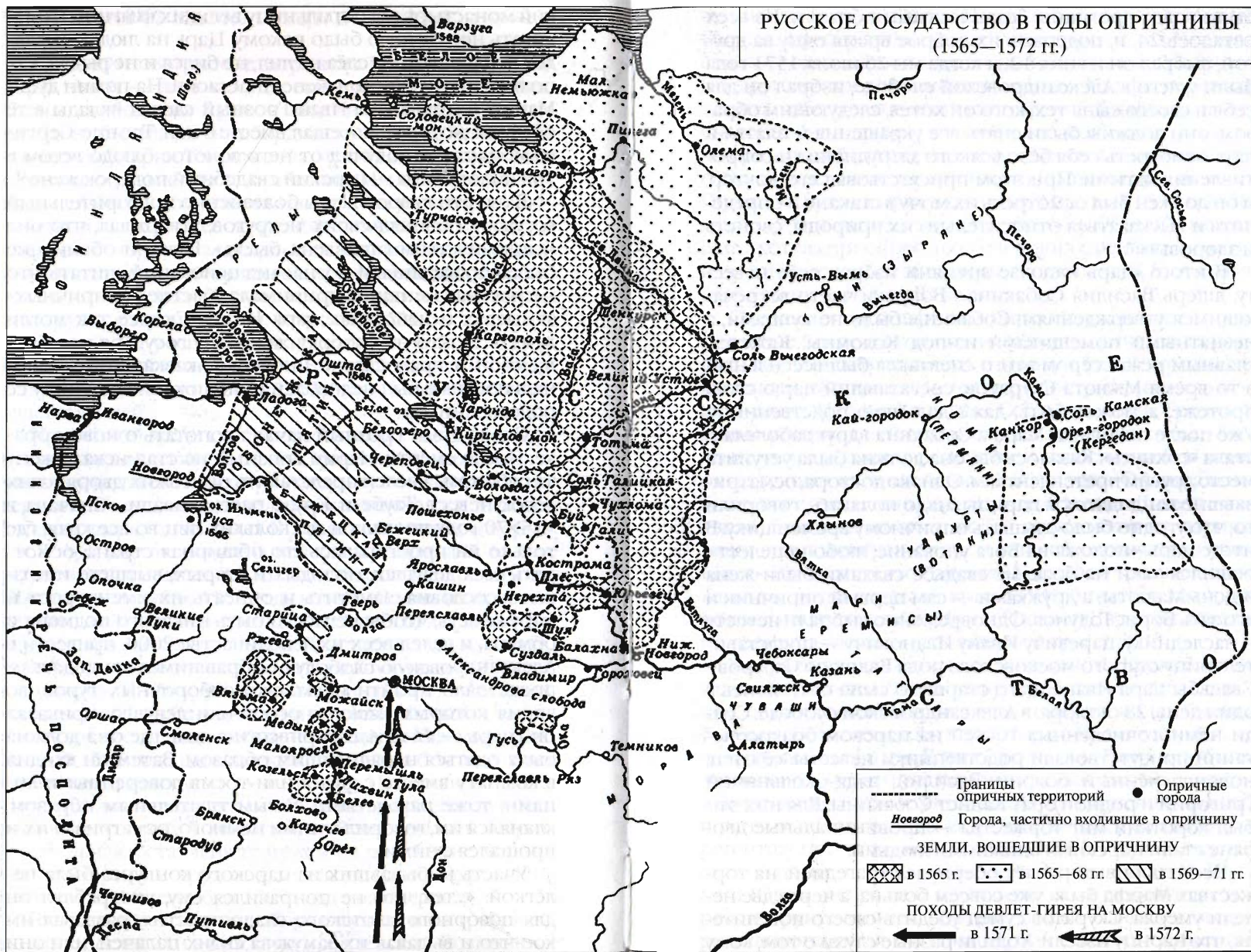
кий монастырь — усыпальницу великих княгинь. Оплакивать несчастную было некому. Царь на людях выглядел печальным, но слёз не лил, не бился и не рыдал, как по первой и любимой жене Анастасии. На помин души Марии Темрюковны Иван Грозный сделал вклады в те обители, которые посещал вместе с ней. Троице-Сергиев монастырь получил от него золотое блюдо весом в три килограмма — царский свадебный подарок жене²².

В смерти второй жены болезненно подозрительный государь обвинял своих недругов, утверждая, что она «злокозньством отравлена бысть». Едва ли обвинение было справедливым — у нас нет оснований считать, что несчастная женщина принимала участие в «опричных» замыслах и действиях царя Ивана. Скорее так могли думать те, кто не одобрял женитьбу государя на обращённой в православие иноверке «кавказской национальности» и был недоволен приближением к трону её родственников.

Скоро Иван Грозный начал хлопотать о новом браке. После смерти Марии Грозный не стал искать жену за рубежом, а велел представить пригожих дворянских девок-невест. Таубе и Крузе рассказывали: «Сначала в <15>70 году послал он нескольких лиц во все края, где только ни простиралась его обширная страна, осмотреть всех девушек, молодых и старых, высшего и низшего сословия, заметить и описать их имена, рост и наружность, чтобы не могло быть никакого подмена и обмана, и велел всех их, в количестве 2000, привести в Александровскую слободу». Собравшимся кандидаткам предстояло пройти несколько отборочных туров, во время которых «каждую особу или девушку приказал он (царь. — *И. К., А. Б.*) привести в дом, где она должна была одеться наряднейшим образом. Затем он входил в комнату вместе с двумя или тремя доверенными лицами, тоже разодетыми самым тщательным образом, кланялся им, говорил с ними немного, осматривал их и прощался с ними».

Участь выбывавших из царского конкурса была нелёгкой: «...тех, кто не понравился ему, употреблял он для позорного плотского сладострастия, раздавал им кое-что и выдавал их замуж за своих палачей, или они

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ
(1565—1572 гг.)

----- Границы опричных территорий ● Опричные города

Новгород Города, частично входившие в опричнину

ЗЕМЛИ, ВОШЕДШИЕ В ОПРИЧНИНУ

▨ в 1565 г. ●●● в 1565—68 гг. ▨ в 1569—71 гг.

ПОХОДЫ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ НА МОСКВУ

← в 1571 г. ← в 1572 г.

были вовсе прогнаны безжалостным образом. Из всех осталось 24, и, подержав их доброе время одну за другой, выбрал он из них 12, и когда мы 26 июня 1571 года были у него в Александровской слободе, избрал он для себя и своего сына тех, кого он хотел, следующим образом: они должны были снять все украшения и платья и дать осмотреть себя безо всякого затруднения и сопротивления нагими. При этом присутствовал его доктор, и он должен был осмотреть их мочу в стакане и определить и высказаться относительно их природы, свойств и здоровья»²³.

В итоге «царь надолге времени избрал себе невесту, дочь Василия Собакина». Вопреки часто встречающимся утверждениям, Собакины были не купцами, а незнатными помещиками из-под Коломны. Кажется, главным режиссёром этого спектакля был всесильный в то время Малюта Скуратов, сосватавший царю свою протезе, а может быть, даже дальнюю родственницу. Уже после помолвки Марфа Собакина вдруг заболела и стала «сохнуть». Казалось бы, она должна была уступить место другим претенденткам. Однако доктора, осматривавшие кандидаток в царицы, надо полагать, говорили то, что угодно было слышать опричному временщику. В итоге царь, «положа на Бога упование, любо исцелее», решился-таки на брак; на свадьбе свахами были жена и дочь Малюты, а дружками — сам первый опричник и его зять Борис Годунов. Одновременно выбрали невесту и наследнику, царевичу Ивану Ивановичу — представительницу старого московского рода Евдокию Сабурову. Свадьбы царя Ивана и его старшего сына состоялись в один день, 28 октября, в Александровской слободе. Среди немногочисленных гостей на царском бракосочетании присутствовали родственники невесты: её отец, новоиспечённый боярин Василий, дядя-окольничий Григорий и родной брат Калист Собакины. Для них это был короткий миг торжества — провинциальные дворяне стали царскими ближними людьми.

Честолюбивый расчёт обернулся трагедией: на торжествах Марфа была уже совсем больна, а через две недели умерла. Скуратов сумел убедить своего повелителя, что царицу извели. Ходили разные слухи о том, кому

это могло быть выгодно. По одной из версий, Марфу Васильевну отравили то ли Романовы, то ли Черкасские — родня первой или второй жён Ивана Грозного. По другому предположению, «зелье» Марфе передала её мать, заботясь о «чадородии» будущей царицы, и это снадобье (или другое, которым его подменили) и стало причиной болезни царской невесты. Об этом что-то слышал посланец австрийского императора Даниил Принц из Бухова, приехавший в Москву в 1572 и 1578 годах: «Этим питьём она (Марфа. — *И. К., А. Б.*), может быть, хотела приобрести себе плодородие; за это и мать, и придворного (брата царицы, Калиста. — *И. К., А. Б.*) он (царь Иван. — *И. К., А. Б.*) казнил».

Смерть молодой царицы принесла крушение её роду. Недавние бояре и окольные навсегда исчезли из рядов — списков служебных назначений. Упомянув в послании в Кириллов монастырь постриженного в монахи дядю Марфы Варлаама Собакина, Иван Грозный прямо утверждал: «Варлаамовы племянники хотели было меня и с детьми чародейством извести, но Бог меня от них укрыл: их злодейство объявилось...» Официально было провозглашено, что царицу извели: «Дьявол воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу нашу, еще в девицах сущу... и тако ей отраву злую учиниша». Возможно, этот слух стал основой трогательной легенды: когда открыли крышку гробницы, в которой покоилась третья жена Ивана Грозного, в гробу лежала не тронутая тлением дева писаной красоты...

У царя были основания для подозрений. Кремлёвским женам порой «помогали» умирать. Недавнее исследование останков великих княгинь и цариц из гробницы бывшего Вознесенского монастыря в Кремле привело к выводу, что мать царя, Елена Васильевна Глинская, была отравлена — на это указал химический анализ ее костных останков и волос. Об отравлении Глинской, правда, и раньше догадывались. Её, родом литовскую княжну и регентшу при малолетнем сыне Иване, старая московская знать не любила и подозревала, что сыновей Ивана и Юрия она родила не от мужа, а от любовника; но реконструированный портрет Софьи Палеолог, матери великого князя Василия III, не оставляет сомнений

в том, что Иван Грозный — её родной внук. Можно теперь утверждать, что и первая, горячо любимая жена Ивана Грозного Анастасия Романовна Захарьина, ушла из жизни в 27 лет не от частых родов (она произвела на свет шестерых детей), как считали многие историки, а от солей ртути.

Однако у нас сейчас нет оснований приписывать смерть Марфы Собакиной чьему-то злому умыслу — исследование не показало наличия в её останках следов яда, а умереть от какой-либо инфекции в XVI веке было гораздо легче, чем сейчас. То, что царь увлёкся Марфой, даже несмотря на её болезнь, можно понять — судя по воссозданному скульптурному портрету, она и вправду была красавицей²⁴. К сожалению, мы никогда не узнаем, как выглядела Мария Темрюковна, — лицевая часть её черепа не сохранилась; однако горянки всегда славились своей красотой...

Смерть Марфы помогла Скуратову расправиться и с другими заподозренными «ближними людьми» царя, то есть со старым опричным руководством. А духовенство особым приговором засвидетельствовало, что замужество фактически не состоялось — ибо венчанный муж девства невесты «не разрешил», — и позволило царю следующий брак. В покоях слободского дворца одна за другой появлялись новые хозяйки.

В мае 1572 года государь женился на Анне Колтовской, но в том же году постриг её в монахини. Его пятой женой уже после отмены опричнины, в 1575 году, стала Анна Васильчикова; после её смерти в 1579 году царь жил — очевидно, без венчания — с «женищем» Василисой Мелентьевой. Последней в этом ряду оказалась в 1580 году Мария Нагая. Но Иван IV, кажется, не собирался останавливаться на достигнутом и в конце жизни затеял сватовство к иностранке — Мэри Гастингс, родственнице английской королевы Елизаветы...

В слободе жили и жёны наследника. Уже через год после свадьбы Евдокия Сабурова была пострижена в монастырь — как считается, из-за бездетности; однако едва ли столь короткий срок был достаточен для того, чтобы убедиться в бесплодии женщины. Скорее всего, молодая не приглянулась властному свёкру и тот прика-

зал её сослать. Несчастную, как и её старшую родственницу Соломонию Сабурову (бывшую жену Василия III), отправили в суздальский Покровский монастырь. В этой же обители оказалась и вторая жена наследника, Феодосия Соловая. Дочь рязанского «сына боярского» Михаила Петрова-Солового вышла замуж за царевича в 1574 году, но не сумела за четыре года брака родить ему ребёнка и стала монахиней Параскевой. Третьей женой Ивана Ивановича стала Елена Шереметева, выбранная из множества других девушек в 1581 году. Кажется, этот брак царевича был счастливым, но именно он явился причиной трагических событий в слободском дворце, которые закончились смертью наследника престола, а в итоге — пресечением династии*.

Как гласит версия, пересказанная папским послом Антонио Поссевино, в ноябре 1581 года Иван Грозный застал невестку в домашней одежде: «Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдёт. Неожиданно её посетил великий князь Московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил её по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нём, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве»²⁵. Ссора, как принято считать, про-

* Пресечение династии не смог предотвратить и брак царевича Фёдора. Второй сын государя был человеком слабым и к отправлению государственных дел явно неспособным: как выяснил прибывший ко двору в 1581 году иезуит Антонио Поссевино, «его телосложение не соответствует возрасту» и «ему не разрешается показываться перед посланцами иностранных государей». Но в 1580 году отец женил его на Ирине Фёдоровне — сестре молодого и ещё не известного в ту пору опричника Бориса Годунова. Этот брак позволил способному стряпчему сделать придворную карьеру и стать в последние годы царствования одним из близких к Ивану Грозному людей.

изошла 14 ноября, а через пять дней царевич скончался от полученных побоев. После гибели мужа Елена была «пострижена в Новом (Новодевичьем. — *И. К., А. Б.*) монастыре, во иноцех Леонида, и государь дал ей в вотчину город Лух да волость Ставрову».

Всё это произошло позже, и после этих трагических событий царь навсегда покинул Александровскую слободу. Но и ранее мнительный царь едва ли был спокоен за её стенами — он считал, что окружён недоброхотами и изменниками. С учреждением опричнины он надеялся обрести надёжную опору.

ОПРИЧНЫЕ ЗЕМЛИ

И иных бояр и дворян, и детей боярских взяша в опришнину, а иным повеле быти в земских. А грады также раздели, и многих выслаша из городов, кои взял в опришнину, и из вочин и ис поместей старинных.

Пискарьевский летописец, XVII век

«Разделение земли и градом»

Москвичи надолго запомнили небывалый царский эксперимент по основанию «опричного» государственного устройства. «...Попущением Божиим за грехи наши возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом. И иных бояр и дворян, и детей боярских взяша в опришнину, а иным повеле быти в земских», — предварял рассказ о том, как «большая беда зачалася», неизвестный составитель Пискарьевского летописца в середине XVII века¹.

В опришнину Иван Грозный забрал ряд городов на западе, юге и в центре страны. В неё вошли территории, пограничные с Великим княжеством Литовским: Вяземский, Козельский, Белёвский, Лихвинский, Малоярославецкий, Медынский, частично Перемышльский уезды. В центре опричными стали Суздальский и Можайский уезды. В опришнину попали и земли Аргуньской волости Переславль-Залесского уезда вокруг Александровской слободы. Отдельные волости были

отписаны и в других местах, в том числе и неподалеку от Москвы: Гжель, Олешня и Хотунь на Лопасне (на границе с Дмитровским и Коломенским уездами), Гусевская волость и сельцо Муромское Владимирского уезда, Домодедовская волость на реке Пахре с заливными лугами, окрестности озёр Селигер (волость Вселуки) и Ладожского (погост Ладожский порог на Волхове), где ловили рыбу для царского стола.

Вошли в опричные владения платившие большие налоги северные земли с черносошным или дворцовым крестьянским населением. Поморские волости и уезды — Устюг, Двинской край, Вологодский уезд, Каргополь, Вага и Галич, Пинега с Мезенью, а также дворцовый Юрьевецкий уезд на Волге, Плёсская волость и Буйгород — должны были составить финансовую базу опричнины. Соляная торговля Севера (Соль Вычегодская) и Северо-Запада России (Старая Русса), Заонежья (Каргополь), Заволжья (Солигалич) и Нижегородчины (Балахна) давала основной доход опричной казне.

В дальнейшем территория опричнины расширялась: «...которые города поимал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно». В самом начале 1567 года царь забрал в опришнину Костромской уезд — тамошние дворяне во главе с князем Василием Рыбиным-Пронским участвовали в подаче коллективной челобитной об отмене опричнины. Челобитчики были брошены в тюрьму и биты палками, а главные зачинщики крамолы казнены: «...про тех государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо». Но мнительный царь решил не только примерно покарать главных «изменников», но и окончательно произвести «перебор людшек» во всём уезде, тем более что костромичи ранее уже вызывали его гнев. Оттуда родом были недавний глава правительства Алексей Адашев и его «сродники» Ольговы, Путиловы и Туровы — они первыми лишились земель в Костроме. Других костромских дворян Иван IV отправил в ссылку в Казань, а их конфискованные земли стал раздавать для испомещения опричникам. Теперь

этот процесс был завершён: примерно треть местных дворян была выселена, остальные попали на опричную службу, что увеличило численность опричного корпуса сразу на 400—500 человек.

К концу того же года в опричину были взяты те земли Боровского уезда, которые не входили в удел Владимира Андреевича Старицкого, у которого двоюродный брат отобрал Старицу (она стала одной из любимых резиденций Ивана IV). В 1568/69 году в опричину была включена часть Белозерского уезда; в XVII веке местные жители вспоминали, что «царь Иван Васильевич изволил белозерских помещиков и вотчинников всех из Белоозера перевести в ыные города, а их поместья и вотчины изволил взять на себя государь».

«Лета 7077 (1569) генваря в 21 день взял царь и государь князь великий Иван Васильевич Ростов град и Ярославль в опришнину». Тогда же в царский удел вошло и Пошехонье. Под самый конец опричины, после разгрома Новгорода, Иван Грозный включил в неё Бежецкую и Обонежскую пятины Новгородской земли и Торговую сторону самого города, вслед за чем начался вывод новгородских помещиков с этих территорий. Последним, кажется, попал в опричину подмосковный Дмитров.

В опричину могли брать не только целые уезды и волости, но и их куски, например часть Ржевского (другая была по-прежнему подведомственна земскому «Тверскому дворцу») и Клинского уездов, а также часть новгородской Шелонской пятины. Царь не раз распорядился приписать к дворцовым волостям отдельные сёла и деревни опальных или просто чем-либо приглянувшиеся ему земли ни в чём не повинных владельцев. Так, в Углицком уезде он взял «в свою царскую светлость в опришнину» вотчину дворян Раковых. По челобитью самих «дворцовых мужиков» в Тарусе «в опришнину» попало поместье Т. Г. Хомякова, а к опричному дворцовому селу Чаронде Белозерского уезда были приписаны несколько деревень, принадлежавших Кирилло-Белозерскому монастырю. В опричнине же ведались земельные владения особо приближённых обитателей. В жалованной грамоте опричному Симонову монастырю

от 18 февраля 1566 года на село Дикое Вышгородского уезда говорилось, что монастырских людей судит сам царь или боярин «в опришнине». В 1565/66 году несколько сёл Шаровкина монастыря были отмежёваны «к опришнему городу к Белеву»².

Сообщая в своем «Послании» о переселении костромских «детей боярских», Таубе и Крузе отметили, что те «должны были тронуться в путь зимой, среди глубокого снега», а «если кто-либо из горожан в городах или крестьян в сёлах давал приют больным хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады». Возможно, последнее утверждение является преувеличением, однако за известными опричными казнями разворачивалась масштабная трагедия: сотни семей бывших владельцев — не только князей Рюриковичей, но и обычных провинциальных дворян — выселялись на окраины либо в «иные города». По царскому указу они покидали свои обжитые владения и родовые усадьбы и вынуждены были отправляться в далёкие и незнакомые места, где предстояло заново устраивать свою жизнь. Даже если такой переселенец получал равноценное возмещение и не пострадал в опричные времена, то это не означало, что новые владения оставались за ним навечно.

Когда грозное время миновало, последовали обратные переселения; к тому же иные из поневоле переехавших стремились всеми правдами и неправдами вернуть свои родовые земли. Не случайно составители писцовых наказов первой половины XVII века предписывали чиновникам следить за тем, чтобы «которые вотчины у вотчинников иманы в опришнину и раздаваны были в поместья», не захватывались прежними хозяевами.

Если и для более поздних и спокойных времён формула «два переезда равны одному пожару» кажется справедливой, то трудно даже представить, в каких условиях совершалась эта процедура в XVI веке. Сначала в тихую провинцию являлся вестник несчастья — царский гонец. Такой вестник, как рассказывали новгородские мужики, привёз «заповедную грамоту и высылную в великое говино (говенье, то есть пост. — *И. К., А. Б.*) в лети 7070 осмом (1570) году, а велили опришных высылать из жемщины». Затем по разбитым дорогам в распу-

тицу, зной или мороз, на телегах или санях (на которых много не увезёшь) семьи «детей боярских» и их холопы с домашним скарбом тащились десятки и сотни вёрст в незнакомые места, где их никто не ждал. Измерить прямой ущерб от таких массовых переселений уже никто не сможет. Но дело не только в хлопотах, потерях и болезнях. Каково было отцу семейства сознавать, что родовое гнездо без всякой вины отбирается и переходит неведомо к кому? Кроме того, ему предстояло обивать пороги приказов, чтобы подавать челобитные, проходить верстание поместными окладами, получать грамоты и льготы на землю да ещё сплошь и рядом самостоятельно «приискивать» подходящее поместье, если он не хотел месяцами ждать полагавшиеся по царскому указу «деревни». Иногда дьяки так и заявляли просителям, а те потом говорили, что царь «велел против тое вотчины в ыных городех дати, где приищем». Нам известны жестокие подробности опричных казней, но источники не сохранили описания мытарств тысяч дворянских фамилий, вынужденных покидать родные места. Проблемы господ отражались и на крестьянах: кто знает, как будет себя вести новый хозяин и чего от него ждать?

В обычной российской неразберихе едва ли удавалось строго отделить опричных овец от земских козлиц. Удачливые новые опричники могли сохранить свои владения в земщине, а на новом месте захватить понравившееся имение «без государева указа». Но судьба улыбалась и кое-кому из земских — они сумели оставить за собой вотчины на землях, взятых в опричнину. К примеру, это удалось Андрею Тимофеевичу Михалкову. В наследство от тестя он получил два села в Костромском и Угличском уездах с условием заплатить долги и сделать вклады в Троице-Сергиев монастырь по душам тестя и двух его сыновей. «И те вотчины в опришнину были взяты и розданы в роздачу, — сообщал впоследствии владелец. — И я о тех вотчинах бил челом государю, что я за те вотчины по духовной тестя своего и шурыев своих дал по их душам 300 рублей. И государь теми вотчинами меня пожаловал и в грамоте велел написать, что те вотчины мне и сыну моему Ивану и в род неподвижно за мою за литовскую службу, что я был посылан

в Литву». Из этого следует, что потерявший было вотчины Михалков не был опальным (иначе он бы их не вернул), а практика допускала изъятия из общего правила, запрещавшего земским владеть землями в опричных уездах. Опричники, в свою очередь, имели владения не только в составе государева «удела», но и в земских уездах. Так, в земском Рязском уезде вотчины или поместья были у опричников С. А. Черкасского, Г. Д. Ловчикова, В. П. Яковлева, Я. Ф. Волынского, О. М. и Д. М. Щербатых и Д. Б. Салтыкова.

Кто-то из земских, как костромской служилый вотчинник Фёдор Протасьев, получал новые владения сполна, да ещё и в столичном уезде, и по-прежнему в вотчину. В январе 1568 года Протасьеву была дана грамота на владение «в Московской уезд во Жданской стан в половину деревни Медведкова Кортуновского, в половину селища Солгина, в половину селища Долгана, в полдеревни Гаврилкова на Медведкове враге, к ней же припущена в пашню селище Денисовское, в полдеревни Люлина на враге на Люлинском, что была та половина деревень и пустошей в поместье за Васильем за Левонтьевым сыном Степанова, и Василей то поместье отказал, всем крестьяном, которые в тех полудеревнях и на полуселищах на Васильеве Степанова половине живут. Пожаловал есми теми полудеревнями и полуселищи Федора Григорьева сына Протасьева против его костромские вотчины, против пашни ста дватцати пяти чети, против села двусот тритцати пяти копен, к белозерской его вотчине ко штисот к пятинатцати четвертям, что ему дана против костромские ж вотчины. А по книгам московских писцов писма Ондreja Лодыгина с таварищи лета 7059-го в тех полудеревнях и на селищах на Васильеву Степанова половину пашни добрые земли восемьдесят пять чети да перелогу четырнатцать чети, и обоего пашни и перелогу девяносто девять чети с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена двесте тритцать копен, лесу пашенного дватцать семь чети в поле, а в дву по тому ж»³.

Другие не могли этого сделать годами. Если учесть, что опричники наделялись землей по повышенным нормам, то сданных ими в казну поместий не хватало

для раздачи всем высланным. Поэтому для наделения стали использоваться государственные («чёрные») земли. Так, в Каширском уезде «чёрные» земли раздавались «детям боярским», высланным из Суздаля; костромичам достались «чёрные» земли во Владимирском и Ярославском уездах, что едва ли радовало местных мужиков. Если и этих территорий не доставало, власти использовали родовую собственность тех «детей боярских», которые продолжали жить в земских уездах и которых опричные переселения как будто не должны были затрагивать. Так, в 1567/68 году в Рязанский уезд был послан писец Степан Иванович Колединский, который отписал у местных вотчинников половину земель и раздал их в поместья «иных городов веденцом», то есть переселенцам, ведь иначе они не могли нести службу.

Недавно в Рязанском архиве был обнаружен документ, который позволяет судить о масштабах таких переселений. В 1568 году писец Кузьма Морин и подьячий Михаил Васильев составляли «отдельные книги» о наделении землёй костромских «детей боярских», переведённых в Бежецкую пятину Новгородского уезда. В них перечислены сотни дворянских родов: Алядиковы, Амины, Базаровы, Баскаковы, Батинские, Бестужевы, Бритвины, Буланины, Волынцевы, Грамотины, Дуловы, Елизаровы, Карцовы, Коптевы, Коробьины, Кричевы, Кушинские, Лихаревы, Львовы, Люткины, Немировы, Немчиновы, Нудомовы, Норины, Овцыны, Писемские, Ратковы, Рожновы, Строевы, Чашниковы, Щастинские, Шипиловы — всего 310 фамилий. Одни из них, даже переселившись, продолжали и позднее, в начале XVII века, служить (то есть участвовать в смотрах и собираться в походы) по Костроме; другие утратили связи с «городом».

Эти же книги показывают, что переселение было долгим и трудным делом: от времени взятия Костромы в опричнину до перевода костромских «детей боярских» в Новгородский уезд прошло около полутора лет. За это время многие землевладельцы успевали пройти все необходимые процедуры и получить царские грамоты на земли в Новгородчине. Испомещение провинциальных дворян происходило по государеву наказу,

определявшему размеры их будущих владений: «...в половине окладов живущего, а другая пустая в Бежецкой пятине»; таким образом, они получали неравноценное возмещение.

Одновременно прежние владельцы также отправлялись в указанные государем места. В тех же «отдельных книгах» перечислялись владения одного из «добрых» костромских дворян «четвёртой статьи», сумевшего получить значительное по размерам и не запустошённое поместье, а также «льготные лета»:

«За Замятней за Иевлевым сыном Чеглокова в Деревской пятины в Тухолском погосте Андреевское поместье Михайлова сына Ямского, да его братанича Фетковеского Петрова сына Ямского ж, Якушевские деревни Скачелского усадишо сельцо Новинка на речке на Нивке: двор помещиков, да крестьянских четыре двора, пашни 27 четвертей в поле, земля худа, сена 15 копен, лесу пашенного три десетины обжа; деревня Глинки: 1 двор, пашни 7 четвертей с осминою в поле, земля худа, сена нету; деревня другие Глины, Заболотье то ж: 1 двор крестьянской; деревня Скластино на речке на Нише: двор староста Гриша Степанов, да Митка Степанов, да Фетка приходец; деревня Удоба на речке на Нише: четыре двора, да двор пуст; <деревня> Высокуша 1 двор.

За Замятнею ж, в Локоцком погосте в Закирье великого Каметни, Петровское додаточное поместье Колычёва деревня Белогново: 2 двора; деревня Дроздове: 1 двор; деревня Зуручье: 3 двора крестьянских; в деревни вопчей в Панкине двор пуст.

За Замятнею ж за Чеглоковым в Бежецкой пятине в Ыванове половине Морозова в Кузмодемьянском погосте Юрьевское поместье Никитина сына Кульчова, а наперет того были те деревни Михалитцкого монастыря на погосте у Петра Святаго: усадище двор помещиков, двор люцкой, оба пусты, пашни перелогом 58 чети в поле, земля худа, сена на реке на Песи 100 копен, лесу пашенного 2 десятины, да непашенного ж 2 десятины 5 обеж. Да в селе ж церковных дворов: двор поп, двор понамарь, двор просвирница; пустошь Пожарищо, пашни и перелогом 26 чети в поле, земля худа, сена на

реки на Песи 30 копен, лесу пашенного и непашенного 3 десятины 2 обжи...

И всего ему отделено селцо да восемь деревень, а в них двор помещиков, да крестьянских 17 дворов, а людей в них 30 человек, пашни 148 чети, да перелогу 20 чети, а пустого село, а в нем два двора пусты, да пять пустошей и с вопчими пашни перелогом 132 чети и обоего живущего и пустого в обеих пятинах в Бежецкой и в Деревской сел и деревень, и пустошей 15 и с вопчими пашни перелогу 300 четвертей в поле, в дву потому ж, земля худа, сена 449 копен, лесу пашенного и непашенного 162 десятины, а обеж 22 обжи с чети обжи и в том числе живущего 10 обеж с четью, а пустого 12 обеж. И на переложную землю на пустые обжи дано Замятни лготы на 6 лет от лета 7076 (1568. — *И. К., А. Б.*) февраля до лета 7082 февраля, а в те ему лготные лета с переложные земли с пустых обеж дани и ямских, и приметных денег, и посошные службы, и всяких государевых податей, и наместнича, и волостелина, и тиуня корму и всяких волосных розметов не давати, и ямчужного, городского и засечного дела не делати».

Другим прежним костромским, а ныне новгородским землевладельцам повезло меньше: «Посник Иванов сын Тарусинов, Богдан Угримов сын Алядииков, Образец, да Сунгур, да Иван Степановы дети Безтужева с товариши, и всего по версталному списку в девятой статьи детей боярских костромич 99 человек. И ис того числа изпомещено костромич 41 человек, отпущено в Деревскую пятину из Бежецкой пятине 9 человек, а не изпомещено 49 человек». Последним, наверное, пришлось ещё долго ждать положенных им семидесяти четвертей. Быстрее удавалось управиться тем, у кого в Новгородской земле имелись родственники, способные «приискать» поселенцам владения, — таких даже отпускали в соседние пятины «для родства». Сколько пришлось им мыкаться, неизвестно. Но и тем, кто устроился за прошедшие полтора года на новом месте, пустить корни не удалось: в 1571 году Бежецкая пятина попала в опричнину, а её землевладельцы, в том числе и бывшие костромичи, были вновь выселены — теперь на западные границы государства⁴.

Так случалось и в других местах. Князь Роман Гундоров в 1565 году лишился своей родовой стародубской вотчины и получил возмещение по соседству во Владимирском уезде — волость Вешкирц. Но и она была отобрана в опричнину, а князю было дано бывшее поместье опричника И. Ф. Воронцова в Московском уезде, составленное из «чёрных», «псарских», «бортных» и «конюшенной» деревень. Можайский вотчинник Яков Молчанов сын Кишкин и его сыновья в 1565 году, когда Можайск был взят в опричнину, получили «против» их отобранных вотчин земли в Белозерском уезде. Кишкины перебрались в выменянную Грозным у князя Владимира Андреевича Старицу, но потеряли имение во второй раз, когда Старица была забрана в «государев удел». Пришлось отцу и сыновьям опять ехать в новую вотчину — уже в Белозерском уезде, которую они поспешили от греха подальше продать в октябре 1567 года.

Массовые перемещения служилых людей имели и другие последствия. Владельцы старинной родовой собственности часто (хотя и не всегда) получали взамен не вотчины, а поместья, а значит, могли лишиться владения за служебную провинность. Земли же, отобранные у не взятых в опричнину владельцев, — а часто это были именно родовые вотчины, — также раздавались опричникам уже как условные владения. Грозный царь не собирался лишать своих дворян земель и крестьян, но хотел, чтобы на этих землях сидели послушные холопы. Кроме того, расширяя «особную» территорию, царь увеличивал опричное войско и ослаблял позиции недовольных его правлением. Не случайно свой рассказ об опричных переселениях немец Штаден заключил словами: «Так убывали в числе земские бояре и простой люд. А великий князь, сильный своими опричниками, усиливался всё более».

Даже если бывшие ростовские и ярославские князья, которых царь не захотел взять в опричнину, не превращались в помещиков, а получали в обмен на свои земли новые вотчины, даже если они не исключались из состава правящей элиты — «государева двора», они всё равно теряли былой политической вес. Разбросанные по городам и весям Московского государства бывшие родс-

твенники и соседи по имению утрачивали прежнюю сплочённость, земельные перетасовки препятствовали складыванию прочных уездных дворянских корпораций. Князь Курбский в 70-х годах XVI века, сочиняя свою «Историю о великом князе Московском», размышлял о причинах казней и гонений, которые Иван IV обрушил на своих вельмож, и пришел к выводу, что царь губил их, потому что они имели «отчины великие». Но, может быть, связь событий была иной: царь отбирал у ростовских и ярославских князей их родовые вотчины как раз для того, чтобы лишить их прежнего влияния на местах.

Едва ли надолго затягивавшиеся переселения способствовали повышению боеготовности и воинского духа «детей боярских», тем более что у земцев не было возможности улучшить своё материальное положение за счёт царских милостей или грабежа добра «изменников», которой могли пользоваться опричники. Рвались налаженные связи между прежними соседями; в составе дворянских сотен теперь служили вместе люди незнакомые, а часть вчерашних друзей-соседей становилась опричниками. Всё это не могло не сказаться отрицательно на боеспособности армии, но в азарте утверждения собственного «самодержавства» государь как будто этого не замечал. Таким образом, он «раскалывал» не только Думу, приказный аппарат и церковь (в опричнине были свои монастыри), но и основную массу служилых людей, чтобы привлечь их часть на свою сторону и предотвратить сопротивление.

В каком-то смысле этот замысел удался — но он имел и другие, не предусмотренные Иваном IV последствия. Произвольная конфискация собственности в сочетании с опричными порядками вызывала и у рядовых «детей боярских», и у знатных вотчинников ощущение нестабильности и тревогу за судьбу семей. При отсутствии защиты со стороны закона и самого государя единственной гарантией если не постоянного, то хотя бы временного сохранения родового достояния оставался его вклад в монастырь, тем более что, будучи записан в поминальный синодик, он обещал и спасение души, «доколе святая обитель стоит». Со второй поло-

вины 1560-х годов владения монастырей стали быстро расти за счет земель бояр и прочих служилых людей. Те передавали обители свои вотчины, а взамен либо получали право пожизненно пользоваться своей бывшей землей и доходами с неё, либо, постригшись в монахи, находили приют среди братии. Царь и его опричники, занятые другими делами, долго не обращали внимания на происходящее, и лишь в конце своего правления Иван IV стал принимать меры против роста церковных владений.

Казначей Никита Фуников-Курцев в год своей казни продал значительную часть своих вотчин Троице-Сергиеву монастырю за огромную сумму в 1400 рублей: «Се аз, царев и великого князя казначей Никита Офонасьевич Фуников с своим сыном с Михайлом продали есмя в дом живоначальные Троици и чудотворцом Сергию и Никону впрок без выкупа Троецкому Сергиева монастыря архимариту Феодосью да келарю* старцу Артемью Мятлеву и всей братье свою вотчину в Московском уезде в Сосенском стану Саларево, да того же села деревни: деревню Раево, да деревню Биберово, да деревню Филатово; впрок без выкупа свою вотчину куплю в Володимерском уезде в Санниче село Ваганово, а в нем церковь Покров пречистыя Богородица в верх, да придел Христовы мученицы Парасковей, да теплая церковь чудотворец Сергей, да деревню Бурдукова, да деревню Завражье, а припущены те деревни в пашню к тому ж селу к Ваганову, со всем с тем, что к тому селу и к деревням истари потягло, куды ис того села и з деревень плуг, и соха, и коса, и топор ходил, и в земле половину хлеба, и рженого и яровова, и со всеми угодьи по старине, как было за мною, за Никитою, и за моим сыном, за Михаилом...»⁵ Эти вотчины им покупались и выменивались (надо думать, служба в казначеях приносила немалую выгоду) в течение многих лет, и их единовременную продажу можно объяснить только стремлением в предчувствии опалы перевести недвижимое в деньги, которые можно спрятать. Удалось ли воспользоваться семье этими средствами, не-

* Келарь (греч. амбарный) — монах, ведавший хозяйством обители: кухней, кладовой и т. п. (Прим. ред.)

известно, но сам казначей был сварен заживо в июле 1570 года.

Другие землевладельцы по разным причинам не верили, что полученные ими взамен прежних новые вотчины останутся за ними, и стремились их продать: «Сяз Мясоед Семенов сын Вислово купил есми у Михаила у Яковлева сына Путилова его вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робозере деревню Власову Гору на речке на Возме да деревню Новоу Качеозера, обе те деревни з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угоды к со всем с тем, что к тем деревням исстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми ему на той вотчине 80 рублей денег да пополнка конь рыж. А купил есми тое вотчину себе и своим детем впрок без выкупа. А мне, Михаилу, ту вотчину государь царь и великий князь пожаловал против моей старинные костромские вотчины; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину яз Михайло отдал Мясоеду ж...» Этот же московский дьяк Мясоед Вислый «купил есми у Ивана да у Василья у Яковлевых детей Молчанова сына Кишкина их вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робозере деревню Белобоковскую да деревню Зуеву пунту, починок Буддеев на речке на Сомсоре, обе те деревни и починок з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угоды и со всем с тем, что к тем деревням и к починку изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми Ивану да Василью на той их вотчине 50 рублей денег да пополнка мерин сер. А купил есми ту вотчину себе и своим детем впрок без выкупа. А Ивану да Василью ту вотчину государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал против их старинные можайские вотчины деревни Леоновы; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину яз Иван да Василей отдали Мясоеду ж...»⁶.

Ушлый дьяк Константин (он же Мясоед) Семёнович Вислый, по-видимому, знал белозерские места, поскольку в молодости был там городovým приказчиком. За годы службы в Дворцовом приказе, в Разбойной избе и других учреждениях он отстроил богатый дом в

Москве, накопил состояние, пускал его в оборот, давая деньги в долг боярам и дьякам. Можно полагать, что опытный бюрократ наметанным глазом распознавал среди толкавшихся по приказам просителей потенциальных «клиентов» и не упускал случая скупить имения вотчинников, нуждавшихся в деньгах или не веривших в сохранность своих владений, чтобы с выгодой перепродать их Кирилло-Белозерскому монастырю. Одновременно как человек благочестивый он раздавал по церквам иконы в драгоценных окладах, жертвовал колокола и даже завещал после смерти продать его дом вместе с находившимся в нём имуществом, а вырученные деньги раздать по монастырям⁷.

Вскоре так и случилось. Бездетный дьяк был женат, видимо, на молодой и красивой женщине, которая стала невольной причиной гибели мужа. Шлихтинг рассказывал, что царь приказал похитить жену Вислого и повесить её перед дверями дома дьяка, а в июле 1570 года незадолго до массовой казни на Поганой Луже опричники отрубили голову и самому Мясоеду: «Винючники убийства приносят головы обоих к тирану со словами: “Великий князь, исполнено, как ты приказал”. Тот, ликуя, восклицает: “Гойда, гойда*!” — и остальная толпа палачей вторит его возгласу».

Можно полагать, что и рядовым опричникам переезды и переселения по царскому указу давались нелегко — однако у них были возможности компенсировать это неудобство за счёт «изменников» и прочих земских.

Вотчинники и помещики

Чтобы ходить в походы и исполнять прочие обязанности, дворяне XVI века должны были иметь владения — поместья и вотчины, доходы с которых позволяли им «подняться» на службу. Присоединение к Москве Новгорода, Твери, Рязани нередко сопровождалось «выводом» местной знати и конфискациями её земель (в Новгороде было конфисковано около миллиона десятин), на кото-

* По свидетельству современников, это было одно из любимых присловий Грозного в моменты наивысшей радости.

рых «испомещались» московские выходцы, в том числе из низших слуг великокняжеского дворца и вчерашних холопов. Эти дворяне-помещики в то время ещё не имели фамилий и записывались в документах как «псарь Данилко», «дьяк Ермола», «истопник Антон». Но рядом с ними владения получали и младшие члены знатных семей: родовые владения князей и бояр дробились при наследовании, разорялись и продавались. Поэтому нельзя противопоставлять знатных бояр-вотчинников и дворян-помещиков: в России XVI века нередко один и тот же землевладелец имел и вотчину, и поместье. Уже дед Грозного, «государь всеа Руси» Иван III стал ограничивать право своих вассалов «отъезжать» со службы: в договоры с ними вносились условия, что в таком случае они теряют свои вотчины. С московских слуг стали брать клятвы — «поручные записи», в которых они обязывались великому князю и его детям «служити до своего живота, а не отъехать... ни х кому».

На владение поместьем выдавалась особая «ввозная» грамота — подобная той, что получил только что ставший новгородским помещиком Семён Огарёв. Грамота уведомляла крестьян, что у них появился помещик, а самого нового владельца предупреждала: «А что из тех обеж* Семен возьмет себе или своим людям на пашню, и ему с тех обеж на крестьянах своих доходов не имати. А что прибавит на крестьян своего дохода, и он в том волен, только бы не было пусто... А доспеет пусто, и Семену платити великих князей дань и посошная служба самому, а от великих князей в том быти ему в опале». Так государство разрешало помещику заводить свою барскую пашню и «прибавлять» крестьянские повинности — с условием, чтобы он не разорил крестьян и не «запустошил» поместья. Грамоты второй половины XVI века уже прямо указывают крестьянам, чтобы они помещика «слушали во всем, и пашню на него пахали, и оброк ему денежной и хлебной платили, чем он вас изоброчит».

* Обжа — единица поземельного обложения в новгородских землях в XV—XVII веках, взыскивавшаяся с пахаря, имевшего одну лошадь. Размер обжи зависел от качества земли и других природных условий и в среднем составлял 15 десятин. (Прим. ред.)

Естественно, высший слой московской знати был лучше обеспечен землёй и рабочими руками. Многие из представителей княжеских и боярских фамилий сохранили родовые земли и владели сотнями крестьянских дворов. Правда, громадных латифундий в то время не было, а обширные владения состояли из десятков разбросанных по разным уездам вотчин. В боярских усадьбах жили десятки, а иногда и сотни слуг-холопов, составлявших «двор» хозяина.

Не самый богатый опричный боярин Алексей Басманов имел вотчины: под Москвой — пустошь Смолинскую заводь, в Переславском уезде — село Елизарово с деревнями, в Дорогобужском — село Тучково, в Кашинском — село Сенькино с деревнями, в Волоцком — село Ильинское; там же — поместье, село Никольское с деревнями, а ещё одно, село Бухалово, в Костромском уезде. Опричному думному дворянину Ивану Воронцову и его брату Василию принадлежали подмосковные вотчины (два села с сорока четырьмя деревнями и пустошами, 12 отдельных деревень и два починка), село Олявидово с двадцатью семью деревнями, тринадцатью пустошами и двумя починками в Дмитровском уезде и два села в Ярославском уезде, а также земли в Ростовском, Боровском, Мещерском и Переславльском уездах — всего почти четыре тысячи четвертей.

Стоявшие ниже рядовые члены «государева двора» также владели приличными вотчинами и поместьями и имели возможность для карьерного роста и получения прибавки к полагавшимся им земельному и денежному окладам. Опричному голове (офицеру) Григорию Полеву принадлежали доставшиеся от родителей четыре пустоши и село Быково с деревнями в Волоцком уезде. Его племянник Богдан владел в Московском уезде родовой вотчиной из шести деревень с пустошами и приобретённым в 1567/68 году сельцом с деревней и пустошью с 212 четвертями земли. Другую свою вотчину — сельцо с двумя селищами, пятью деревнями и двумя пустошами в Дмитровском уезде — Б. И. Полев продал после опричнины за 400 рублей. К нему же перешло бывшее поместье князя Л. Щербатого в Вяземском уезде и ещё одно, общей площадью в 398 четвертей «доброй

земли». Кроме того, у него имелось 99 четвертей в Кашинском уезде и 166 в Старицком, а всего 663 четверти поместной земли.

Представители славного рода Пушкиных в опрочине никаких ответственных постов не занимали. Евстафий Михайлович Пушкин владел подмосковным селом с пятью деревнями и пустошью, общей площадью около 250 четвертей; на оброке у него было «порозжее» поместье с 120 четвертями земли. У его брата Ивана имелись две подмосковные вотчины общей площадью почти 500 четвертей в совместном владении с третьим братом Леонтием⁸.

Владения же большинства провинциальных служилых людей были небольшими: в середине XVI века новгородские помещики в среднем имели 20—25 крестьянских дворов; при этом поместье могло не представлять собой целостный комплекс земель, а состоять из различных по размерам «дач» в разных частях уезда. «Дача» же могла не соответствовать полагававшемуся окладу, так как фонд пригодных для раздачи земель не поспевал за ростом числа самих помещиков. Так, дворянину-опричнику Ивану Хлопову из 300 четвертей положенного поместья дали только 100; хорошо, что у него имелась ещё приличная вотчина в 360 четвертей в Коломенском уезде. На их положении сразу же сказывались неурожаи, военные опустошения и чрезвычайные поборы. В отсутствие владельца крестьяне нередко уходили; к тому же у бедных и неродовитых помещиков их сманивали, а то и насильно увозили «сильные люди» из числа московской придворной знати.

На деле у многих «детей боярских» после голодных лет или эпидемии вообще не оставалось мужиков. «Крестьян ни единого человека, служить невмочь», — слёзно жаловались в челобитных служилые, которые пахали пашню «своими руками» и являлись на смотры «бесконны и безодежны, в лаптях» и пахали пашню «своими руками». Часто такая дворянская беднота предпочитала даже «похлопотиться» за знатного боярина и стать его «послужильцем» или приказчиком в вотчине.

Обустройство господского двора зависело от того, жил ли там сам владелец. Если село было хозяйской

резиденцией, то в нём появлялся господский двор. Выглядел он в XVI столетии не слишком презентабельно, состоял из деревянных клетей и изб, сочетавшихся в разных вариантах. Избы обычно отапливались, другие помещения (горницы), где жили летом и хранили одежду, печей не имели. В богатом суздальском вотчинном селе Васильевском недалеко от церкви стоял боярский двор со следующими постройками: двумя горницами (одна с комнатой, «а у комнаты на красных столбах чердачок», другая без комнаты), между ними «двои сени», «повалуша с кровлями», «мыльня на земле с сенями». На том же дворе имелись три житницы, в одной из которых, кроме зерна, хранились овечья шерсть, пивной медный котёл, «кубик перепусной с трубой» (перегонный куб для курения «хлебного вина»), коробы новгородские, медная и оловянная посуда. На боярском дворе располагались конюшня и сенник под одной кровлей, погреб с на-погребницей, поварня. Во дворе находилось три улья. Двор был огорожен «городьбой в заборе». Княжеский двор Б. К. Черкасского в Рязанском уезде был окружён бревенчатыми стенами («круг двора острог рублен»). Рядом находился «конюшенный двор, а на нем живут конюхи, да люцких 18 дворов да крестьянских 100 дворов». За «городьбой» стоял двор приказчика (изба, две клетки, мыльня). Во Владимирском уезде в конце XVI века в вотчине братьев Никиты и Козьмы Рагозиных в деревне Яковлеве был двор боярский, «а на дворе хором: изба боярская с передсеньем, да против ея клеть да изба лютцкая, да 3 житницы, да мыльня с передсеньем, да погреб, да онбар, да 2 канюшни плетеные». Рядом на холопьем («лютцком») дворе были построены две избы, две клетки, четыре «стаи животинные» плетёные (коровники и овчарни), овин и две мякинницы. Неподалёку располагались боярские и людские хмельники⁹.

Кроме деревянного барского дома, почти не отличавшегося внешним видом от крестьянских домов, в провинциальной помещичьей усадьбе той поры имелись служебные помещения — «холопыи дворы», конюшни, скотный двор. «Двор большой, на дворе хором две горницы с комнаты да повалуша, сени одны, поварня, другая поварня естовная, две житницы, дворец

конюшенной, на нем четыре конюшни, да сенник, да челяденной двор, на нем два подклета, да изба, да за двором пять дворъцов люцких....» — так выглядела довольно богатая псковская усадьба князя Ивана Бабичева в селе Озерцы Которского погоста, описанная после его гибели в 1572 году. На дворе стояли 14 построек жилого и хозяйственного назначения, но все они были пусты: к тому времени сделали своё дело опричный эксперимент, затяжная война, повышение налогов и чума. В 1584 году в Коломенском уезде А. С. Лашинский заложил свою «куплю», деревню Полубояриново, при которой находился «двор боярской, а на дворе хором: горница с комнатою, да повалушка, да две житницы, да мыльня, да поварня». В деревне было три крестьянских двора, каждый с избами и клетями.

Таким образом, те, кого школьные учебники называют на западный манер «феодалами», на деле представляли собой служилые «чины», сильно различавшиеся по статусу и доходам. Попробуй кто-то объяснить, к примеру, боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому, что он и его коллеги по Боярской думе являются «братьями по классу» с каким-нибудь рязанским «сыном боярским» Ивашкой Вострой Саблей, он бы не понял да еще и возмутился бы: как можно сравнивать его, представителя «честного» рода, с безвестным служилым человеком, может быть, вчерашним холопом или конюхом! А в глазах помещика «богатины»-бояре выглядели главной причиной его бедности и тягостей службы, и эти настроения как раз упрочивали царскую власть в её борьбе против «вольностей» и притязаний аристократии.

Выше уже шла речь о том, что наступление опричнины сопровождалось выселениями земцев из опричных уездов и раздачей их бывших владений опричникам. В распоряжении исследователей нет доказательств, подтверждающих полные переселения земцев с территорий, вошедших в опричнину¹⁰, тем не менее во многих случаях произошла смена владельцев, причём порой новым хозяином становился родственник старого. Так, Сахар Константинович Писемский в 1566/67 году потерял в Костромском уезде родовую вотчину на реке

Письме — сельцо Фатьяново: государь передал её служившему в опричнине Фёдору Андреевичу Писемскому. Ставший впоследствии опричником Иван Семёнович Черемисинов, будучи ещё земским, потерял свою вотчину в Суздальском уезде, но, видимо, получил за неё хорошее возмещение, так как нет сведений о том, что бывший хозяин и его опричник-сын пытались её вернуть.

Служба в опричнине могла существенно поправить имущественное положение человека. Крупными вотчинниками стали к концу столетия князья Хворостинины. Духовная грамота младшего из братьев, опричного головы Фёдора Хворостинина, свидетельствует, что у него «к баткову благословению селцу Грибищеву з деревнями в додачу» имелось село Городище с деревнями в Костромском уезде и с 1400 четвертей пахотной земли. Кроме того, у Ф. И. Хворостинина были вотчины в Боровском (сельцо Головенское с деревнями), Переславском (село Богородское с деревнями), Ростовском (село Павлово с деревнями) уездах; в Бежецком Верхе к нему перешла за долг вотчина брата Петра — сёла Баскаково и Александровское с деревнями. В Костромском уезде он купил у сестры село Романово с деревнями, а в Троице-Сергиев монастырь дал вкладом село Малышево — притом князь был при разделе отцовского наследства обделён братьями, которые «завладели насилством» сёлами Заозерьем и Ново-Клинцовым с деревнями в Переславском уезде с общим количеством земли свыше 1200 четвертей.

Князь-опричник раздал в монастыри 550 рублей по своей душе (при жизни и по духовной). Большую часть вотчин он в завещании называл «государевым жалованием», и находились они именно в опричных уездах; возможно, это было достойное возмещение за потерянные в земщине владения¹¹.

Новые имения на Новгородчине получил весельчак-опричник и думный дворянин Василий Грязной. «По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всяя Руси грамоте, от государевых царевых и великого князя дияков... такова ввозная <грамота> дана Василью Григорьевичю Грязного на Федорово поместье Скура-

това сына Грибакина... в Шелонскую пятину, в Которской погост по отделным книгам губного старосты Ляцкого стану Обакши Труфанова: в селцо Бершевичи, а в нем: церковь Егорей Страстотерпец да придел Никола Чюдотворец, двор большой и пашни на 6 обож, священник... дьячок... да проскурница... да людцких пят дворов пусты; в деревню в Милятино: двор Олекса Ортемов да Сашко Семенов на обжу с третью, двор Самон Остафьев да Ждан Самсонов на обжу с третью, двор Куземка Исаков да брат его Данилко на обжу с третью, двор Самсоновской пустой на обжу с третью, двор Прохновской пустой на обжу с третью, двор Поташкинской пустой на обжу с третью, двор бобыльской, непашенной; в деревню в Егощу... в деревню в Клин... в деревню в Керково... в деревню в Деревенку на реке на Плюсе... в деревню в Березову... в деревню в Страки... в деревню в Пастороне... в деревню в Лозе... И теми... селцы и деревнями пожаловал царь и великий князь Василья Григорьевичя Грязново против старого его поместья ... а Семейку Лодыгина пожаловал государь в его оклад... из поместья Грязного. И вы б все крестьяни, которые в тех селцех и деревнях живут и вперед учнут жити, Василья Григорьевичя Грязново и его приказщика слушали и пашню его пахали и оброк ему хлебной и денежной платили, чем вас Василей Григорьевич изоброчит», — перечисляла его владения ввозная грамота от 10 октября 1572 года, выданная опричным дьяком Семёном Мишуриным¹².

Вместе с Грязным земли в Новгородском уезде получили и другие видные опричники: дьяк Пётр Григорьев, окольничий Василий Умной Колычёв, родственник Малюты Скуратова Богдан Бельский. Последний, будучи человеком «молодым» и по возрасту, и по служебному положению (служил всего лишь рындой «с рогатиной»), в опричнине стремительно разбогател — приобрёл вотчины Василия Воронцова, брата казнённого опричного думного дворянина Ивана Воронцова, и в 1579 году смог дать в Иосифо-Волоколамский монастырь огромный вклад в 500 рублей. В этот же монастырь и в Троицу его холопы делали вклады по 50 рублей — такую сумму на помин души иные дворяне собирали всю жизнь.

Вместе с начальством жаловали и рядовых. Весной 1572 года во взятой в опричнину Бежецкой пятине Новгорода впервые вводился во владение отцовским и дедовским поместьем Иван Злобин сын Базаров — потомок боярских послужильцев вольного Новгорода, ставших московскими помещиками. Поместье состояло из усадища и тринадцати деревень, составлявших 19,5 обжи, и семи деревень новой придачи (15,5 обжи), а всего он имел 35 обож земли среднего качества. Придача к старому поместью была не в лучшем состоянии: лишь в одной из семи деревень имелось два крестьянских двора с одной обжей живущей пашни. Во всём же поместье из тридцати пяти крестьянских дворов 14 были жилыми и имели 10,75 обжи пашни, а 21 двор с 23,25 обжи лежали впусе.

Базаров был в это время «новиком», а потому и получил не всё отцовское хозяйство, а только 20 обож из прежних тридцати пяти — остальное ему ещё предстояло заслужить. Правда, интересы юного опричника были учтены — при разделе ему оставили лучшие деревни как из старого поместья, так и из придачи. В результате поместье Ивана Базарова состояло из усадища с обжей пашни, кроме этого, его человек пахал в деревне Хирово ещё 0,5 обжи. Находящиеся в деревнях 15 крестьян с четырнадцати крестьянских дворов пахали 9,25 обжи и платили хозяину оброк в размере четверти ржи, четверти овса и 2 алтынов денег с каждой обжи.

Так Иван Злобин сын начал свою карьеру — доход выходил небольшим, но прожить было можно. Однако он служил успешно и к началу 1580-х годов вышел в люди — был повёрстан как «сын боярский первой статьи» окладом в 450 четвертей (45 обож). Он вернул себе ту часть поместья, которая была у него отписана на государя в 1572 году, а затем присмотрел по соседству хороший участок земли, принадлежавший умершим земцам Бобровым, и подал челобитную: «Государю царю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси бьет челом холоп твой государев из Бежицкие пятинны Иванец Базаров. Пожаловал еси, государь, меня холопа своего, велел учинити поместьеца за мною на пол-пятаста четвертей, и меня, государь, твоего жалования не дошло в

мой оклад ста четвертей. Православный царь государь, пожалуй меня, холопа своего, в Бежицкой пятине, в Прокопьевском погосте на Белой пустоши по своей государевой грамоте, што были за земце за Олферком да за Злобою за Бобровыми полушесты обжами; а их, государь, в животе не стало; а те, государь, пустоши к моему поместьишку смежно и в одном погосте. Государь царь, пожалуй».

Государь просьбу «холопа» исполнил, и владелец сумел за 10—15 лет развернуть на разорённой Новгородчине барское хозяйство с масштабной заготовкой и продажей сена силами «беспашенных» бобылей, во множестве бродивших в округе и живших работой «меж двор». В двух своих «усадищах» Иван Злобин завёл барщину, которую пахали его «люди». В усадьбе имелся солидный скотный двор: четыре служилых коня, восемь рабочих лошадей, восемь жеребят, четыре коровы, пять телят, 12 овец-стариц, баран, семь коз, три козла и семь племенных свиней. В житницах лежали обмолоченные рожь, овёс, греча и пшеница, на сеновале и в стогах хранилось сено на 20 возов. Во второй усадьбе под надзором приказчика Гриши Кузьмина по прозвищу Всячина находились новый помещичий двор с избой, клетью, житницей, сушилом на погребе, двор приказчика, три двора людских, семь дворов крестьянских с одиннадцатью крестьянами, среди которых двое были овчинниками, и четыре двора бобылей. В этом «усадище» помещичьи люди пахали на барина 57,5 четверти (5,75 обжи), из которых три обжи пахал приказчик; сена косили 650 копен. Здесь же приказчик Всячина курил вино, так как на этом усадище имелся медный винный котёл с трубами. На помещичьем дворе стояли два служилых коня, четыре пашенных лошади, жеребец, три жеребёнка, три коровы, четыре телёнка, десять овец-стариц и семь коз. Там же хранились запасы хлеба, гороха и сена. Барская запашка составляла теперь 90 процентов против 12,8 процента в 1572 году и не облагалась налогами. Оборотистый хозяин не только поднимал имение, но и службу не забывал: занял пост полкового головы и выполнял свои обязанности исправно, так что к началу 90-х годов XVI века получил новые земельные владения

и имел по 14 рублей в год государева жалованья как служилый человек «первой статьи»¹³.

Впрочем, милости доставались не всем. Другой бра-
вый командир Константин Поливанов сверх поместья в
450 четвертей в Можайском уезде ничего не выслужил.
Иные же благодаря влиянию родственников на корот-
кое время «взлетали» по служебной лестнице — и столь
же стремительно сходили с исторической сцены и ис-
чезали со страниц документов. Так случилось с целым
захудалым родом Вяземских, появившимся в опрични-
не. Александр Иванович Глухов-Вяземский стал первым
воеводой передового полка. Андрей Иванович Зайцев-
Вяземский до опричнины был одним из самых мелких
служилых людей, но в походе из Новгорода в Литву в
сентябре 1567 года выступал уже первым головой и
дворянином «в стану у государя». Василий Иванович Вя-
земский из «Литвы дворовой» по Костроме в опричнине
дослужился до окольного. Имя Дмитрия Ивановича
Лисицы-Вяземского до опричнины вообще не встреча-
ется в перечнях служилых людей, а в 1567 году он стал
вторым воеводой большого полка под Калугой. Семён и
Тимофей Ивановичи Вяземские даже не упоминаются в
опричных разрядах, но зато в 1565/66 году они получи-
ли конфискованные поместья в опричном Суздальском
уезде. Затем все Вяземские потеряли в опале и чины, и
земли — от былого богатства остались крохи в виде не-
скольких малоземельных и запустевших поместий.

Васюк Грязной владел своим новым новгородским
поместьем меньше года: в марте 1573 года его «сельца-
ми» и деревнями «пожаловал государь царь и великий
князь Михаила Тимофеева Плещеева (сына опричника.
— *И. К., А. Б.*) против старого его поместья». Правда,
новый хозяин тоже скоро расстался с поместьем — оно
было «по государеве грамоте отдано Назарью да Гри-
горью Василчиковым», родственникам очередной ца-
рицы Анны Васильчиковой. «А во Дворец те вотчины
поиманы были у деда моего князя Юрья Темкина, как
была на родителей моих опала блаженные памяти при
государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа
Русии, с ыными родовыми нашими ростовскими вот-
чинами. И из Дворца отданы были в поместье боярину

князю Федору Шестунову», — вспоминал в 1627 году об утрате дедовских вотчин князь Михаил Тёмкин-Ростовский¹⁴.

Другие служилые люди надеялись не только на царские щедроты. Сын безграмотного царского печатника (хранителя государственной печати, то есть главы приказного аппарата) Пётр Романович Пивов купил «впрок без выкупу» у ярославского клана Мотовиловых немалую вотчину — село Фефилово с одиннадцатью деревнями, четырьмя починками и многочисленными угодьями — всего за 300 рублей и лошадь впридачу¹⁵. Похоже, что ярославцы не имели возможности отказаться от предложения сына «сильного человека».

Иван Васильевич Головленков был при опричном дворе в малом чине поддатни «к доспеху» или «к шелому». Отличился же он тем, что в 1569/70 году незаконно завладел в Белозерском уезде отписанными на государя вотчинами высланных в земщину Семого и Нечая Васильевых детей Ергольских и Андрея Иванова сына Бурухина. Под конец жизни он, видимо, оказался замешан в серьёзном деле, так что под именем «старца Иосифа» был посажен в тюрьму Соловецкого монастыря законным в «железа».

Демид Иванович Черемисин в 1570 году в качестве «государева посланника» приезжал в Новгород, чтобы отправить оттуда полученную в результате «правежа» казну, — но и себя при этом не забыл: его люди вывозили крестьян из временно бесхозных поместий Шелонской пятины. Предприимчивый опричник впоследствии скупил большое количество земель в Юрьев-Польском уезде, но добытое богатство впрок не пошло — в 1596 году он попал в опалу и имущества были конфискованы¹⁶.

Сходным образом вели себя и другие опричники. К примеру, в Водской пятине Новгорода «мужики» Юрия Нелединского захватили крестьян своего господина, вышедших было в Юрьев день к другому помещику, Русину Волынскому: «у старосты и у целовальников выбили и вывезли их в опришнюю» и не вернули, хотя имение и было отписано на государя¹⁷.

Такие брошенные новыми опричниками владения также приходили в упадок: «...деревня Фатьяниха,

5 обож, пуста, непахана и некошена, пашни было сеялось на обжу и с отхожею пашнею по 4 четверти, а в дву по тому ж, сена по 5 копен на обжу. А была та деревня в поместьи за Ондреем за Веригиным сыном Благова, и Ондрей взят в государеву опришнину... деревня Пески, 6 обож, пуста, непахана и некошена, пашни было сеялося в поле и с отхожею пашнею на обжу по 5 четвертей, а в дву по тому ж, сена закоси было по 4 копны на обжу. А была та деревня в поместьи за Степаном за Фендриковым сыном Благова, и Степан взят в опришнину». Та же судьба постигла в 1571 году и земли их соседей в Лоцицком погосте Шелонской пятины — Ивана Лугвенева, Петра Шулепникова, Василия Хлопова¹⁸.

С объявлением той или иной территории опричной начиналось перераспределение собственности. Во взятом в опришнину Переславском уезде крупнейшими вотчинниками оставались потомки смоленских князей Заболотские; в первой половине XVI века представители этой фамилии занимали видное служебное положение. В первые же годы опричнины Фёдор Заболотский был сослан в Казань, а затем казнён вместе с родственниками Игнатием и Богданом — их имена записаны в синодиках опальных Ивана IV. Оставшиеся в живых их «однородцы» отдавали свои владения с десятками деревушек, починков и пустошей Троице-Сергиеву монастырю. Другие вотчины рода перешли в руки опричников или близких к царю лиц; так, принадлежавшее Д. В. Заболотскому сельцо Селково досталось дьяку Андрею Щелкалову, который и дал эту вотчину вкладом в тот же Троицкий монастырь. Некий Григорий Литвинов отписал этой обители ещё одну бывшую вотчину Заболотских — полсельца Боярского с деревнями и пустошами. Так монастырские акты отражают гибель старых вотчин, чьи владельцы оказались в числе опальных. Но их новые хозяева не были уверены в прочности своих приобретений, и в течение короткого времени большая часть владений Заболотских перешла к Троице-Сергиеву монастырю.

Другие местные землевладельцы — Конковы, Клобуковы, Новосельские, Макаровы, Михалковы, Уполовниковы — также отдавали вотчины монастырям. Имена

некоторых из них встречаются в синодиках опальных Ивана Грозного; другие непосредственно во времена опричнины не пострадали, но отнюдь не оптимистично смотрели в будущее. Члены дворянских фамилий — Скрипицыны, Обуховы, Суслы — обуславливали вклады возможностью пострижения в обители, чтобы спокойно прожить остаток своих дней в её стенах.

Большое село Хребтово (900 четвертей пашни), принадлежавшее казнённому вместе с родичами боярину Владимиру Морозову, досталось сопернику братьев Щелкаловых дьяку И. М. Висковатому, но было отобрано и у него и отдано В. И. Тёмкину-Ростовскому и В. Я. Щелкалову. Василий Щелкалов в 1568/69 году вложил свою долю в Троице-Сергиев монастырь, а оставшуюся часть князь-опричник Тёмкин-Ростовский отдал дьяку Никите Аксентьевичу Парфеньеву в качестве штрафа за убийство его сына. Несчастный отец сразу же пожертвовал эту вотчину в Троице-Сергиев монастырь.

Переславскими вотчинниками были попавшие в опричнину Басмановы-Плещеевы и их родственники Дмитрий Бутурлин и Иван Собакин. Однако служебные успехи не спасали род от опал и казней. При опале А. Д. Басманова «вотчина... у него взята была и отдана в раздачу в иной род князю Петру Тутаевичу Шейдякову, а не Плещеевым»; только внуку основателя опричнины царь велел отдать «те... отца их вотчины, которые были в раздаче». Отбирались земли и у других Плещеевых, даже не бывших в опале. Опричник Иван Дмитриевич Плещеев пробыл 12 лет «без съезду» на службе в Юрьеве Ливонском, а его родовая вотчина была взята «на государя»; взамен он получил село в Медынском уезде. В синодиках опальных записаны имена пятерых Бутурлиных: Василия, Григория, Ивана, Стефана и сына опричного окольного Леонтия Дмитриевича. Последний вместе с братом Романом, предчувствуя конец своей служебной карьеры, успел в 1570/71 году отдать в Троицкий монастырь село Богородское с деревнями при условии пострижения. Погиб и их сосед по имению, сын Ивана Григорьевича Собакина. В отличие от Бутурлиных Собакины не успели или не смогли отдать вотчину в монастырь, и она была конфискована.

Вероятно, что-то получил в Переславском уезде сам Малюта Скуратов. Выдав дочь замуж за Дмитрия Шуйского, опричник дал ей в приданое тамошнюю вотчину на 660 четвертей земли.

Опричники Ловчиковы в 1571/72 году дали в Троицкий монастырь пустошь Махру в Верхдубенском стане для поминовения душ родителей. Годом раньше крупный вклад туда же сделала дочь Ярца Нармацкого Ирина. Монастырские власти обязывались «беречи» вкладчицу, пока она жива, а после её смерти должны были получить остаток её вотчины. Брат Ирины, Семён, был опричником и постельничим и в конце 1570-го или начале 1571 года «выбыл» — возможно, был казнён. В 1579/80 году опричник Иван Иванович Бобрищев-Пушкин подарил Троице приданое своей жены — селище Терпилково.

Всего за 1560—1570-е годы монастыри получили только в одном Переславском уезде не менее полсотни земельных вкладов, в том числе не менее сорока — от средних вотчинников, не говоря уже о денежных вкладах, которые для Троицы составили сумму более чем в 30 тысяч рублей. Обратной же стороной образования богатых монастырских вотчин стало разрушение векового местного вотчинного мира с его соседскими связями. В поисках сильного защитника землевладельцы расставались «впрок без выкупа» с родовыми землями, чтобы сохранить хотя бы часть прав на них, спасти свою жизнь в рядах монастырской братии или, в худшем случае, обеспечить спасение души, записав имя вкладчика и его родни в монастырский синодик¹⁹.

В Вяземском уезде появилось 170 фамилий новых помещиков, преимущественно опричников: Борисовы-Бороздины, Барятинские, Воейковы, Головленковы, Истленьевы, Ловчиковы, Овцыны, Полевы, Ртищевы, Сабуровы, Толстые, Шуйские, а также «дворовые» и, возможно, опричные Татищевы и Фофановы; менее чем за 40 лет состав землевладельцев уезда обновился примерно на 75 процентов. В опричном же Можайском уезде утвердились в качестве местных землевладельцев опричники Блудовы, Измайловы, Пушкины, Черемисиновы; в Малоярославецком уезде земли выселенных местных помещиков и вотчинников получили такие

видные опричники, как Бутурлины, князя И. Ф. Гвоздев-Ростовский, В. А. Борец-Охлябинин и П. И. Хворостинин, И. И. Очин-Плещеев, И. Д. и К. Д. Поливановы, дьяк У. Львов; крупная малоярославецкая вотчина перешла в качестве приданого от Малюты Скуратова его зятю Борису Годунову.

Перетряска целого слоя землевладельцев в условиях длительной войны не могла не сказаться на их положении. По тем уездам, где это можно проследить документально, количество землевладельцев сократилось. Так, в Вязьме в середине XVI века согласно писцовым книгам было около 430 помещиков, а в конце столетия осталось 350; состав малоярославецких землевладельцев сократился с 200 до 145 человек.

Опричнина нанесла удар по вотчинному землевладению в Костромском уезде. Десятки доопричных вотчинных фамилий в конце XVI века здесь уже не встречаются. Даже вернувшись в родной уезд после опричнины далеко не всегда удавалось вернуть свои старые вотчины — теперь они получали земли уже как помещики. Немало бывших вотчинных владений в 1590-х годах пустовали (они значатся в писцовых книгах как «старые порозжие земли»): либо они так и не обрели хозяев, либо опричные переселенцы «опустошили и пометали» свои новые владения, а претендовать на них было уже некому.

Крестьянам приходилось ещё хуже. Писцовые книги наиболее пострадавшей от военных действий и опричных экзекуций Новгородчины периода 1570-х годов, по словам исследователя, «походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят ещё живые люди. Не только отдельные деревни и поместья — целые погосты иногда стоят пусты. Земля поросла лесом; хоромы развалились»²⁰. Только треть прежней пашни числилась «в живущем» и обрабатывалась, остальные две трети лежали впусе. Документы не говорят о причинах «пустоты» — они лишь бесстрастно указывают: «а крестьяне вымерли», «а те деревни все пусты и хоромы развалились», «в той деревни крестьяне вымерли», «соборяне все вымерли», «и те земци те обжи покинули и сошли в Ругодивскую слободу и в Божие поветрие все перемер-

ли», «жильцы вымерли», «в трех дворех 3 крестьянина восьмдесятом (7080-м, то есть 1572-м. — И. К., А. Б.) году померли поветреем, а в семдесят девятом году ярь сеена рожь и ярь жата, а к восьмдесятому году рожь сеена». Так же скупно сообщали писцы и о судьбе помещиков: «и Федора <Тыртова> в животе не стало», «и Дмитрея <Тыртова> в животе не стало», «и Еремея <Румянцева> в животе не стало в поветрие», «деревни порожних поместей, а помещиков тем деревням крестьян не ведают».

Опричные переселения, конфискации, казни и «правежи» тяжким бременем легли на деревню, и без того отнюдь не процветающую, тем более в условиях длительной Ливонской войны.

«В лете 7070 пятом был мор в Новгороде в Великом от Госпожина заговенья да до Николина дни осеннего и далее, а мерло многое множество людей, мужей и жен и детей и черньцов и черниц, тако же и по селам и в Старой Русе; а во Пскове начало мерети тое же осени. Того же лета явился знаменье в Юрьевщине в ливонском: два месяца на небеси, в нощи, и ударилися вместе, и один у другого хвост отшиб, и тот месяц отшибеной хвост приволок к себе, и знати стало на месяцы том как перепояска.

Того же лета, генваря в начале, ходиша воевати в немецкие городки, что за Литву задалися, ис Колывана свейской воевода Клаустень с свейскими людми, и воевали четыре городки литовские, Рую да Малотель, да третей Буртники, а четвертый Лимбаш, тот и взяли, лестници приставливая, а людей в нем литовских взяли и побии осмьсот человек, и волостей воевали много. Тое же зимы на феврале приходиша литовские люди ж жемоцким старостою и с маистром и с немцы, на свейских немец городков и на колываньские волости воевати, и воеваша много. И был промеж ими бой Литве с свейскими, и побиша Литва свейских немец много, мало их убежало.

Того же лета были на весне литовские люди под Ригою городом под немецким, и рижани от них отседелися, а города им не здали; пошли от города прочь безделны, потеряв людей своих много. Того же лета поставиша два городка в Полотчине, Сокол и Улоу, а третей почаша

делать на озере именем Копье. И которые люди московския присланы на блюдение делавцов, князь Петр Серебряных да князь Василей Дмитриевич Палицкого, и литовския люди пригнав изгоном, на зори, да многих прибили, а князя Василья Палицких убили, а князь Петр Серебряных убегл в Полоцко» — такое описание повседневной жизни северо-западных русских земель зимой и весной 1567 года даёт псковский летописец²¹.

В этих условиях и крестьяне, и их господа часто меняли или теряли свои земли. Иногда сами опричники отдавали новые владения в монастырь, как это сделал Василий Воронцов: «Се яз Василей Федорович Воронцов дал есми в дом Живоначальные Троицы и Пречистой Богородице и великим чудотворцом Сергею и Никану и архимариту Памве з братьею вотчину свою в Дмитровском уезде в Повелском стану село, Олявидово з деревнями и со всеми угоды и с лесы и с луги и с пожнями с отхожими, а к селу деревень по реке по Дубне и по реке по Веле, с мельницею и с рыбною ловлею и с новою придачею, что государь пожаловал те деревни в вотчины нашия место села Николского в Пошехонье, с лесы и с луги и с пожнями и со всеми угоды, куды по старым межам ходил плуг и соха и коса и топор, и с селищи с отхожими, с олевидовскими и с новоприбыльными, и со всеми угоды изстари ж, по старым межам, куды ходил плуг и соха и коса и топор; а в селе храм Живоначальные Троица да в приделе чудотворец Сергей, а деревень к селу: пустошь Шестаковская, деревня Жаре, деревня Олехово на речке на Шихахте...» Вместе с перечисленными владениями ещё четыре десятка деревень и пустошей «с отхожими пожнями по реке по Дубне, по берегу реки Дубны и реки берег реке Дубны... по реке по Веле с пожнями и с пустошми и с мельницею, обе стороны реки Вели береги, и со всеми угоды, куды ходил плуг и соха и коса», были вложены Воронцовым «по своей душе и по своих родителей, впрок без выкупа для вечнаво покоя»²².

В отличие от брата Ивана Василий Воронцов не был казнён, но отдал в монастырь не только полученную от государя чужую вотчину, но и свою родовую. Впрочем, предусмотрительный опричник «взял есми с того села

из деревень здачи у келаря у старца Еустафья Головкина да у старца Варсунофья у Якимова 700 рублей денег», что может говорить не о благочестии, а о замаскированной продаже земли, которую в любой момент могли отнять. Другие опричники также отдавали в обители на помин собственные вотчины, как Дмитрий Иванович Годунов и его младший родственник Борис Фёдорович, отписавшие в марте 1572 года родному костромскому Ипатьевскому монастырю «искони вечное» сельцо Прискоково «по наших душах в наследье вечных благ вовеки»²³. Вероятно, в последний год существования опричнины будущее казалось им непредсказуемым.

Многие утерявшие земли вотчинники и спустя 40 лет помнили о своих родовых владениях. Ещё в 1610 году князь И. А. Солнцев-Засекин пытался вернуть «старинную прародительскую вотчину», которая была у его семьи «взята в опришнину при царе Иване и отдана в поместье ярославцу сыну боярскому Ивану Андрееву сыну Долгово Сабурову»; характерно, что истец сам получил спорное сельцо Гавшинское с деревнями в поместье после того, как потерял свою вотчину и был выслан «из Ярославля вон».

Многие дворяне также были наделены землями в других уездах в виде компенсации за конфискованные вотчины и поэтому утратили право на возврат этих имений. Процесс возвращения вотчин растянулся на десятилетия. Не надеясь на царскую милость, то есть возврат владений законным путём, служилые люди после Смуты самовольно, явочным порядком вселялись в свои прежние доопричные вотчины, оставленные их новыми владельцами вследствие разорения в Смутное время. Они рассчитывали впоследствии записать эти земли за собой в писцовые книги и таким образом вновь утвердиться на них. Такие случаи были распространены, поскольку они специально оговаривались в проекте наказа писцам, составленном в 1682/83 году, то есть через 110 лет после окончания опричнины. Но московское правительство даже спустя многие годы после смерти Грозного признавало законность земельных переселений и не стремилось к пересмотру их результатов²⁴.

Опричнина оказала глубокое воздействие на судьбы русского дворянства. За время существования этого режима пострадали многие представители аристократии, однако опричная гроза миновала крупнейшие княжеско-боярские фамилии Мстиславских, Воротынских, Бельских, Шуйских, Глинских, Одоевских, Романовых-Юрьевых, которые составляли цвет Боярской думы. Именно поэтому сразу же после смерти Ивана Грозного, при его сыне Фёдоре, управление страной перешло в руки боярского совета. В конце XVI века в списках служилых людей по-прежнему сохранялись ростовские, суздальские, оболенские, ярославские, стародубские корпорации служилых князей. Княжеские владения и после опричнины оставались в среднем крупнее не княжеских. Составленная в 1678 году роспись владений членов Боярской думы показывает, что многие из титулованных бояр и окольных даже в последней четверти XVII столетия имели земли на территории своих бывших княжеств, как, например, Оболенские в одномимённом уезде.

Зато рядовые помещики и вотчинники пострадали от ударов опричной политики даже больше, чем знатные бояре, поскольку были экономически более слабыми. Значительная часть (вероятно, не менее половины) помещиков и вотчинников сменила в последней трети XVI века свои земли и таким образом рассталась с соседями, что нарушило традиционные местные связи служилых людей с «однородцами», друзьями, фамильными монастырями и храмами. Под влиянием опричных переселений была разрушена прежняя территориальная структура «государева двора» — деление на москвичей, галичан, «можаичей» и т. д. Произошла консолидация верхушки дворянства в особую замкнутую чиновно-сословную группу «дворян московских», которые обособлялись от уездных корпораций, несли службу по «московскому списку» и противопоставлялись остальной части дворянства — городского (провинциального).

Сложившаяся к концу XVI века замкнутая чиновно-сословная структура «государева двора» закрепляла господство знати и ограждала представителей московской аристократии от проникновения в их среду выходцев

из провинции. После опричнины уже не родовые, а жалованные государем вотчины составляли основу земельных богатств таких фамилий, как Годуновы и Романовы. Утратившая значительную часть родовых земель и прежнее влияние на местах княжеско-боярская знать не была способна противостоять самодержавной власти. Лишённые связей с уездами и чуждые местным интересам, представители верхушки «государева двора» проводили на местах политику правительства в качестве воевод и приказных судей, ущемляя сословные интересы прочих групп населения — они-то и выступили против московской знати и приказной бюрократии во времена Смуты.

«НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ» ОПРИЧНИНЫ

*Близ царя — близ смерти.
Близ царя — близ чести.*

В. И. Даль.
Пословицы русского народа

Царь и его слуги

Историки давали идеологические оценки опричнине как явлению, но далеко не всегда вглядывались в конкретных людей, что во многом объясняется скудостью биографических материалов XVI столетия. И всё же в «кровавых отрядах» опричников можно выделить фигуры разного масштаба и человеческих достоинств.

Государь понимал, что удачное завершение его временной «отставки» — ещё не победа. Задуманные им преобразования неизбежно должны были вызвать протест, а потому необходимо было его предупредить и по возможности парализовать. Для этого мало выделить себе особый удел (в XV—XVI веках его обычно получал младший представитель великокняжеского дома, подчинённый великому князю). Однако царь Иван, уходя в «опричнину», вовсе не собирался становиться удельным князем, а намеревался оставаться правителем всего государства. Он должен был контролировать созданную к этому времени систему управления, которая формально продолжала действовать «по прежнему обычаю»: «Государство же свое Московское, воинство и суд, и

управу, и всякие дела земские приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичю Белскому, кн<язю> Ивану Федоровичю Мстиславскому и всем бояром, а конюшему и дворетцкому, и казначеем, и дьяком, и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о болших делех приходити к бояром; а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити»¹.

Но этих самых бояр Иван IV уже не считал своей надёжной опорой. На страницах первого послания Курбскому образованный царь, осмысливая причины падения некогда могущественной Византийской империи, пришёл к выводу, что виной всему «князи и местоблюстителю... упражняхуся на власти и чести, и богатстве, и междоусобными браньми растлевахуся». Поражения в войнах и территориальные потери не обрздумили византийскую знать: «Епархом же и сигклиту всем властем не престающе о властех меж себя ратоватися... не престающе от своего злого первого обычая никако же». В результате византийцы, взимавшие ранее дань с многих стран, «нестроения ради» сами оказались вынуждены платить её неверным; в конце концов «безбожный Магмет власть греческую погаси». Вывод для царя был однозначным и неутешительным: «Тамо быша царие послушны епархом и сигклитом и в какову погибель приидоша».

От судеб Византии государь переходил к недавним событиям на Руси, где видел те же самые беды. Как только умер отец, великий князь Василий III, его вдова и сам маленький Иван остались «яко же во пламени отовсюду пребывающии»: «...ово убо от иноплеменных язык от круг преседящих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, Литваонских, и Поляков, и Перекопи, Надчитархана, и от Нагаи, и от Казани, ово же от вас изменников беды и скорби разными видами приемлюще, яко же подобен тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и камо не скакаша бешащися? И во Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсюду на православия рати воздвизающе; и ничто же успеха:

Богу заступающу, и Пречистые Богородицы, и великим чудотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель* совет разсыпая. Тако же потом дяду нашего, князя Ондreja Ивановича, изменники на нас подъята, и с теми изменники пошел было к Новугороду (и которых хвалиши доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!), и те в те поры от нас были и отступили, а к дяде нашему ко князю Андрею приложилися, а в головах твой брат, князь Иван князь Семенов сын, князь Петрова Лвова Романовичи и иные многие. И тако з Божию помощию тот совет не совершися. Ино то ли их доброхотство, которых ты хвалишь? Тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дяду нашего воцарити? Потом же, изменным обычаем, недругу нашему Литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей; и тако ли доброхотствуют?»

Автор подробно перечислял преступные действия знати во времена «боярского правления» после смерти его матери, великой княгини Елены Глинской: «Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери наша перенесли в Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и себе разделиша. А дед твой Михаило Тучков то и творил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережение учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, и с поимания новыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе Ивановичя учял жити, и на том дворе сонмищем иудейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровав, убили; и князя Ивана Федоровичи Бельского и иных многих в розная места заточиша, и на церковь вооружишася, и Данила митрополита, сведши с митрополии, в заточение послаша; и тако свое хотение во всем улучиша, и сами убо царьствовати начяша». Даже его

* *Ахитофель* — библейский персонаж, советник царя Давида. Когда возглавляемый им и царским сыном Авессаломом заговор против царя был раскрыт, Ахитофель повесился. (*Прим. ред.*)

самого, своего законного государя, бояре держали «яко убожайшую чядь», иногда забывая вовремя кормить. Но зато они творили «неправды и неустроения многая», брали «мзду безмерную» и растаскивали казённые средства: «...вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленну себе поимаша; и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды золотые и серебряные и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание». Царь и много лет спустя помнил, как разбогател один из вельмож, князь Иван Шуйский, у которого «при матери нашей... шуба была мухояр* зелен на куницах, да и те ветхи».

Иван Грозный видел козни в московских волнениях после пожара Москвы 1547 года, когда «изменные бояре... научиша народ» напасть на царя и его родственников, фактически лишили его власти в государстве, которая в их руках оказалась средством личного обогащения: «...вотчины ветру подобно раздавали... и тем многих людей к себе примирили». А когда царь в 1553 году заболел, они же хотели возвести на трон его двоюродного брата Владимира Старицкого, «младенца же нашего (имеется в виду Дмитрий, погибший в том же году. — И. К., А. Б.) еже от Бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити».

Пафосные царские обвинения не всегда соответствовали действительности. Так, о военных победах и деятельности Боярской думы в 50-х годах XVI века царь не мог по существу сказать ничего плохого, кроме того, что всё делалось помимо его воли. Однако он всегда бил в одну цель — стремился доказать, что «росийское самодержьство изначяла сами владеют своими государьствы, а не бояре и не вельможи», и только такой порядок гарантирует спокойствие и процветание государства.

Но где взять для его поддержания верных слуг? Царь думал над этой проблемой. На упрёки бежавшего в 1564 году за рубеж князя Курбского, считавшего своих сто-

* Мухояр (араб.) — старинная пёстрая ткань из смеси льна, шерсти, хлопка, окрашивавшихся в пряже. (Прим. ред.)

ронников «сильными во Израиле» и «чадами Авраама» он ответил: «...может Господь и из камней воздвигнуть чад Аврааму». Но литературная полемика — совсем не то же самое, что практика управления. К началу опричнины Боярская дума была не такой уж большой (насчитывала 34 боярина и девять окольничих), но просто выгнать их было нельзя — эти люди представляли знатнейшие фамилии Московского государства, из поколения в поколение окружавшие трон великих князей. Можно было, конечно, пожаловать других — но из того же круга.

Сами бояре были только верхушкой сложившегося в XIV—XV веках «государева двора» — военно-административной корпорации слуг московских князей, насчитывавшей несколько тысяч человек. В неё входили члены более трёх десятков московских боярских родов (Шереметевы, Морозовы, Салтыковы, Пушкины, Годуновы, Бутурлины, Захарьины-Кошкины и др.) и княжеских фамилий, перешедших на московскую службу: ярославских (Курбские, Сицкие), оболенских (Долгоруковы, Репнины), суздальских (Шуйские), ростовских (Тёмкины, Лобановы); отпрыски литовской династии Гедиминовичей (князя Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие). Эти несколько сотен человек являлись частью более широкого социального слоя. Менее знатные, но всё же родовитые слуги (Пушкины, Тютчевы, Волынские и др.) составляли придворный круг в чинах стольников и стряпчих и «государев полк» — дворцовую охрану и основную, наиболее надёжную часть войска. Низшим, но крайне важным звеном этой системы стали дьяки, казначеи, дворские, ключники, посельские, тиуны — аппарат дворцовой администрации, обеспечивавший каждодневные потребности князя и его двора.

Никакой другой опоры власти государя и никакого другого кадрового «резерва» в XVI столетии не было. Конечно, рядовых «воинов» можно было подыскать и среди провинциальных служилых людей. Но поголовно заменить проштрафившихся или даже, с точки зрения царя, «изменных» бояр и других членов «государева двора» было невозможно. Кого тогда назначать полко-

выми воеводами, наместниками, послами? Кто будет окружать царя во дворце, ведать его волостями, отправляться с ним в походы и на богомолье, проводить переговоры с иноземцами? Кто будет ведать канцеляриями нарождавшихся учреждений-приказов и вести их делопроизводство?

Кроме того, Иван Грозный как человек и государь своего времени не мыслил в духе позднейших демократических представлений о кухарке, которая может управлять государством. Ему нужны были верные холопы — но вовсе не из рядов «трудящихся масс». А существовавший в ту пору обычай назначений не казался несправедливым и устаревшим. Отношения между родами и передвижения по службе чинов «государева двора» определялись местничеством — порядком, регулировавшим назначения членов служилых фамилий на военные и прочие государственные должности и ставившим одного выше, а другого ниже на определённое число «мест».

«Отечественная честь» зависела от происхождения: было принято, что «за службу жалуется государь поместьем и деньгами, а не отечеством», и это заставляло московских князей ставить на ответственные посты людей «родословных». При разрешении местнических споров принимались во внимание происхождение, служебное положение предков и ближайших родственников, а также личные заслуги. Местничество основывалось на традиционной иерархии дворянских родов; учитывалось также и старшинство внутри рода: каждый младший брат был ступенью («местом») ниже старшего.

На военной службе «места» соотносились по «старшинству» полков, на которые в XVI веке делилась армия. Все военные и административные назначения заносились в разрядные книги, которые выполняли функцию справочников при разборе местнических споров. Конфликты знатных лиц разбирались специальной комиссией под контролем или при участии царя: она учитывала случаи более высоких назначений членов рода и проводила подсчёт «мест» предков спорящих. Проигравший дело обвинялся в нанесении «бесчестия» выигравшему и приговаривался к штрафу или даже мог

быть «выдан головой» сопернику и должен был, стоя на его дворе, выслушивать упрёки победителя. Должности детей, племянников и внуков знатных людей должны были находиться на службе в таком же соотношении, в котором когда-то была служба их предков.

Этот порядок, обычно понимаемый как ограничение доступа достойных людей к руководящим должностям, имел и другую, весьма важную и выгодную для самой монархии сторону. Местничество учитывало не только «породу», но и прецеденты; роды, долго и верно служившие московским князьям, укрепляли свои позиции. Унаследованную «отеческую честь» необходимо было постоянно поддерживать службой. Великокняжеская опала, бегство с поля боя или отъезд в Литву одного представителя семьи могли сказаться на местническом положении всего рода и привести его к потере своего места — «закоснению». Верховным же судьей в местнических спорах был сам государь: «Чей род любитя — тот род и высится».

Поэтому царь Иван при учреждении опричнины, не отменяя прежних порядков, пошёл другим путём — стал отбирать «себе особно» из числа слуг государева двора тех, на кого, как тогда считал, мог положиться. Понятно, что новых царских приближённых должны были кормить, поить и обслуживать те, кто всегда этим и занимался. Вопрос состоял в том, из кого государь решил создать особо доверенных «чад Авраама», призванных обеспечить его безопасность и стать послушным инструментом осуществления его замыслов.

Первый призыв

Современники, пытавшиеся объяснить действия Ивана IV чьими-либо «наветами», считали, что мысль об опричнине была подсказана царю дурными советниками. Так, Генрих Штаден полагал, что идею создать опричный корпус подала мужу царица Мария Темрюковна. Едва ли это соответствует действительности, но во главе опричной Боярской думы Иван IV поставил чужого для московской элиты человека — брата царицы,

кабардинского князя Султануко, в крещении Михаила Темрюковича. В числе опричников князь упоминался с сентября 1567 года. Он занял одно из первых мест у трона и получил город Гороховец с уездом. В те годы Михаил Темрюкович был «человек великий и временной, управы было на него добиться не мочно». Однако нет свидетельств о выполнении им тех или иных ответственных поручений, так что царский шурина, едва ли хорошо владевший языком (и уж тем более грамотой) и не имевший реального управленческого опыта, был, скорее, фигурой представительской.

В народной памяти опричный боярин «кавказской национальности» остался не то чтобы злодеем, а куражным молодцем, героем цикла песен о «Кострюке-Мастрюке» (в 1565 году в Россию приехал брат Михаила Мамстрюк, имя которого в фольклоре каким-то образом перенеслось на его более знаменитого родственника). В песне царскому шурина скучно на пиру во дворце:

...не пьёт да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошёл он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашёл;
И только он думает —
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною.

Конечно, нашлись братья-борцы, «удалые Борисовичи» или «два Андрея, два Андреича», готовые потягаться с Кострюком-Мастрюком. И если поединок со старшим заканчивается вничью, то младший брат одолевает темпераментного царского шурина: «Мастрюк без памяти лежит, / Не слышал, как платья сняли». Этот народный сюжет М. Ю. Лермонтов взял для своей «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Может быть, фольклор отразил вполне реальные черты лихого опричника, который в жизни не только бился на кулачках, но и воевал, и сам участвовал в расправах. Во всяком случае, Шлихтинг рассказывал, что Черкасский напал на дом казначея Хозяина Юрьевича Тютютина, привёл его на площадь, где царь «приказал отрубить ему голову с женою, тремя сыновьями и дочерью в возрасте пятнадцати лет, а имущество его отдал в добычу своему зятю».

Составитель Пискаревского летописца приписывал инициативу создания опричнины двоюродному брату первой жены царя, Анастасии Романовны, Василию Михайловичу Захарьину-Юрьеву, а также воеводе Алексею Басманову: «Взъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии на все православное христианство по злых людей совету: Василя Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину». Эта точка зрения кажется нам более близкой к реальности. Правда, не вполне понятно, состояли ли сами в опричнине Захарьины-Юрьевы, однако на первых порах в опричной Думе заправляли делами именно представители старых московских боярских родов.

При Иване III и Василии III на службу в Москву вольно или невольно (в случае, если деваться было некуда) перешло множество княжеских родов из новоприсоединённых земель. Лишённые прежних суверенных прав Рюриковичи и Гедиминовичи превосходили по знатности московское боярство и, естественно, претендовали на высшие командно-административные посты в новой державе. Если в Думе и дворцовом управлении старые служилые роды сохраняли свои позиции, то на военной службе «выезжая» знать стала их теснить — «княжата» всё чаще занимали посты командующих армиями и полковых воевод.

За время от смерти Василя III (1533) до второй половины 1550-х годов только один военачальник из московского боярства, Иван Васильевич Большой Шереметев, был назначен на должность командующего самостоятельным войском в походе против крымского хана в 1555 году. Царствование Ивана IV, породнившись с боярским семейством Захарьиных-Юрьевых, от-

части облегчило положение московской знати: с конца 1540-х до середины 1560-х годов её представители занимали около трети должностей полковых воевод, но лишь единицы оказывались в роли «командармов», и то на второстепенных направлениях². Московские бояре должны были чувствовать себя обиженными: оттеснение от ответственных и престижных военных назначений ограничивало их карьеры и местнический статус, с каждым годом закрепляло их подчинённое, по отношению к титулованной знати, положение.

В начале опричнины на первых местах мы встречаем именно старые служилые роды Плещеевых, Колычёвых, Бутурлиных. К первому принадлежали опричные бояре Алексей Данилович и его сын Фёдор Алексеевич Басмановы и Захарий Иванович Очин-Плещеев (вместе с ним в опричнине состояли и трое его братьев). Именно старшего Басманова многие исследователи считают одним из главных инициаторов введения опричнины. Д. М. Володихин даже попытался представить, какими словами боярин убеждал царя изменить порядок управления государством: «Великий государь! Видишь ли ты, как не прямят тебе ленивые богатины? Они родом чванятся, да вотчинами, да престолами, на которых сидели их деды или прадеды, а для воинского дела слабы. Один князюшка бежал, будто пёс от хозяина, другие Литве скормили большое войско, третьи затевают против тебя крамолу. В службишках же стали неприлежны и с врагом пить смертную чашу бояться. То ли дело мы, твои верные слуги, старинные бояре, что ещё предкам твоим верно служили! Правь сам, отгони княжьё, порушь нынешний обычай, а мы как собаки у твоих ног будем грызть что внешнего супротивника, что внутреннего! Все мы, холопы твои, послужим тебе лучше этих высокоумных княжат. Смилуйся, великий государь, пожалуй!»³ Так ли было в действительности или государь сам высматривал и подбирал подобных слуг, мы уже никогда не узнаем, но отец и сын Басмановы играли в опричнине выдающуюся роль.

Опричными боярами стали братья Фёдор и Василий Ивановичи Колычёвы, Василий Петрович Яковля и Иван Яковлевич Чоботов. Опричным окольным слу-

жил Дмитрий Андреевич Бутурлин. Боярин Лев Андреевич Салтыков возглавлял в 1570 году опричный приказ-«дворец», ведавший хозяйством и повседневым обиходом государя. Выкупленный из литовского плена князь Василий Иванович Тёмкин-Ростовский «отличился», собирая компромат на выступившего против опричных репрессий митрополита Филиппа Колычёва. Он вместе с суздальским епископом Пафнутием и молодцами-опричниками в мае 1568 года ездил в Соловецкий монастырь, откуда доставил «свидетелей» якобы «порочной жизни» бывшего игумена, после чего сам стал опричным боярином. В 1570 году во время массовых московских казней князь-опричник соскочил с коня и, обнажив меч, отрубил головы дьяку Григорию Шапкину, его жене и двум сыновьям; обезглавленные тела он положил в ряд перед царём⁴.

Смотр и отбор будущих опричников в 1565 году вместе с царём и А. Д. Басмановым производили оружничий князь Афанасий Иванович Вяземский и думный дворянин Пётр Васильевич Зайцев. Последний с детства вращался в придворной среде: его отец и дядя были воеводами и постельничими, а дальний родственник Иван Юрьевич Шигона Поджогин — дворецким и доверенным лицом великого князя Василия III по части деликатных поручений. Уже в начале карьеры Пётр Васильев сын оказался вовлечённым в политическую борьбу придворных группировок за власть. В 1542 году, выполняя задание Шуйских, он участвовал в убийстве на Белоозере князя Ивана Бельского. В следующем году на заседании Боярской думы князь Андрей Михайлович Шуйский, Михаил и Иван Ивановичи Кубенские «и их советницы изымаша Фёдора Семенова сына Воронцова за то, что его великий государь жалует и бережет». Бояре прямо в присутствии юного великого князя били Воронцова «по ланитам», «и платью на нем ободраша, и хотеша его убить». Только после заступничества митрополита Макария правители остановились: «...сведоша его с великого князя сеней с великим срамом, бьюще и пхающе на площадь и послаша его за Неглимну на Иванов двор Зайцова» (одного из родственников будущего опричника).

После «падения» Шуйских в декабре того же года о Зайцевых на несколько лет забыли; может быть, они находились в опале. Однако с 1550 года начинается взлёт карьеры Петра Зайцева. Тогда он был зачислен в тысячу «лутчих слуг» как сын боярский третьей статьи по Переславлю-Залесскому, в 1558 году получил чин ясельничего, а в 1564-м упоминался уже как думный дворянин. То ли Зайцев смог обратить на себя внимание государя, то ли сам Иван IV подбирал в опричнину людей с не очень чистой биографией, готовых на всё, чтобы выслужиться⁵.

А вот карьеру Вяземского можно назвать необычной. Род Вяземских — потомков смоленских князей — захудал и уже давно не принадлежал не только к политической элите, но и вообще к знати; его члены «в именных посылках» и, тем более, в думных чинах не бывали. В XVII веке «родословный» дворянин М. Вельяминов, местничаясь с князем В. Вяземским, пренебрежительно заявлял о роде соперника, что «искони... Вяземские князи люди городовые (то есть провинциальные. — *И. К., А. Б.*), а объявились только в опришные годы, в кою пору... князь Офонасий Долгой Вяземской посягал на крестьянскую (христианскую. — *И. К., А. Б.*) кровь»⁶.

В былые времена Вяземские имели владения на Смоленщине, в том числе и сам город Вязьму. Однако они со временем утратили родовые земли, вместе с другими местными владельцами были переселены на восточную окраину государства и стали помещиками в Костромском и Романовском уездах. Когда в 1550 году из состава двора была выбрана тысяча лучших слуг для наделения их поместьями под Москвой, в их состав попал лишь один представитель этого рода.

Сам князь Афанасий до опричнины в разрядных книгах не упоминался, поскольку сколько-нибудь ответственных назначений не получал. Однако каким-то образом он стал известен Ивану IV, вошёл в круг его доверенных лиц и в 1564 году сопровождал царя при отъезде в Александровскую слободу. В качестве оруженничего он командовал в Бронном приказе мастерами-оружейниками. Шлихтинг, помощник царского врача, называл его «ближайшим советником тирана» и указы-

вал, что только из его рук Иван Васильевич принимал лекарства. После возвращения царя в Москву, в начале 1565 года, Вяземский вместе с Алексеем Басмановым проводил «перебор» «детей боярских» из Суздаля, Вязьмы и Можайска. В следующем году он участвовал в важных переговорах с литовцами как царский оружничий, окольный и наместник Вологды. Для захудалого «сына боярского», не принадлежавшего к московской знати, опричина действительно открыла небывалые возможности для карьеры.

Остальное же опричное руководство представляло собой прежний круг «государева двора», хотя и не его верхушку. Монарх не стал приближать к себе наиболее почтенные княжеские и боярские роды. Он открыл путь к высоким должностям в опричнине для тех представителей знати, кто в обычной ситуации держался на вторых ролях. Они это понимали и старались оправдать доверие. Эти люди составили особую опричную Боярскую думу, которая, однако, могла по необходимости собираться вместе с земскими боярами для решения дел. Как и земская, опричная Дума являлась и судебным органом; в грамоте 1567 года, данной из опричнины Симоновскому монастырю, указывается: «А кому будет чего искати на самом архимандрите и на старцах и на их приказчике, ино их сужу яз царь и великий князь или наши бояре в опришнине»⁷.

К этому кругу принадлежали, например, братья Фёдор и Василий Ивановичи Колычёвы. Будучи выходцами из старого боярского рода, они, тем не менее, не могли претендовать на первые места. Их отец И. И. Умно́й Лобанов-Колычёв в 1537 году принял участие в мятеже удельного князя Андрея Старицкого — оказался в числе тех, кто у князя «в ызбе были и думу его ведали», был арестован и бит кнутом. Тогда два представителя рода были казнены, а двоюродный брат опричников, будущий митрополит Филипп (в миру Фёдор Степанович Лошаков-Колычёв), постригся в монахи, чтобы избежать наказания.

Фёдор и Василий от этой истории как будто не пострадали, служили в дворянах по Угличу и по Торжку. Старший, Фёдор, начал службу ещё в конце 1540-х го-

дов царским рындой в Казанских походах, воеводой в Пронске и Терехове, ходил усмирять восставшие «Луговую сторону и Арские места», участвовал в приёмах литовских послов. В 1558 году он стал скольничим, а в Полоцкий поход зимой 1562/63 года отправился уже боярином. Во время начала конфликта царя с его окружением Фёдор Колычёв, похоже, заслужил доверие Ивана, поскольку в 1565 году был назначен на ответственный пост воеводы в Смоленске, а затем поехал послом в Литву.

Его младший брат Василий тоже начал службу рындой (в 1556 году), тоже служил воеводой (в 1557/58 году в Михайлове, в 1559/60-м — в Мценске и Ливнах). Во время Полоцкого похода он был уже окольниковым, а затем вновь находился на службе в полках: вторым воеводой в Коломне и Торопце. В 1565 году Василий отправился вместе с боярином И. М. Воронцовым в Швецию сватать за царя принцессу Екатерину Ягеллонку. В опричнину он попал раньше старшего брата — уже осенью 1567 года, когда сопровождал Ивана в поход на Литву; в январе 1569-го он ходил под Изборск вторым воеводой из опричнины, а потом сопровождал царя в карательном походе на Новгород, во время которого Малюта Скуратов убил сосланного в Тверской Отроч монастырь митрополита Филиппа Колычёва. После новгородского погрома Василий был назначен в Калугу вторым воеводой большого полка в опричных войсках, оттуда послан в Ливонию наблюдать за строительством крепостей, а в 1572 году проявил себя в качестве воеводы сторожевого полка в знаменитой битве с татарами под Серпуховом. Разрыв царя с митрополитом и его гибель на карьере братьев не отразились — даже наоборот, после гибели Филиппа Ф. И. Колычёв в 1570 году заседал в Думе в качестве боярина из опричнины. Видимо, карьера в опричнине оказалась более привлекательной, чем родовая солидарность и сочувствие к пострадавшему духовному пастырю.

Ещё более характерна судьба другого известного опричника — Василия Григорьевича Грязного, любимца царя Ивана Васильевича. Десяток сохранившихся грамот XV—XVI веков позволяет узнать, что

происходил он также не из «страдников», а из старого служилого рода. Его прадед Илья Борисович на рубеже 20—30-х годов XV столетия был слугой ростовских князей, а прапрадед получил от одного из них вотчину (село Никольское с деревнями «в Ростове за озером») в возмещение долга в 300 рублей. Вскоре после этого Илья Борисович поступил на службу к московскому великому князю Василию I, верно служил и ему, и его сыну Василию II, за что получил в кормление целую волость в Угличском уезде, отнятую во время большого московского междоусобия у Дмитрия Шемяки, двоюродного брата и соперника великого князя. Потом, чтобы сохранить за собой волость, он остался в угличском уделе брата Ивана III Андрея Васильевича, но вовремя перешёл на службу к великому князю и даже именовался в его грамотах боярином. Сын Ильи, Василий, отцовскими талантами не обладал, служил угличскому князю и, скорее всего, после ареста своего господина умер в опале. Его сын Григорий Грязной был служилым человеком у нового угличского князя Дмитрия, поступил на службу к великому князю Василию III, а потом почему-то оказался в уделе старицкого князя Андрея Ивановича, где получил вотчину и кормление, но карьеры не сделал: поднявший мятеж князь погиб в 1537 году.

Будущий опричник Василий Григорьевич Грязной в начале своего жизненного пути также был на службе у удельного старицкого князя Владимира Андреевича и уже оттуда неведомо как попал в число царских приближённых. Его нельзя назвать выдающимся командиром (будучи послан на южную границу, он сразу попал в плен к татарам) или палачом, но свой шанс «Васютка» Грязной не упустил и сделал стремительный карьерный рывок — из мелких служилых людей удельного княжества в думные дворяне царя Ивана Грозного⁸. Он повторил путь прадеда; правда, тот сразу занял достойное место при московском дворе, тогда как «закосневший» в уделах правнук сумел это сделать только благодаря опричнине: царская милость предоставила ему случай войти в окружение государя, где он и старался всеми силами удержаться.

Эти гордые царским доверием люди создавали опричный режим, проводили первые репрессии, устраняли с дороги соперников, направляя на них гнев государя. А царь с их помощью раскалывал и без того не слишком прочное единство рядов служилой московской знати, противопоставляя одни роды другим, а верных слуг — их однородцам-«изменникам».

Конечно, земщина немало пострадала в те годы. Но было бы упрощением полагать, что в реальной жизни в окружении грозного царя шла борьба злых опричников с терпеливыми земцами. Загадочное для многих далёких от двора современников разделение на опричнину и земщину на самом «верху» отнюдь не всегда соблюдалось. В числе «ближних людей» Ивана Грозного на протяжении всего времени существования опричнины мы видим известных земских бояр: князей Василия и Петра Серебряных Оболенских, Иванов Большого и Меньшого Шереметевых, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, казначея Никиту Фуникова, печатника Ивана Висковатого, дьяков Андрея и Василия Щелкаловых⁹. Шлихтинг подчёркивал, что царь «держит в своей милости князя Бельского и графа Мстиславского, хотя в один и тот же день отравил его брата и жену. И если кто обвиняет пред тираном этих двух лиц, Бельского и Мстиславского, или намеревается клеветать на них, то тиран тотчас велит такому человеку замолчать и не произносить против них ни одного слова, говоря так: “Я и эти двое составляем три московских столпа. На нас трёх стоит вся держава”»¹⁰.

В схватке за власть и влияние сталкивались группировки московской правящей элиты (в XVIII веке их будут называть придворными «партиями»), в которых рядом находились земские и опричные деятели. Так, летом 1570 года изошрёнными казнями завершилась борьба двух кланов высшей московской бюрократии. Во главе одного из них стоял талантливый дипломат, печатник и государственный деятель дьяк Иван Михайлович Висковатый; во главе другого — восходящие звёзды того же приказного мира дьяки Андрей и Василий Щелкаловы. Висковатый проиграл это противоборство, но дело было отнюдь не в его мнимом

предательстве (он якобы обещал передать польскому королю Новгород и Псков, а татар и турок призывал совершать набеги на Русскую землю и послать войска на Астрахань). Когда бежавший в сентябре 1570 года из России Шлихтинг сообщил литовским политикам о казни Висковатого по обвинению в измене в пользу Литвы, Турции и Крыма, то подканцлер Великого княжества Литовского Остафий Волович написал об участии дьяка маршалку дворскому Криштофу Радзивиллу: «Не знаю об этих басурманах (татарах и турках. — *И. К., А. Б.*), но к государствам нашего господина (короля Сигизмунда II. — *И. К., А. Б.*) не был благосклонен, всегда был труден для послов его королевской светлости». Биограф Висковатого польский историк И. Граля включил в число противников Щелкаловых бояр Захарьиных, что вызывает у других исследователей сомнения, так как этот род в течение долгого времени покровительствовал Щелкаловым¹¹.

Печатник Висковатый вместе с другими видными деятелями государственного аппарата (казначеем Никитой Фуниковым, дьяками Андреем Васильевым и Василием Степановым) и авторитетными (и в земщине, и в опричнине) боярами Захарьиными выступал в пользу некоторого ограничения опричных репрессий, в чём его поддерживали прежние руководители опричнины князь Вяземский и Басмановы. Судя по сообщению Шлихтинга, Висковатый уговаривал Ивана IV прекратить казни и «просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». Очень возможно, что подобные просьбы могли вызвать у царя сомнения в лояльности дьяка, чем, в свою очередь, умело воспользовались его противники.

Щелкаловы же стояли во главе целой группы придворных, объединявшей их родственников Сукиных, а также Клобуковых, Годуновых, опричников князя В. И. Тёмкина-Ростовского и Малюту Скуратова. К ним примыкал и боярин И. В. Шереметев Меньшой, состоявший с Щелкаловыми в тесной дружбе. При этом братья имели довольно враждебные отношения с опричным боярином М. Т. Черкасским, а тот даже пытался оклеве-

тать В. Я. Щелкалова с помощью подьячего Улана Айгустова.

Ещё в 1567/68 году В. Я. Щелкалов и князь Тёмкин-Ростовский предъявили Висковатому иск о «бесчестии». Печатник тогда спор проиграл, но свои позиции в Ближней думе царя сохранил. Однако через два года его новое поражение завершилось кровавой экзекуцией. Пискарёвский летописец сообщает, что царь «повеле казнити дьяка Ивана Висковатого по суставом резати, а Никиту Фуникова дьяка же варом (кипятком. — *И. К. А. Б.*) обварити». Некоторые из арестованных были убиты вместе с семьями, а в качестве палачей выступали лица из близкого окружения царя, причем не только опричники, но и земские бояре.

Сам же царь не только умело лицедействовал, но и явно обладал режиссёрским даром, который реализовывал в устраиваемых им зрелищах. Едва ли он верил в тройную измену прослужившего ему верой и правдой больше двадцати лет печатника и, возможно, сознавал, что потерял толкового помощника. Но, выдвигая против дьяка и его коллег обвинения в сговоре с враждебными государствами, он указывал подданным, по чьей вине никак не закончится Ливонская война, а русская земля подвергается набегам татар, почему происходят казни и растут подати, кто творит неправосудие и мздоимство.

И сделал он это умело, по законам жанра, на площади, в присутствии многочисленных подданных: «...приводят связанными 300 знатных московских мужей, происходивших из старинных семейств; большинство их — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморожено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки. Всех этих лиц ставят пред тираном. Он, видя, что народ оробел и отворачивается от подобной жестокости, разъезжал верхом, увещевая народ не бояться. Тиран велит народу подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев. Услышав это, народ подходит ближе, а другие влезают на крыши домов. Тиран снова возвращается к черни и,

стоя в середине её, спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников. Народ восклицает громким голосом: “Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их”».

Казалось бы, государь демократично добился народного одобрения расправы — но следуют не казни, а неожиданное, сверхзаконное прощение уже готовившихся через минуту расстаться с жизнью осуждённых. Иван Васильевич «велит вывести на средину 184 человека и говорит своим боярам, которые стояли в некотором отдалении от упомянутой толпы телохранителей: “Вот возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собою; не имею никакого суда над ними”, — и они были отпущены из упомянутой толпы стоявших кругом к свите бояр». Несчастные люди валяются на колени, бьют челом, спешат к ещё не верящим в чудо родным и близким.

Но шоу ещё не закончено — не зря же собрались зрители. Теперь должна разразиться гроза. На сцену торжественно выходит дьяк Василий Щелкалов и громким голосом зачитывает «вины» преступников и, прежде всего, главного из них, Ивана Висковатого: «Иван, секретарь великого князя, вероломный, вероломно поступил. Именно, он написал королю Польскому, обещая ему предать крепость Новгородскую и Псковскую. Это — первый знак твоего вероломства и обмана». При этом он бил поверженного противника плетью по голове. «Второй знак вероломства и обмана: ты писал к царю турецкому, увещевая его послать войска к Казани и Астрахани. Это второй твой обман и вероломство. В третьих, ты писал царю перекопскому или таврическому, чтобы он опустошил огнем и мечом владения великого князя. Тот, учинив набег с войском, причинил большой урон жителям Московской земли. И раз ты виновник столь великого бедствия, ты уличён в вероломстве и обмане, учинённом против твоего государя»¹².

Начинается экзекуция: из тела Висковатого палачи вырезают куски мяса, Фуникова обливают поочередно кипятком и холодной водой, остальным опричники лихо рубят головы. Вместе с Фуниковым и Висковатым на площади были публично казнены дьяки, стоявшие во главе наиболее важных московских приказов: возглав-

лявший Поместный приказ Василий Степанов, глава Большого прихода (главного финансового ведомства России того времени) Иван Булгаков, начальник Разбойного приказа Григорий Шапкин. Жестокое представление и его главный постановщик долго не забудутся: вот это государь — что казнить, что миловать умеет! Уже не на публике, а «за сценой» происходит делёжка «наследства» виновных. Андрей Яковлевич Щелкалов получил должность Висковатого, а его брат Василий — часть владений казнённого противника; при том оба остались на службе в земщине.

Вместе с Висковатым не удержались у вершин власти и прежние руководители опричнины. Нагнетаемая атмосфера «измены» обернулась против них же: чем масштабнее представлялся очередной раскрытый «заговор», тем более высокое положение должны были занимать его виновники, ибо, как мыслили московские «верхи» того времени, «семи без науку быти не мощно».

Несостоявшееся братство: «перебор людишек»

Организовать круг избранных во спасение государства слуг царь мыслил по образцу удалившейся от мирской скверны монашеской обители. Эти люди составляли особое «братство», которое царь учредил в Александровской слободе, взяв на себя роль его наставника-игумена. В числе «старейшин» опричного братства Таубе и Крузе называли Афанасия Вяземского и Малюту Скуратова, а также отца и сына Басмановых и Петра Зайцева; Штаден в состав «высших глав в опричнине» добавлял князей Михаила Черкасского, Василия Тёмкина-Ростовского и Андрея Овцына, «маршалка» Булата Арцыбашева, братьев Григория и Василия Грязных, стрелецкого голову Кураку Тимофеевича Унковского¹³.

Однако возвышение новых опричных деятелей порождало между ними соперничество. Лучшим способом утвердить свое место у трона стало выявление «измены», чему в немалой степени помогала атмосфера подозрительности в условиях опричных опал и каз-

ней. Да и сам царь едва ли мог долго выдержать роль смиренного, хотя и старшего «брата» учреждённой им «обители» — его темперамент вкупе с чувством «чёрного» юмора давали о себе знать.

Шлихтинг рассказывал, «как сильно любит тиран своего зятя (шурина. — *И. К., А. Б.*) Михаила Темрюковича... не пропускает никакого случая оказать ему свое расположение, понятно, в течение тех двадцати или тридцати дней, когда он не свирепствует». Однако и царскому родственнику доставалось от венценосного покровителя: «...как только душа его воспламенится чем-либо возбуждающим жестокость и вспыльчивость, он приказывает привязать к каждому воротам <дома Черкасского> пару или две диких медведей, в силу чего несчастный не может выйти не только сам, но и никто вообще, и при этом по необходимости ест и пьёт, что есть у него дома, так как достать из другого места трудно: от страха пред медведями никто не смеет ни входить в этот дом, ни выходить из него. Также коль скоро тиран заметит, что у того есть деньги, то велит привести его на то место, где должников бьют палкою за неуплаченные долги, и наравне с ними подвергнуть палочным ударам, пока тот не отдаст, что у него есть. А если ему дать нечего, тиран велит отсчитать ему несколько золотых, которые впоследствии отбирает, когда захочет. Если же он хочет воздержаться от избиения зятя, то велит схватить более именитого его раба и подвергнуть его палочным ударам столько времени, пока зять из чувства сожаления не заплатит этого и не отдаст то, что велит тиран. Он хвастает, что проявил большую милость в том, что, избивая раба, щадит зятя». В другой раз один из главных опричников должен был входить в свой дом через ворота, на которых его подчинённые повесили кучера и двух слуг Черкасского, и тот, «выходя ежедневно из дому, принуждён был, так сказать, нагибаться под виселицей своих служителей, а висели они на том месте приблизительно четырнадцать дней»¹⁴.

Может быть, не поднаторевший в придворном обращении горец Михаил Темрюкович и вправду бывал виноват перед грозным зятем, но едва ли подобные методы воспитания порождали чувство искренней при-

вязанности. А для прочих опричников они служили наглядным уроком того, что любой «человек великий и временной» в одночасье может перестать таковым быть; можно постараться если не занять его место, то хотя бы продемонстрировать государю свою бдительность и войти в милость.

По сообщению того же Шлихтинга, Афанасий Вяземский в 1570 году «погорел» в результате доноса на него царского ловчего Григория Ловчикова о том, что князь якобы предупредил новгородцев о январском царском походе. Возможно, обвинение было ложным или, во всяком случае, недоказанным; князя не казнили, однако опричники «каждый день в то время, как Афанасий совещался с тираном, умерщвляли несколько рабов (холопов Вяземского. — *И. К., А. Б.*) и не прекращали исполнять приказание, пока не убили всех». Затем царь казнил братьев князя, конфисковал его имущество, а самого опричника поставил на правёж* «на место, где обычно бьют должников, и повелел бить его палками по целым дням подряд, вымогая от него ежедневно 1000 или 500 или 300 серебряников». Как долго продолжалось это издевательство, неизвестно, но Штаден упоминал, что Вяземский умер «на железной цепи в посаде Городецком», как провинившийся перед хозяином дворовый пёс. Государь же, видимо, полагал, что поступил справедливо: не было казни — нет и имени покойного Вяземского в синодиках опальных.

Но и доносчику Ловчикуву не повезло — он не только не возвысился, но и не пережил Афанасия Вяземского. Ещё в июле 1570 года он отвозил какие-то следственные дела к царю в слободу, а уже в августе погиб; его дети дали в Троице-Сергиев монастырь сельцо Офросимово на помин души отца и матери¹⁵. Вяземского же в должности оружничего сменил князь из служилых татар Иван Мовкошеевич Тевекелев. В 1558/59 году он был головой в большом полку в походе на Нарву и Ригу,

* Правёж (от др.-рус. править — взыскивать) — способ исполнения судебного решения, принуждение ответчика к уплате долгов и пошлин, при котором его ежедневно били батогами. Иван IV в 1555 году указал стоять на правеже пропорционально долгу; при долге в 100 рублей время правежа составляло месяц. (*Прим. ред.*)

затем «воевал Литву». В опричнину он попал летом 1567 года и вместе с другим опричником, Осипом Ильиным, ездил на литовский рубеж менять пленного воеводу Довоину на князя В. И. Тёмкина-Ростовского. В походах 1571—1572 годов князь состоял «с шеломы и с доспехом»; сам сражался воеводой в Ливонии в 1573—1574 годах. Но в середине 1570-х годов он попал в опалу и был казнён — возможно, из-за царской ревности: есть известие, что Иван IV заточил в тюрьму Василису Мелентьевну, «чтя ю зрящу яро на оружничьего Ивана Деветелева князя, коего и казни»¹⁶.

Новгородское «изменное дело» заставило подозревать не только Вяземского, но и других опричников, ведь многие из них имели родственников, друзей, соседей в земщине. В начале января 1571 года опричники арестовали и в оковах увезли в Москву земского боярина Ивана Петровича Яковля, а следом настала очередь его брата, опричника Василия; в том же году оба были насмерть забиты палками.

Яковли приходились родственниками Захарьиным-Юрьевым, которым царь прежде доверял — но не теперь. В чём именно провинился умерший к тому времени глава клана Василий Михайлович Захарьин-Юрьев, мы не знаем; опись царского архива сохранила только указание на «дело» новгородского гостя Прокофия Цвилленева, «что сказал на него наугороцкий подьячий Богданко Прокофьев государьское дело и про зсылку Василия Михайловича Юрьева». Но месть царя обрушилась на потомство боярина. Весной 1571 года Иван Грозный приказал убить его дочь вместе с её младенцем-сыном, запретив хоронить убитых и повелев бросить их тела во дворе их мужа и отца — главного опричника, князя М. Т. Черкасского¹⁷.

Формальный глава опричной Думы тоже не пережил этот год, но обстоятельства его гибели покрыты тайной. Во время нападения хана Девлет-Гирея он был назначен воеводой передового полка, но где-то по пути в Серпухов убит. Царь обычно не стеснялся казней «изменников», но убийство шурина отрицал. В наказной памяти (инструкции) гонцу в Крым Севрюку Клавшову от июня 1571 года говорилось: «А нечто хто вопро-

сит Севрюка про князя Михаила Черкасского, где ныне князь Михайло, и Севрюку говорити: князь Михайло Черкасской был в полку со царевыми и великого князя воеводами, и в царев приход (набег Девлет-Гирея в мае 1571 года. — *И. К., А. Б.*) ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб. А хто молвит, что его царь и великий князь велел убити, и Севрюку говорити: то говорят ложно, не ведая, а государь его убити не веливал. За что государю его убити? Государь и братью его, не хотя в плену и в нуже, велел за них окуп великой послу своему дать (то есть государь повелел выкупить попавших в крымский плен братьев Михаила Темрюковича Мамстряка и Беберюка. — *И. К., А. Б.*). И не жалуя Темрюка князя и детей его, за что было государю окупать?»¹⁸

Причина убийства М. Т. Черкасского неизвестна; возможно, он был казнён в связи с опалами родственников со стороны жены Захарьиных-Юрьевых. Другие версии связывают его гибель с участием его отца в походе Девлет-Гирея или же ложными слухами об этом, поскольку-де Темрюк в этом набеге не был. Возможно, сам князь Михаил неудачно вмешался в придворную борьбу — в начале того же 1571 года он подговорил подьячего Айгустова сделать навет на земского дьяка Василия Щелкалова. Но доносчик не выдержал пытки и признался, «что он сставлял на Василья многие дела по науку князя Михаила Черкасского». А может быть, после смерти второй жены Иван Грозный уже считал кавказского джигита опасным и ожидал его измены, обвинить же того открыто было нежелательно по причине наличия у него недосыгаемых родственников за границей. Однако Бог всё видит, его не обманешь, и имя кабардинского князя было занесено в синодик опальных, а сам царь особо вложил по душе опричника в Троице-Сергиев монастырь 60 рублей «да два ошейника на бархате зеленом»¹⁹.

Возможно, удалой, но простоватый Темрюкович и не был ни в чём виноват. На рубеже 1560—1570-х годов началась смена руководства опричнины, на первый план выдвинулись люди новые и худородные. Наиболее яркими представителями этой «команды» были Малюта

Скуратов и Василий Грязной, доказавшие царю свою преданность многочисленными убийствами «государевых изменников». Они-то и возглавили аппарат политического сыска и фактически встали у руля управления опричниной на последнем этапе её существования. Вокруг Малюты сложился круг людей, которые, как и сам он, происходили из рядов провинциального дворянства и стремились пробиться наверх. Вслед за самим Малютой при опричном дворе стали продвигаться его родственники. Особенно успешную карьеру в годы опричнины и в послеопричный период сделали его племянник Богдан Яковлевич Бельский, ставший думным дворянином и оружничим, влиятельные и энергичные дьяки Щелкаловы, а также Клобуковы, Сукины и другие видные представители московской бюрократии.

Развернувшаяся борьба за власть и первенство при дворе, когда шли в ход доносы и клевета на политических противников, явилась одной из главных причин отставки и опалы старых руководителей Посольского и иных важнейших приказов (Висковатого, Фуникова и др.), а также прежних опричных лидеров (Басмановых, Вяземского, Черкасского). Помимо многолетней совместной управленческой деятельности этих людей связывали довольно тесные родственные и личные отношения²⁰. Таким образом, под подозрением у Ивана Грозного в начале 1570-х годов оказался весь круг людей, которые до недавнего времени составляли его ближайшее окружение, стояли во главе управления страной, определяли внутри- и внешнеполитический курс. Однако вместе с ними постепенно уходило и царское доверие к опричникам.

Начался разгром руководившей опричниной «братии». Когда и как погибли отец и сын Басмановы, неясно. Опись Посольского приказа 1626 года упоминает не дошедший до нашего времени «статейной список из сыскного из изменного дела 78-го году на ноугородцко-го архиепискупа на Пимина, и на новгородцких дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном ево с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с

печатником с Иваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да с дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдати литовскому королю». То есть первые лица царской опричнины обвинялись в том, что вошли в преступные сношения с новгородцами и московскими дьяками-«изменниками», чтобы вместе с ними «сдать» Литве Новгород и Псков. Заговорщики якобы хотели «царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии... злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича; и в том деле с пыток многие про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и на ево советников и на себя говорили, и в том деле многие казнены смертью розными казнми, а иные розосланы по тюрьмам, а до ково дело не дошло, и те свободнены, а иные и пожалованы»²¹.

Среди тех, кому на сей раз повезло, были земский боярин Семён Васильевич Яковля и земский дьяк Андрей Васильев, видимо, прощённые царём во время массовых казней июля 1570 года в Москве на Поганой Луже. Яковля был отправлен в ссылку — на воеводство в Смоленск, но потом всё-таки казнён вместе с сыном. Посольский дьяк Васильев уцелел и ещё в 1574 году был на службе. Судьба основателей опричнины оказалась иной. Имя опричного боярина Алексея Басманова перестало упоминаться в 1569 году; по сведениям Курбского, он был зарезан собственным сыном Фёдором, которого царь вскоре также казнил. Согласно фамильным преданиям XVII века, отец и сын отправились в ссылку на Белоозеро, где их «не стало в опале». Возможно, так оно и было, поскольку имена Басмановых в синодиках опальных не упоминаются, но в 1570/71 году благочестивый царь дал в Троицкий монастырь на помин души Фёдора 100 рублей²².

Не было счастливого конца и в карьере опричников Фёдора и Василия Колычёвых. Казалось бы, всё сложилось для братьев удачно. Из полуопальных дворян они после долгих лет воинской службы не просто достигли думных чинов, но стали приближёнными государя. Оба

были взяты в опричнину и не вышли из доверия даже после казни родственников — записанных в синодике опальных Ивана с сыном, Андрея, Венедикта и Тимофея Колычёвых и гибели двоюродного брата, митрополита Филиппа, осмелившегося поднять голос против опричных репрессий.

Но опала всё же настигла братьев. Сначала опричный боярин Фёдор в 1571 или 1572 году местничался с представителем новой царской родни (по жене царевича Ивана) и дело проиграл: «...искал своево отечества Федор Иванович Умново Колычов на Василье Григорьевиче Сабурове. И по суду Василей Сабуров оправлен, а Федор Колычов обвинен, и выдали Федора Умново Василью Сабурову головою». Обиженный Колычёв постригся в монахи и окончил жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре, где и был похоронен. Судя по всему, ему ещё повезло — другие видные опричники в это время сложили свои головы на плахе. Его младший брат пережил опричнину, вошёл в состав нового царского «двора» и был щедро пожалован: в 1573 году при раздачах поместий на новгородских землях он сумел получить 405 четвертей*, принадлежавших пяти владельцам, отказался от них «для далеча и розни» и добился взамен двух новых владений. Однако весной 1575 года по неизвестной нам причине Василий Колычёв был казнён; предвидя конец, он успел сделать большие вклады по своей душе — 50 рублей в Троице-Сергиев монастырь и 250 рублей — в Кирилло-Белозерский²³.

Ещё больше не повезло князю Василию Тёмкину-Ростовскому. Он ли не усердствовал в деле Филиппа Колычёва — но после казни Басмановых царь велел подбирать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие злоупотребления опричников. Тут и оказалось, что опричный боярин отказался выплатить крупный долг митрополичьему дьяку Никите Аксентьевичу Парфеньеву и в назидание надоедливому кредитору убил его сына. Парфеньев-отец «...бил челом государю царю и великому князю о сына своего убитой голове», и

* Четверть (четы) — здесь: мера земельной площади, половина десятины; десятина составляла 1,0925 гектара. (Прим. ред.)

любивший показную строгость Иван IV не упустил случая продемонстрировать царскую «грозу».

Государь отдал под суд члена опричной Думы, который вынес решение: «И мы Никиту пожаловали, — гласила царская грамота от 4 февраля 1571 года, — приказали за сына ево убитую голову и за долг на боярине на князе Василье Темкине-Ростовском взять 900 рублей денег, а боярин наш князь Василей Иванович Темкин-Ростовской нам бил челом, чтоб нам его пожаловать, а велети у него Никите Оксентьеву взять Ивановскую Михайлова вотчину, что ему князю Василью дано за безчестье от Ивана от Михайлова за 600 рублей, его князь Васильевы 3 жеребьи, село Хрептово з деревнями, которые деревни в сей грамоте имяны писаны, з дворы и с пашнею и с пожнями и с лесы и со всеми угоды и с хлебом земляным и стоячим, а Миките в его иск за те ж денги за 600 рублей. И мы боярина своего князя Василья Ивановича Темкина Ростовского пожаловали, его княж Васильеву вотчину, село Хрептово з деревнями и с хлебом стоячим и з земляным, велели есмя дати Миките Оксентьеву за 600 рублей и купчую есмя на ту княж Васильеву вотчину Никите Оксентьеву велели дати»²⁴. Знатному опричнику пришлось отдать Парфеньеву в погашение оставшейся выплаты в 300 рублей другую свою вотчину — $\frac{2}{3}$ села Олферовского. Тот же суд удовлетворил и иск Василия Волкова, которому опричный боярин отказался вернуть долг в 150 рублей. В счёт этого долга у Темкина была конфискована последняя треть села Олферовского (вовремя подсуетился «сын боярский», иначе едва ли смог бы взыскать долг с недавно ещё всесильного опричника). А дела князя пошли ещё хуже: в мае 1571 года он не уберёг от гибели опричный дворец в Москве, и царь велел спасшегося из огня воеводу утопить вместе с сыном²⁵.

После наполненных драматическими событиями нескольких опричных лет царь вновь чувствовал себя преданным и одиноким. Его православное государство сотрясали неудачи в войне, голод и мор. А избранные им самим слуги оказались недостойными своего высокого положения: вместо «братии»-единомышленников рядом с ним очутились корыстолюбцы, интриганы,

изменники. «Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мною поскорбел, — и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистию за любовь» — этот стон души вырвался у Ивана Грозного в завещании 1572 года.

Стоило ли жалеть тех, кто не оправдал доверия? Погибли опричный кравчий Фёдор Салтыков-Морозов и постриженный в монахи опричный боярин и дворецкий Лев Салтыков — ещё недавно он командовал карательной экспедицией в Новгород, а затем сопровождал царя в походе против татар в качестве ближнего боярина, а его сын стал первым оруженосцем в свите. Также постриженному Ивану Чоботову царь сохранил жизнь, но заточил в Борисоглебском монастыре в Ростове. В 1565 году думный дворянин Пётр Зайцев вместе с Алексеем Басмановым был одним из «учредителей» опричнины, а теперь опричники повесили своего бывшего командира на воротах собственного дома. Как будто предчувствуя гибель, 18 июня 1570 года Зайцев пожертвовал в Троице-Сергиев монастырь 20 рублей; 7 сентября уже его родственники добавили к этой сумме ещё 23 рубля на помин его души.

На смену казнённым и опальным пришли новые люди, но на этот раз царь выбирал их из рядов высшей титулованной знати. Князь и дворовый воевода Фёдор Михайлович Трубецкой попал в опричнину весной 1570 года и по своему статусу намного превосходил прочих членов опричной Думы. Он сделал блестящую карьеру: в 1571—1572 годах был главным дворовым воеводой и возглавлял царский полк, в послеопричное время стал боярином, минуя чин окольничего, и благополучно избежал опалы. К осени 1570 года в опричнине оказался князь Андрей Петрович Хованский — боевой воевода и бывший старицкий дворецкий.

Бывший удельный князь и владелец города Лихвина Никита Романович Одоевский продвигался по карьерной лестнице быстро: в 1562/63 году служил есаулом, в 1564-м — первым воеводой правой руки, в 1567-м — первым воеводой в большом полку на берегу. Его сестра была отравлена в октябре 1569 года вместе с мужем,

князем Владимиром Старицким, и дочерью, но сам Никита Одоевский попал в опричнину и в сентябре 1570 года стал опричным боярином и вторым лицом в армии после главнокомандующего — начальником опричного полка правой руки.

Успех вскружил Никите Романовичу голову. Когда весной 1572 года при назначении воевод «для приходу» крымцев были соединены опричные и земские войска, Одоевский пытался местничаться с не раз подвергавшимся опале знатнейшим земским воеводой: «В правой руке в Торусе бояре и воеводы князь Микита Романович Адуевской да Федор Васильевич Шереметев, и Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князь Михаила Ивановича Воротынского». Но челобитье опричника было оставлено без внимания. Тем временем на самого опричного боярина подал челобитную князь Иван Петрович Шуйский, назначенный первым в сторожевой полк; «государь велел челобитье ево записать, и челобитье ево записано», что можно трактовать как победу земца Шуйского²⁶.

К весне 1572 года в опричную Думу вошёл князь Осип Щербатый-Оболенский. В чине опричного окольного он сопровождал царя в Новгород, а затем ездил с царским «жалованным словом и с денежным жалованьем» к войскам, собранным на Оке для отпора татарам.

Тогда же в опричнину попал один из знатнейших русских вельмож князь Иван Андреевич Шуйский — отец будущего царя Василия. Его собственный властный родитель Андрей Михайлович ранее потерпел фиаско в придворной борьбе: в декабре 1543 года юный великий князь по наветам стоявших за его спиной конкурентов Шуйских повелел своим псарям убить его, обвинив в том, что Шуйские «безчиние и самовольство чинят», Андрей Иванович, ещё недавно всесильный министр, «лежал наг в воротех два часа». Однако эта опала не повлияла на положение рода; в последующие годы царствования Ивана Грозного Шуйские, в отличие от многих боярских семей, не пострадали. В годы опричнины Иван Андреевич исправно служил воеводой в Великих Луках и Смоленске и постепенно вошёл в доверие к мнительному царю, тем более что репрессии убрали

многие крупные фигуры, и в 1572 году сопровождал Ивана IV в Новгород как первый боярин «из опришники». Тогда же состоялась женитьба его сына Дмитрия на дочери Малюты Скуратова. Но в январе 1573 года во время очередного похода в Ливонию И. А. Шуйский, возглавлявший передовой полк, погиб, и старшим в семье остался его сын, двадцатилетний Василий.

В 1572 году в опричной Думе оказался ногайский мурза, князь Пётр Тутаевич Шейдяков; он только что крестился и был щедро пожалован — получил вотчины опальных Басмановых. Туда же вошли и потомки рязанских князей братья Пронские: принятый в опричнину в 1570 году Семён Данилович и его старший брат, родственник князя Владимира Старицкого, долго служивший в его уделе боярин Пётр Данилович. Последний хотя и числился в земщине, но помогал опричникам разорять Новгород и остался «начальником города» после погрома. После того как в феврале 1571 года царь забрал в опричнину значительную часть Новгородской земли, князь Пётр тоже стал опричником и вошёл в опричную Думу. Дважды, в декабре 1571 года и весной 1572-го, братья-князья сопровождали царя в Новгород в качестве опричных бояр. Их приближение к трону было оплачено дорогой ценой — смертью родичей. Князь Василий Фёдорович Пронский вместе с другими участниками Земского собора 1566 года обратился к царю с протестом против опричного произвола. Тогда 300 челобитчиков попали в тюрьму, а признанный зачинщиком князь был обезглавлен. В 1569 году был утоплен старый боярин, участник боярских усобиц после смерти Василия III князь Иван Иванович Турунтай Пронский, который якобы не хотел во время опасной царской болезни в 1554 году присягать наследнику престола царевичу Дмитрию.

Примерно в то же время членом опричной Думы стал ещё один родственник старицких князей, окольный Никита Васильевич Борисов-Бороздин. Как видим, в опричнине служило много людей из окружения опальных бояр, в том числе и из Старицкого удела Владимира Андреевича, двоюродного брата и главного соперника

Ивана Грозного, по подозрению в связях с которым был разгромлен Новгород.

Царь явно поступал так намеренно. Но почему? Одни историки объясняют приближение бывших старицких вассалов их изменой своему князю и участием в расправе над ним, однако доказательств этого предательства имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат. Другие полагают, что таким образом Иван IV готовил почву для расправы со старой опричной гвардией и ликвидации опричнины и потому стремился обеспечить себе поддержку тех, кто больше всего от неё пострадал. Однако в любом случае новые опричники, имевшие такое «пятно в биографии», тем более должны были оценить царскую милость и ревностно заглаживать действительные и мнимые грехи.

Они и старались. Но «близ царя — близ смерти». Чистку 1570—1571 годов пережили немногие и ненадолго. Разочаровавшийся в прежних слугах царь уже не пытался изображать духовное единство с новой опричной верхушкой. Да и сами они, кажется, на это не претендовали. В отличие от своих предшественников новые начальники «братства» выглядят какими-то бесцветными; известны их служебные назначения, придворные должности, но в источниках нет упоминаний ни о доблестях, ни об особых злодействах этих царских слуг. Да и были они людьми относительно молодыми: опричные князья Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, С. Д. Пронский служили есаулами в Полоцком походе (1562—1563), всего лишь за два года до введения опричнины. Таубе и Крузе весьма низко оценивали способности «второй волны» опричного руководства, отметив, что при особе царя «никого не осталось, кроме отъявленных палачей или молодых ротозеев»²⁷. Другие в одночасье попадали в царское окружение почти что из «грязи» (конечно, по меркам самого государя), как окольный Даниил Колтовский, приближенный в результате скоротечного брака царя с его родственницей Анной. Может, потому Иван Грозный и расставался с ними проще — без проволочек и мрачных спектаклей.

В 1572 году в опалу угодил окольный Григорий Собакин вместе со всем родом, поднявшимся было бла-

годаря другому царскому браку — с красавицей Марфой. Н. Р. Одоевский был казнён в 1573 году; окольников Д. А. Бутурлин, Н. В. Борисов-Бороздин — в 1575-м. Окольников В. И. Умной Колычёв был арестован вместе с И. П. Яковлевым под Ревелем и увезён в оковах в Россию в январе 1571 года. Тогда он избежал казни, но был отстранён от дел и только весной следующего года получил назначение в полки против татар, но в 1575 году снова оказался в опале и был убит. Князь П. Д. Пронский исчез из разрядов после 1572 года. Старый опричный боярин, потомок ярославских князей и свойственник царя (он был женат на Анне Захарьиной, сестре первой жены царя, Анастасии) Василий Андреевич Сицкий погиб в Ливонии под Венденом в 1578 году; тогда же, по видимому, оборвалась жизнь А. П. Хованского.

Судя по всему, в последние годы опричнины её реально возглавляли именно «палачи» — те, кто первоначально находился во втором ряду и до поры на главные роли не претендовал, выполняя при этом самые жестокие повеления государя.

Малюта и К°

Самой колоритной фигурой среди всех опричных думных дворян был, конечно, знаменитый Малюта Скуратов — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский. Малюта — второе имя самого Григория, а Скуратов — прозвище его отца. Знати, пострадавшей от опричнины, имена этого царского слуги и его родственников были ненавистны, и из эмигрантского далёка князь Андрей Михайлович Курбский жестоко осуждал царя за то, что он по дьявольскому наущению приблизил к себе «прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарищи».

После того как другой видный опричник Евстафий Пушкин привёз в Иосифо-Волоколамский монастырь тело Малюты, убитого во время штурма ливонской крепости Вайсенштейн (Пайде), во вкладной книге обителю появилась запись: «...дал царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси по холопе по своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» 150 рублей.

Немалая сумма вклада и необычное упоминание о «холопстве» свидетельствуют об особом отношении царя к своему верному слуге, возможно, принадлежавшему к потомкам старинных холопов великокняжеского дома.

Тем не менее и этот опричный герой не был обязательным простолюдином, каким его блестяще сыграл Михаил Жаров в фильме Сергея Эйзенштейна. Род Скуратова был известен с XV века, но к фамилии Гедиминовичей князей Бельских отношения не имел. Сын небогатого вотчинника из-под Звенигорода, Малюта с братьями Яковом и Григорием непонятно как попал ко двору и появился на опричной службе Ивана Грозного среди многих других лиц из провинции. Поначалу он важных постов не занимал, в 1567 году во время похода против Литвы находился в опричном войске среди сотенных голов низшего ранга. Однако Малюта быстро сумел выдвинуться: историки полагают, что именно он командовал в слободе сыскным ведомством и лихо исполнял царские решения об арестах и казнях, после чего играл роль пономаря* опричного псевдомонашеского братства. Царь-«игумен» оценил расторопного и надёжного слугу и стал доверять ему ответственные поручения.

Руками Скуратова по пути опричной армии в Новгород Иван Васильевич расправился с непокорным митрополитом Филиппом. Царь, наверное, полагал, что бывший глава церкви не упустит случая отомстить своему врагу, новгородскому архиепископу Пимену, который помог опричникам низложить его с митрополии. 23 декабря 1569 года Малюта от имени царя просил Филиппа благословить расправу над новгородцами и даже будто бы предложил ему вновь занять митрополичий престол. Но Колычѐв соглашался «благословить» царя и вернуться на митрополию только при условии упразднения опричнины. Беседа опального архиерея с опричником закончилась тем, что Колычѐв стал обличать неистовство «кромешников», а Малюта зажал мона-

* Пономарь (парамонарь, от *др.-греч.* приставник, привратник) — служитель православной церкви, не имеющий священнического сана, в чьи обязанности входит звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении.

ху рот подушкой («подглавием») и задушил его. Игумену монастыря он объявил, будто узник умер от келейного зноя, и приказал немедленно предать его тело земле.

Именно Малюта «зачитал вины» князю Владимиру Старицкому перед его казнью: «Царь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление». Он же проводил экзекуции в Новгороде с таким усердием, что в синодиках опальных записано: «...по Малютинские ноугородцкие посылки отделано тысяща четыреста девятыдесять человек, да из пищалей стрелянием пятнадцать человек». Едва ли сам Скуратов порубил и пострелял почти полторы тысячи новгородцев, но эта «заслуга» опричников явно недаром приписана ему. А во время московских казней на Поганой Луже верный опричник первым отрезал ухо дьяку Висковатому.

Живший в страхе перед заговорами Иван IV со временем разочаровался в своих ближайших сподвижниках — но неизменно доверял Малюте; видно, было в этом человеке что-то, не позволявшее даже подозрительному государю усомниться в его верности. Может, поэтому и в народной памяти опричник остался не жестоким истязателем, а бескорыстным мастером-палачом, искренне радовавшимся возможности заняться любимым делом, пусть даже пришлось бы казнить царского сына:

За тым за столом за дубовым
Сидел Малютушка Скурлатов сын;
Стал он говорить таково слово:
«Ай же грозный царь Иван Васильевич!
А моя-то работушка ко мне пришла!»

В мае 1570 года Скуратов получил чин думного дворянина и стал подниматься наверх в опричной иерархии. Если в этом году он ещё числился четвёртым по списку дворян в царском стане, то в январе 1572-го уже назван первым среди дворян, «которые живут у государя в думе» — казни 1571 года расчистили дорогу державшемуся на вторых ролях Малюте. Сосватав за царя Марфу Собакину, опричник через неё породнился с царской семьёй и был назначен вторым дворовым

воеводой, на что ранее не мог претендовать из-за своего худородства.

Скоропостижная смерть царской жены пресекла карьеру Собакиных, но не повлияла на положение Скуратова. Розыск об участии опричной верхушки в «заговоре» внушил царю страх за свою безопасность даже в опричнине. Государь повелел опричнину отменить, но Малюта не только не утратил своего влияния, а, напротив, достиг наивысшего могущества. Как дворянин «ближние думы», с начала 1572 года он участвовал в ответственных дипломатических переговорах с Крымом и Литвой. Сумел он и обеспечить будущее своим детям. Три его дочери были выданы замуж исключительно удачно для представительниц не отличавшейся благородством фамилии: Анна стала женой царского двоюродного брата князя И. М. Глинского, Мария — молодого опричника и будущего царя Бориса Годунова, а Христина вышла за князя Д. И. Шуйского, брата Василия Шуйского, в свою очередь занявшего трон.

Но многообещающая карьера верного слуги внезапно оборвалась. Участвуя в качестве дворового воеводы в походе против шведов, он в январе 1573 года пал в бою под стенами замка Пайде. Безутешный царь приказал во взятой крепости зажарить живьем всех пленных, дал щедрые вклады в монастыри по душе «верного холопа», а вдове «Марье Малютиной жене Белского» — единственный известный случай в XVI веке — назначил «персональную пенсию» в 400 рублей в год.

Единственный сын любимого царского опричника умер в юности, но Малюта успел пристроить ко двору своих родственников, и его смерть не отразилась на их положении. Именно в опричнине началась карьера его племянника Богдана Бельского, а в конце царствования он стал думным дворянином, оружничим и начальником Аптекарского приказа — под его наблюдением приготавливались все лекарства для Ивана IV. Он стоял у трона на посольских приёмах и был одним из самых влиятельных лиц при царе. С его именем кое-кто из современников связывал скоропостижную кончину царя в марте 1584 года. «Нецьи же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди. И духовник ево Феодосей Вятка

возложил на него, отшедшего государя, иноческий образ и нарекоша во иноцех Иона», — сообщает Московский летописец, сохранивший фрагменты митрополичьего летописания второй половины XVI века²⁸. После смерти царя Ивана Бельский бывал не раз обвинён в измене и сослан, но возвращался ко двору и занимал ответственные должности; он пережил шесть царей, пока, наконец, не погиб в Казани в 1610 году.

Жертвами репрессий в период чистки 1570—1571 годов стали связанные с Басмановыми учредители опричнины Вяземский и Зайцев. Но другие думные дворяне пострадали меньше, нежели опричная знать. Эти известные нам опричные начальники второго ряда во многом похожи на Малюту Скуратова. Все они были «выдвиженцами» относительно незнатными (хотя и не крестьянами), не имели поддержки влиятельной родни и своей карьерой были обязаны исключительно царской милости. Пожалование в думные дворяне было не так жёстко ограничено местническими порядками и больше зависело от воли государя и личных заслуг кандидатов. Но их роль была не менее (а может быть, и более) важной, чем формальное первенство обладавших боярскими чинами и княжескими титулами «молодых ротозеев». Думные дворяне были полковыми воеводами, исполняли важные административно-управленческие поручения, участвовали в дипломатических переговорах, разбирали местнические споры.

Потомок ростовских бояр Василий Григорьевич Грязной начал службу в числе слуг старицких князей, на что указал в своём послании к опричнику царь Иван Грозный: «А помянул бы ти свое величество и отца своего отечество в Олексине — ино таковы и в станицах еживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками». Город Алексин до 1566 года находился в уделе князя Владимира Старицкого, и, по словам царя, молодой Василий был «мало что не в псарях» у старицкого боярина и княжеского дворецкого Юрия Пенинского. С взятием Алексина в опричнину В. Г. Грязной перешёл на царскую службу и в 1566 году уже выступал в числе поручителей по делам опричных воевод князя И. П. Охлябинина и

3. И. Очина-Плещеева. В «разряде» похода 1567 года он был уже одним из голов в государевом полку, как и другие деятели опричнины — Малюта Скуратов и Роман Алферьев.

Вместе с ними Василий вошел в ближайшее окружение царя. 19 июня 1568 года Грязной с оружничим А. И. Вяземским и Малютой Скуратовым был послан «явиться в дома князей, бояр, воевод, государственных людей, купцов и писцов и забрать у них их жён; они были тотчас же брошены в находившиеся под рукой телеги, отвезены во двор великого князя и в ту же ночь высланы из Москвы» и розданы опричникам; после чего царь с войском отправился громить подмосковные усадьбы опальных.

В том же году Василий Грязной, как и другие «угодницы царицы», выступил против митрополита Филиппа, «тщась с престола его изгнати». Годом позже опричник принял участие в «суде» и расправе над своим бывшим господином князем Владимиром Старицким и его семьёй. Скуратов и Грязной устранили прежнее опричное руководство — отца и сына Басмановых и князя Вяземского — и заняли его место в качестве думных дворян «из опричнины». Но в отличие от более удачливого, а может быть, и более способного Малюты, Грязной и его родня, Ильины и Ошанины, не сумели удержаться при дворе. В период чистки опричного двора в 1571 году был отравлен «ближний спальник» Григорий Большой Грязной, убит начальник и судья опричного Земского двора в Москве Григорий Меньшой, заживо сожжён сын судьи Никита.

«Васютка» Грязной избежал участи своих двоюродных братьев, но, кажется, всё же лишился прежнего доверия и не был приглашён на свадьбу царя с Марфой Собакиной в 1571 году. После гибели Малюты Ильины были изгнаны из опричной Думы. В. Ф. Ошанин отправился на воеводство в замок Пайде, а позже был арестован и увезён в Москву. Сам Василий Грязной получил назначение в Нарву, а оттуда был послан в крепость Данков на южной границе для наблюдения за передвижениями татар; его поместье в Новгороде к весне 1573 года было передано другим лицам. Во время разведки в

степи Грязной, неудачно ввязавшись в бой, попал в плен к татарам.

Написанные в плену письма царю дают некоторое представление о характере одного из главных опричных командиров. Он бывал весёлым сотрапезником государя, но теперь Иван Грозный упрекал его за легкомыслие: «Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити?» Василий в ответ не удержался от шутливого тона, но стремился подчеркнуть свою отвагу, хотя и выглядел человеком хвастливым и тщеславным. Оправдывая своё пленение, он уверял царя, будто все воины его отряда побежали от врага, а он один схватился и в неравной схватке сражался с 280 татарами и сумел убить и ранить многих противников. И даже находясь в плену, он якобы каким-то образом «государевых собак изменников... всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака осталась — Кудеяр, и тот, по моим грехом, маленько свернулся...».

Девлет-Гирей допускал Грязного к дипломатическим переговорам с московскими посланниками, рассчитывая, очевидно, на выгодный обмен, выкуп или какие-то существенные уступки с русской стороны. Простоватый пленник едва ли разбирался в этих восточных хитростях и всерьёз считал себя важной фигурой; в письме царю он сообщал о том, что сам хан советовался с ним об условиях заключения мира между Москвой и Крымом: «...на поминках ли, деи, или, деи, на Казани и на Астрахани?» (то есть требовать ли денег или передачи недавно присоединённых к Московскому государству Казанского и Астраханского ханств). Но в Москве вмешательство опричника в дипломатическую сферу не оценили. В 1578 году Иван Грозный писал хану: «Вася Грязной — полоняник и молодой человек, а меж нас ему у таких великих дел делати и быти у такова дела непригоже». В наказе посланнику в Крым князю В. Мосальскому царь велел сказать Грязному, если тот опять попытается вмешаться в ход переговоров, «что он дурует — хто ему у того дела быти велел».

Иван IV готов был выплатить за любимца немалый выкуп в две тысячи рублей, но решительно отказался менять его на видного крымского полководца

Дивея-мурзу. «...у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася, — писал царь бывшему придворному, — тебе, вышедчи ис полону, столко не привесть татар, ни поимать, сколко Дивей кристьян пленит». Грязному, скорее всего, так и не суждено было вернуться на родину. Хан сообщал, что собирался было после выкупа одарить и отпустить пленника, но затем решил задержать до тех пор, «как ваши послы большие будут». С этого момента имя Грязного в источниках не встречается, и дальнейшая его судьба неизвестна²⁹.

В конце опричнины в думные дворяне были пожалованы выходцы из родовитой, но захудалой семьи Нащокиных: в одном местническом деле опричный голова Роман Пивов говорил про её представителя Романа Олферова, что «их роду были многие в Можайске в приказциках городовых, а иные де в холопех». Роман Олферов-Нащокин в холопах как будто не был, но начал службу стрелецким командиром и в первые годы опричнины выступал в скромной роли дворянского головы. Однако после почти двадцати лет военной службы он неожиданно в январе 1571 года получил назначение на Казённый двор в помощники главному земскому казначею князю Василию Литвинову-Мосальскому, а затем был сделан печатником.

В качестве «печатника и думного дворянина» Олферов сопровождал царя в Новгород зимой 1571/72 года. Опричный государственный муж честно признавался: «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамоте не умею», но был горд доверием и полагал, что для исполнения служебных обязанностей вполне достаточно рвеня. Более того, опричный выдвигенец начал местничаться со своим начальником и заявил в челобитной: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальские князи и хто они». Казначей стерпел бесчестье и смиренно признал, что «своего родства Мосальских князей не помнит», что его противник «человек великой, а я человек молодой» и что «счету он с Романом не держит никоторова».

Но и сам полубившийся царю неграмотный печатник в «великие» дела не мешался, место своё знал и исполнял то, что прикажут. Он принимал участие (скорее всего, сугубо представительское) в дипломатических

Царь Иван Грозный. В. М. Васнецов. 1897 г.

То го лѣ та . по шелъ црь великій князь
 ѿ бланъ пласна въ спсѣ сароусѣи дворъ съсѣ
 стяннтинъ за городомъ за пеганною
 межъ арбатскіе воулицн . и ии кнѣтскіе
 ѿ половомъ сѣта . гдѣ цркви великіи
 мѣтнкоу ѿ Дмитрия . да хрѣстѣи и ѿ
 петранъ папа . іо градоу ка ме
 нноу шкороу гдѣ дворъ по се
 лѣ льз дѣ ла
 тн
 .

Постройка опричного двора в Москве.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560—1570-е гг.

Одна из печей,
обнаруженных
при раскопках
московского
опричного двора.
Фото Н. А. Кренке

Чёрная лошёная
черепица
использовалась
только для кровель
опричных дворов
в Москве
и Александровской
слободе

Дорога в Александровскую слободу.
Гравировка на поддоне подсвечника. XVII в.

Александровская слобода с высоты птичьего полёта

Александровская слобода.
Гравировка на поддоне подсвечника. XVII в.

Современный вид слободы

Покровский
(ныне Троицкий) собор
Александровской
слободы.
1513 г.

Южный портал собора
с Васильевскими
вратами XIV века,
привезёнными
из Новгорода после
опричного погрома
1570 года

Интерьер собора

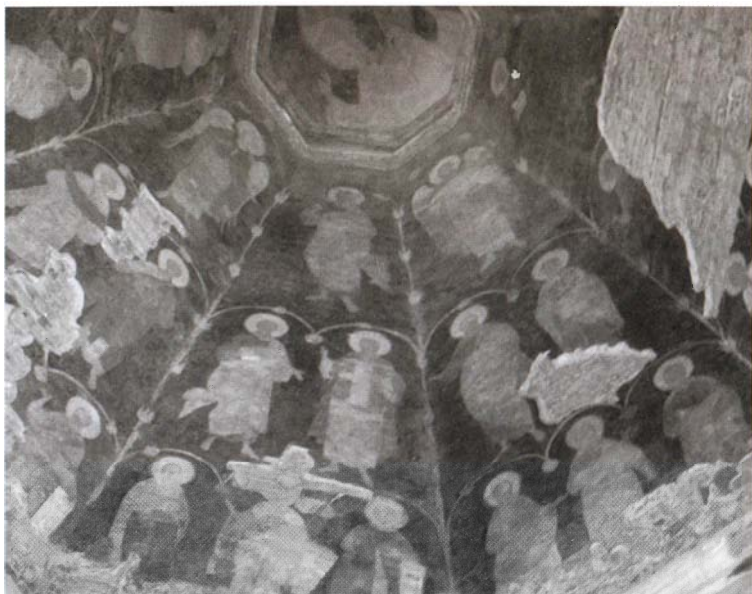
Распятская
церковь-колокольня,
возведённая во времена
опричнины.
В её колокола любил
звонить Иван Грозный
во время пребывания
в слободе

Дворец
Ивана Грозного

Троицкая (ныне Покровская) домовая церковь Ивана Грозного — первый каменный шатровый русский храм. 1510-е гг.

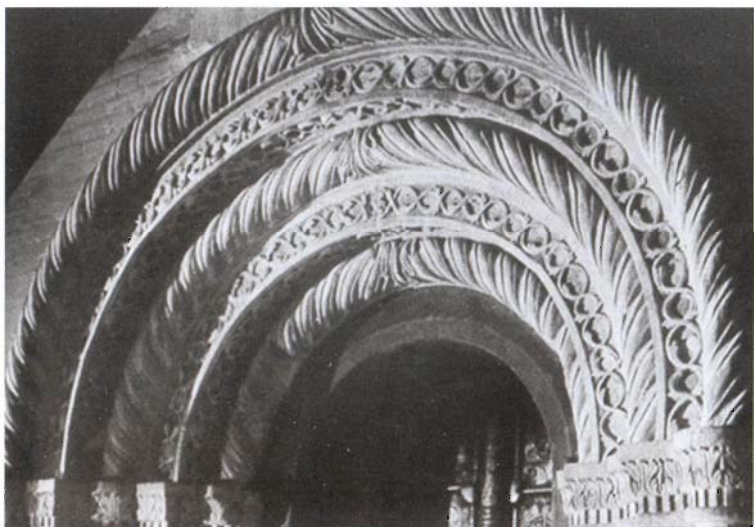
Уникальный шатёр Троицкой церкви, изнутри покрытый росписью

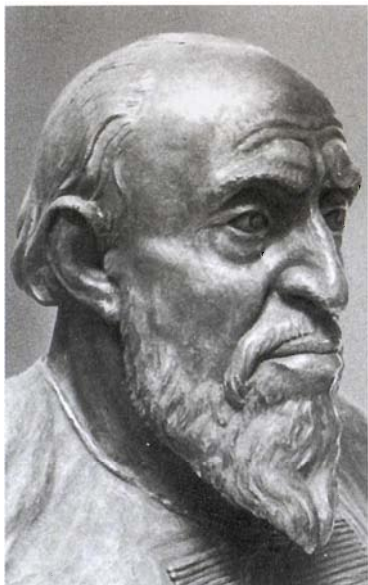
Интерьер Троицкой церкви

Элементы декора
слободских построек

Доподлинно известно,
как выглядели лишь три
персонажа опричнины

Иван Грозный
и его третья жена
Марфа Собакина.
*Реконструкции
антропологов*

Опричник
Г. И. Микулин.
*Неизвестный
английский художник.
1600 г.*

Александровский кремль.

Гравюра из книги Я. Ульфельдта «Путешествие в Россию». 1608 г.

Золотое чеканное блюдо царицы
Марии Темрюковны, второй жены
Ивана Грозного. 1561 г.

Оловянные блюда и тарелки
из Александровской слободы

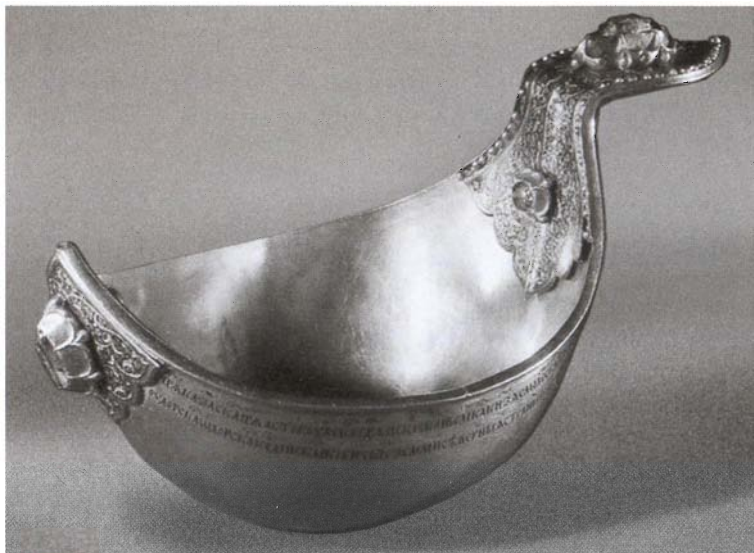

Приём посланников и пир
в Александровской
слободе.

*Гравюры из книги
Я. Ульфельдта*

Золотой ковш Ивана Грозного, впоследствии подаренный Петром I саксонскому курфюрсту Августу Сильному. После 1563 г.

Серебряные ковши, графин и братина. Середина XVI в.

На башенных часах Александровской слободы нет стрелок и всего 17 делений в соответствии с максимальной продолжительностью светового дня

делах: в декабре 1571 года «являл» крымских гонцов, в феврале 1572-го — крымских послов, а в сентябре представлял царю дары польского посланника Константина Воропая. Как и Малюта, в 1573 году Олферов участвовал во взятии Пайде, но уцелел, благополучно пережил своего благодетеля и умер около 1590 года. Так простота порой обеспечивала завидную карьеру и, что не менее важно во времена Ивана Грозного, спокойную старость бравого вояки и «великого человека» опричнины.

Двоюродный брат Романа, Михаил Безнин, начал служить несколько позже, с конца 1550-х годов. Как и Олферьев, он был дворянским головой, но в опричнину попал раньше, уже в 1565 году, и уже через пару лет стал вторым воеводой сначала передового, а затем и большого полка. После сожжения Москвы Девлет-Гирем Безнин отстраивал городские укрепления, а вскоре получил почётное назначение — в дядьки к царевичу Фёдору. В этой должности опричник пробыл, кажется, недолго и уже в 1571/72 году был назначен первым воеводой в Нарву, а в январе 1573-го участвовал в штурме Пайде. В последующие годы он по-прежнему служил воеводой в полках и городах и только в 1582-м стал думным дворянином, а закончил жизнь постриженником и администратором Иосифо-Волоколамского монастыря старцем Мисаилом.

Потомок бежавшего в Литву тверского боярина Василий Григорьевич Зюзин сопровождал царя «в окольное место» в походах 1567 и 1570 годов. Он же участвовал в новгородском погроме, будучи начальником передового отряда из трёхсот всадников. Думный дворянин Иван Черемисинов находился «в стану у государя» в походе на Девлет-Гирея в сентябре 1570-го, в том же году «являл» крымских гонцов во время приема их в Александровской слободе, в феврале 1572 года вместе с Малютой Скуратовым и дьяком Андреем Щелкаловым вёл переговоры с крымским гонцом Янмагметом, после разгрома Девлет-Гирея ездил к воеводам с «царским жалованным словом» и денежным жалованьем, в качестве головы в «стану у государя» участвовал во взятии Пайде, после чего, вероятно, умер.

К концу опричнины видную роль в опричной Думе играл Дмитрий Иванович Годунов, который стал в 1571 году царским постельничим и привёл ко двору своего племянника, юного Бориса. Молодой опричник в 1570—1572 годах служил оруженосцем в свите царевича Ивана, а на царской свадьбе в октябре 1571 года присутствовал в качестве дружки. Дядя весьма выгодно женил его на дочери Малюты Скуратова. Зять Малюты был слишком молод, чтобы играть в опричном правительстве самостоятельную роль, но прошёл хорошую школу, опыт которой пригодился ему в борьбе за власть и царский трон на исходе столетия.

В отличие от претендовавших на главные роли основателей опричнины и сменившей их титулованной знати эта опричная «гвардия» второго ряда намного более успешно пережила чистку конца 1560-х — начала 1570-х годов. В глазах подозрительного царя Ивана не обременённые влиятельной роднёй, излишними знаниями и политическими амбициями служилые выглядели более надёжными исполнителями его замыслов. Другое дело, что по своему уровню они едва ли могли претендовать на духовную близость с царём-интеллектуалом — но от верных холопов того и не требовалось. Однако, помимо неграмотного печатника Олферьева, государю для управления опричным «уделом» нужны были и более квалифицированные слуги.

Опричные приказные

Переезжая на новый опричный двор в Москве, а затем в слободу, царь должен был завести новое хозяйство. Летопись отметила ряд хозяйственных «дворцов» (Хлебенный, Сытный и др.) с ключниками, подключниками, поварами и прочими дворовыми людьми; были в опричнине и свои конюшни с конюхами. Раздел имущества царя на «опришное» и «земское» доходил до мелочей. Так, в царском архиве хранился «список судов серебряных, которые отданы в земское». Этими придворными службами и дворней ведал «особный» дворецкий. Таким «гофмаршалом» Таубе и Крузе назы-

вали князя Ивана Фёдоровича Гвоздева-Ростовского, погибшего во время казней опричников в 1571 году³⁰. Шлихтинг же писал, что тот «скончался от моровой язвы» после отъезда польских послов летом 1570 года³¹. В 1572 году опричным дворецким был князь Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский, разбиравший тогда дело суздальского Покровского монастыря.

Не менее важную роль играл казначей, в чьём ведении находился сбор налогов с богатейших областей Московского государства. Поскольку своего Поместного приказа в опричнине не имелось, то его функции также выполнял казначей, как это и было в первой половине XVI века до выделения из его ведомства Поместной избы. Казначей и подчинённые ему дьяки вели учёт поземельных сделок и записывали их в вотчинные книги. В частности, в грамоте от 12 июня 1569 года царь приказал казначею, чтобы тот «велел записать... в опричнине в книги за Кирилловым монастырем и вступатися у них не велел ни во что».

Обособившуюся от земской опричную казну некоторое время возглавлял видный приказный делец, дьяк Угрим Львович Пивов. Опричный казначей был человеком уже немолодым и хорошо известным царю. Вышел он из семьи бывших «окольничих смоленских», в Москве настолько «захудавших», что шли в «послужильцы» к более знатным землякам. Служить он начал ещё в малолетство государя, поскольку в 1542 году уже был одним из дворцовых дьяков. В 1549 году Угрим сопровождал царя в Казанском походе, с 1553 или 1554 года ведал только что образовавшимся финансовым приказом Большого прихода, сидел дьяком в Разряде вместе с такими видными бюрократами, как печатник Никита Фуников и будущий начальник Посольского приказа дьяк Андрей Васильев. В 1561 году он стал вторым печатником, товарищем знаменитого московского «канцлера» Ивана Михайловича Висковатого. Уже в это время Угрим Львов пользовался доверием царя и в июле 1555 года, когда Грозный стоял с войском в Коломне, вёл в Москве переговоры с прибывшими к митрополиту послами виленского архиепископа.

Далее в сохранившихся документах он уже выступает в качестве доверенного опричного казначея. На исходе столетия в местническом деле 1598 года ясельничий Михаил Татищев написал в своей челобитной: «У вас, государей, печатники сиживали за вашими царскими столами у яселничих, а Василий Щелкалов — печатник и дьяк. А у яселничего, государь, у Петра Зайцева, печатник Иван Новосилцов всегда сидел, и печатники же, государь, Угрим Львов сын Пивов и Иван Михайлов сын Висковатой всегда сидели у Петра Зайцева и у Василья Дровнина». Так что дьяку доводилось не раз присутствовать за царскими «столами» в обществе членов «ближние думы». Как и полагалось опытному и обладавшему реальной властью чиновнику, он держался в тени, но о его влиянии свидетельствует характерная деталь: по молодости дьяк писался, как и большинство служилых, по отцу — Львовым и даже Левкеиным (от уменьшительного «Лёвка»), но в названной выше грамоте 1569 года назван уже по фамилии и отчеству, как «большой» и родовитый человек. Именно к Угриму Пивову стекались все доходы опричного «удела»; он же решал вопросы о размерах различных пошлин и налогов: с кого их надлежало взыскать со всей строгостью, а кого «льготить».

Должность эта при мнительном царе и завистливых опричниках была, надо полагать, многотрудной и рискованной — чего проще обвинить приказного дельца в «корыстовании» или злонамеренной «пonorовке» налогоплательщикам? О конце жизни «особного» царского казначея сведений не сохранилось, но, кажется, Угрим Львович Пивов сумел избежать крушения; во всяком случае, ни в описаниях казней, ни в синодиках опальных его имя не встречается³². Известно только, что в опричнине состояли его родственники: сыновья Владимир и Михаил и ярославские помещики-братья Роман, Василий, Пётр и Дмитрий Михайловичи. Карьеру сделал только Роман Михайлович, который служил в заменившем опричнину «дворе», в 1578 году получил думное дворянство и на склоне лет постригся в ростовском Борисоглебском монастыре под именем старца Рафаила.

Следующим опричным казначеем стал дьяк Путила Михайлов, ведавший до того Поместным приказом, занимавшимся распределением земельных владений среди служилых людей. Видимо, Михайлов пользовался доверием государя, поскольку в 1564 году именно он читал москвичам грамоту удалившегося в слободу царя. Однако прослужил он в опричнине недолго — уже в следующем году покинул этот свет уже в качестве инока (то ли опричный дьяк принял постриг перед смертью, то ли ушёл в монастырь раньше, ведь после нахождения на такой должности ему явно было что замаливать). К тому времени дьяк сумел пристроить к службе во дворе сына Никиту — правда, на одну из низших должностей, поддатней (помощником) к третьему саадаку (лук и колчан со стрелами). За придворными чинами тот не гнался, пошёл по стопам родителя и стал дьяком — и не прогадал: и жизнь сохранил, и состояние сделал, и по душе покойного батюшки («по приказу отца своего Путила Михайловича, а во иноцех Сергия») дал вклад в московский Богоявленский монастырь — подмосковное село Нефимоново с девятью деревнями, отнюдь не последнюю из своих вотчин³³.

Очень может быть, что, заводя опричнину, царь Иван поначалу не собирался устраивать в ней какие-либо органы центрального управления, подобные уже существовавшим к тому времени в государстве. С начала XVI века из отдельных поручений-приказов, дававшихся боярам и другим слугам князя, стали вырастать специальные государственные учреждения. К середине столетия действовала уже система важнейших общегосударственных приказов: Разрядный (Генеральный штаб), Посольский (тогдашнее Министерство иностранных дел), Ямской, Большого прихода, Разбойный (Министерство внутренних дел); существовал и особый Челобитный приказ, принимавший жалобы на работу других органов управления. Таким образом, XVI век стал временем рождения российской бюрократии — иерархической лестницы профессионалов-управленцев, назначавшихся сверху вниз и не подлежавших контролю со стороны управлявшихся ими подданных.

Становление приказной системы, конечно, отвечало духу времени — без неё управлять раскинувшимся на тысячи вёрст Московским государством было невозможно. Нарождавшаяся социальная сила, опиравшаяся на владение информацией, знание законов и новую «технологию» управления с помощью писаной бумаги, неизбежно должна была потеснить у кормила власти старую знать. Не случайно главный идейный оппонент Ивана IV, князь Андрей Курбский, упрекал царя в том, что он ищет себе опору в чиновничестве, возвышая его в ущерб знати: «Писари же наши руския, им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхецкого роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простого всенародства». О том же писал другой политэмигрант, стрелецкий голова Тимофей Тетерин, ливонскому наместнику боярину Михаилу Морозову: «Есть у великого князя новые верники (доверенные люди. — *И. К., А. Б.*) — дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют».

Оно, конечно, так. Но ведь крайне чувствительный к попыткам умаления своего достоинства государь и сам не мог не замечать могущества приказной машины. Каково было стремившемуся к безграничной власти Ивану Васильевичу сознавать, что и он, носитель божественной воли, всё же зависит от вовремя поданного доклада или должным образом составленной выписи? По сути, они подталкивали гордого самодержца к принятию определённого решения, но проверить содержание представленной ему информации он мог далеко не всегда. Мы не говорим уже о необозримых возможностях, открывавшихся перед приказными крючкотворами и делавших в бесписьменном обществе беззащитными перед силой «бумаги» не только простого мужика или посадского, но и знатного боярина.

Немец-опричник Генрих Штаден красочно и подробно описывал злоупотребления московских приказных людей и их начальников:

«...на Казённом дворе были Микита Фуников, Непрей Хозяин Тютин и дьяк (канцлер) Григорий Кокуров.

Они получали все деньги из других приказов (канцелярий) — доход страны. Они, в свою очередь, давали распоряжения о выдаче из казны каждому по благоволению и повсюду забирали у простого народа третий пфенниг, с лихвой набивая мошну и одновременно представляя отчёт великому князю в полном порядке. Микита Романович сидел в приказе (канцелярии) подклетных сел: это дворы, которые относились к дворцовому хозяйству; как он там хозяйничал, о том никто ничего поперёк не толковал. Причина: так как он приходился зятем (шурином) великого князя.

В Поместном приказе были Путила Михайлович и Василий Степанович. Эти двое хорошо набивали свою мошну. Которым было назначено просто выделять имения, те были вынуждены половину покупать у этих двоих. А кто не имел что дать, тот не мог и ничего получить.

Иван Григорьевич были в Разрядном приказе (военной канцелярии). Которые князья и бояре давали в эти приказы деньги, тех не записывали в разрядный список. А кто не мог дать денег, тот должен был отпрапляться, даже если ничего, кроме палки, не мог принести на площадь для смотра. В этой канцелярии ведали всеми польскими делами.

Иван Булгаков сидел в денежной канцелярии. Деньги, поступавшие из других городов и областей, здесь считали и взвешивали так, что всякий раз одна монета из пятидесяти попадала в карман раньше, чем их заносили в ведомость, а в том, что канцелярия выдавала, всегда не хватало десятой деньги.

В канцелярии по делам об убийствах (Разбойном приказе. — *И. К., А. Б.*) сидел Григорьевич (вероятно, Григорий. — *И. К., А. Б.*) Шапкин. И если кто был пойман во всей стране — в областях, городах, деревнях и на больших дорогах, совершивший там убийство и задолжавший деньги (он должен был откупаться), того подучивали, чтобы он обвинял купцов и богатых крестьян, будто бы те помогали ему убивать. Так эти важные господа добывали деньги».

Штадена удивляло, что взятки чиновникам нужно было давать по всякому поводу, даже для того, чтобы

войти в приказную избу. Немец делал неутешительный вывод: «Эти князья, великие бояре, облечённые властью, дьяки, подьячие, приказные и все, имевшие власть, были нанизаны друг на друга и повязаны друг с другом, как звенья в цепи. А когда один из них совершал большой грех, заслуживавший смерти, то во власти папы (митрополита. — *И. К., А. Б.*) было освободить его от рук судебного пристава и отпустить без наказания. И кто чинил разбой, убийство, кражи и бежал с добром в монастырь, тот был в монастыре свободен, как на небесах, в то время как он воровал деньги из казны великого князя или грабил на дороге то, что принадлежало великокняжеской казне. Одним словом, все светские и церковные господа, нажившие свое добро несправедливо, усмехаясь, говорили: “Бог дал”»³⁴.

Осуждая приказные безобразия, опричник-иноземец связывал воедино жадных дьяков и подьячих с князьями, «великими боярами» и потворствовавшим им церковными властями. Но в грамотах, которые будущие опричники читали москвичам в декабре 1564 года от имени отбывшего в слободу царя, говорилось о том же — об «изменах боярских и воеводских и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту после отца его блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси»: «И царь и великий князь гнев свой положил на своих богомолцов, на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей опалу свою положил в том, что после отца его... в его государьские несвершенные лета бояре и все приказные люди его государьства людем многие убытки делали и казны его государьские тощили, а прибытков его казне государьской никоторой не прибавляли, также бояре его и воеводы земли государьские себе розоимали, и другом своим и племяни его государьские земли роздавали». А духовные пастыри, «архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася с бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными

людми, почали по ним же государю царю и великому князю покрывати».

Само введение опричнины Штаден объяснял тем, что Грозный «хотел искоренить всю несправедливость правителей и приказных в стране, так, чтобы по стране не осталось тех родов, которые не служили его предкам верой и правдой. Хотел устроить так, чтобы новые правители, каких он назначит, судили по судебникам без подарков, даров и подношений». Вместе с тем он нарисовал образ вельможи доброго старого времени, Ивана Петровича Челяднина, который «в отсутствие великого князя был верховным боярином и судьей в Москве»: «Он имел обыкновение судить только по праву, почему простой люд был к нему расположен».

Критические отзывы Штадена вполне согласуются с опричной пропагандой, провозглашавшей борьбу с коррупцией путём репрессий и утверждения личной власти государя, обращавшегося напрямую к народу, через голову бюрократии и связанной с ней знати. В этом смысле царское стремление к «вольному самодержавству» в каком-то смысле отвечало массовым представлениям о возвращении к былому общественному устройству, свободному от «приказных людей» и «бумаг».

Первоначально система управления в опричнине так и была задумана — в виде небольшого двора во главе с казначеем и дворецким. Вероятно, Грозный мыслил управление своим «уделом» по прежнему образцу, на основании личного поручения, чтобы государь без посредства корыстных приказных мог быть в курсе любых дел, тогда как в земщине он «дьяком и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу по старине». Однако такая «антигосударственная» риторика могла какое-то время служить способом преодоления сопротивления аппарата, но не заменить его. Поэтому тот же указ о введении опричнины подразумевал наличие в ней не только бояр и прочих служилых людей, но «и казначеев и дьяков и всяких приказных людей».

Кроме дворецкого и казначея при опричном дворе на первых порах не заметно каких-либо других органов управления. Судя по сохранившимся жалованным

грамотам монастырям, по которым им передавались вотчины в опричных землях, высшей судебной инстанцией для них был старинный суд «боярина введенного»: «А кому будет чего искати на их приказщиках, ино их сужу яз царь и великий князь или боярин мой введеный в опришнине».

Однако обширная и с годами всё более увеличивавшаяся в размерах опричная территория уже не могла быть управляема таким образом, тем более что масштабные переселения и смены владений требовали соответствующего учёта и контроля, а огромные траты на военные нужды заставляли изыскивать способы пополнения оскудевшей казны.

В ведомстве дворецкого уже в первые годы опричнины образуется своя приказная изба, отличная от Большого земского дворца; дворцовым опричным дьяком был Пётр Григорьевич Совин, который выдавал грамоты монастырям, принимал от них челобитья и сносился с «земскими» приказами. Судом на московском опричном дворе ведал дьяк Осип Ильин; вместе с ним служили и его многочисленные родственники — Грязные, Ошанины и Ошанины-Молчановы.

Вместе с ростом опричного корпуса в опричнине появилась своя Разрядная изба, ведавшая назначениями воевод и прочих командиров (на основании разрядных списков походов, отличных от земских) и разбиравшая под контролем царя их местнические споры. Позднее, когда в 1570-х годах опричнина была переименована в «двор», там сидел разрядный «дворовый» дьяк Андрей Шерефединов, сопровождавший царя в Старицу и другие загородные резиденции.

Отдельного Посольского приказа в опричнине не было, поскольку не было отличной от земщины внешней политики, да и само наличие опричнины русские послы за рубежом должны были отрицать. Но в Александровской слободе и других опричных резиденциях Грозного имелись «избы» для приема прибывавших послов и гонцов, дьяки, переводчики и писцы, которые потом отдавали документы на хранение в архив приказа в Москве. Явно имелась и «розыскная» служба под началом доверенных опричников вроде Малюты Ску-

ратова; на некоем пыточном дворе в 1574 году сам государь руководил допросом вышедших из крымского «полона» холопов и, чтобы добиться от них показаний, «...кто ж бояр наших нам изменяют», приказывал подследственных «пытати, огнем жечи».

Для эффективной связи опричных уездов с центром путём создания системы перевозок казённых грузов и отправлявшихся с поручениями служилых людей — «ямской гоньбы» — в опричнине появился аналогичный земскому Ямской приказ, ведавший содержанием станций-«ямов» и ямщиками.

Скоро справляться с финансовыми проблемами одному опричному казначею стало не под силу. В его ведение была переведена из земщины «четверть» — приказ, собиравший с посадского и крестьянского населения опричнины все доходы и ведавший судом над ним. Собранные деньги расходовались на выплату опричникам «четвертного жалованья». В 1570-х годах «четверть» (получившая название «дворовой») стала основным финансовым учреждением «государева двора» и была отделена от ведомства казначея.

Опричные приказы были устроены по образцу прежних и в своей деятельности не меняли сложившегося порядка управления. Их документы, известные нам, похожи на обычные приказные грамоты того времени, и только по скрепам дьяков можно отличить грамоту опричного учреждения от документа, исходявшего из земщины. На местах же порой в одном и том же уезде действовали и земские, и опричные власти. Так, например, Белоозеро не было взято в опричнину, но в его уезде находилось несколько дворцовых опричных сел, а смежная с Белозерским уездом Чарондская округа состояла в ведомстве опричнины. В 1571 году белозерские губные старосты получили из земского Разбойного приказа инструкцию «по разбойным и татиным делам». Она предусматривала ведение «смесных» дел, то есть таких, в которых были замешаны земские и опричные люди, и предписывала земским выборным старостам ведать, судить и решать подобные дела совместно с опричными губными старостами. Высшей инстанцией, куда те и другие выборные чиновники должны бы-

ли присылать дела на доклад, был земский Разбойный приказ.

«Четверть» была поначалу поручена дьяку Фёдору Рылову, но уже с лета 1566 года в ней появился новый дьяк Дружина Володимеров; он подписал грамоты о зачислении в опричнину «именитых людей» Строгановых и их вотчин — Соли Вычегодской и земель по реке Чусовой. Скоро он стал главным начальником «четверти». Как и другие крупные приказные деятели того времени, Дружина являлся универсальным специалистом — ему довелось служить и по дипломатической части, а в опричнине он не только возглавлял важнейшее финансовое учреждение, но и разбирал местнические дела воевод И. Д. Колодки-Плещеева и князя Д. И. Хворостинина. Но главной его обязанностью оставалось взыскание «четвертных» и других доходов с «опричного» населения, в том числе получение от «земщины» стотысячного чрезвычайного налога «за государев подъем». Для подобных операций были необходимы не только опыт и организаторские способности, но и жестокость.

Сам дьяк, конечно, никого на правёж (когда неплательщика били палками по ногам) не ставил — для этого вполне годились опричники во главе с Басаргой Леонтьевым, лихо выбивавшие платежи с населения поморских волостей Кольского полуострова. Память об этом опричном погроме долго сохранялась у его современников, которые ставили его в один ряд с самыми страшными стихийными бедствиями. Даже в официальных документах писцы признавали: «...Запустели Керецкой волости дворы и места дворовые пустые и тони и варницы и всякие угодыя от лета 76-го (1568. — *И. К., А. Б.*) году от лихова поветрья и от голоду и от Босаргина правежу». Но, должно быть, уж слишком большим был ущерб, так что в 1569 году начальник опричной «четверти» всё-таки был смещён. Но допустивший опустошение богатых северных промысловых угодий Дружина Володимеров легко отделался — перешёл на службу в земщину, где вскоре занял место дьяка Разбойного приказа, требовавшее соответствующей квалификации по части сыска и наказания преступников.

«Четвертью» стал командовать другой дьяк, Иван Курган Васильев сын Лапин, перед тем неудачно съездивший в Швецию в составе посольства боярина И. М. Воронцова и В. И. Наумова (после свержения короля Эрика XIV и воцарения его брата Юхана русские послы были арестованы и ограблены практически до нитки — «в одних сорочках поставили»). Можно считать опричными служащими и посланных в Лондон в 1569 году дьяка Семена Савостьянова и подьячего Андрея Григорьева, поскольку именно слобода ведала отношениями с Англией, а дьяк Курган Лапин наблюдал за торгом английской Московской компании.

Дьяк Андрей Васильевич Шерефединов в 60-х годах XVI века довольно долгое время состоял на посольской службе, а в феврале 1570 года был отправлен в Смоленск навстречу литовским послам. По возвращении он, по сведениям разрядных книг, был записан в поход 1571/72 года на «свицкие немцы» (то есть шведов. — *И. К., А. Б.*) как дьяк «из земского», а во время второго похода Грозного (1572/73) оставался в Москве на земском дворе, то есть являлся одним из главных лиц, чьей обязанностью было поддерживать порядок в столице. Вскоре, однако, он перешёл на службу по «дворовому» ведомству, стал дьяком «разряду дворового» и сопровождал царя в переездах из одной резиденции в другую. Несколько его однородцев погибли в годы опричнины, и их имена попали в синодики опальных, но сам Шерефединов сохранил доверие государя и выполнял обязанности думного дьяка в «государевом уделе»; датский посол Ульфельдт называет его «канцлером» наравне с думным дьяком в земщине Андреем Щелкаловым.

Его помощник Улан Айгустов был в прямом смысле слова «испытанным»: в феврале 1571 года он был подвергнут пытке и сознался, что «доводил» на земского дьяка Василия Щелкалова «по науку» царского шурина Михаила Темрюковича Черкасского «многие лихие дела». Подьячий поплатился потерей своих земельных владений, но не разделил участь казнённого в том же году Черкасского, а продвинулся по службе и стал во «дворе» вторым дьяком другой Двинской «четверти» —

грамотные специалисты были более нужны, чем провинившиеся вельможи.

Опричная приказная бюрократия благополучно пережила саму опричнину и последующие события. Вот только способствовала ли она реализации царской мечты о справедливом правосудии невзирая на лица? Иван IV оправдывал введение «чрезвычайной ситуации» необходимостью искоренить неправду бояр-правителей и злоупотребления судей, но на деле она привела к неслыханному произволу в отношении земцев и попавших в опричнину мужиков-крестьян, творившемуся с санкции и под покровительством опричных чиновников. Да и сами представители опричной бюрократии использовали открывшиеся возможности для мошеннических проделок: подбрасывали вещи во дворы земцев, вызывали их в суд и взыскивали крупные денежные штрафы. Используя свою близость к царю и родство с опричниками Пивовыми, Андрей Шереметев показал себя беззащитным насильником, от которого тщетно пытались обороняться его соседи по именным.

В следующем столетии бюрократия утвердилась окончательно. В XVI веке государи бумаг в руки не брали — это считалось «невместным» занятием для их сана. Даже теоретик и писатель Иван Грозный диктовал свои послания; мы не располагаем ни одной написанной им строчкой, и это даже породило сомнения в его авторстве. Через сотню лет ситуация изменилась: у царя Алексея Михайловича (1645—1676) уже появились собственная канцелярия — Приказ великого государя тайных дел, свой кабинет и письменный стол; он не ленился лично проверять расходные ведомости дворцового хозяйства, читал доклады послов и воевод, из-под его пера выходили десятки писем и сотни резолюций.

...А пока царь Иван ставил свой опричный эксперимент и надеялся утвердить великое православное «вольное самодержавство» с помощью своих верных слуг-опричников. Помимо нескольких первостепенных фигур в опричные ряды попадали десятки и сотни российских служилых людей, чьими руками устанавливался опричный порядок.

ОПРИЧНЫЙ КОРПУС

*Засучивая рукава,
Они брались со страстью
За всё, на что им дал права
Сам царь своею властью.*

Н. П. Кончаловская.
Наша древняя столица

Рядовые «кремешного» воинства

Опричные «немцы» в своих сочинениях особо обращали внимание на худородность новых царских слуг. Шлихтинг писал, что Иван поселился в новой резиденции вместе «с многочисленной стаей своих опричников или убийц, которую набрал из подонков разбойников. Именно, если он примечал где-нибудь человека особо дерзкого и преступного, то скоро привлекал его к сообществу и делал слугою своего тиранства и жестокости»¹. А Таубе и Крузе отмечали бедность многих опричников и щедрость их хозяина: «...если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100, 200 или 50, 60 и больше гаков* земли»².

Буквальное восприятие приведённых выше оценок может создать впечатление чуть ли не проведённой царём в XVI веке социальной революции, когда на сме-

* Гак (от нем. *Haken* — «соха») — единица налогообложения на территории Ливонии (современных Эстонии и Латвии). Самым распространённым был так называемый крестьянский гак, составлявший в Северной Эстонии в среднем 8—12 гектаров посевной площади.

ну изгнанным и экспроприированным знатным господам пришли их холопы-«трудящиеся». «...Нищему или косолапому мужику было столько дано, сколько десять таких имело прежде», — возмущались те же Таубе и Крузе. Что же было в действительности?

Конечно, царь Иван Васильевич не притворялся, когда в письме бывшему любимцу-опричнику Ваське Грязному жаловался на то, «что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». Но московский государь, ведущий свой род, согласно официальной теории, от самого римского «кесаря Августа», отнюдь не отличался демократическими убеждениями, «породу» весьма ценил, а «страдниками» (мужиками, крестьянами-работниками) с высоты своего положения считал не только всех своих подданных, но и иных европейских монархов. «А с тобою перелаиваться и на сем свете того горее и нет, и буде похощь перелаиваться, и ты найди себе таковаго же страдника, каков еси сам, с ним и перелаивайся», — пренебрежительно отвечал он в 1573 году шведскому королю Юхану III, чей отец, был, конечно, не крестьянином, а государем, но всё же не «природным», а выборным.

С другой стороны, писавшие о нововведениях царя «немцы» хотя и были очевидцами событий, но не ставили себе целью анализ социальной политики Ивана Грозного. Их задачей было описание бедствий его правления. А что может быть их более чем очевидной причиной, чем нарушение богоустановленного общественного порядка, где на своём месте и в своем праве существуют «верхи» и «низы»? Следовательно, если наличие «неслыханной тирании» налицо, то это потому, указывали представители прибалтийского рыцарства Таубе и Крузе, что «случилось так, как поётся в старой песне: “Где правит мужичьё, редко бывает хорошее управление”. Когда те, кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке, должны были выставить в поле сто и больше лошадей, стали брать они с бедных крестьян, которые им были даны, всё, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет»³.

Однако эти же авторы говорят, что царь отбирал в опричнину не крестьян, а служилых людей; так, зимой 1565/66 года были взяты 570 «бояр» из Костромы, Ярославля, Переславля-Залесского. Брать других смысла не было, поскольку незнакомые с военным делом мужики и горожане никак не могли составить ни охрану государя, ни его царский полк в походе.

Другое дело, что в опричнину неизбежно должны были входить многочисленные дворцовые службы и их персонал — те, кто должен был кормить, поить, подавать, обеспечивать, обстирывать, обслуживать «особный» двор — ключники, подключники, сытники, повара, хлебники, конюхи, псари и прочие «дворовые люди». Все они входили в состав четырёх главных дворцовых приказов: Постельный ведал помещениями, гардеробом и предметами обихода царской семьи; Бронный производил оружие для царского окружения; Конюший занимался огромным лошадиным хозяйством царского двора, а Сытный — кухней и заготовками хлеба, мяса и других продуктов для царского стола.

Этот персонал «заднего двора» мы видим в списке дворцовых людей от марта 1573 года. В нём поименованы «истобники комнатные», «мовные» и «постельные»; шатёрники, «столечники», «портные мастера», колпачники, чёботники, скорняки, скатертники; свечники восковых и сальных свечей; стряпчие «большого» и «малого» погребов, винокуры, пивовары, бочарники, повара, «помясы», хлебники, масленики, «куретники» и коровники во главе с «путными ключниками» — Василием Матисовым и Меншиком Недюревым; бронники, «мастера самопальных пищалей», сабельники, шеломники, юшанники, саадачники, ножевники, пансырники, лучники, седельники, «колымажные мастера»; многочисленные царские и царевичевы «столовые сторожа» и особо «сторожи у водок» (как же такое достояние не охранять отдельно?).

Была здесь и своя аристократия — к примеру, «государева московского двора дворник» Давыд Фролов; искусный портной Иван Бут, который, получая обычный оклад приказного человека — пять рублей деньгами, 24 алтына за сукно, пять полтей (половин туши) мяса и

пять пудов соли, — был повёрстан также 50 четями земли, или мастер-шеломник Иван Савин, пожалованный «по 5 рублей да по 70 четьи поместья». Своими голосами ублажали царя, знатока церковного пения, крестовые и певчие дьяки в составе целых пяти «станиц» (хоров), обязанные «служить у крестов, канархать (петь каноны. — *И. К., А. Б.*) и на крылосе петь». Весьма приближенными к государю особами стали «стремянные» конюхи, получавшие не только деньги, но и земли, как, например, Шихманко Саткин, имевший двенадцатирублёвое жалованье и поместье в 300 четей за особые заслуги: «...сказал Шихман, что поместья за ним было не по окладу, по государеву жалованью». А вот конюхи «стадные» были уже дворцовым плебсом: Истомка Васильев, Дениско Гаврилов, Ивашко Васильев, Петрушка Васильев, Меншичко Сидоров, Фомка Оникеев, Васюк Федосеев, Ивашко Семенов, Гриша Ондронов, Сопрышко Павлов, Ивашко Куршишкин, Ивашко Иванов и их товарищи получали всего по три рубля.

Думается, многие из них были довольны зачислением «в «особный» царский двор, прежде всего те, кто только начинал свою службу, как «Хлебенного дворца помясы недоросли» Степанко Наумов, Ортюша Иванов, Шестачко Коломнин (им платили поначалу по полтора рубля) или «сытники новики, которые взяты по государеву приказу», «Фетко Леванисов сын Еремеев», «Васка Неверов сын Хомутов», «Тренка Федоров сын Воишев», Тимошка Протасов и другие. Это они кормили и поили придворных, топили печи, выносили мусор, служили в царских «походах» и выездах; их руками обеспечивалось бросавшееся в глаза иностранным гостям великолепие парадных обедов. Они старались по мере сил, но и себя не забывали. Сытники, в отличие от прочей обслуги, не получали «корма» (ржи, овса, мяса и соли), но едва ли оставались во дворце голодными. И, конечно, не стоит забывать про статус — не всякий обыватель из земщины рискнул бы обижать государева конюха или подлючника.

Однако и их поджидали опасности. Кто-то мог заплатить за неумеренное кормление от царских щедрот или пострадать в столкновениях придворных групп

пировок, когда опричные палачи брались не только за сильных мира сего, но и за всех прочих. Так, в 1572 году в Сытный приказ были сразу приняты более 70 слуг-«новиков» вместе с новым начальником Меншиком Недюревым «в умерших место». Едва ли обслугу царского стола скосила неведомая болезнь, ведь в других приказах в то время почти никто не умер. Надо полагать, несчастные попали «под раздачу» царя и Малюты по делу об отравлении царицы Марфы Собакиной в 1571 году. Зато опалы одних открывали другим возможность занять престижные и сытные места в дворцовом хозяйстве. Брала туда, правда, с разбором: в описи царского архива указан «ящик 200, а в нем сыски родства ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов, и всяких дворовых людей»⁴. Как именно учитывалось при приёме на работу «родство» и какими критериями руководствовалось начальство при отборе кандидатов, мы не знаем, но очевидно, что на службу в «управлении делами» государя попадал не всякий.

Однако можно ли считать сотни слуг дворцового хозяйства настоящими опричниками? Вряд ли. Хотя среди них, несомненно, имелись люди, обладавшие воинским опытом и знавшие придворное обхождение, но сама их работа (да ещё при частых переездах государя вместе с двором) не давала им возможностей заниматься делами государственными и военными. Для этой роли больше подходили именно служилые люди, прежде всего из состава старого «государева двора». Уже отъезжая в Александровскую слободу в декабре 1564 года, царь Иван взял с собой не только «бояр и дворян ближних и приказных людей», но и «дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехать с собою с людьми и с конми, со всем служебным нарядом». Если верить этому сообщению летописи, то государь готовился к задуманной акции задолго, поскольку отобрать служилых людей «изо всех городов» за несколько дней было невозможно.

Сколько было опричников? По указу 1565 года предполагалось «учинити... в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов». Иностранцы считали, что их было меньше. Таубе и Кру-

зе сначала указывали, что Иван Грозный отобрал зимой 1565/66 года 570 «бояр» только из Костромы, Ярославля, Переславля-Залесского и некоторых других районов Русского государства, а потом, характеризуя «особую опричнину» царя, говорили о пятистах «молодых людях». Такую же цифру называл и Штаден, упоминая о том, что царица Мария Темрюковна «подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днём и ночью они ездили за ним и охраняли его». Шлихтинг сообщал, что осенью 1570 года царь содержал «около восьмисот» опричников.

Однако их явно было больше. Тот же Штаден рассказал, как в 1569 году к пограничному Изборску подошел отряд из восьмисот литовцев и русских перебежчиков. Его командир, «губернатор польского короля Сигизмунда в Лифляндии» князь Александр Полубенский, крикнул страже: «Открывай! Я иду из опричнины!» Ворота открыли, и переодетые опричниками литовцы во главе с Полубенским без боя взяли крепость и продержались в ней две недели, пока город не освободили настоящие опричники. Царь жаловался своему «брату», польско-литовскому королю Сигизмунду II Августу, как «князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедчи некрестьянским обычаем... сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригород в псковской в Изборск с нашими изменники въехали, и город Изборск на тебя, брата нашего, засели, и вере крестьянской ругательство учинили»; однако псевдоопричный отряд в восемь сотен человек не вызвал удивления ни у стражи крепостных ворот Изборска, ни у Штадена. А Таубе и Крузе полагали, что в конце того же 1569 года царь выступил на Новгород «с большим войском, словно шёл против отъявленного врага, и 30 числа того же месяца почти достиг со своими 15 000 воинов маленького городка, называемого Клином». Дворяне и бояре шли на войну вместе со своими боевыми холопами, поэтому, если принять вычисления А. В. Чернова, согласно которым служилые люди «по отечеству»

составляли около 30 процентов всего войска, получается, что в этом походе участвовали 4500 дворян и «детей боярских» из опричнины.

В Новгородской летописи говорится, что при разгроме опричниками Новгорода туда пришло «воевод, и бояр, и князей, и детей боярских, и всяких воинских людей множество многое»; в этом же сообщении упоминаются 1500 стрельцов (обычно их в походах было меньше, чем служилых людей «по отечеству»). О таком же количестве конных стрельцов сообщал А. Шлихтинг, описывая опричные казни в Москве летом 1570 года; он же указывал, что в походе на Новгород только в передовом полку опричного воеводы В. Г. Зюзина находилось 300 человек.

Наконец, разрядные записи свидетельствуют, что в 1565 году «из опричнины посылал государь под Болхов... воевод с Москвы: князя Ондreja Петровича Телятевского, князя Дмитрея да князя Ондreja Ивановича Хворостининых. А в Белеве были воеводы и ходили под Болхов: князь Дмитрей Иванович Вяземский, Михайло Белкин». Надо учитывать, что в тот раз опричные отряды выступали как вспомогательные силы — под Болховом действовало большое войско из пяти полков во главе с земцами И. Д. Бельским, И. Ф. Мстиславским и П. М. Щенятевым.

Но уже в 1567 году в собранных на береговую службу опричных войсках под Калугой «были воеводы на три полки», а в 1569-м опричная армия состояла уже из пяти полков. В 1572 году в сражении с татарами под Серпуховом участвовали и земские, и опричные войска. Из опричных уездов (Вязьмы, Суздаля, Галича, Корякова, Костромы, Балахны, Козельска, Бежецкой пятины, Белёва, Калуги, Лихвина, Перемышля, Кашина, Старицы, Медыни, Малоярославца, Можайска, Опакова, Пошехонья) в походе принимали участие 4183 человека, но едва ли царь отправил в бой всех опричников, оставшись без охраны. Таким образом, можно полагать, что к концу опричнины число служивших в ней дворян и «детей боярских» достигло 4500—5000 человек и составляло примерно 20 процентов общего состава дворянского ополчения⁵.

После возвращения в Москву в начале 1565 года и первых опричных казней царь распорядился вызвать в столицу служилых людей из Суздаля, Вязьмы и Можайска. На смотре, который вместе с ним проводили опричный боярин Алексей Басманов, оружничий Афанасий Вяземский и думный дворянин Пётр Зайцев, началось зачисление в опричнину. По словам Таубе и Крузе, оно проходило таким образом: государь и его помощники спрашивали «у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были в присутствии самых знатных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жён и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того как он (Иван Грозный. — *И. К., А. Б.*) осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами». Опричные новобранцы приносили «особую клятву, составленную следующим образом: “Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать о всём дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя и великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест”»⁶.

Это обязательство, видимо, давалось по образцу крестоцеловальных записей поступавших на службу дворян и должностных лиц — губных и земских старост и целовальников. В них присягавшие обещали служить «не щадя головы своей, до смерти; и в Крым, и в Литву, и в Немцы, и в иные некоторые государства не отъехать; и из города, и ис полков, и ис посылок без государева указу и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинуть, и с их государевы изменники не ссылатися, и не на какие прелести не прельститца, прямити, и добра во всем хотети вправду, безо всякие хитрости и до своего живота». Как указывал Штаден, помимо обязательства верной службы, опричники, согласно присяге, «никогда не должны были говорить ни слова с теми, которые в земщине, и не сочетаться с земскими браком». Как именно устанавливалась благонадёжность

кандидата, неведомо; неизвестно и количество не прошедших проверку. Список чинов «государева двора», куда, несомненно, вошли многие опричники, включает 661 человека, то есть лучшую, отборную часть опричного воинства. Среди них выделялись окольный Василий Иванович Умой Колычѣв, думный дворянин Василий Зюзин, дьяк Петр Совин, царский рында Богдан Бельский. Однако большую часть составляли обычные московские служилые, получавшие рядовое по тем временам жалованье в 5—15 рублей:

«...По 8 рублей.

Тимошка Ондреев сын Волжинский. Игнашко Звягин сын Воейков. Гриша Булгаков сын Болотников. Ивашко Васильев сын Бунаков. Офонка Иванов сын Волжинской. Иванец Гутманов сын Бастанов. Гаврило Федоров сын Качалов. Микифорец Микитин сын Бабкин. Курбат Иванов Вырубов. Иванец Леонтьев сын Вырубов. Куземка Власьев сын Лехчанов. Микула Федоров сын Лехчанов. Гриша Юрьев сын Маматов. Ондрюша Чюдинов сын Бунков. Романец Григорьев сын Бабкин. Митка Иванов сын Вырубов.

По 7 рублей.

Путилец Иванов сын Волжинской. Семейка Смирного сын Вырубов. Петруша Федоров сын Дубасов. Фетко Иванов сын Дубасов. Бархат Иванов сын Кокорев. Тимошка Муратов сын Скобелцын. Марко Девятого сын Скобелцын. Черемисинко Иванов сын Култашов. Федосейко Гаврилов сын Востинской. Ивашко Васильев сын Овцын. Богдан Михайлов сын Щупликов. Рудак Иванов сын Чертков. Митя Шадрин. Гость Богданов сын Култашов.

По 6 рублей.

Меркурко Утешев сын Микулин. Меншичко Иванов сын Мокеев. Казаринко Данилов сын Белского. Фетко Наумов сын Мокеев. Михалко Микитин сын Култашов. Офоня Васильев сын Култашов. Ивашко Григорьев сын Мокеев. Степанко Андреев сын Култашов. Самойлик Злоказов сын Скобелцын. Казаринко Петров сын Семенова Култашов. Ондрюша Данилов сын Скобелцын. Ивашко Ондреев сын Хрипунов. Федор Родивонов сын Фефилов. Шарап Борисов сын Оладын. Петруша Орте-

мьев сын Смолин. Дружина Нечаев сын Лихачов. Позняк Ондреев сын Малцов. Оладья Михайлов сын Брюхов. Иванец Федоров сын Култашов. Елизарей Михайлов сын Коситцкой. Семей Григорьев сын Кобылской. Урак Костянтинов. Лобан Остафьев сын Вырубов».

Присмотревшись к именам, можно заметить, что отбор людей в опричнину часто осуществлялся «по родству», то есть на службу принимались родственники тех, кто уже служил и, очевидно, успел зарекомендовать себя. Не случайно среди опричников встречаются имена Безобразовых, Воейковых, Канчевых, Головленковых и представителей многих других родов, служивших целыми семьями: отцы, братья, племянники и дядья; одних только новгородских дворян Култашевых в списке насчитывается 32 человека. Кроме того, как обратил внимание В. Б. Кобрин, царь Иван охотно брал в опричники людей, слабо связанных с коренным населением России: татарских и черкасских мурз, немцев, выходцев из Литвы (из «литвы дворовой» происходили князья Вяземские, Д. А. Друцкий, А. Д. Зборовский, Пивовы). Зато новгородцы и псковичи, всё время находившиеся у царя под подозрением, в составе «государева двора» отсутствовали.

Однако даже эти не слишком знатные и богатые «дети боярские» входили в состав «государева двора» и тем самым отличались от ещё более мелких провинциальных дворян, служивших в составе своих сотен «с городом». Конечно, их можно называть опричниками, но для большинства из них служба не сильно отличалась от исполнения прежних обязанностей: явка на смотр, выход вместе со своей сотней на «береговую службу» против татар или в поход на «ливонские» или «свейские немцы». К вышеназванному добавлялись хлопоты по получению поместья и соответствующего жалованья (в случае, если предстояло переселение). Правда, дополнительно приходилось выбивать с ослушников налоги или рубить новгородских и тверских «изменников» — так на то государева воля...

Но не они определяли «лицо» и политику опричнины, тем более что провинциальные служилые не могли долго оставаться в столице и после боевых походов

должны были отправляться в свои поместья. Царь же не мог постоянно менять контингент своей охраны. Поэтому «настоящими» опричниками можно считать тот относительно небольшой отряд в 500—800 человек, который постоянно находился в распоряжении государя. Если не учитывать узкий круг опричного руководства, о котором речь шла в предыдущей главе, то в эту компанию попадали дворяне с относительно высокими денежными окладами от ста до десяти рублей. В число четырнадцати человек, получавших по 50 рублей годового жалованья, входил молодой костромич Борис Фёдоров сын Годунов. По 40 рублей получали 15 человек, 35 рублей — один человек, по 30 рублей — 15 человек, 28 рублей — один человек, по 25 рублей — 13 человек, по 20 рублей — десять человек, по 17 рублей — восемь человек; по 15 рублей — две группы, в 42 и 59 человек; по 14 рублей — 26 человек; по 13 рублей — две группы, в 16 и 63 человека; по 11 рублей — две группы, в шесть и 54 человека; по десять рублей — две группы, в 25 и 14 человек; по девять рублей — две группы, в шесть и 47 человек; по восемь рублей — две группы, в восемь и 16 человек; по семь рублей — две группы, в пять и 14 человек; по шесть рублей — 22 человека, по 5,5 рубля — три человека; по три рубля — две группы, в семь и 11 человек; по 4,5 рубля — 11 человек, четыре рубля — один человек, по 3,5 рубля — семь человек, по три рубля — три человека.

Среди них находились те, кто постоянно был у царя на глазах: его «барашки»-шатёрничие и служители «с постелею», стольники и стряпчие, рынды «у рогатины», «с саадаком» и «с доспехом» и их помощники-«поддатни», сторожа и жильцы в «государевом стану», стрелецкие головы, гонцы. Они несли обычные дежурства при дворе, участвовали в придворных церемониях и церковных службах, воевали, заботились о своих вотчинах, семействах и душе. Они же при исполнении опричных обязанностей рубили и обезглавливали людей, разрывали их верёвками, травили медведями и собаками; громили их дома и поместья, избивая хозяев, челядь и скотину; устраивали на дорогах засады, грабили и насиловали жён и детей казнённых. А потом и сами они порой попада-

ли в опалу — по причине «падения» покровителя-родственника или по собственной оплошности, услужливо раскрытой государю вчерашними «братьями». Конечно, они обязывались не иметь дела с земскими, включая собственных родителей; но можно ли было избежать таких контактов на «посылках», в приказах, живя по соседству в уездах или находясь в полках в походе?

На основании тщательного обследования сохранившихся источников В. Б. Кобрину удалось составить список опричников. В нём насчитывается 277 человек, представлявших собой верхушку опричного двора Ивана Грозного, то есть тех, кто непосредственно окружали государя в московском опричном дворце, Александровской слободе и других резиденциях, были его телохранителями, гвардейцами и «убийцами» (так их именовал Шлихтинг), кого царь использовал в качестве исполнителей своих поручений⁷. Время стёрло их лица, голоса, мысли и чувства; в нашем распоряжении нет ни портретов, ни писем, дневников и тому подобных документов, обычно позволяющих историку заглянуть во внутренний мир человека прошлого. В данном случае это общее правило, из которого есть всего несколько исключений.

Искатели счастья

Трудно представить себе европейца, стремившегося поближе познакомиться с далёкой и варварской северной страной в лихие времена Ивана Грозного. Однако такие желающие находились. Одних влекли торговые дела и надежда получить доступ к сказочным богатствам Востока; другие волей случая оказывались в московском плену, но худо-бедно приспособивались и поступали на службу; третьи — отчаянные головы из разных стран — были готовы служить кому угодно и сумели в условиях опричного «перебора людишек» сделать карьеру.

Большинство из них пером (да и грамотой) не владели — к примеру, выходцы из «ближнего зарубежья», представлявшие родню и свиту второй жены царя.

В тени формального главы опричнины Михаила Черкасского остались двоюродные братья царицы Марии, Семён и Фёдор Жилеготовичи. Оба служили в опричнине, отмечались в разрядах, имели вотчины; братья вместе пережили опричнину и сошли со страниц истории⁸.

Однако были среди них и люди особого авантюрного склада, как правило, не отличавшиеся особыми дарованиями или моральными достоинствами. Но именно они, являясь очевидцами, описали (не без прикрас и неточностей) тогдашние события. Именно благодаря им мы имеем уникальные свидетельства того, что происходило при дворе грозного государя.

Едва ли не наиболее известным из них стал Генрих Штаден. Выходец из бюргерского рода, учившийся на священника, сделался изгнанником, управляющим чужими имениями в Ливонии, а затем в 1564 году добровольно перешёл на службу в Россию, стал близким к опричному двору человеком и в полной мере проявил свои качества авантюриста и мародёра. Штаден так и не скопил богатства, но удача ему не изменила — он успел побывать помещиком и владельцем корчмы и вовремя покинул Московское государство.

Впрочем, отдадим ему должное. Он не раз рисковал своей шкурой — когда с пером и чернильницей отправился в русские владения в охваченной войной Ливонии или когда стоял перед судом по обвинению в краже денег и другого добра со двора другого немца-опричника, Каспара фон Эльферфельдта*. Но, очевидно, молодой искатель приключений был человеком находчивым и умел расположить к себе самых разных людей. Дерптский воевода Михаил Морозов направил его в столицу, поскольку Штаден пожелал встретиться с царём. В Москве после расспроса в Посольском приказе Штадена оценили — он получил «корм», а затем село Тясмино с деревнями в окрестностях Старицы, бывшее владение казначея удельного князя Владимира Андреевича. Штаден немедленно стал учить русский язык и открыл корчму, что было дозволено лишь иноземцам. Обор-

* В литературе встречаются также варианты Эльберфельд и Эльферфельд; Штаден называл своего оппонента Эльверфельдом.

тистый немец приобрёл два двора и не без успеха начал прибыльный бизнес: «...и днём и ночью мой двор был теперь полон народа изо всех окрестных предместий».

Он сумел снискать покровительство знаменитого земского боярина Ивана Петровича Фёдорова-Челяднина, помогавшего иноземцу получить в Поместном приказе грамоту на поместье. Штаден, в свою очередь, постоянно бывал у боярина и переводил для него немецкий лечебник-«травник». В своих записках он не раз с почтением упоминал знатного москвитя; в рассказе о гибели Челяднина не отличавшийся сентиментальностью Штаден назвал казнённого справедливым судьёй, который «охотно помогал бедному простому люду добиваться скорого и справедливого решения дел». Однако, оказавшись в опричнине (после того как в начале 1566 года туда перешёл Старицкий уезд), Штаден сумел расположить к себе начальника опричного Земского двора Григория Грязного, который полюбил его «как своего собственного сына», хотя и не бескорыстно: «Это сделали деньги, перстни, жемчуга и тому подобное». В опричнине владения Штадена увеличились за счёт земель помещиков-соседей. Сам же немец, лично известный государю, получил документ, согласно которому его можно было привлечь к судебной ответственности лишь дважды в год — на Рождество и 29 июня, в день Петра и Павла.

Бравый Штаден со своими слугами ходил вместе с царём на Новгород и, пользуясь опричной безнаказанностью, устраивал самочинные реквизиции: «Здесь я набрал всякой прислуги, особенно работников, раздетых и нищих, одел их. Это молодцам очень понравилось. С ними я предпринял свой собственный поход. Эти работники хранили мне за это верность и, если они брали кого-нибудь в плен, они того по-хорошему расспрашивали, где можно бы пожить деньгами и добром по монастырям, дворам и церквям и ещё где стоят хорошие лошади. Если же пленник не хотел говорить добром, они брали его и пытали, пока тот не сознавался в этом. Так добывали они мне деньги и добро».

Местами записки Штадена сбиваются на живую речь; можно полагать, что за доброй кружкой пива ав-

тор так и рассказывал о своих «охотничьих подвигах» в России: «Тут мы приезжаем в одном месте к церкви, мои слуги входят внутрь, грабят её, берут иконы и подобную ерунду...» Дальше — больше: бюргерский сын просто не может не похвалиться не только удачным грабежом, но и внезапно приобретённой знатностью: «Тут в город Старицу приезжает великий князь; здесь устраивают смотр, чтобы он мог посмотреть, кто хорошо держался и остался на его стороне. Там великий князь сказал мне: “Зваться тебе отныне Андреем Владимировичем”. Слово “вич” — княжеское и дворянское. Отныне меня уравнили с князьями и боярами; этими словами князь дал мне понять, что это благородно»⁹. В это время новоявленный герой получил доступ в опричный дворец царя на Неглинной и составил его подробное (и единственное в своём роде) описание.

В столице «благородный дворянин» «Андрей Владимирович» Штаден владел несколькими дворами, превращёнными в корчмы. Их хозяин располагал немалыми деньгами: ему ничего не стоило заплатить 200 рублей отступного Каспару фон Эльферфельдту, который пытался обвинить его в грабеже, и щедро давать взятки главе Земского двора Григорию Грязному и опричным судьям: «Если они (ответчики. — *И. К., А. Б.*) предлагали сто, я предлагал тысячу». Штаден нисколько не стеснялся своих походов и явно стремился прихвастнуть, расписывая свои способности и ловкость.

Немец писал о себе и своей удаче, но вольно или невольно передавал царившее в обществе состояние неуверенности, подозрительности и всеобщей вражды. В его записках, которые убедительно воссоздают атмосферу эпохи, есть точные и циничные рассказы о вымогательствах и подлогах, убийствах, в том числе и женщин, о коррупции среди высших приказных чинов¹⁰.

Дворы и имения, о которых говорил Штаден, без конца переходили из рук в руки: то к пленным ливонцам, то к полоцким пленникам, то к немецким слугам государя. Введение нового порядка в Москве Штаден оценивает как настоящее бедствие: «...Когда была построена опричнина (то есть опричный двор. — *И. К., А. Б.*), тогда все те, кто жил на западной стороне маленькой речки Не-

глинной, должны были без промедления оставить свои дворы и бежать в другие близлежащие предместья — те, кого не взяли в опричнину, безразлично, духовник или мирянин... Многие богатые торговые люди побросали свои дворы и скитались туда-сюда по стране из-за указа, пришедшего от великого князя из опричнины в земщину. Это бедствие было таким великим, что каждый из земских искал, куда можно было или хотелось бы убежать».

Управлять своей недвижимостью новоявленный опричник доверил слуге-немцу, который повёл дело так, что «имение запустело». Слуга Альбрехт, используя фиктивную купчую, по которой Штаден формально передал ему свой двор в столице, захотел отнять у хозяина его недвижимость. «Верный друг» Штадена Адриан Кальб пресёк эту попытку — отобрал у холопа купчую, — но только потому, что «готовился в путь и желал бежать со своими деньгами», однако по дороге умер от чумы. У «друзей» существовала договорённость, что в случае смерти одного другой унаследует имущество покойного; но полагающегося ему наследства Штаден так и не дождался — оно бесследно исчезло где-то на опричной чумной заставе. Ещё один его приятель, Фромгольд Хан, в расчёте на карьеру принял православие, что не помешало ему пытаться ограбить двор Штадена (там как раз стояли сани с награбленным во время похода на Новгород добром), чему хозяин едва успел воспрепятствовать.

Под стать господам оказались и слуги. Ливонская служанка Штадена воровала хозяйские вещи, а назначенный вместо неё татарин Рудак «извёл совершенно понапрасну мое добро» и, будучи уже под стражей, сумел вместе с приставленным к нему охранником обчистить тайник с ценностями. Схваченные с поличным воры заявили, что немец намеревался «бежать от великого князя», и выигрышное, казалось бы, дело обернулось для него следствием об измене с перспективой лишиться головы, тем более что судьи, «высокие князья и дьяки в опричнине, насмеялись» и были явно не прочь подвести под казнь выскочку-немца, процветавшего за счёт бойкой торговли вином в опричной части Москвы.

Хорошо ещё, что честная служанка Анна подтвердила невиновность хозяина; зато её муж обвинил Штадена в том, что он насильно стремился обратить его в холопы, «как там водится» (то есть ситуация была знакомой, а обвинение привычным).

Едва «Андрей Владимирович» выпутался из этого дела, как тут же угодил в новый переплёт: голова опричных стрельцов потребовал от него компенсации за то, что в корчме нашёлся кафтан, пропитый одним из бежавших и унёсших 60 рублей казённых денег стрельцов. Штаден «должен был заплатить», а истец с огорчением заметил: если бы он знал, что у немца есть деньги, «не обвинил бы на такую малую сумму... нужно было обвинить на тысячу». Да что там сослуживцы — даже соседский мужик Митя осмелился отобрать кое-какое добро у крестьян из поместья Штадена и, будучи схваченным и выданным головой на правёж, не хотел, пишет Штаден, «отдавать ни своего, ни моего имущества»¹¹.

Немецкий «рыцарь» не горел желанием сложить голову на московской службе. Во время страшного пожара 1571 года он вовремя сумел укрыться в погребе, выгнав оттуда других прятавшихся от огня, а летом следующего года, возглавляя отряд из трёхсот конных дворян, во время боя с превосходящими силами татар на берегу Оки бросился в воду и спасся вплавь. Его везение было, кажется, не совсем случайным. При всей своей жадности и наглости он сумел «выучиться благоразумию»: не разорял своих обидчиков «до отчаяния», овладел чужим языком, ознакомился с нормами русского права (естественно, не из учёного любопытства, а «из-за денег») и поставил пределы собственному честолюбию, сознавая, что, многого достигнув, «выше подняться ты не сможешь». Он вовремя остановился — не стал ничего просить от, казалось, всемогущего Фёдора Басманова, когда тот предложил немцу своё покровительство. Иноземец и здесь не прогадал — царский любимец очень скоро вышел из доверия и погиб.

И всё же, несмотря на удачливость и сообразительность (явно преувеличенные в расчёте на доверчивых читателей), Штаден не смог ни удержаться в окружении царя, ни сохранить свою «знатность» и нажитое правед-

ными и несправедливыми путями богатство — описанная им атмосфера опричного времени явно не способствовала этому. Уцелевший во время пожара, татарского погрома и царских репрессий в 1571—1572 годах немец рассказал о страхе и растерянности опричной верхушки, когда Иван Грозный внезапно отменил опричнину: «Все князья и бояре, бывшие на опричном дворе, испугались. Каждый из-за их измен уверен только в самом себе. Когда великий князь всё это совершал, в стране царил чума. Я приехал на опричный двор. Правление упразднили. Начальные бояре с досадой взглянули на меня и спросили: “Что ты здесь делаешь? У тебя на дворе тоже гибнут?”»¹².

В результате пересмотра опричных порядков Штаден лишился приобретённых поместий и «рыцарского титула». Хорошо ещё, что о немце позабыли, и пока составлялись новые списки служилых, он успел уехать в Рыбную слободу, где занялся мельничным бизнесом, а затем ещё дальше — на север, в Поморье. В 1576 году вместе с несколькими русскими купцами, отплывавшими на голландском корабле, Генрих Штаден навсегда покинул Россию и с тех пор предлагал завоевать её всем желающим — пфальцграфу Георгу Гансу из Фельденца, шведскому королю Юхану и германскому императору Рудольфу II. Основанием для приёма на «рыцарскую службу» «римско-кесарскому величеству» стал отчёт Штадена о его службе московскому государю, написанный в форме подробной автобиографии.

В записках Штадена часто встречаются имена других служивших царю Ивану немцев. Кажется, что государь не доверял своим подданным и стремился поддерживать любого иноземца, желавшего поступить к нему на службу. Отношения иностранцев между собой трудно назвать дружескими; кое у кого они были сугубо деловыми (так, например, Штаден выменял у Иоганна Таубе свой московский двор на деревню), с другими — враждебными.

Противником Штадена оказался бывший советник дерптского епископа Каспар фон Эльферфельдт: попав в плен к русским, он стал служить царю и выдвинулся в качестве эксперта по ливонским делам. «Каспар Эвер-

фелдт в очень большом почёте у великого князя и ежедневно привлекаем ко всем совещаниям», — сообщал в декабре 1566 года о его роли при московском дворе мюнстерский купец Герман Писпинг. Последний даже искренне полагал, что царь склонится к протестантству и «примет Евангелие: так много этот Каспар Еверфелдт и другие просили его и устно и письменно, что есть все основания надеяться»¹³.

Учёный ливонский юрист стремился силой подвести своё бывшее отечество под власть московского государя, а заодно пользовался своим положением, чтобы поправить дела, для чего обвинил Штадена в краже подкинутого ему на двор собственного имущества. Однако Эльферфельдт не рассчитал сил: предлагаемый им политический курс оказался невыполнимым, а немец-опричник выступил достойным противником в судебной тяжбе. Когда советник царя угодил в опалу, то вошедший в милость Штаден пригласил поверженного противника к себе и заявил ему: «Каспар Эльверфельдт! Я собирался приказать тебя убить таким-то и таким-то образом тёмным вечером, когда ты будешь ехать с опричного двора мимо судного двора на месте твоего двора, потому что ты так не по-христиански со мной обошёлся». «С теми словами, — хвастался опричник, — я поразил этого большого богатого господина, учившегося праву, прямо в сердце, так сильно, что он сразу пал духом и не мог вымолвить ни слова, ни жив ни мёртв, встал и должен был с большим позором отправиться в свою тюрьму. После этого я пришёл к нему в тюрьму. Тут он предложил мне владеть всем, что у него было». Штаден с друзьями должным образом оприходовал имущество опального, «чтобы всё было по справедливости»¹⁴. Но правовед умер в 1571 году всё же не от рук палача, а от чумы, и спустя четыре столетия московские археологи обнаружили на Шаболовке скромное надгробие с надписью «Каспар фон Эльферфельдт, права лицензиат, бывший ландрост Питерсхагена».

Два других ливонца, манрихтер (печатник) рижского архиепископа Иоганн Таубе и фогт (судья) из Дерпта Элерт Крузе, попали в русский плен в начале Ливонской войны. Первое время содержавшиеся под стражей

ливонцы испытывали «нищету, голод и жажду», но через несколько лет получили свободу и поступили на царскую службу. Они обратили на себя внимание царя Ивана тем, что, в отличие от Эльферфельдта, советовали поставить под контроль Москвы Ливонию с помощью создания на её территории вассального государства во главе с датским принцем Магнусом. После образования такого герцогства под протекторатом Ивана IV Таубе и Крузе были зачислены в опричнину и получили поместья; именно им — «князьям Ивану Туву да Илерту Крузу» — царь поручил надзор над марионеточным «королём» Магнусом. Царь как будто полностью доверял своим ливонским агентам, но их карьера была недолгой.

В марте 1571 года после неудачной осады Ревеля русскими войсками и людьми Магнуса оба дворянина решили изменить царю. В послании к польскому королю они предложили сдать ему город Юрьев в обмен на сохранение привилегий, какими прежде пользовались в Москве. В октябре измена Таубе и Крузе была открыта, но они успели бежать в пределы Великого княжества Литовского. Здесь они написали обширное послание жмудскому старосте Яну Григорию Ходкевичу, в котором и рассказали подробно о «московской тирании» и о том, как часто разрывались их бедные сердца при виде казней пыток, совершавшихся по приказанию царя¹⁵. При бегстве они захватили с собой какие-то важные документы, о которых Ходкевич докладывал канцлеру Николаю Радзивиллу Рьжему: «Эти немцы, которые от московского приехали, имеют при себе вещи, которые с вашей милостью моим милостивым государем практиковать вперёд мне надобно, нежели бы дошли до сведения его королевского величества». Разгневанный царь требовал у литовских дипломатов выдачи обоих беглецов как лживых изменников («и король бы государя и себя самого от них оборонил, поймал их и государю прислал»), но безуспешно. От короля же Таубе получил замок Сессвеген, а Крузе — замок Ленневарден и двор Клинспарн¹⁶.

Таубе и Крузе рассказывали об изгнанных из отцовских имений боярах; о их бедных беременным жёнах, которые зимой должны были идти десятки вёрст пеш-

ком и часто разрешались от бремени в пути, на снегу; о хитростях опричников, подсылавших своих слуг к купцам с деньгами и ценностями для того, чтобы они оговаривали новых хозяев. Далее следовали уникальные в своём роде повествования о распорядке жизни опричного «ордена», о расправе царя с митрополитом, о казнях московской знати.

Оба приятеля, как и Штаден, участвовали в походе на Новгород. В отличие от него сами они грабежом не занимались, но описали издевательства над новгородским архиепископом и духовенством. О масштабе репрессий во время новгородского опричного погрома они рассказывали: «Все состоятельные и известные люди были пойманы, дома их запечатаны, и в них были посажены пищальники. Он (Иван Грозный. — *И. К., А. Б.*) пытал и мучил их для того, чтобы они указали, где находятся их деньги и церковное добро, а затем он приказал принести всё согласно их указанию. Церкви и монастыри были так ограблены, что не осталось ни одной иконы ценной в полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари. Сверх того, несмотря на то, что было найдено такое большое добро, били попов, игуменов и купцов по коленям, чтобы они сказали, что они имеют... Имеются также определённые и достоверные сведения, что он приказал убить 12 000 именитых людей, мужчин и храбрых женщин. Что касается до безвестных бедных ремесленников и простого народа, то было их больше 15 000. Большая знаменитая река Волга (в тексте ошибка — речь идёт о Волхове. — *И. К., А. Б.*), которая в два раза больше, чем Прегель под Кёнигсбергом, была так наполнена мёртвыми телами, что окрасилась в этом месте в цвет крови и должна была остановиться у мостов»¹⁷.

Профессиональный военный-артиллерист, уроженец Померании Альберт Шлихтинг сражался в Ливонской войне на стороне польского короля Сигизмунда II Августа. При взятии литовской крепости Озерище в 1563 или 1564 году он попал в плен, оказался в Москве и здесь благодаря образованности и знанию языков (он владел немецким и русским языками и, по всей вероятности, знал польский и латынь) был взят на службу лич-

ным врачом царя Ивана Грозного итальянцем Арнольфом «в качестве слуги и переводчика».

В течение шести или семи лет Шлихтинг находился при царском дворе в Москве и в Александровской слободе и был близко знаком с одним из главных опричников, князем Афанасием Вяземским. Он описал и крушение своего приятеля: «Афанасий, видя, что ему уже грозит гибель, стал удаляться с глаз тирана и провёл пять дней, прячась у доктора, врача великого князя, по имени Арнольфа. Тиран приказал позвать князя к себе и сказал: “Ты видишь, что все твои враги составили заговор на твою погибель. Но если ты благоразумен, то беги в Москву”, — и приказал князю Афанасию: “И жди там моего прихода”. Тот, мало доверяя тирану, пустился в путь в направлении к Москве и, опасаясь какой-либо засады, губил всех встречных». В конце концов царь устроил над своим сподвижником экзекуцию — повелел целыми днями колотить его палками на правеже, чтобы получить с него деньги. От этого непрерывного избиения тело боярина начало вздуваться желваками. «Не имея более чего дать алчному тирану, несчастный со страху начал клеветать на всех наиболее богатых граждан, вымышляя, что те ему должны определенные суммы денег. Несчастные граждане принуждаются платить недолжные долги. Но и тот несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению»¹⁸.

Шлихтинг ещё раньше, чем Таубе и Крузе, сумел покинуть Россию, тем более что, находясь в Московии, сотрудничал с разведывательной службой Польско-Литовского государства. В конце сентября или начале октября 1570 года, почувствовав угрозу, он бежал в Польшу. Там он и составил для короля Сигизмунда II Августа своё главное сочинение — «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича». В 1572 году король выдал ему привилей за то, что во время пребывания в Москве он работал на разведку Ягеллонов: «А нам, государу и Речи Посполитой панств наших уставичне верне служил, послом и гонцом нашим о всех справах неприятельских, што ведати мог, певную ведомость давал». В качестве награды за труды Шлихтинг получил в пожизненное пользова-

ние земельный надел из королевских владений в Литве (село Прёлково)¹⁹. Скончался Шлихтинг в 1585 году, и король Стефан Баторий, учитывая заслуги покойного, оставил за его сыновьями дарованные отцу владения²⁰.

Конечно, и Шлихтинг, и Таубе, и Крузе стремились оправдать свою службу московскому «тирану», да и пережитый страх не мог не повлиять на их оценку событий в России. Главное место в их сочинениях занимали описания жестокости царя. «Говоря вкратце, он так опустошал город Москву огнём и мечом, что можно было видеть несколько тысяч опустелых домов, так как в них не было никаких обитателей. Люди от голода нападают ночью также и на жилые дома и, убивая один другого, питаются его трупом. Река, которая омывает город, полная трупов, делает для всех воду невкусной и нездоровой. И то, что творится, истинно. Когда Бог хочет наказать какой-нибудь народ за его злодеяния, он обычно поражает его не одной гибелью и наказанием, а вместе многими и разнообразными. В городе же царит такая пустота, что едва ли, по-моему, подобную испытал и Иерусалим»²¹, — ужасался Шлихтинг.

В то же время они всячески подчёркивали свою значимость, говорили о том, как получали от царя милости и «до какого почёта и богатства поднялись», что говорит скорее не о признании царём их достоинств, а о том, что он не доверял собственным подданным и стремился приближать к себе иностранцев. Но и они в итоге разными способами покидали опричную Москву без чувства благодарности, а затем советовали «христианским, достойным похвалы владетелям», как «с Божьей милостью и помощью можно завоевать Русское государство» и убеждали их, что «нет причин бояться таких бедных, раздетых, бессильных людей».

Однако нет оснований утверждать, что иностранцы в своих сочинениях распространяли злобные выдумки об «ужасных злодеяниях» царя Ивана. Похоже, что, повествуя о способах грабежа земских опричниками, о поощрении доносов, о превращении опричного войска в банду грабителей, они передавали собственные наблюдения. В пользу их подлинности свидетельствует и то, что им вторили безвестные отечественные авторы:

«И быша у него (Ивана IV. — *И. К., А. Б.*) мучительныя орудия, сковрады, печи, бичевания жестокая, ногти острия, клещи ражженные, терзания ради телес человеческих, игол за ногти вонзения, резания по составам, претрения вервии на полы, не только мужей, но и жен благородных, и иныя безчисленныя и неслыханныя виды мук на невинныя, умышленныя от него». В Новгородской третьей летописи сказано: «Повеле государь телеса их некоею составною мудростью огненною поджигати, иже именуяся поджар, и повелевает государь своим детям боярским тех мученных и поджаренных людей за руки и за ноги и за головы опока вязати различно, тонкими ужищи и привязывати повеле по человеку к саням». Но «немцы» же сообщали о попытках сопротивления царскому произволу, о вооруженных столкновениях между земскими и опричными. Если не принимать во внимание отдельные неточности и преувеличения, то в целом их записки дают ценный материал для изучения истории России второй половины XVI века.

Позже всех названных лиц прибыл в Россию самый, пожалуй, приближенный к царю иноземец — его врач Елисей Бомелий (Элезеиус Бомелиус). Уроженец Голландии, он вырос в вестфальском городе Везеле, куда его родители переехали в поисках убежища от религиозных преследований. Там они познакомились с бежавшими от «кровавой» королевы Марии Тюдор протестантами Катериной и Ричардом Бертъе и вместе с ними оказались в Англии при Елизавете. С помощью старинного друга семьи Бертъе, главного министра королевы сэра Уильяма Сесила, Бомелиус поступил в Кембридж. После окончания университета он открыл медицинскую практику и стал одним из самых известных врачей Лондона, но вовремя не оформил нужные документы, из-за чего попал под следствие за врачевание без диплома.

Королевская медицинская коллегия запретила ему в дальнейшем заниматься врачебной практикой. Но лорд Сесил поспособствовал тому, что беспокойный доктор (успевший побывать ещё и под церковным судом по обвинению в чародействе из-за своих астрологических прогнозов) принял предложение русского

посла Андрея Совина отправиться в Москву. В октябре 1570 года Бомелиус прибыл в Россию — не в доброе время: разгневанный отказом Елизаветы заключить союзный договор Иван Грозный в послании обозвал её «пошлой девицей», лишил купцов английской Московской компании всех привилегий и грозил выслать всех англичан. Однако никому не известный Бомелиус неведомым образом вошёл в милость к царю. 26 июня 1571 года именно он проводил медицинский осмотр царских невест, включавший визуальный анализ их мочи²². Видимо, англичанин смог оказать врачебную помощь самому государю, поскольку в последние годы опричнины пользовался полным доверием венценосного пациента.

Надо полагать, что его записки о пребывании в Московии были бы куда более интересными, чем сообщения авантюристов-ливонцев. Однако Бомелиусу вернуться не удалось: в октябре 1575 года, оставив жену и детей в Москве, он отправился в Ригу за лекарствами, но был схвачен в Пскове по подозрению в измене. В столице за него взялись царские следователи. Подробности допросов врача и обстоятельства его смерти передал в своих записках купец и дипломат Джером Горсей: «Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал. Царь прислал сказать, что его зажарят живьём. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нём, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и провезли через Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя Бога; затем его бросили в темницу, где он и умер. Он жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр были рады его падению, так как он знал о них слишком много»²³.

В России Бомелиус оставил по себе зловещую славу «волхва лютого», который к тому же составлял яды и ис-

пытывал их на подданных государя. Однако трудно судить, был ли он на самом деле злодеем или пал жертвой интриг в ближайшем окружении Ивана Грозного²⁴.

На службе государевой

Даже самые отъявленные опричники не только казнили и грабили. Основным занятием для большинства из них, как и для остальной массы дворян и «детей боярских» в XVI веке, оставалась военная служба.

При деде грозного царя, великом князе Иване III, помимо дворянского ополчения появились пехотинцы, вооружённые огнестрельными «ручницами»; в XVI веке они стали называться стрельцами. Стрелецкие полки-«приказы» (по 500—1000 человек) составляли гарнизоны городов и крепостей, несли полицейскую службу. Рядовых стрельцов набирали из вольных людей — крестьян и горожан, которые поступали на пожизненную службу добровольно. Со временем служба стала наследственной: в стрельцы зачисляли «от отцов детей, от братьев братью, от дядь — племянников». Из старослужащих стрельцов назначали пятидесятников и десятников, сотники же и стрелецкие головы были обычно дворянами.

Московские стрельцы не только участвовали в походах, но и несли дворцовую службу, стояли «день и ночь с заряженными ружьями, зажжёнными фитилями» около царских покоев и охраняли царскую казну, составляли своего рода почётный караул при встрече иноземных послов, получали довольно высокое жалованье: «по семи рублей в год, сверх двенадцати мер ржи и столько же овса», а также «сукна» на мундиры. Видимо, какую-то их часть царь держал при себе в опричнине; во всяком случае, двухтысячный полк «стремянных стрельцов» в Москве, по словам англичанина Флетчера, состоял «при самой его особе, принадлежа к дворцу, или к дому, где он живет». Конные стрельцы не только охраняли царя, но и сопровождали его в походах. Например, в 1578 году «на немецкую и на литовскую землю» в свите Ивана IV шли две тысячи стрельцов и казаков «его двора». Горо-

довые стрельцы (служившие в провинциальных гарнизонах) при зачислении на службу получали по рублю и наделялись огородами, пахотной землей и сенокосами (как тогда говорили, несли службу «с земли»)²⁵.

Стрельцы были вооружены гладкоствольными ружьями-пищальями, саблями, которые пришли на смену мечам, и бердышами — топорами с лезвием в форме полумесяца на длинных рукоятках; такое устройство позволяло использовать бердыш как рубящее и колющее оружие. На нижний конец его древка насаживалось железное копьёцо для втыкания в землю; при стрельбе из пищали бердыш служил для неё опорой-подсошком.

В Москве существовали арсенал (Оружейная палата) и Пушечный двор, где отливались весьма совершенные пушки. В XVI веке русские мастера уже умели изготавливать орудия с казёнными затворами и многоствольные установки на вращающемся барабане — «сороки» и «органы». Тяжёлые пушки крупного калибра составляли «большой наряд» — осадную и крепостную артиллерию; в полевых войсках находился «полковой наряд» — более лёгкие и подвижные орудия (калибром до 9—10 сантиметров). В походах русская армия имела артиллерийский парк до двухсот стволов; всего же на вооружении в крепостях и арсеналах находилось до двух тысяч орудий. На ежегодных смотрах пушкари показывали свое искусство, стреляя по мишеням. В сражениях с татарской конницей успешно применялись «гуляй-города» — подвижные замкнутые укрепления из щитов с отверстиями для пушек и пищалей. С появлением артиллерии деревянные стены перестали быть надёжным укрытием, поэтому стали строить крепости из камня и кирпича — новые кремли в Москве, Туле, Зарайске, крепости Ивангород и Смоленск. Возведением крепостей и осадными работами руководили инженеры-«розмыслы».

Но всё же основную силу как земской, так и опричной армии составляли провинциальные помещики — городовые дворяне и «дети боярские». Дворянские «недоросли» уже с пятнадцати лет считались годными для службы, но небольшая отцовская «вотчинка» или поместье не могли обеспечить средства к существованию для всех подраставших сыновей. Безземельные служи-

лые люди подавали челобитную с просьбой наделить их «поместейцем». В Поместном приказе устанавливался земельный и денежный «оклад» такого «новика», но получал он, как правило, только часть (половину, а то и треть) полагавшейся ему по окладу земли — «дачу», то количество никем не занятой пахотной земли с крестьянами, которым на данный момент располагала казна в родном уезде соискателя. Остальное приходилось «приискивать» самому и по обнаружении «ничейного» участка земли с мужиками немедленно подавать новую просьбу о закреплении этой земли за ним.

Рост поместного войска способствовал созданию жёсткой, милитаризованной политической системы Московского государства, приспособленной к отражению нападений извне. Но для нормального функционирования этой системы постоянно требовались освоенные земли с крестьянами для поместных раздач, и их нехватка стимулировала активность Москвы во внешней политике. «Хотя бы таковая земля угодная и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие», — писал в своей челобитной Ивану IV дворянин Иван Пересветов про земли соседнего Казанского ханства.

Провинциальные дворяне вместе с такими же мелкопоместными соседями являлись на смотры, где воеводы проверяли их боеготовность, раздавали жалованье и «верстали» новиков на службу. Те же обещали служить «не щадя головы своей»: «и из города, и ис полков, и ис посылок без государева указу и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинуть, и с их государевы изменники не ссылатися». На смотре воевода осуществлял «разбор» служилых людей — оценивал вместе с выборными дворянами их боеспособность и вооружение.

И московская знать, и далёкие от двора городские дворяне-помещики выступали на войну со своими лошадьми, вооружением, снаряжением и необходимыми припасами. Кое-кто из воинов имел полный «доспех»: шлем, «пансырь», наручи и наколенники; большинство — неполный (кольчугу и «шапку железную» конической формы с вытянутым верхом). Знатный боярин

мог позволить себе приобрести дорогостоящее импортное вооружение («шолом черкасской да юшман шамахойской... саблю турецкую») стоимостью в 30 и больше рублей — за эту сумму можно было купить село с деревнями. Рядовые помещики, составлявшие основу русской армии времен Ивана Грозного, выходили в отцовских и дедовых кольчугах. В середине XVI века их количество достигало 25—30 тысяч человек.

На службу бедный помещик выходил обычно «на мерине в садаке и с саблею». Сабля, главное оружие дворянской конницы XVI века, стоила от трёх (отечественная) до пяти-шести рублей (восточной работы). Огнестрельное оружие встречалось до конца столетия относительно редко. У опричников имелись «ручницы», в которых для воспламенения пороха в стволе использовался раскаленный жгут, а затем стал применяться фитиль, пропитанный селитрой. Это оружие было у отряда Василия Грязного. По сообщению князя А. М. Курбского, княгиню Евдокию Старицкую опричники убили именно из ручниц. Во время Новгородского похода опричные стрельцы расстреляли в Торжке из пищалей 15 пленных татар.

Основными деталями доспеха являлись прежде всего «пансырь» и кольчуга. Оба эти доспеха были кольчатыми, и принципиальное различие между ними установить трудно. Скорее всего, кольчуга состояла из колец, круглых в сечении, а в описании «пансырей» кольцо будет называться «плоским» или «плосковатым». В XVI веке их разновидностью стала состоящая из крупных плоских колец «байдана», сохранившийся экземпляр которой принадлежал Борису Годунову. К кольчатым доспехам относились также бахтерцы и юшманы: в основную кольчужную ткань рубашки на груди и спине вплетались металлические пластинки, служившие хорошей защитой и от стрел, и от холодного оружия. У бахтерцев пластины обычно делались квадратными, у юшманов — продолговатыми; на более дорогих доспехах пластины украшались орнаментом, выполненным золотой насечкой. В описи имущества Бориса Годунова 1589 года значатся три юшмана московских «доски широ-

кие», десять юшманов «доски мелкие», один юшман «старый золочен».

Более бедные служилые выходили на службу в тегилях — стёганных кафтанах на очёсках льна или конопля, иногда с зашитыми внутри железными пластинками. Известны тонкие и толстые тегиляи; первые, видимо, надевались исключительно для красоты поверх доспехов: «тегиляй бархатен», «тегиляй атласен», а порой щёголь-дворянин выступал «на коне в саадаке и в сабле, в тегиляе в тонком с горностаем» или надевал на кольчугу «ферязь бархатну».

Тегиляи носили не только дворяне, но и их боевые холопы, которых вотчинники и помещики должны были выставлять на службу по установленной Уложением о службе 1556 года норме: «со ста четвертей (около 50 гектаров. — *И. К., А. Б.*) добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в далной поход о дву конь». Таким образом, богатые и знатные дворяне шли в поход в окружении пяти, десяти, а то и двух десятков вооружённых холопов. В зависимости от своих возможностей дворяне выезжали на службу на ногайских, турецких или польских конях («аргамаках») или на местных лошадях («на мерине»). Стоили «мерин 4 рубля, кобыла русская 3 рубля», а скакуны ногайской породы ценились вдвое дороже («конь 8 рублей, кобыла ногайская 6 рублей, жеребенок 3 рубля») за выносливость: «...роста среднего, весьма удобные для работы и бегут без отдыха 7 или 8 часов»²⁶.

«...Саадак его Иванов, да сабля, да седло сафьянное с подзоры, да седло сафьянное зжено со кзом, да пансырь горелой, да узда черкасская битая» — вот что осталось в доме новгородского помещика Ивана Злобина сына Базарова, не вернувшегося из последнего похода. Брошенные дома предметы вооружения, большей частью негодные к употреблению, были памятью о прошлых боевых делах их владельца, а исправную амуницию он взял с собой в поход. В усадьбе Базарова остались четыре коня и два служивых мерина, что обеспечивало выполнение одного из самых тяжелых требований службы — выставление необходимого количества вооружённых и обмундированных воинов.

В дворянских челобитных жизненный путь служилого человека предстаёт как непрерывная череда походов и боёв. На смотрах дворяне объявляли о «побитых» в боях родственниках (иногда по 5—10 человек из рода) и гордились своими заслугами: «...бились явственно, убили 12 мужиков». Неявка на смотр или в полк — «нетство» — грозила потерей поместья, а понесённые на службе тяготы («кровь и раны и полонное терпение») считались основанием для увеличения «оклада» или перевода в «выбор», то есть на службу при дворе.

Сама же служба была, пожалуй, тяжелее, чем у дворян времён Екатерины II или современников Пушкина. Почти ежегодно с апреля до сентября дворянские «сотни» отправлялись на южную границу, чтобы перекрыть пути татарским набегам. Там дворян ожидали беспрестанные караулы, разъезды и «сторожи»; им приходилось «земляной вал делать и ров копать своими руками».

В боях со стремительно появлявшимся противником неизбежны были потери; многие служилые побывали в татарском плену в Крыму, откуда попадали на турецкие галеры или «басурманились» под угрозой смерти, если государство не выкупало своих слуг. Из удачного похода дворяне возвращались с награбленным добром и «немецким» или «литовским» полоном, из неудачного — шли «безлюдны, безконны и беззапасны».

Пожизненная служба воспринималась как норма, и только вконец подорванное здоровье могло служить основанием для отставки. Спустя полвека после опричных времён, в 1614 году, дворянин из Переславля-Залеского Богдан Губарев попросил об отставке: «Сорок три года всякие ваши государские службы служил летние и зимние, закамские и немецкие и литовские, и на поле в станицах и в подъездах ездил, и на многих делех и на боях ранен был и от тех, государь, многих ран болен и увечен стал». За долгую службу старый воин выслужил «кровью своей и работою» 600 четвертей поместного «оклада», но на деле получил только «дачу» в 200 четвертей, да и на этой земле у него не было ни одного крестьянина — некоторые разбежались во время Смуты, других «посекли литовские люди и московские воры». Ветерана осмотрели в Разрядном приказе и убедились,

что он действительно «стар и от ран увечен; левая рука ниже локтя пересечена саблею, и рукою не владеет; левая щека с ухом отсечена; да он пробит из пищали насквозь в щеки и зубы выбиты». Только после «экспертизы» дворянин получил, наконец, отставку и возможность провести остаток дней в собственном доме, но всё равно должен был выставить со своего запустевшего поместья «даточного человека» на службу.

Такие «новгородцы», «смоляне», «можайчи» или «твERICИ» шли на службу «всем городом», в сотнях: соседи по уезду служили вместе во главе с авторитетными и опытными ветеранами. Сотни входили в состав основных войсковых подразделений — полков: большого, правой и левой руки, передового и сторожевого. Ими командовали воеводы из состава «государева двора». В 1572 году в армии состояли пять земских (М. И. Воротынский, И. В. Шереметев-Большой, Ф. В. Шереметев, И. П. Шуйский, А. В. Репнин) и пять опричных воевод (Н. Р. Одоевский, А. П. Хованский, Д. И. и П. И. Хворостинины, В. И. Умной Колычѐв). Под командованием последних находилось более 4500 детей боярских, что может свидетельствовать о максимальной численности воинства «из опричины». Возглавлявшие их воеводы были опытными командирами, как правило, много лет защищавшими южную границу и участвовавшими в покорении Казани.

Один из основателей опричины, Алексей Басманов, начал службу в 1540-х годах, воеводствовал в Елатье, несколько раз (в 1548/49, 1550 и 1552 годах) ходил под Казань в качестве воеводы и дворянина «в ясауле», а после её взятия остался там третьим воеводой, в 1554 году оказался в армии под Коломной вторым воеводой сторожевого полка, а в следующем — первым воеводой передового полка в походе на «крымские улусы». С началом Ливонской войны Басманов в январе 1558 года отправился «в немцы» из Пскова вторым воеводой передового полка, руководил взятием Нарвы, превращённой в первый русский порт на Балтике, и остался там первым воеводой. В 1559 году он сначала был отправлен опять на юг — в поход из Бронниц на Тулу, но осенью возвращён в Ливонию и воевал под Дерптом. Затем

он участвовал в победном Полоцком походе 1563 года. Однако отважный и хладнокровный командир везде находился на вторых ролях.

Звёздным часом Басманова стало отражение татарского набега на Рязань осенью 1564 года. Находившийся в «отпуске» в своём поместье боярин подоспел вовремя и остановил крымцев на пути прорыва в центральные области страны в тот момент, когда русская армия не была готова отразить нападение с этой стороны. Летопись содержит выразительный рассказ о событиях: «В то же время на Рязани были во государьском жалованье в поместье боярин Алексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на рязанскую украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми... крымских людей побили и языки поймали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам Алексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сущу бо тогда служилым людем никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати... У града же тогда крепости нужные... едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметам и с огнем многожды прихождаху и хотяху взятии град, Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов русских молением граду ничто успеха и от града отступиша в своя страны».

За рязанскую службу царь наградил Басманова и его сына золотыми монетами, и с этого времени роль второстепенного воеводы изменилась — он стал в опричнине одним из первых. В опричнине служили и его родственники: Захарий, Андрей, Иван и Никита Ивановичи Очины-Плещеевы, сыновья старого воеводы

Ивана Григорьевича Очина-Плещеева. Представители младшей ветви большого рода Плещеевых числились по Бежецкому верху. Старший из братьев, Захарий, начал службу как «сын боярский второй статьи» и в 1549 году был вторым воеводой в Козельске вместе с отцом, а на следующий год уже самостоятельно участвовал в походе на Казань. Затем он последовательно служил в разных местах: в Мценске, на воеводстве в Карачеве, «годовал» четвёртым воеводой во взятой Казани, летом 1555 года ходил на крымцев под Тулу «головой для посылок» в царском полку, а в августе того же года отправился на север воеводой в Корелу и там воевал против шведов под Выборгом и Орешком. Затем Захарий Очин-Плещеев оказался в Путивле, а оттуда был переброшен в Ливонию, где в октябре 1560 года потерпел поражение от войск магистра Ливонского ордена. Он участвовал во взятии Полоцка в 1563 году, а годом позже из Полоцка ходил третьим воеводой большого полка в Литву, где был захвачен в плен. Но в плену он пробыл недолго и уже в 1564/65 году служил первым воеводой полка правой руки при походе из Смоленска в Литву. Видимо, в награду за «полонное терпение» Захарий был взят в опричнину. Здесь его карьера круто пошла вверх — он получил боярство и стал одним из основных опричных воевод: в сентябре 1567 года в Литовском походе был воеводой «для посылок», затем числился первым воеводой сторожевого полка; в январе 1569 года руководил опричными войсками при взятии Изборска, а позже был на береговой службе в Калуге вторым воеводой большого полка.

Второй из братьев Очиных-Плещеевых, Иван Иванович, участвовал во взятии Казани, а в последующие годы умирал восставшую «луговую сторону» бывшего ханства. Он ходил в 1555 году вместе со старшим братом на крымских татар, наместничал в Чернигове, брал в 1560-м в Ливонии столицу ордена, город Феллин, а после его взятия остался там первым воеводой. Затем в течение нескольких лет Иван участвовал в боевых действиях против Литвы в качестве смоленского воеводы и воеводы передового и сторожевого полков. В опричнине в 1569 году он стал первым воеводой Великих Лук.

Никита Иванович нёс при нём службу на воеводстве в Смоленске и в походах под его началом. В опричных разрядах он упомянут только один раз, в январе 1569 года, в качестве третьего воеводы из опричнины под Изборском. Четвёртый брат, Андрей, в сентябре 1567 года при походе из Новгорода в Литву был дворянином «в стану у государя», в 1567/68 году служил первым воеводой из опричнины в Одоеве, а затем первым воеводой большого полка под Вязьмой и Мценском.

Из других Плещеевых известен Иван Дмитриевич Колодка. В разрядах его имя появилось только во время опричнины, куда он попал благодаря своим родственникам Басмановым и уже в 1567/68 году командовал опричными войсками под Калугой, в 1568/69-м — под Ржевом; а в 1569-м был назначен первым воеводой полка правой руки под Калугой.

Судя по кратким разрядным записям, Плещеевы особых воинских лавров не стяжали, но служили честно. Опричнина позволила им выдвинуться в первые ряды военачальников — но и погубила их карьеру. Захарий и Иван в 1570 году попали вместе с Алексеем Басмановым в опалу и были казнены. Никита и Андрей остались живы, но их имена исчезли из разрядов. Никита Иванович вновь получил назначение в октябре 1573 года и до конца царствования Ивана Грозного ничем отмечен не был. Лишь в 1589 году он стал окольным и вскоре после этого скончался. Иван Колодка-Плещеев также на три года исчез из разрядов, а в дальнейшем получал должности гораздо менее ответственные и до думного чина отца так и не дослужился²⁷.

Более удачливыми оказались князья Телятевские — потомки рода тверских князей, давно лишившиеся родовых вотчин и ставшие ярославскими помещиками. В опричнине служили князь Василий Иванович Телятевский и его племянники Андрей Петрович и Иван Зубан Петрович. Василий был впервые упомянут в разрядах лишь в 1562/63 году среди участников Полоцкого похода, когда был есаулом и состоял в царской свите. В 1564/65 году он служил наместником в Брянске и в 1566-м в качестве «дворянина первой статьи» подписал грамоту Земского собора о продолжении войны

с Великим княжеством Литовским. В опричнине он сумел выдвинуться. В 1569 году князь уже стал опричным первым воеводой передового полка в Калуге вместо З. И. Очина-Плещеева, а затем — первым воеводой большого полка в Туле.

Андрей Телятевский начинал службу царским оруженосцем-телохранителем — рындой; зимой 1558/59 года впервые участвовал в походе на Ливонию и, очевидно, обнаружил недюжинные способности. Уже в Полоцком походе князь стал первым воеводой «ертоула» (разведывательного отряда, следовавшего впереди главного войска), а затем — первым воеводой передового полка: в 1563/64 году в Великих Луках, а в 1565-м — «на берегу». Ещё до учреждения опричнины он пользовался большим доверием царя: именно ему был поручен «обыск... в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Одашева» — опального недавнего «главы правительства». В опричнину он вошёл сразу при её учреждении и был там одним из ведущих военачальников: в октябре 1565 года послан первым воеводой под Болхов, в сентябре 1567-го — командующим опричными войсками под Калугу. В 1569 году, будучи назначен в опричном войске под Калугой первым воеводой полка правой руки, князь Андрей счёл это назначение недопустимым и заместничался с первым воеводой большого полка Фёдором Басмановым, но до окончания спора не дожился — там же, в Калуге, заболел и умер. Его младший брат Иван, хотя и участвовал в походах в Литву, до высоких постов не дослужился, но зато, как и дядя, не пострадал. Старший же из рода, князь Василий, в послеопричные годы занимал ответственные воеводские должности и в 1576 году состоял при дворе Симеона Бекбулатовича — правнука хана Золотой Орды Ахмата, временно «назначенного» Иваном Грозным московским царём, а затем великим князем Тверским²⁸.

Ещё более храбрым и талантливым полководцем показал себя потомок ярославских князей Дмитрий Иванович Хворостинин. Сын не слишком знатного окольничего Ивана Хворостинина (И. Д. Колодка-Плещеев попрекал его потомков в местническом споре 1567 года за службу дмитровским удельным князьям) начал

карьеру в 1557/58 году шацким воеводой и в том же году участвовал в походе к Серпухову головой при первом воеводе большого полка. Князь ходил на Ливонию, в 1563 году при осаде Полоцка был в свите царя и сумел отличиться: «...стрельцы и боярские люди многие из всех полков в острог пошли, и учинилось ведомо государю, что многие люди на животы пались, и литовские люди с ними из города бьютца. И государь царь и великий князь для того послал из своего полку голову князя Дмитрея Федоровича Овчинина Оболенсково да князя Дмитрея Ивановича Хворостинина и велел тех людей беречь, и те головы литовских людей в острог втоптали, а государевых людей отвели, дал Бог, здорово». Он вместе с братьями был сразу принят в опричнину и в октябре 1565 года направлен вторым воеводой для отражения татарского набега: «из опришнины послал государь под Болхов воевод, как царь крымской приходил, с Москвы князь Ондreja Петровича Телятевсково да князь Дмитрея да князь Ондreja Ивановичев Хворостининых». В мае 1570 года крымские «загоны» проникли в Каширский уезд, но под Зарайском «воеводы князь Дмитрей Хворостинин да Федор Львов майя в 21 день сошлись с крымскими людьми в ночи, и крымских людей побили, и языки многие поймали, и полону много отбили». В 1572 году князь Дмитрий командовал передовым полком русского войска при отражении нападения хана Девлет-Гирея на Москву. В решающем сражении Хворостинин героически оборонял полевой «гуляй-город» и вовремя сделал вылазку — «как выстрелили изовсево наряду, и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князь Дмитрей Хворостинин с немцы вышел, на том деле убили царева сына да внука царева (хана Девлет-Гирея. — *И. К., А. Б.*) колгина сына и многих мурз и тотар живых поймали».

Судьба хранила военачальника — на политическую роль в опричнине он не претендовал и всю жизнь провёл в полках. Карьера Хворостинина лишь ненадолго прервалась опалой зимой 1573/74 года, но затем мы опять видим его на ратной службе: в 1578 году в походе на Ливонию он взял штурмом шведскую крепость Оберпален, в 1579-м отражал литовское нападение на

Невель. Он не смог предотвратить падение Полоцка, но по пути из Можайска в Литву выжег и опустошил все окрестности городов Дубровны, Орши, Шклова, Могилёва и Радомля. Под занавес неудачной Ливонской войны в феврале 1582 года передовой полк русской рати под командованием Хворостинина и думного дворянина Михаила Безнина у села Лялицы атаковал шведов, «и Божиею милостию и Пречистыя Богородицы молением немецких людей побили и языки многие поимали»; противник вынужден был отойти в Нарву. В последние годы царствования Ивана IV князь подавлял восстание луговых черемисов и казанских татар, в 1584 году был пожалован в бояре и назначен наместником в Рязани с поручением охранять «украину» от ногайских набегов. В 1590 году Хворостинин в последний раз показал свой полководческий талант — наголову разбил под Нарвой четырёхтысячное шведское войско под командованием генерала Густава Банера. Вскоре было заключено перемирие, по которому шведы возвратили русским города Ям, Ивангород и Копорье. Но конца войны Хворостинин уже не застал — 7 августа 1591 года знаменитый воевода умер, приняв перед смертью постриг под именем Дионисия.

Вместе с Дмитрием Ивановичем в опричнине служили три его брата. Князь Андрей в 1565 году состоял под началом старшего брата под Болховом и в 1567 году под Калугой, а под конец опричнины был головой «в полку у государя»; впоследствии он дослужился до окольного и умер в Смуту. Пётр Хворостинин начал карьеру перед самым учреждением опричнины — в октябре 1564 года был послан в Рязань к отцу и сыну Басмановым с наградными «золотыми» за отражение крымского набега, а в опричных царских походах служил рындой «с копьём». В 1569/71 году он впервые получил самостоятельное назначение в Дерпт сначала вторым, а потом первым воеводой. В 1572 году Пётр Иванович в качестве второго воеводы полка левой руки участвовал в отражении набега Девлет-Гирея. В последующие годы он бывал на воеводствах и наместничествах, но особых талантов не проявил и в октябре в битве под ливонским замком Венденом (Кесью) попал в плен, после окончания вой-

ны вернулся, вновь состоял на службе и умер бездетным около 1591/92 года. Наконец, Фёдор Иванович также начал службу царским рындой, в 1571 году стал уже «дворовым воеводой», в 1576-м — дворецким, благополучно пережил царя и умер в 1608 году боярином.

Названные воеводы достойно сражались и тем в каком-то смысле «спасли честь» опричнины, являя собой доказательство того, что не все её члены были дознавателями и карателями. Но, похоже, карьера при дворе не способствовала проявлению военного таланта даже у тех, кто им обладал. Став во главе опричников, боярин Алексей Басманов в походы уже больше не ходил, будучи занят на «внутреннем фронте». Зато его сын и царский фаворит, кравчий Фёдор Алексеевич, который до того был рындой и должен был «за государем ездить», выдвинулся на первые места. Басманов-младший был воеводой «для посылок» при походе из Новгорода в Литву в сентябре 1567 года, той же осенью служил первым воеводой передового полка в Вязьме и, наконец, в 1569 году стал главнокомандующим опричными полками: «...в большом полку кравчей и воеводы Фёдор Олексеевич Басманов да окольничей и воевода Василей Иванович Умново Колычов».

Однако о военных подвигах фаворита у нас сведений нет, как и о победах царского зятя Михаила Черкасского и других опричных командиров — братьев-князей Пронских, Ивана Мятлева-Слизнева, Григория Полева, Никиты Борисова-Бороздина, Петра Шейдякова. Опричник Яков Волынский в мае 1571 года весьма неудачно участвовал в боях против татар Девлет-Гирея: хан разгромил под Серпуховом его отряд и двинулся к Москве. Опричный боярин Василий Тёмкин-Ростовский был казнён за неудачную оборону Москвы от татар; другой командир в этом же походе, боярин Василий Яковлев («гофмейстер» царевича Ивана), был забит батогами вместе со своими земскими родичами, боярами Иваном Петровичем и Семёном Васильевичем. Опричник Василий Умною Колычёв с земским боярином Иваном Яковлевым после неудачной осады зимой 1570/71 года Ревеля угодили в опалу. Оставшийся под стенами города вассал Ивана IV датский герцог Магнус сообщил

горожанам, что «когда царь... узнал о жестоких грабежах, убийствах и пожарах, то... приказал в прошлую субботу увезти отсюда обоих воевод в оковах»²⁹. Дмитрий Салтыков вместе с младшим братом Даниилом в октябре 1572 года был в опричной Костроме «для поветрия моровова на заставе», но в боях братьям не везло: Даниил был убит в 1578 году под Венденом, а Дмитрий последний раз упомянут в разрядах в 1581 году, когда бежал с поля боя под Старой Руссой.

Ничем не отличились в боях и высшие опричные начальники, пришедшие на смену Вяземскому, Басманову и Тёмкину-Ростовскому. Князь Никита Одоевский, быстро продвигавшийся по службе, известен тем, что в мае 1571 года неудачно пытался со своим полком преградить дорогу хану на реке Наре, а весной 1572 года при назначении разряда «для приходу» крымцев, попытался местничать с виднейшим земским полководцем князем М. И. Воротынским: «В правой руке в Торусе бояре и воеводы князь Микита Романович Адуевской да Федор Васильевич Шереметев, и Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князь Михаила Ивановича Воротынского». Челобитье его было оставлено без внимания, и Одоевский так и остался под командованием своего соперника. Впрочем, и сам Иван Грозный не мог служить для своих воевод примером воинской доблести — во время татарских походов он отсиживался в Новгороде. Но громкого успеха царь не прощал никому: не прошло и года, как и опричный, и земский победители татар под Серпуховом, князья Н. Р. Одоевский и М. И. Воротынский, были казнены.

Об опричниках не в «генеральских», а в «офицерских» чинах сведений и того меньше. Но заметно, что одни из них предпочитали «сыскную» карьеру, как Григорий Ловчиков, который сопровождал в Антониево-Сийский монастырь насильно постриженного в монахи опального Т. Тетерина и лично участвовал в казнях: под его руководством проводился погром коломенских сёл боярина И. П. Фёдорова, он же в 1570 году «отделывал» новгородцев. Шлихтинг сообщал, что «Григорий Ловчик» был близок к князю Афанасию Вяземскому, а потом обвинил его в том, что он якобы «выдавал вве-

ренные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода», что и послужило причиной опалы князя.

Другие предпочитали роль суровых «мытарей». Мирон Кузьмин «правил» на новгородцах казну (взыскивал подати), которую не удалось получить в Москве с увезённых туда попов. Братья Басарга и Басёнок Леонтьевы из переславских «детей боярских» прославились тем, что выколачивали подати из населения волости Варзуга на Кольском полуострове. Здесь возник конфликт между земскими варзужанами и опричными двинцами. Последние, взяв местные рыбные промыслы на откуп, одновременно заплатили казне причитавшиеся налоги «с наддачей» и заставляли варзужан возместить им затраты ещё большими податями. Пользуясь покровительством царя, богатые двинские промышленники Бачурины, бравшие на откуп взимание десятины с жителей Беломорья, потребовали от варзужан выплаты 450 рублей накопившегося долга. Те возмутились и разгромили владения двинцев в Варзуге. Тогда Бачурины пожаловались Ивану Грозному. Двинцы подали иск об убытках на огромную сумму в 1764 рубля, признанный обоснованным, и Иван IV направил Б. Ф. Леонтьева с отрядом опричников разобраться на месте, взыскать все убытки двинцев и казны. Опричники и их двинские помощники учинили в селе страшный погром. У варзужан забирали всё ценное, ломали дома, грузили награбленное на суда, везли крестьянское имущество на Двину и распродавали на торгу. Люди разбежались кто куда, одни на Мурман — в Колу и Печенгский монастырь, другие — в Карелию. Вслед за Варзугой опричники разграбили Умбу, Порью Губу, Кандалакшу и селения Кемского побережья.

Донесение Леонтьева о правеже не сохранилось, но результаты и последствия этого злодеяния отчетливо видны в описи села, проведённой в мае 1575 года. Спустя семь лет в Варзуге было 79 пустых дворов и 33 поросших бурьяном места, на которых до погрома стояли крестьянские дома; не использовались 11 сёмужьих «тонь». Вместе с новыми поселенцами, которым разрешили «дворы свои поставити» на покинутых местах, в

селе насчитывалось лишь 138 семей. В памяти жителей этот погром остался под названием «Басаргина правежа»; именем лихого опричника пугали непослушных детей...

Формально в этом конфликте царь выступил в роли гаранта неприкосновенности собственности, приносившей казне доход в виде откупа. Однако на деле «опричная» юстиция встала на сторону подведомственных ей двинцев, защищавших не столько государственные, сколько свои корыстные интересы. Варзужане же отстаивали традиционные права на использование общинных промыслов, которые не могли отчуждаться в пользу отдельных лиц, но оказались кругом виноватыми. Погром же подорвал их хозяйство, отчего казна несколько не выиграла. Разорением воспользовались северные монастыри. Они по дешёвке скупали у крестьян их участки (луки), брали на содержание престарелых и немощных людей с условием, что после смерти их доля угодий перейдет обители; монахи давали нуждающимся под залог луков ссуды на обзаведение хозяйством, предоставляли в долг под проценты муку и вещи. В большинстве случаев обнищавшие поморы не могли своевременно погасить долги и теряли право на заложенные ими земли и угодья.

Но были в опричнине и те, кто не занимался убийствами и мародёрством. Игнатий Блудов принадлежал к верхнему слою провинциального дворянства — в Думе не сиживал и в «государев родословец» не попал. Он начал службу в 50-х годах XVI века, в 1555-м участвовал в битве с крымцами при Судьбищах, попал в плен и был выкуплен через полтора года. В 1558/59 году Блудов являлся вторым воеводой в Мценске, затем в качестве головы участвовал в военных действиях против татар и служил воеводой в Карачеве и головой на береговой службе в Туле при первом воеводе большого полка. В Полоцком походе 1563 года он состоял в свите государя, в 1565-м в походе против Крыма являлся головой при первом воеводе передового полка, в сентябре 1567-го назначен вторым головой в Литовском походе, в 1568-м — вторым воеводой передового полка из опричнины в Калуге; в 1568/69 году — воеводой сторожевого

полка; воевал в Ржеве, Володимирове, под Изборском, в 1572 году ходил на шведов в качестве воеводы сторожевого полка. После отмены опричного двора Блудов продолжал службу в воеводах и погиб под Смоленском в конце Ливонской войны³⁰.

Отбывая в декабре 1564 года в Александровскую слободу, царь взял с собой московского «сына боярского» Константина Поливанова — представителя известного с конца XIV века служилого рода, ведшего происхождение от татарина Кочевы, в крещении Онцифора, выехавшего из Орды к великому князю Дмитрию Донскому; его правнук Михаил Глебович по прозвищу Поливан (возможно, от «пехливан» — «борец», «богатырь») стал родоначальником Поливановых. К XVI веку фамилия разрослась и захудала. Константин Поливанов начал службу ещё в 1549 году поддатней у царских рынд во втором походе Ивана IV на Казань, а затем состоял по дворцовому ведомству, так что в военных разрядах его имя не упоминается. Он мог бы и дальше служить невидным чиновником или стать «послужильцем» знатного боярина, но случай обратил на него внимание государя.

Именно Поливанов привёз 3 января 1565 года в Москву митрополиту Афанасию из Александровской слободы грамоту Ивана Грозного об оставлении престола. В опричнине Константин сделал карьеру — стал одним из голов царского полка и в этом качестве участвовал в походе на Литву. Потом он служил первым воеводой из опричнины в Мценске и вторым в передовом полку в Калуге. Во время Новгородского погрома 1570 года Поливанов был в походе рядом с царём. Воевода как будто не участвовал в «новгородской казни», когда по велению царя опричники заталкивали горожан под лёд, но именно он с Угримом Безопишевым во главе двадцати семи приставов «казну правил для государя на монастырях» после ухода опричной армии на Псков. В течение нескольких месяцев опричники собрали с обитателей 13 тысяч рублей и в октябре отправили их в Москву. Как именно действовал сам главный пристав, мы не знаем, но новгородцы его запомнили и много позже могли указать место (дом дворецкого), «где стоял Костянтин Поливанов».

Выполнив царское поручение, Константин, тем не менее, в ближайшее опричное окружение государя не вошёл. В 1572 году, когда Иван Грозный с царевичами отправился в поход на Ливонию, Поливанов при осаде и штурме Пайде состоял приставом у царского вассала, датского принца и короля Ливонии Магнуса — эта должность, может быть, и была почётной, но не являлась воинской. После отмены опричнины старый голова оказался не на «дворовой», а на земской службе с небольшим поместьем в 450 четей. В 1577 году бывший опричник состоял «у крепостей», что можно понимать как службу в возникшем в том же году Городовом приказе по строительству укреплений. Затем мы видим его осадным головой среди защитников Пскова от войск польского короля Стефана Батория. Осаждённые отразили два генеральных штурма, множество мелких приступов и все попытки захватить крепость с помощью минных подкопов, остались глухи к посулам и выдержали длинную блокаду. Воеводы умело организовывали вылазки — последней и самой значительной из них в январе 1582 года руководили головы М. Косицкий, Ф. Мясоедов и К. Поливанов. Благодаря стойкости защитников Пскова Россия вышла из Ливонской войны, не утратив собственной территории.

Только в самом конце царствования Ивана IV Константин Поливанов получил повышение: пожилой и опытный командир в 1582—1583 годах был наместником в Карачеве. Пограничную службу в городке, стоявшем за Засечной чертой, на стыке крымской и литовской «украин», можно считать пределом карьеры для бедного «сына боярского». В 1584 году во время волнений, начавшихся в столице после смерти грозного царя, Константин Поливанов был назначен одним из пяти больших московских голов с широкими полномочиями: «...были в обозе да в головах для пожару и для всякого воровства... в Китае Богдан Иванович Полев и Константин Дмитриевич Поливанов»; впервые в документах он назван с отчеством.

Осенью 1589 года готовился большой царский поход на шведов, и Константина Дмитриевича в последний раз назначили на службу: он должен был выехать из

Москвы в Новгород «наперед» царского поезда, готовя царю безопасную дорогу. Возможно, из этого похода старый воевода уже не вернулся — более поздних сведений о нём в разрядных книгах нет, и что случилось с храбрым в бою и решительным с подчиненными бывшим опричником, мы не знаем³¹. Лихо ли пытал он невинных — или был жестоким только по монаршему приказу? Вспоминал ли он на склоне лет о службе при Иване Васильевиче? Замаливал ли опричные грехи? А может, наоборот, гордился тем, что ревностно выполнял царские поручения и из «детей боярских» вышел в люди? Всё-таки именно опричнина дала простому «воиннику» Косте Дмитриеву сыну Поливанову, храбро и беспрекословно исполнявшему волю царя, возможность дойти до почётного места головы в царском полку и до чинов «стратилатских» (полководческих).

Дипломаты из опричнины

В опричнину можно было попасть и за заслуги совсем другого рода. Царь нуждался не только в карателях и «воинниках», но и в своего рода интеллектуальных кадрах, умевших действовать не мечом, а пером и достойно отстаивать интересы страны и её престиж за рубежом. Одной из наиболее ярких фигур в царском окружении стал Афанасий Фёдорович Нагой — русский посол в Крыму с 1563 по 1573 год. Перед дворянином, недавно начавшим службу в свите царя, была поставлена трудная задача: известить хана о взятии Иваном IV Полоцка таким образом, чтобы установить мирные отношения, не допустить татарских набегов на русские границы и постараться заключить союз против Литвы, для чего все недавние русские действия против крымцев следовало объявить делом рук «изменников» во главе с Алексеем Адашевым.

Начало дипломатической миссии оказалось удачным. Афанасий Нагой и его товарищ Фёдор Писемский добились согласия хана на заключение договора. После долгих переговоров был согласован текст «доконечальной грамоты», на котором хан «принёс шерть» (дал

клятву) в январе 1564 года. Однако договор надлежало утвердить на собрании крымской знати, среди которой было немало противников улучшения отношений с Москвой. Сам же хан Девлет-Гирей тянул время и выпрашивал у послов всё новые подарки, а литовские дипломаты сумели настроить против москвитов влиятельных беев при ханском дворе. Нагой был согласен удовольствоваться не союзом, а миром, но крымская знать после «большой думы» стала требовать в обмен уступку Казани и Астрахани, на что Грозный не мог пойти из принципа. Стремительно портившиеся отношения привели к походу крымского войска в рязанские уезды и к аресту московского посольства. Нагой и члены его миссии, будучи в Крыму посажены в крепость Чуфут-Кале, всё же смогли установить связь с промосковски настроенными мурзами во главе с князем Сулешем и пытались изменить ситуацию. Из Москвы хану пообещали большие подарки («поминки»), и переговоры возобновились, но Девлет-Гирей колебался. «Государь де ваш не верит мне, а яз не верю государю вашему», — заявил он Нагому в июле 1566 года.

В итоге договор так и не был заключён, а послы сидели в Крыму в качестве почётных пленников. Афанасий Нагой и в этих условиях не терял времени — собирал информацию. От простых татар, русских «полоняников» и промосковски настроенной крымской знати ему стало известно о намерениях татар и турок, в том числе о планах поднять восстание черемисов (марийцев), недовольных русским владычеством в Поволжье, и о задуманном турецким султаном походе на Астрахань. Подробные сведения об этом последнем предприятии доставил послам захваченный в плен «сын боярский», царский посланник в Ногайскую орду Семён Мальцев. Ему довелось после продажи в рабство в Азове служить гребцом на турецкой галере, и одно время он был даже прикован цепью к пушке. Оказавшись в Бахчисарае, Мальцев сумел связаться с послами и не раз поставлял им ценную информацию.

Прошло несколько лет, прежде чем посольство было отпущено домой в обмен на задержанных в Москве крымских дипломатов. Только в ноябре 1573 года На-

гой и Писемский вернулись в Москву. Иван Грозный высоко ценил их деятельность: в июне 1571 года послам было сообщено царской грамотой, что они заслужили жалованье «из опришнины». С тех пор карьера Нагого резко пошла вверх. Афанасий Фёдорович стал думным дворянином, дворовым воеводой, одним из ближайших советников царя по вопросам внешней политики и нередко участвовал в переговорах: в августе 1574 года принимал крымских гонцов, в декабре беседовал с членами датского посольства, в январе 1575-го встречался с имперскими гонцами, в марте — с литовскими, в июне — со шведскими, в июле — с датчанами, в январе 1576-го — с имперскими дипломатами, в октябре — с крымскими посланцами, в ноябре — с польскими. Обладая нужным опытом и способностями, он заменил во внешнеполитической сфере казнённого в 1570 году дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Наиболее важным делом были переговоры с имперскими послами Яном Кобенцем и Даниилом Принцем, где был в принципе согласован план раздела Речи Посполитой. Иван Грозный согласился с выдвижением кандидатуры австрийского эрцгерцога Эрнста на польский престол при условии включения Великого княжества Литовского в состав Русского государства. Платой за согласие императора должно было стать обещание Москвы выступить вместе с Веной против турок³².

Кроме того, уже к ноябрю 1576 года Нагой являлся козельским наместником, а затем Брянским. Он в числе других гостей присутствовал на царской свадьбе с Анной Васильчиковой, а осенью 1578 года женил Ивана Грозного на своей племяннице Марии Нагой и стал одним из самых близких к царю людей. Лидерство Афанасия Фёдоровича среди членов «государева двора» бросалось в глаза: он и Богдан Бельский (племянник Малюты) во время приемов иностранных дипломатов в 1582—1583 годах стояли по обе стороны царского трона. Доверие к Нагому не было подорвано и планами нового брака царя — именно ему царь поручил вести дело о «сватовстве» к Марии Гастингс, родственнице английской королевы Елизаветы. При этом такие мелочи, как

состояние жениха в браке, не смущали ни его, ни дядю царицы Марии.

Иван IV задумал это сватовство, чтобы укрепить союз с Англией и в то же время подготовить себе «политическое убежище». Он обратился к присланному Елизаветой медику Роберту Якоби с вопросом, нет ли для него в Англии подходящей невесты. Якоби и указал на Марию Гастингс, дочь владетельного князя. Богдану Бельскому, дьяку Андрею Щелкалову и Афанасию Нагому было поручено подробнее расспросить Якоби о невесте, что он и сделал: «Есть в Англинской земле удельного Тинтунского князя дочь, девка Мария Астин, а тот удел в Англинской земле большой, а девка лет в 30, а королеве Елисавете она племянница по матери».

Нелёгкую миссию сватовства выполнил соратник Нагого по Крыму Фёдор Андреевич Писемский. В 1582 году он отправился с подьячим Неудачей Ховралевым в Англию с тайным поручением — передать королеве от царского имени: «Ты бы, сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показала и парсону б (портрет. — *И. К., А. Б.*) ее к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою, королевною, то дело станем делать, как будет пригоже». Писемскому поручалось доставить в Россию портрет, а также самому хорошенько рассмотреть, как выглядит невеста, и засвидетельствовать, дородна ли она, бела или смугла, какого роста и каких лет, а также разузнать о родственниках Марии: кто её отец, есть ли у неё братья и сёстры и какова именно степень её родства с королевой.

На щекотливый вопрос о тогдашней жене Ивана IV Писемский должен был отвечать следующим образом: к сожалению, царю не удалось найти достойной невесты в иностранных государствах, а потому «...государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе. А будет королевнина племянница дородна... и государь наш... свою оставя, зговорит за королевнину племянницу». В случае брака Мария должна была принять православие, равно как и люди, которые сопровождали бы её в Москву. Царский посланник объявил, что наследни-

ком престола будет сын Ивана от первого брака, дети же от Марии должны получить удельные княжества.

В ноябре 1582 года Писемский был принят королевой, а переговоры о браке начались только в следующем январе. В ответ на речь Писемского о Марии Гастингс королева заявила: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве; но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, и государь ваш навряд ее полюбит. Я государю вашему челом бью, что, любя меня, хочет быть со мною в свойстве; но мне стыдно списать портрет с племянницы и послать его к царю, потому что она некрасива да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое; как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хотя давай мне богатства всего света». Писемский согласился ждать несколько месяцев, пока Мария придёт в норму; наконец 18 мая 1583 года в саду канцлера Томаса Бромлея состоялись смотрины. Хозяин и брат невесты встретили Фёдора Андреевича и ввели в беседку, а через несколько минут туда явилась Мария с женой канцлера и другими дамами. Она поклонилась и стала неподвижно перед Писемским, который устремил на неё взор, чтобы запечатлеть в памяти образ девушки и точно описать её царю, а затем прогуливался с барышней по аллеям сада, пока не рассмотрел как следует.

Английский посол в России Джером Горсей рассказывал, что российский посланник пал к ногам Марии, затем, не спуская с неё глаз, встал, отбежал назад, а потом сказал через толмача, что этого ангела он надеется увидеть супругой своего государя. В донесении царю Писемский в менее возвышенных словах сообщил, что Мария ростом высока, тонка, лицом бела, глаза у неё серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные. Увидев Писемского после смотрин, королева сказала ему: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит; да и тебе, я думаю, она не понравилась». Тот дипломатично отвечал: «Мне показалось, что племянница твоя красива; а ведь дело это становится судом Божиим, присудит Бог быть твоей племяннице за нашим государем, и она ему полюбится». Писемский дождался, пока был

написан портрет Марии, и отправился домой вместе с английским послом Боусом, которому поручено было отговорить царя от брака с Марией, потому что она была напугана известиями о характере жениха. В беседе с государем Боус заявил о болезни невесты, и потому переговоры не привели ни к каким результатам, а вскоре последовала кончина грозного царя.

Она оборвала карьеры Нагого и Писемского. Афанасию Фёдоровичу не удалось договориться ни с Борисом Годуновым, ни с бывшим опричником Бельским, ни с царским шурином Никитой Романовичем Захарьиным. В результате ближайший советник покойного царя Ивана оказался в изоляции; его родственники отправились в Углич с малолетним сыном Ивана IV царевичем Дмитрием, а сам он оказался в ссылке в Ярославле.

На некоторое время старый опричник и разведчик затих. Но майской ночью 1591 года он прибежал на двор находившегося в то время в городе Горсея.

«Кто-то застучал в мои ворота в полночь, — вспомнил англичанин. — У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием.

— Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой.

Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе.

— Царевич Дмитрий мёртв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; <он> признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство!

— Увы! У меня нет ничего действенного.

Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, которую дала мне королева) и корбочку венецианского териака.

— Это всё, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал всё через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий»³³.

Вопрос до сих пор остается открытым: у нас нет документальных сведений ни о пребывании Афанасия Фёдоровича в Ярославле, ни о последствиях, которые имело для него «угличское дело». Можно только предположить, что опальный дипломат воспользовался ситуацией, чтобы напоследок обвинить своего удачливого соперника Бориса Годунова в страшном преступлении. Не случайно правительство стремилось дискредитировать Нагого в глазах иностранцев (в 1592 году польским послам в Москве было заявлено, что именно Нагой устроил пожар в Москве). В этом же случае Нагому повезло — клеймо детоубийцы прочно пристало к царю Борису...

Фёдор Писемский продолжал службу после смерти Ивана Грозного. В 1591 году во время Русско-шведской войны он даже вёл с противником переговоры — впрочем, неудачно; после этого известий о его службе больше нет.

История сохранила единственный портрет ещё одного бывшего опричника — дворянина Григория Ивановича Микулина, написанный в 1600 году неизвестным английским художником, когда Микулин выступал в роли посла царя Бориса Годунова к английской королеве Елизавете I. На полотне изображён спокойный умный человек средних лет с широким лицом, безбородым (это скорее исключение, чем правило для русского человека той эпохи), но с чёрными усами, одетый в дорогой кафтан с оплечьем, шитым жемчугом и камнями и отороченную мехом шапку.

Григорий Микулин был незнатным дворянином и попал в опричнину к концу её существования: в 1571 и 1572 годах молодой человек был поддатней у царских рынд, а затем оказался среди «дворовых» «детей боярских» с пятнадцатирублёвым жалованьем³⁴. Больше ничего о его служебной карьере при дворе Ивана Грозного не известно. Разрядные книги упоминают его имя в 1590 году, когда отряд с «головою з Григорьем Микулиным пятьсот человек да черемисы и мордвы

и черкас з головою 100 человек» участвовал в штурме и взятии Ивангорода. В 1595 году бывший голова Микулин был послан вторым воеводой в только что основанный «Пелымский город» в Западной Сибири, а затем являлся воеводой в Берёзове. После он служил стрелецким сотником в Смоленске и объезжим головой в Серпухове во время царского похода на татар в 1598 году. Эти назначения были даже почётными для незнатного дворянина, но факт их получения не объясняет, почему именно его, не выделявшегося ни на военной, ни на придворной службе, Борис Годунов отправил послом в Англию. Правда, они начинали служить вместе; в мае 1571 года числились «у царевича князя Ивана Ивановича рынды: з большим саадаком князь Иван Кельмамаев; поддатни Иван Григорьев сын Хитрово, Гриша Федоров сын Милюков, Гриша Иванов сын Микулин», а рядом находился «с рогатиною Борис Федоров сын Годунов»³⁵. Может быть, будущий царь был знаком с Микулиным и доверял ему? Тогда именно совместной службе в опрочинине Григорий Микулин обязан своей карьере, а мы — появлению уникального портрета русского человека XVI столетия, выполненного в европейской манере английским живописцем.

Составленный после окончания дипломатической миссии отчёт («статейный список») свидетельствует, что Годунов не ошибся: Микулин обладал качествами, располагавшими к нему людей, хорошо ориентировался в незнакомых условиях, обладал политическим чутьём и был достаточно образован, чтобы выполнить порученную ему миссию. Благодаря «статейному списку» мы имеем возможность познакомиться с тем, что он видел и испытал в своём путешествии.

Григорий Микулин прибыл в Англию вместе с подьячим Петром Зиновьевым, переводчиком Андреем Гротом и свитой из 21 человека. 18 сентября 1600 года посольство торжественно въехало в Лондон. По пути его приветствовало множество народа, находившегося на судах и по берегам Темзы; крепость и корабли салютовали залпами из пушек. Посла везли по улицам в королевской карете в сопровождении трёхсот всадников. Почётного гостя поселили в одном из лучших

домов английской столицы, Елизавета пожаловала ему из своей казны серебряные блюда, чаши и кубки; за его столом прислуживали присланные ею люди. При этом Микулин вёл себя скромно, благодарил гостеприимных хозяев и ничего лишнего не требовал.

Русский посланник старался соблюдать мелочи этикета, чтобы не умалить честь своего государя, и отмечал необходимые с точки зрения «посольского обычая» подробности: кто сидел на более почётном месте, находился по правую и по левую руку от посла. На последовавшее от лорд-мэра Лондона приглашение «хлеба ести с королевина ведома» Микулин ответил, что может принять предложение только при условии, что он, представитель русского царя, будет занимать более почётное место за столом, чем сам хозяин. В описании приёма русского посла на королевском обеде в праздник Богоявления, 6 января 1601 года, он продемонстрировал дипломатический такт — когда после завершения обеда королева «умыла руки» и велела поднести ему серебряный ковш с водой, ответил: «...Великий государь наш, царское величество, Елисавет королеву зовет любительною сestroю, и мне, холопу его, при ней рук умывати не пригодитца».

Русский посол был официально приглашён к королеве Елизавете I 14 октября 1600 года. Все требования Микулина по части протокола были исполнены. При входе его в тронный зал королева в присутствии всего двора встала со своего места, стоя выслушала приветствие, поклонилась, спросила о здоровье государя и царицы, «с великою радостию» взяла грамоту из рук посланника и выслушала его речь. Далее началась будничная дипломатическая работа. Русскому послу следовало разузнать, действительно ли Англия оказывала помощь «людьми и казною» турецкому султану, а также растолковать англичанам, как Россия относится к возможной помощи их державы Польше или Швеции — противникам России. Кроме того, дипломату предстояло выяснить политическое положение в стране и узнать о её отношениях с соседями.

Микулин оказался человеком наблюдательным. В «статейном списке» он описал посещение протестант-

ских храмов. Там же, наряду с записями о переговорах и встречах, содержатся сведения о Лондоне и его достопримечательностях: «А город Лунда, Вышегород (Тауэр. — И. К., А. Б.), камен, не велик, стоит на высоком месте... А большой город, стена камня же, стоит на ровном месте, а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великий устроен со всякими товарами». Он описал рыцарский турнир («королевиному потеху») и другие стороны жизни иноземцев с выездами и выходами, приёмами, титулами, приглашениями на королевскую охоту, органной музыкой. В феврале 1601 года русский посол стал свидетелем «великой смуты» — восстания графа Эссекса, который, опираясь на католиков, хотел свергнуть королеву. Тауэр был заперт две недели, улицы перекрыты цепями, а горожане «ходили в доспехах и с пищалями». Сам Микулин был «наготове против тех волнованных» — так писала королева в ответной грамоте царю, одобряя поведение его посланника.

Время, когда Микулин посетил Лондон, было одним из периодов расцвета Англии и её культуры. Королеву окружали талантливые военачальники, поэты, мыслители и государственные мужи. В эти годы в Лондоне в модном театре «Глобус» с успехом ставил свою трагедию «Король Ричард III» Уильям Шекспир. Микулин присутствовал на праздниках королевского двора. По свидетельству переводчика Грота, после одного из спектаклей посол говорил с Шекспиром о русском царе, сибирских соболях и особенностях национального «спорта» — медвежьей травли собаками и соколиной охоты. На память об этой встрече граф Лестер, фаворит королевы, подарил ему аркебузу Шекспира, когда-то конфискованную за браконьерство³⁶.

Шестнадцатого мая 1601 года состоялась прощальная аудиенция у королевы, и через несколько дней посол отправился на родину. За службу Микулин получил к своему окладу в 600 четей земли придачу в 129 четей и первое время продолжал состоять на дипломатической службе — в 1602 году в числе других послов встречался с польскими дипломатами на окраине Русского государства — межевал западную границу под Черни-

говом. Но затем он вдруг оказался головой в Орле в том же чине, что и два десятка лет назад. Может быть, именно этим объясняется его переход на сторону самозванца — тот оценил Микулина и сделал его думным дворянином. Бывший опричник и дипломат верно служил Лжедмитрию I, в 1606 году безжалостно расправился с обвинёнными в измене стрельцами — «...учал говорить: освободи, де, государь, мне, я у тех изменников не только что головы покусая, и чрева из них своими зубами вытаскаю», после чего осуждённые были иссечены «на малые части». 3 мая 1606 года, за несколько дней до свержения самозванца, Микулин участвовал в приёме польских послов (встречал их и зачитывал список подарков царю) и на церемонии венчания государя с Мариной Мнишек. После переворота он пытался бежать в Польшу, но был пойман под Москвой в селе Вязёмы. Очевидно, тогда же он и погиб — в списках двора Василия Шуйского его имя не значится³⁷.

ОПРИЧНЫЙ ОБИХОД

*То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Сутротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие своё и веселие.*

М. Ю. Лермонтов. Песня про царя
Ивана Васильевича, молодого
опричника и удалого купца
Калашникова

Молитвы, пытки и потехи

О том, что собой представлял «царский домовый обиход» в Александровской слободе, нам известно опять-таки из «Послания» Таубе и Крузе и «Краткого сказания» Шлихтинга, которые совпадают в деталях. Как бы мы сейчас ни воспринимали цели и смысл организации опричного «ордена» (о чём ещё будет сказано ниже), его создание явно было для царя не просто игрой или тем более сознательным глумлением над монастырским общежитием. Погрязшим в грехах подданным царь противопоставлял общину избранных, устроенную по типу монашеского братства: послужив Богу оружием и ратными подвигами, опричники должны были облачаться в иноческие одежды и выдерживать долгие церковные службы. Но они же были призваны от царского имени карать «изменников» и неуклонно проводить в любых делах его волю.

Шлихтинг, часто бывавший в Александровской слободе в качестве переводчика придворного врача, писал о полумонашеском образе жизни опричников. Гордый самодержец именовал своих сподвижников «братией», так же как и они «называют великого князя не иным

именем, как брат». В этом странном братстве господствовали строгая дисциплина и распорядок: «...великий князь встаёт каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками».

Надо полагать, что склонный к театральности царь сам установил для «братии» распорядок дня и мрачную опричную «форму». Звания «игумена», «келаря» и «пономаря» (эти роль исполняли князь Афанасий Вяземский и Малюта Скуратов) говорят о том, что новоявленное «братство» уподоблялось общежительной обители. Об этом же свидетельствует и предписанный опричникам образ жизни.

Уже ранним утром, в четыре часа, они должны были присутствовать на службе в церкви. Частенько царь сам поднимался на Распятскую церковь-колокольню и звонил в колокола, собирая опричную братию к утренней службе. Понятно, что никакой устав не предписывал царю-игумену делать это собственноручно. Но здесь, скорее всего, сказались его страсть к внешним эффектам и любовь к церковной музыке и пению.

Во дворце и храмах слободы звучали голоса главного певческого коллектива России — хора дьяков Ивана Грозного, куда входили лучшие «распевщики» (композиторы) и гимнографы (сочинители текстов) того времени. По штатной росписи 1573 года государев хор насчитывал 27 певчих дьяков, выступавших пятью станицами (группами) поочерёдно: храмовая акустика не позволяла исполнять песнопения большим количеством голосов — это могло испортить звучание.

В созданном безымянным автором музыкально-историческом трактате «Предисловие, откуда и от какого времени начася в нашей Руской земли осмогласное пение» рассказывается об одном из новгородских мастеров — Савве Рогове, который имел в учениках Фёдора Христианина и Ивана Носа: «Я говорю о Федоре-попе по прозвищу Христианин, который... был искусен в знаменном пении, и многие научились у него. И этот Иван Нос да Федор Христианин были во царстве благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича

всёя России, и бяжу с ним в любимом его селе в слободе Александрове»¹.

Государев крестовый дьяк Иван Юрьев Нос служил непосредственно в покоях самого царя Ивана и получал денежный оклад в десять рублей и 48 алтын на сукно. Фёдор Крестьянин, крупнейший композитор XVI века, скорее всего, был зачислен в штат священников придворного Покровского храма, но в его обязанности входило также обучение молодых дьяков царского хора. У него учились братья Потаповы, Третьяк Зверинец, Савлук Михайлов, Иван Коломнетин. Но это далеко не полный список авторов, которые, выполняя царский заказ, сочиняли знаменное пение, церковные гимны, музыку к ним и затем исполняли евангельские стихиры и величания святым.

По свидетельству русских и иноземных источников, царь Иван IV был знатоком музыки и с удовольствием пел вместе с хором. Заботу о надлежащем устройстве богослужения государь проявлял до самого конца жизни. В уставе Успенского собора Московского Кремля отмечено, что в 7092-м, то есть 1583/84 году Иван IV «приговорил... месяца ноября в 27 день пети Знамению Пречистыя Богородицы единой». По инициативе царя новгородская практика пения праздничных гимнов была распространена и на московские храмы. Именно с его желанием перенести на московскую почву новгородские новшества, по-видимому, было связано приглашение в царский певческий хор Фёдора Крестьянина и Ивана Носа. Царь сам охотно пел в церковном хоре. В рассказе об освящении главного храма в переяславском Никитском монастыре читаем: «На заутрени первую статью сам благочестивый царь чел и божественная литургия слушал и крестным пением со своею станицею. Сам же государь пел на заутрени и на литургии».

Дисциплина была строгой: по сообщению Таубе и Крузе, «все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, всё равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимии». «В этом собрании поёт он сам со своими братьями и подчинёнными попами с четырёх до семи». После часового перерыва «идёт он

снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробыёт десять». Затем наступало время трапезы, во время которой «царь по должности настоятеля во всё время обеда стоя читает им назидательные книги».

После наполненного событиями дня и вечерней трапезы с молитвой (продолжавшейся с восьми до девяти часов) царь (как, очевидно, и другие члены «братства») некоторое время отдыхал, а в полночь вновь появлялся «в колокольне и в церкви со всеми своими братьями», где оставался до трёх часов утра. «И так, — свидетельствовали Таубе и Крузе, — поступает он ежедневно по будням и праздникам»². Сохранились переписанные в конце 60-х годов XVI века в Александровской слободе «повелением» Ивана Васильевича рукописи служебных миней*, использовавшихся членами «братства», а также Четых миней, которые царь-настоятель читал своим «братьям» во время трапезы.

Царь всерьёз интересовался монастырскими порядками и хорошо их знал, тем более что с юношеских лет проводил много времени в поездках по наиболее известным и прославленным обителям — Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, Иосифо-Волоколамскому монастырям, где наблюдал за укладом жизни, богослужением и отношениями монахов с их настоятелями. Царское послание братии Кирилло-Белозерского монастыря показывает, что Иван Васильевич изучал уставы, определявшие правила монастырской жизни, и неоднократно прямо цитировал их в своих текстах.

В устройстве общежительного монастыря, в котором никто из монахов не имел своего имущества, где все существовали по правилам, определявшим весь распорядок жизни, подчиняясь воле игумена, царь усматривал что-то вроде идеальной модели организации общества. Следуя ей, монахи должны были быть послушными исполнителями воли настоятеля, строго блюдущего заветы святого основателя обители. Переноса черты мо-

* Миней (от греч. «месячный») — общее название нескольких церковнослужебных и четых (предназначенных для чтения) книг. Миней месячные (служебные) содержат службы святым на каждый день года. (*Прим. ред.*)

настырского порядка в жизнь своего окружения, царь ставил задачу превратить обласканных его милостью слуг в надёжных и достойных исполнителей своей воли. Ведь царь Иван считал себя не только правителем, но и учителем, и наставником своих подданных как в мирских делах, так и в вопросах веры. «Тщю же ся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго от Бога данного им государя», — писал он в послании беглецу Андрею Курбскому. Первыми объектами царского воспитания должны были стать его опричники, чтобы превратиться в достойных помощников Ивана IV при осуществлении им возложенной на него самим Богом миссии — укреплении веры и власти в Российском царстве³.

Религиозный до фанатизма государь в то время искренне считал себя призванным свыше очистить великое православное царство от скверны и наказать не желавших раскаяться грешников — для спасения их душ. Но всё же ни сам царь, ни его «братия» настоящими монахами себя не считали, да и их современники тоже. Генрих Штаден и анонимный составитель Пискарёвского летописца писали об одетых в чёрное опричниках с мётлами, не упоминая о каких-либо духовных основаниях опричного «братства». Эти известные и по многим другим описаниям опричные «знаки отличия» явно не соответствовали монашескому облику и нравам.

Вспоминавший в начале XVII века времена грозного царя дьяк Иван Тимофеев видел в одеждах опричников «тьмообразные знаменья»; если государь одел своих помощников с головы до ног в чёрное и повелел иметь сесть на чёрных коней, то «по всему воя (воинов. — *И. К., А. Б.*) своя яко бесподобны слуги сотвори». Когда они рыскали, «яко ночь темна видением», то «взором единым, неже смерти прещением, страшаху люди». В глазах пережившего Смуту дьяка опричина была богопротивным делом и источником будущих бед страны.

В монастырях того времени, даже в самых богатых, насельники пользовались деревянной посудой: тарелками, братинами, ковшами, которые лишь украшали резьбой. В Кирилло-Белозерском монастыре иноки

ели из берёзовых тарелок и мисок; квас разливали ковшами; только горячую пищу — «вариво» — приносили в «рассольниках» (глубоких металлических блюдах с крышками), а питьё — в «яндовах медных».

Главным блюдом монастырского рациона были щи, которые ели практически каждый день: и в постные, и в скоромные будни, и в праздники. Щи варили из свежей капусты, «борщевые» (то есть с борщом — квашеной свёклой), с кислицей (щавелем), заправляли перцем, на Пасху и другие праздники подавали с яйцами. Иногда щи заменялись на тавранчуг — особую похлебку из рыбы или репы — или «ушное» (уху). Если по монастырскому уставу разрешалось два «варива», то вторым горячим блюдом обычно была каша. Её могла заменять другая «ества»: «горох «битой» или горох «цыженный» (гороховая гуцца), капуста, лапша гороховая или кислая.

Разнообразили монастырский стол блюда из рыбы. Её жарили, запекали на решётках, варили и подавали с взваром, горчицей и хреном. Свежесолёная рыба являлась редким угощением и даже в таком богатом монастыре, как Иосифо-Волоколамский, бывала на столе только несколько раз в год. Любили в обителях и пироги (с сыром, капустой, морковью, горохом, кашей, грибами), караваи (с морковью, репой), калачи, блины, оладьи, «хворосты». В пост же обычный обед монаха того же Иосифова монастыря состоял из половины хлеба и двух варёных блюд без масла — щей и каши или гороховой гуцци⁴. Любимым напитком в монастырях традиционно был квас; в праздничные дни его пили за обедом, ужином и перед повечерием*, в пост его употребляли не везде. В 1550 году Стоглавый собор** запре-

* Повечерие (от *греч.* «после вечера, ужина») — в православном обряде часть суточного богослужения. Великое повечерие совершается в праздничные дни, соединяясь с заутреней в составе праздничной всенощной; малое повечерие должно служить вслед за вечерней.

** Стоглавый собор — церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы, заседавший в Москве в январе—феврале 1551 года, получивший свое название от сборника решений, поделённого неизвестными составителями на сто глав (в некоторых списках — на 101). Собор провозгласил неприкосновенность церковных имуществ и исключительную подсудность духовных лиц церковному суду.

тил готовить в монастырях хмельные квасы и держать «горячее вино»*.

На опричных же трапезах, как писали Таубе и Крузе, «каждому подаётся еда и питьё, очень дорогое и состоящее из вина и мёда». Мы можем себе представить царское застолье только по описаниям дипломатов-иностранцев. Попавший в Москву в 1564 году дядя римского папы Урбана VIII, путешественник и бизнесмен Рафаэль Барберини рассказывал: «...На столы поданы были сальные свечи в дурно вычищенных медных подсвечниках. Притом нигде на столах не было ни одной солонки с солью, но она тут же подавалась самому государю вместе с довольно хорошим, белым хлебом, нарезанным ломтями, который и уделял сам государь, подавая его своим приближённым для передачи всем прочим. Тут происходила немалая суматоха, потому что по тамошнему обычаю, когда государь велит что-нибудь кому подавать, все тотчас встают, и эта церемония — беспрестанно вставать и снова усаживаться — продолжалась минут, по крайней мере, восемь, и во всё это время никто не смел начинать есть. Когда же кончилось это, всем нам, иностранцам, подан был большой и широкий кубок с вином от государя, поэтому снова надобно было вставать. Потом вошло человек двадцать прислуги; они несли огромные блюда с разными жаркими, как то: гусями, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши к государеву столу, все они снова поворотили назад и скрылись со всеми этими блюдами, не подавая никому; вскоре же потом они снова явились, и уже в большем числе, и несли как прежние, так и другие мясные кушанья, но уже нарезанные кусками на блюдах; когда таким образом принесли и обнесли кругом, по всем столам, тут только начали мы, наконец, есть. Между тем прочие слуги беспрестанно суетились, ставя на столах большие и малые кубки с мёдом и другими напитками; по временам снова подавалось какое-нибудь мелкое блюдо, но без соблю-

* «Горячее вино» — водка, высокоградусный спиртной напиток, полученный в результате перегонки и обладающий способностью гореть.

дения малейшего порядка, которому блюду следовать прежде, второму или третьему».

Английский посланник Джильс Флетчер, сживавший за царским столом во времена сына Ивана Грозного, царя Фёдора Иоанновича, подсчитал, что во время ежедневных трапез самодержцу подавали до семидесяти блюд, которые, по мнению британца, были приготовлены «довольно грубо, с большим количеством чеснока и соли, подобно тому, как в Голландии». По его же сведениям, «в праздник или при угощении какого-либо посланника готовят гораздо более блюд. За столом подают вместе по два блюда и никогда более трёх, дабы царь мог кушать их горячие, сперва печенья, потом жареное, наконец похлёбки». Флетчер заметил: «...каждое блюдо, как только оно отпускается к накладчику, должен прежде отведать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворяне — слуги, называемые жильцами, и несут к царскому столу, причём идёт впереди их главный дворецкий или его помощник. Здесь кушанье принимает кравчий, который каждое блюдо даёт отвеждать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царём»⁵. Прежде чем попробовать еду или отпить вина, Иван Грозный всякий раз осенял себя крестным знаменем. За столом он пользовался ножом «длиной в половину локтя» и деревянной ложкой, часто прикладываясь к мёду и вину, которые подавал в золотых чашах стоявший рядом кравчий. Англичане рассказывали, что «у прислуживавших князю ниспускались с плеч самые тонкие полотенца, а в руках были бокалы, осыпанные жемчугом... <Государь> обыкновенно выпивает бокал до дна и предлагает другим».

Царь здесь был главным распорядителем: он жаловал по своему выбору гостей хлебом и вином, мог быть внимательным и даже ласковым хозяином. Но расслабляться за едой не стоило — Иван Грозный мог тут же превратить застольную беседу в серьёзный разговор, и плохо было тому, кто вовремя этого не понял. Так случилось с вернувшимися из литовского плена князьями Осипом Щербатым и Юрием Барятинским. По свидетельству Шлихтинга, царь был милостив и пригласил их к себе

обедать: «Пока они сидели за столом, он подарил обоим по шитому золотом платью, подбитому собольим мехом, и куньи шапки и пил за их здоровье из серебряных чаш, поздравлял с возвращением и расспрашивал о польских делах. Осип Щербатой излагал то, что ему казалось истинным и подходящим к обстоятельствам того времени. А князь Борятинский, желая выдать себя за человека, которому польские дела были ещё более известны, бесстыдно уверял в правдивости всего того, что ему приходило на язык. Между прочим, он сказал, будто оробевший король Польский до такой степени боится оружия князя Московского, что у него нет выхода, куда ему обратиться, и другое в том же роде». Царь в ответ на неискусную лесть смолчал, но после обеда опять обратился к гостям, подозвал Борятинского и спросил: «Ну-ка скажи же мне, насколько страшен я польскому королю». Не заметив подвоха, тот ответил: «Пресветлейший царь, он сильно боится не только твоей особы, но если кто из твоих воевод будет замечен с твоими знамёнами в пределах Литвы, то польский король в страхе обращает тыл, ибо признаёт себя неравным, чтобы состязаться с тобою оружием». Разошедшийся воевода «дальше стал рассказывать много невероятного превыше меры». Иван же, «заметив лесть, вскоре ответил: “Жаль мне польского короля, что он до такой степени труслив”, — и без замедления, обратив речь к Борятинскому, осыпал его ругательствами, говоря: “Вероломный, узнаю твои лукавства и коварства”, — и, схватив палку, стал колотить его по голове и по спине, выбивая пыль из упомянутой пожалованной одежды. Тот покорно упал в ноги тирану, благодаря его за наказание и говоря, что не желал покидать его, но всегда стремился к нему и хотел бы даже всецело трудиться для него навеки. Тиран ответил: “Знаю, что ты меня не покинешь, ибо я не позволю тебе уйти от меня”, — и вторично, при повторении этих слов, стал бить его палкою по спине, говоря: “Вероломный, я знаю твои плутни и коварства”. Другой воевода более благоразумно позаботился и о своей жизни, и о своем добром имени. Именно, на вопросы о польских делах он отвечал сдержанно, так что для слушателей всё представлялось вероятным»⁶. Может, поэтому князь

Щербатый и стал окольничим в опричнине. О судьбе же его болтливого товарища история умалчивает, но едва ли она была счастливой.

Другим царь мог выказать недовольство в ещё более издевательской форме. Вернувшийся из неудачного посольства в Литву (дипломатам не удалось ни добиться уступки Москве Полоцка, ни заключить перемирие, ни настоять на выдаче беглого князя Курбского) опричный боярин Фёдор Умной Колычёв был ласково принят самодержцем в Александровской слободе: «после роскошного приёма тиран напоил его до опьянения, одарил мехами и платьями огромной ценности и отпустил весьма милостиво, поручив ему вместе с остальными воинами заботу о городе Москве». Боярин, довольный милостью (считалось, что вещи из царской казны содержали в себе часть сакральной силы правителя), отправился в Москву, но вслед за ним царь послал опричников, как пишет Шлихтинг, «с тем, чтобы перехватить его на дороге, отнять у него всё имущество и пустить домой голым, что и было сделано. Именно, произведя нападение, те отняли у них (боярина со слугами. — *И. К., А. Б.*) и имущество, и лошадей и оставили всех нагими, так что от холода (тогда была зима) некоторые потеряли ноги, другие — руки, а третьи — даже жизнь. Сам Умный, заполучив довольно грязный плащ, проделал пешим путь вплоть до города Москвы»⁷.

В первые годы опричнины царь доверял тем, кого приблизил к себе, и при всём сознании собственного величия поддерживал некоторую иллюзию духовной общности с ними. На утренних службах он пел «со своими братьями и подчинёнными попами с четырёх до семи», а затем устраивал совместные трапезы с отменной едой и дорогим вином; «он же, как игумен, сам остаётся стоять, пока те едят». Когда трапеза опричников заканчивалась, государь сам шёл к столу.

Здесь не было демонстративного самоуничижения, как и опричное братство не было просто глумливой пародией на иноческий «чин»; скорее, царь Иван искренне ощущал себя не просто государем, но духовным вождем и предводителем избранных и выпестованных им слуг, ответственным за их духовное и телесное здравие.

Они же, обласканные царским изобилием и неслыханной милостью, тем более должны были не жалеть сил и самой жизни на его службе, но при этом помнить, как и он сам, о похвальном воздержании и спасении души. Если человек не мог съесть и выпить всего поданного за трапезой, «он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим». Надо полагать, что при царской резиденции имелось некоторое число не внушавших подозрение «божьих людей» — не бегать же опричникам с икрой и мальвазией на посад. Впрочем, они, кажется, и так не слишком усердствовали в окормлении убогих; рационалистически настроенные «немцы» замечали, что опричная братия, «как большей частью случалось», тащила царское угощение по домам⁸...

Духовная связь и подчёркнутая избранность царского окружения вполне допускали отнюдь не монашеские развлечения, из которых разгульные пиры являлись, наверное, самыми безобидными. Например, на свадьбе царской племянницы Марии Владимировны Старицкой в Новгороде гости плясали под напев Символа веры святого Афанасия. Царь веселился вместе со всеми и отбивал такт ударами жезлом по головам молодых «иноков» (едва ли настоящих)⁹. Опричника Субботу Осорьина государь послал в Новгород с особым поручением: привезти к третьей царской свадьбе тамошних скоморохов и учёных медведей для потех. По этому случаю власти по всей Новгородчине провели перепись и взяли на государево имя «весёлых людей» и их учёных медведей. За полтора месяца до церемонии Осорьин выехал в Москву с ватагой новгородских скоморохов и зверьями, которые порадовали гостей на свадьбе царя с Марфой Собакиной.

Царь вообще любил использовать для своих забав медведей. Конечно, случай с князем Черкасским, не имевшим возможности выйти из дома и вынужденным голодать, поскольку к его воротам были привязаны медведи, на фоне других сцен выглядел как невинная шутка. Последствия могли быть куда более страшными. Шлихтинг рассказывал: «...в зимнее время, как только какая-нибудь кучка людей соберётся по обычаю на площадь для покупки необходимых предметов, тиран

тотчас велит тайком выпустить в середину толпы диких медведей. Люди при виде медведей от неожиданности и не подозревая ничего подобного, разбегаются, а медведи преследуют бегущих и, поймав людей, валят их и, растерзав, забивают насмерть».

Пир мог обернуться трагедией. Подняв кубок с пожалованным вином, гость, в свою очередь, провозглашал тост за здоровье царя, не подозревая, что его собственная участь была уже решена. Одних государь мог просто напоить допьяна — то ли шутки ради, то ли желая выведать от упившегося до беспамятства его мысли. Для других царская «милость» могла оказаться последней. В 1564 году, разгневавшись на воеводу князя Дмитрия Овчину Оболенского, Иван Грозный на обеде предложил ему выпить огромную чашу «размерами приблизительно до шестнадцати кварт*» за здоровье царя. Боясь гнева самодержца, воевода, «надув щёки и расширив горло... пьёт с такой жадностью, что переполненные внутренности изрыгнули мёд обратно, и всё же при этом он проглотил только половину чаши». Милостивый государь «не проявил немедленной своей ярости, но, напоподобие ласкающейся собаки, слегка упрекнул князя за нерасположение к себе, говоря, что во всяком случае он знает, как ему надлежит обходиться с не очень-то расположенным рабом. И так как Овчина не мог тогда пить, то тиран предложил ему пойти к винным погребам, где хранятся принадлежащие тирану напитки, и там выпить за его здоровье и благополучие что ему угодно и сколько хочет и какого рода напиток ему понравится». В подвале же жертву уже ожидали «псары, подготовленные и наученные тираном, чтобы, как только войдёт князь Овчина, задушить его. Это и было исполнено»¹⁰.

Царские трапезы могли затягиваться до глубокой ночи. Под конец государь снова называл участников по именам и рассылал им чаши с вином. Придворные чины начинали убирать посуду и скатерти. Гости поднимались из-за столов и, держа в руках шапки, по очереди

* Кварта (от *лат.* quarta — «четверть») — единица измерения объёма в англоязычных странах, равная четверти галлона. Кварта вина составляла от 0,95 литра до 1,1 литра (так называемая старая кварта).

подходили к самодержцу прощаться. По свидетельству Барберини, присутствовавшие вместе с ним на обеде иностранцы с пожалованными кубками вина приближались к Грозному «и, обернувшись спиной к государю, отходили от него шагов за несколько, где, вдруг оставясь, снова оборачивались к нему лицом и преуниженно кланялись ему по-турецки; потом выпивали всё до дна либо отведывали только, как кому было угодно; потом отдавали кубок присутствующим и, не говоря ни слова, уходили».

В темноте дворцовых переходов люди толкали друг друга, пытаясь быстрее выбраться на крыльцо. Спустившись на двор, опричники шли в свои «казармы». Дипломаты же возвращались на отведённые им подворья (туда на следующий день прибывали дворцовые слуги с царским угощением — различными яствами и мёдом), а обычные гости брели, иногда по колено в грязи, до стоявших в отдалении верховых лошадей и повозок (этикет московского двора предписывал приближаться к государевым покоям только пешком), не будучи уверены, что благополучно вернутся домой. Иных и впрямь по дороге ожидала смерть от руки опричников.

Богослужения и совместные трапезы отнимали немало времени как утром, так и вечером, но порой прямо в храме царь вершил суд: «Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдаёт он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Всё, что приходит ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви». Опричники же в любое время должны были быть готовыми немедленно исполнить его волю, а потому «все братья, и он прежде всего, должны иметь длинные чёрные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно сбить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже ещё длиннее, для того, чтобы, когда вздумается убить кого-либо, не нужно было бы посылать за палачами и мечами, но иметь всё приготовленным для мучительства и казней...»¹¹.

По словам Таубе и Крузе, «редко пропускает он (царь. — *И. К. А. Б.*) день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей». Едва ли он пребывал там постоянно — всё-таки не царское это дело, да и другие государственные заботы требовали внимания; но в дни больших «розысков» и в случае выявления видных «изменников» государь не мог не интересоваться следствием. Даже куда более занятой и рациональный Пётр I регулярно находил время для таких дел.

В гневе царь был страшен. Годы опричнины изменили его до неузнаваемости. Из прежнего статного красавца он сделался сутулым, почти лысым стариком, чьи запавшие глаза сверкали из-под нависших бровей, а большой нос напоминал клюв хищной птицы. Мрачная слава слободы породила легенды о тех временах. Потомки тамошних жителей рассказывают, что жертв царского гнева топили в окрестных прудах. Старожилы села Каринского уверены, что во времена царя Ивана его опричники собрали крестьян — «супротивников царя», вывели их на бугор возле озера и стали бить нещадно до смерти. С тех пор озеро близ Александровской слободы прозвали Карой, а село Каринским. Говорят и о том, что в озере было утоплено несколько сотен людей, в том числе много князей и бояр, которые не хотели отдавать свои земли в опричину. Упрямцев связывали по рукам и ногам, клали лицом вверх на специально изготовленные камышовые плоты, которые буксировали лодкой к середине озера и оставляли. Под тяжестью тела плот постепенно погружался в воду и намокал; беспомощный человек либо умирал, когда вода заливала рот, либо соглашался передать свои земли государю¹².

О том, что реально происходило в застенках слободы, свидетельствует лишь фрагмент одного из следственных дел — единственного, которое сохранилось из множества подобных дел той эпохи. В январе 1574 года из крымского плена вернулись несколько холопов князя Ивана Фёдоровича Мстиславского — и оказались в застенке: царь захотел выяснить, кто из его приближённых поддерживает тайные сношения с татарами. Присутствуя у пытки, Иван Васильевич лично спрашивал: «Хто ж бояр наших нам изменяют: Василей Умною, князь

Борис Тулупов, Мстиславской, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шюйский, Пронские, Хованские, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной?» При этом некоторые из названных лиц были приближенными монарха, а кое-кто из них даже присутствовал при допросе. Холопы Мстиславского, когда их стали «огнем жечи», признали, что хозяин «посылал» их из Москвы к крымскому хану. Арестов и казней тогда не последовало — но царь уже мало кому верил из своего окружения. В прежние годы члены опричного «братства» были вне подозрений, но имена оговоренных «земских», несомненно, звучали на допросах. С другой стороны, государь поощрял доносы боярских слуг на своих господ, и потому они являлись в слободу с «господарским делом». Рядом с пыточным застенком должна была находиться и тюрьма, где, например, томились новгородский архиепископ Пимен и его слуги, доставленные сюда после погрома 1570 года.

Бдения и молитвы сменялись публичными экзекуциями. Если верить Шлихтингу, государь «выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек». Можно, наверное, сомневаться насчет того, точно ли погибало «каждый день двадцать, тридцать, а иногда и сорок человек», ведь у царя были и другие заботы, требующие времени, да и зрелище казней для усиления эффекта не должно было устраиваться слишком часто, чтобы не стать привычным. Но, видимо, бывали и такие дни, когда даже не слишком чувствительному немцу «от чрезмерной трупной вони во дворец иногда с трудом можно проехать».

Шелка под рубищем

Как и должно быть в средневековом обществе, община «братьев»-опричников отнюдь не была едина. Наблюдательный Шлихтинг подметил, что иерархия

среди царской братии чувствовалась даже в одежде: «Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-то застенке, он (царь. — *И. К., А. Б.*) обычно надевает куколь*, чёрное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья базилиане**, но оно всё же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины (опричные руководители? — *И. К., А. Б.*) и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из опричнины, которые исполняют обязанность караульных и стражей»¹³.

Избранные же царские слуги были обязаны «ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху»¹⁴. Можно представить себе недоумение современника, мимо которого промчался чёрный всадник, когда порыв ветра отворачивал полу рубища и его взгляду представляли дорогие одежды: кого же довелось ему встретить на пути?

Как бы ни хотел царь порой изображать собой смиренного отца-игумена, он никогда не забывал, что является единственным в своём роде царём великого православного царства, чей род восходит к монархам Западного и Восточного Рима. На парадных дворцовых приёмах Иван Васильевич держал себя величественно. Посол германского императора Ганс Кобенцель, посетивший Москву в 1576 году, описал наряд государя: «Мантия великого князя совершенно была покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиной с орех. А его венец по своей ценности превосходит диадему его святейшего папы и короны королей испанского и французского...»

* Куколь (лат. *cucullus* — капюшон) — монашеский головной убор в виде остроконечного капюшона с краями, опускающимися на плечи и спину.

** Базилиане — общее название нескольких католических монашеских орденов византийского обряда, следующих общежительному уставу, создание которого приписывается святому Василию Великому.

Большие (иногда с куриное яйцо) круглые, грушевидные, каплевидные, гранёные пуговицы считались главным украшением одежды, изготавливались из золота и серебра и отделывались драгоценными камнями и жемчугом. На верхней одежде их нашивалось множество. На одном из кафтанов Ивана Грозного было 56 пуговиц.

В повседневном же быту венценосец носил более скромную одежду. Посол Ульфельдт свидетельствовал: «Царь восседал... выше своего сына, он снял прежнюю драгоценную одежду и надел другую, полотняную, тёмного цвета, на голове у него была шапочка из красной ткани, украшенная камнями. Сын также, сняв прежнюю одежду, облачился в белую, и все бояре тоже были одеты в более скромную одежду, а ту, пурпурную, очень дорогую, которая принадлежала царю и была куплена им, чтобы показывать свою важность и великолепие, уже убрали».

Несколько позже изысканный наряд московской знати заинтересовал английского посла Джильса Флетчера: «Сверх рубахи, изукрашенной шитьём (потому что летом они носят дома её одну), надевается зипун или лёгкая шёлковая одежда, длиною до колен, которая застёгивалась спереди, а потом кафтан, или узкое застёгнутое платье, с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку. Кафтаны шьются обыкновенно из золотой парчи и спускаются до самых лодыжек». Кафтан, как почти вся старинная русская одежда, застёгивался впереди на пуговицы и длинные навесные петли, часто украшенные кисточками, а рукава у запястий стягивались тесёмчатыми, ременными или металлическими зарукавьями, для украшения которых употребляли жемчуг и драгоценные камни.

«Сверх кафтана, — писал Флетчер, — надевают распашное платье из дорогой шёлковой материи, подбитой мехом и обшито золотым галуном: оно называется ферязью». Ферязь имела широкий, до трёх метров, подол и длинные, почти до самой земли, рукава. Рукава откидывали назад, связывали за спиной узлом либо продевали в них руки, собирая ткань во множество складок.

У рубах и зипунов делались богатые воротники-«ожерелья», вышитые разноцветным шёлком, а то и серебром и золотом или унизанные жемчугом и камнями. В ненастную погоду поверх другой одежды набрасывалась широкая, долгополая (до щиколотки) застёгивавшаяся встык однорядка «из тонкого сукна или камалота», без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Полы однорядки спереди были несколько короче, чем сзади. Она шилась из одного ряда шерстяной ткани, то есть не имела подкладки. Однорядку мог заменить охабень из дорогих тканей — объяри (шёлка с золотом и серебром), атласа, бархата или парчи, имевший четырёхугольный отложной воротник, свисавший почти до пояса, шитый жемчугом и дорогими камнями.

Русские документы ещё подробнее описывают роскошь подобных одежд: «Кафтан сделати из платна камка бурская, на бели, шолк червчат, лазорев, зелен с золотом, травки листенцо, земля клетчата», «ферези бархат червчат венецицкий, на бели, с круживом с жемчужным», «шуба, камка бурская с золотом и с разными шолкы, на соболех». Поясом служил кушак — например, из камки (шёлковой ткани с узорами) или объяри (более плотного шёлка с золотыми и серебряными струями и узорным переплетением). Куньи или беличьи боярские шубы часто являлись царским пожалованием за службу; их носили не только зимой, но и летом как знак особого почёта. Щёголи могли похвастаться жёлтыми или красными сафьянными сапогами с золотыми и серебряными прошивками, загнутыми вверх острыми носами, металлическими скобами на каблуках.

Однако подобную роскошь могли демонстрировать лица знатные и приближенные к государю или избранные царские телохранители. Как выглядели менее знатные воины государского «удела»? Сохранилась опись имущества «сына боярского первой статьи» Ивана Злобина сына Базарова, получившего поместье в 1572 году в опричной Бежецкой пятине Новгорода. В домашнем быту Иван, видимо, был неприхотлив, тем более что семьи не имел, да и дома бывал не часто. Его кухонные принадлежности состояли из ведёрного медного лужё-

ного котла и медной лужёной сковородки; кроме того, в доме имелись медная ендова (ковш), три оловянных блюда и восемь деревянных, две солонки — оловянная и медная. Но выглядел дворянин щеголевато: у него была новая тёмно-синяя однорядка. Эту одежду могли носить и бояре, и простые горожане; разница была в качестве материала. У нашего опричника однорядка была сшита из английского сукна «лундыш» и богато отделана серебряным шитьём. Ещё в его гардеробе имелись два новых кафтана — «камчатый» оранжевый («рудожёлтый») и «зендянинный» лазоревый; новая шапка из чёрной лисы с красным суконным верхом; поношенная вишнёвая «чюга» (чуга, узкий кафтан с рукавами по локоть для верховой езды) из того же сукна «лундыш» и зелёный опашной (широкий, запахивавшийся вокруг тела) кафтан. «Лундыш» (то есть лондонский) являлся самым дорогим сортом английского сукна и ценился вдвое дороже более ходового английского же «настрафиля». Однорядка Базарова с серебряными пуговицами и шитьём должна была обойтись ему примерно в 8—10 рублей; ненамного дешевле вышла и чуга: «рудожёлтая» камка также была очень дорогой, из нее шились летники царицам и царевнам и стихари для духовенства. Почти столько же стоила и шапка¹⁵. Можно считать, что на парадную одежду Базаров потратил почти весь годовой доход, получаемый им с поместья, ведь голова в полку должен был выглядеть достойно.

На голову в те времена надевалась тафья — позаимствованная с Востока маленькая круглая шапочка типа тюбетейки или ермолки, прикрывавшая только макушку и служившая «домашним» головным убором. Шили тафьи из атласа, сукна, бархата и парчи и богато украшали серебром, золотом и жемчугом. На выход предназначались высокие (в локоть) цилиндрические, расширяющиеся кверху шапки, сшитые из горлышек пушных зверей (чернобурых лис, куниц или соболей), с суконным, бархатным или парчовым верхом, которые знатные люди не снимали ни за столом, ни даже в присутствии царя. Только вернувшись домой, боярин снимал «горлатную» шапку и натягивал её на специальную болванку, чтобы она не мялась и не теряла формы.

Знатные люди ходили в церковь с посохами, служившими признаком их высокого положения, стояли на богослужении в шапках, а некоторые осмеливались оставаться во время литургии в тафьях. Ношение опричниками этих шапочек в храме возмутило митрополита Филиппа. Однако они уже давно были модными, и тот же Стоглавый собор признал: москвичи отнюдь не считали, что «чуже есть православным носить» «безбожное Махмеда предание».

«Слободские» нравы

Заметно, что в списке членов опричного корпуса много родственников: десять представителей рода Пушкиных, девять Ильиных, восемь Вяземских и Плещеевых, семь Пивовых, по пять Наумовых и Годуновых, по четыре — Хворостининых, Барятинских, Приимковых-Ростовских, Сицких, Ртищевых, Салтыковых, Сурвоцких, Паниных, Козельских, Охлябининых, Совиных. Очевидно, что имел место отбор «по родству». Он в известной мере обеспечивал верность, поскольку «измена» или опала одного члена фамилии если и не приводила к наказанию остальных, то «мяла в отечестве» весь род и роняла его позиции на местнической «лестнице». Но родовая солидарность могла представлять угрозу в том случае, если бы авторитетный отец или старший брат склоняли прочих родичей поддержать их «воровство». Поэтому царь стремился при отборе в опричнину расколоть знатные фамилии, делая одних их отпрысков опричниками, а их «однородцов» — земскими.

Похоже, что так же он поступал и с самими опричниками. Идиллия единства «святой братии» была недолгой: оказавшись перед неограниченной властью государя без опоры на прежние традиции и «однородцов», они стремились не упустить свой шанс — выдвинуться, обратить на себя внимание, вовремя донести на чужих или своих. Донесения опричников до нас не дошли, но о мыслях и настроениях облечённых доверием царских слуг говорит уцелевшая челобитная одного из их предшественников — Ивана Яганова. Попав в годы юности

Ивана Грозного в опалу за какую-то провинность, он решил напомнить государю о том, как добывал для его отца информацию о делах при дворе его брата, удельного дмитровского князя Юрия Ивановича. «Наперед сего, — писал о своих заслугах Яганов, — служил есми, государь, отцу твоему, великому князю Василью: что слышев о лихе и о добре, и яз государю сказывал. А которые дети боарские княж Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все этих дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованьем. А ведома, государь, моа служба князю Михаилу Лвовичу да Ивану Юрьевичу Поджогину. А ковати меня и мучивати про то не веливал; и велел ми государь своего дела везде искати. И яз, государь, ищучи государева дела и земсково, да з дмитровцами несколько своего животишка истерял»¹⁶.

Из этой челобитной следует, что московский князь имел платных осведомителей при дворе брата-соперника; по их вызову «государева дела искатель» вроде Яганова мчался за десятки вёрст ради получения информации. Этой службой при дворе ведали ближайšie к великому князю люди — князь Михаил Глинский и думный дворянин Иван Поджогин, которые не верили агентам на слово. За неподтверждённые сведения можно было угодить в темницу, как это и случилось с автором челобитной. Но и не донести было нельзя, храня верность присяге: «А в записи, государь, в твоей целовальной написано: “слышав о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим боаром”. Ино, государь, тот ли добр, которой что слышав, да не скажет?»

«Искателям государева дела», подобным Яганову, было где развернуться во времена опричнины, когда Иван Грозный ввёл в стране чрезвычайное положение с отменой всяких норм и традиций. Сам царь был уверен, что окружён изменниками, и даже просил политического убежища в Англии, куда готовился бежать с верными людьми и сокровищами. Его покой охраняли опричники, которые не только исполняли самые жестокие приказы, но и пользовались своим исключительным положением; в условиях казней, массовых переселений

и демонстративного недоверия царя к земщине перед ними открывались неограниченные перспективы для приобретения «животишка».

«Опричные хорошо прошлись по всей стране, городам и деревням в земщине, на что великий князь не дал бы им позволения. Они сами придумывали наказания, как будто великий князь повелел убить того или другого из дворян или купца, у которых, по их расчётам, были деньги, вместе с женой и детьми, а их деньги и добро забрать в великокняжескую казну. Они учинили много убийств и казней земских, что невозможно описать. Некоторые, не желавшие убивать, приходили ночью в подходящие места, где, по их расчётам, были деньги, хватали людей и истязали жестоко до тех пор, пока не получали всю наличность и всё им приглянувшееся. Простой посадский человек в опричнине, крестьяне, все их слуги, работники и работницы разное творили с земскими ради денег; я уже молчу про то, на что отваживались княжеские и дворянские слуги, работницы и “малые”, — всё оправдывалось согласно содержанию указа», — писал о действиях опричников Генрих Штаден.

По сравнению с этими средствами обогащения успешная корчемная торговля на московском дворе оборотистого немца Штадена представляется почти что образцовым, хотя и неблагочестивым, бизнесом. Он даже с некоторой гордостью рассказал историю своего предприятия, где «продавал в розлив пиво, мёд и водку»: «Простолюдины из опричнины подали на меня жалобу в Судной палате, что я завёл корчмы. На Земском дворе верховным боярином и судьёй был Григорий Грязной. Он любил меня, казалось, как своего собственного сына. Это сделали деньги, перстни, жемчуга и тому подобное. Он приехал верхом и осмотрел решетчатые ворота, а также сторожки и сказал всему люду: “Этот двор принадлежит немцу, он чужеземец без рода, и если бы у него не было корчмы, то как бы он сумел огородить этот двор? Ибо тын должен доходить до решетчатых ворот, посею впредь это законно”»¹⁷.

Но деловой немец не упускал и других возможностей для обогащения. Можно спорить о том, состоял ли сам

Штаден в опричном войске, но в его сочинении весьма откровенно выражена радость мародёра, успешно поправившего свои дела во время погрома Новгорода. «Я выехал с великим князем втроём с двумя слугами с одной лошадью, возвращаюсь с сорока девятью, двадцать две — с санями, полными добра»¹⁸, — гордился сын благочестивого бюргера из немецкого городка Алене. Но так же мог думать и обласканный царской милостью отечественный «сын боярский» из опричнины.

Сам Иван Грозный, человек наблюдательный и желчный, не мог не заметить со временем, что его новые слуги столь же алчны и честолюбивы, как и их предшественники. Но могло ли быть иначе? «Естественный отбор» в опричной среде оставлял, по характеристике Таубе и Крузе, лишь самых «смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». Поставленная царём-идеологом задача воспитания благочестивых и верных избранных слуг находилась в вопиющем противоречии с повседневной практикой доносов, тайных и явных бессудных расправ и далеко не «ангельским» образом жизни самого царя-«игумена» и его окружения.

Впрочем, в повседневном поведении государя и его «братии» не было ничего совсем уж необычного для московского общества XVI столетия. К середине века традиционные наряды стали соседствовать с «платьем и одежей иноверных земель». Постановление Стоглавого церковного собора 1551 года гласило, чтобы «не сквернословили и пьяни бы в церковь и во святой олтарь не входили, до кровопролития не билися» (очевидно, такие дебоши в храмах случались не раз, поскольку надо было специально об этом говорить). Церковь была непримирима к брившим бороду мужчинам: «...над бритой бородой не отпевать, ни сорокоустия по нем не пети... с неверным да причтется, от еретик бо сего навывоша». Но почтенный митрополит Макарий напрасно требовал от собравшихся в поход на Казань воинов, чтобы они не смели неблагочестиво «бороды брить или обсекати или усы подстригати».

Фряжские (итальянские) вина свободно допускались даже на монастырскую трапезу, где их «в славу Божию испивали»; разрешались и разнообразные квасы: «старые» и

«черствы́е», «выкислы́е» и сладкие, «житны́е» и «сыченые», «просты́е» и «медвенные». Почти так же разнообразны были сорта алкогольных напитков — пива и медов, за исключением «вина горячего». Однако именно оно и привлекало горожан в многочисленные корчмы; не помогала даже царская заповедь, чтобы «дети боярские и люди боярские... по корчмам не пили». Корчмы были обычным местом азартных игр, прежде всего в зернь (кости), в которую играли «дети боярские, и люди боярские, и всякие бражни́ки»; заходили туда и «слушали игры» даже священники. Корчмы с вольной продажей хлебного вина именно при Иване Грозном постепенно стали ликвидировать, но вместо них появлялись кабаки — государственные учреждения, задачей которых было «собирать напойные деньги с прибылью против прежних лет».

Особое недовольство духовных властей вызывали скоморохи, которые «со всеми играми бесовскими рыщут»; святые отцы видели в них воплощение «еллинской прелести», то есть языческих соблазнов. Участники Стоглавого собора решили, что православный царь волен обойтись со скоморохами по своему усмотрению, поскольку их стало слишком много и они наносят не только моральный, но и экономический ущерб населению, так как «совокупяся ватагами многими до шестидесяти, до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают». Жалобы на буйных и прожорливых комедиантов, скорее всего, прикрывают трудность «конкуренции» с ними во влиянии на эмоциональный мир простых людей. Стоглав указывал: «Неподобных одеяний и песней плясцов и скомрахов и всякого козлогласования и баснословия их не творити». Запрещалось также держать дрессированных зверей, поскольку «кормящей и хранящей медведи или иная некая животная на глумление и прелщение простейших человек». Архиереи даже требовали отлучить от церкви «мирских человек христиан», «аще кто от них играет или плясание творит или шпилманит^{*}, рекше

* Шпильман (от нем. *spielen* — играть и *Mann* — человек) — средневековый бродячий актёр (поэт, певец, музыкант, танцор, акробат) в немецкоговорящих странах.

глумы деет и на видение человеки собирает и ловитвам прилежит».

Однако в толпе зевак, собравшихся вокруг базарных представлений, можно было увидеть и священников, которые «учнут глумиться мирскими кощунами», хотя наблюдать «игры, и глумы, и позорища» не только священнослужителям, но и «всем причетником отречено есть». Поэтому ничего удивительного, что при таких духовных отцах простецы-миряне «с бесстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобныя с смехотворением», поповские и мирские дети играют в алтаре, а «шпыни» устраивают в церквах «великую смуту и мятеж», задевая молящихся бранными словами; неизвестные люди собирают с присутствующих на литургии деньги, якобы на строительство храмов; настоящие и ложные юродивые и нищие «в церквах ползают, писк творяще, и велик соблазн полагают в простых человецех». Скоморохи же возглавляли свадебный поезд, направлявшийся в церковь, а священник с крестом следовал за ними. Они же были главными «затейниками» «на мирских свадьбах», где к «бесовским» песням прислушивались жених с невестой¹⁹.

Но усилия церкви в борьбе с проявлением языческих праздничных традиций и нарушением благочиния в храмах и на улицах особого успеха не имели. Представления с музыкой, плясками, паясничаньем, фокусами, дрессированными животными (медведями, собаками, козами) ещё спустя столетие собирали зрителей в сёлах и городах сразу же после торжественных богослужений в храмах, а нередко и во время службы. И знать, и простолюдины по-прежнему приглашали скоморохов на свои домашние торжества. Нарушения правил благочестия, грубые забавы и языческие суеверия продолжались даже при дворе новой династии Романовых. Духовник царя Алексея Михайловича Стефан Вонифатьев во время женитьбы молодого государя на Марии Милославской еле уговорил его отказаться от скоморошских игрищ и светских забав с музыкой и «студными» (стыдными) песнями²⁰.

Едва ли опричники царя Ивана в повседневной жизни были более «отвязными», чем не слишком благочес-

тивные простые московские обыватели. Просто в царском окружении обычные, бытовые «непотребства» воспринимались острее, тем более что сам Иван Грозный был склонен к их публичной демонстрации.

Не лучший пример подавал государь своим слугам и в интимной жизни. После смерти царицы Анастасии Иван недолго предавался скорби и вскоре погряз в разврате. С этого времени он начал проявлять и бисексуальные наклонности. Его партнёром и фаворитом стал Фёдор Алексеевич Басманов, сын одного из организаторов опричнины. Фёдор принадлежал к числу молодых людей, которые вызвали гнев московского митрополита Даниила (1522—1539), возмущавшегося тем, что молодые придворные «велемудрствуют о красоте телесной», носят модные узкие сапоги с высокими каблуками, выщипывают бороду и брови, соперничая с женщинами в использовании благовоний, белил и румян и в украшении своих одежд. Но в опричнине он стал царским кравчим* и одним из главных воевод. Связь царя с Басмановым была хорошо известна при дворе — Курбский намекал на неё в посланиях Ивану IV. Возможно, она даже была предметом скрытых насмешек: как сообщал Штаден, друзья потешались над ним, когда узнали, что фаворит принял его под своё покровительство и приглашал обедать к своему столу.

В письмах царя есть одно странное место: на упрёк Курбского в подчинении царя «ласкателем и товарищем трапезы бесовские, согласным твоим бояром, губителем души твоей и телу, иже детьми своими паче Кроновых жрецов действуют» Иван отвечал: «А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было». Это высказывание можно толковать и в том смысле, что казни бояр состоялись в отмщение за смерть царицы Анастасии, и как принесение старшим Басмановым своего

* Кравчий (от *кроить*) — придворный чин Московского государства, впервые упоминаемый в 1514 году. Его носитель служил государю в торжественных случаях за обеденным столом — резал (кроил) жаркое и пироги, командовал подававшими блюда столъниками, в торжественные дни рассылал кушанья и напитки с царского стола по домам бояр и других чинов. Обычно эту должность занимали члены наиболее знатных фамилий. (*Прим. ред.*)

сына в жертву — пусть и не физическую, но духовную — непотребному царскому желанию. В последнем случае получается, что государь связывал свои отношения с Фёдором с потерей любимой супруги²¹. И тут же Иван ответил оппоненту в духе «не лучше ль на себя, кума, оборотиться»: «А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы. Ты чево для понял стрелецкую жену?» Князь Курбский на припоминание его «афродитовых дел» обиделся: «Нечто смеху достойно и пьяных баб басни, на сие ответу не потреба».

Может быть, тяжёлое моральное потрясение привело к изменению мироощущения царя и отразилось на направленности его сексуальных интересов. Тем не менее карьера Фёдора Басманова закончилась трагически: царский любимец был отправлен в ссылку, хотя, возможно, и не совершал убийства отца. Сам же царь «идейным» гомосексуалистом не стал: в походах его обычно сопровождали наложницы, а в конце жизни он хвастался перед английским послом Джеромом Горсе-ем, что растлил тысячу девушек. Говоря учёным языком, содомские наклонности Ивана Васильевича могут быть определены как «псевдогомосексуальность, характерная для паранойи». Таким способом Грозный, считавший, что для его «вольного царского самодержавства» не существует каких-либо моральных запретов, доказывал своё превосходство придворному окружению²².

Свобода от принятых в обществе нравственных норм, сумасбродство и распущенность Ивана Грозного поражали иноземцев, которые искренне считали содомию широко встречающимся в России пороком. Гомосексуальные отношения получили некоторое распространение в русском обществе XVI столетия, особенно среди людей военных. Так, в 1551 году митрополит Макарий писал о случаях содомского греха в Свияжске, где стояли русские войска, готовившиеся штурмовать Казань.

Количество людей с сексуальными девиациями, в том числе и гомосексуализмом, в процентном соотношении примерно одинаково у всех наций, и вряд ли стоит полагать, что в России времён Ивана Грозного они бы-

ли намного более распространены. В странах Западной Европы католическая церковь шла по пути ужесточения наказаний. К XIII веку гомосексуализм стал приравниваться к ереси и, следовательно, карался столь же строго, по преимуществу смертной казнью. Интересно, что этот грех приписывался иноверцам и инородцам, то есть считался «недостойным» христианина, пускай даже погрязшего в иных пороках. В России же наказание за противоестественный блуд с мужским полом было несколько больше кары за скотоложство и колебалось от восьми лет покаяния в XIII веке до трёх лет в XV—XVI столетиях, что, однако, не говорит о склонности к нему москвитян. Но для иноземцев церковная епитимия*, сколь бы строгой она ни была, не казалась суровой карой. В их путевых записках упоминается, что содомия служила предметом шуток и не расценивалась как нечто абсолютно греховное. Для иноземцев такое отношение, естественно, было странным: шутливо попрекать за порок, который на их родине карался смертью!

Однако в нравоучительных произведениях московских авторов содомский грех всегда означал самую низкую степень морального падения. Приговор Стоглавого собора характеризовал мужеложство как «скверное беззаконие», «мерзость и законопреступное дело», за которое следовало налагать епитимию или даже отлучать от церкви. Таким образом, гомосексуальные связи однозначно осуждались официальной моралью, и Грозный, приблизив к себе Басманова, вполне осознавал предосудительность своих действий. Царь, может быть, действительно страдал от своего греха — или у него доминировали чувство страха и ожидание расплаты за совершённые безобразия; но в любом случае поведение государя-игумена едва ли представляло благой пример для опричной «братии» в царившей при дворе атмосфере вседозволенности.

Те, кто не мог отличиться военными подвигами или особыми сыскными способностями, должны были брать чем-то другим, например непристойными шутовством и песнями на придворных застольях: «...чем грязнее и

* Епитимия (*греч.* запрещение) — церковное наказание, налагаемое духовником на согрешившего верующего.

бесстыднее ведёт себя кто-нибудь за столом тирана, тем является он за это ему более угодным и приятным». Царь и в этом случае подавал пример. Шлихтингу не раз приходилось наблюдать за проделками спальника Гвоздева (князя Осипа Приимкова-Ростовского), который «имел обычай потешаться и шутить за столом до такой степени неблагородно и бесстыдно, что от этой грязи и срама непристойно и писать об этом». Однако Ивану Грозному удалось «перешутить» весельчака. Немец описал сцену, произошедшую во время одного обеда.

В тот раз выходки спальника были «чрезмерно постыдного и грязного рода». В разгар пира царь позвал придворного и, как только тот подошёл и поклонился, облил его горячими щами. Несчастный закричал от боли: «Помилуй ради бога, величайший царь». Иван же, выхватив нож, схватил Гвоздева за руку и пронзил его ножом. «Тот, — пишет Шлихтинг, — уязвлённый полученной раной, падает на землю. Стоящие рядом поднимают его и выносят на двор. Тиран, правда, поздно, начал раскаиваться в своем поступке, что он пронзил несчастного, позвал врача и велит ему заботиться о нём. Врач, желая лечить, находит его уже мёртвым. Он возвращается к князю-тирану и тот снова просит полечить несчастного. Врач ответил: Бог на один раз вложил душу человеку, а он лично, раз душа покинула тело, никоим образом не может призвать её обратно в тело. Тогда царь, махнув рукой, констатировал: “Так пусть убирает его дьявол, раз он не пожелал ожить”»²³.

На самом деле бесстыжий спальник остался жив и даже пережил грозного царя, что удалось далеко не всем придворным. Для других излишне дерзких опричников дело могло окончиться трагически: что позволено царю — не положено холопу. Так случилось с молодым князем из служилых татар Иваном Тевекелевым. После опалы опричного оружничего Вяземского Тевекелев стал исполнять его обязанности — в этой должности с царскими «шеломы» и «с доспехом» он участвовал в весеннем походе 1571 года на крымского хана Девлет-Гирея, в походе на шведов весной 1572 года и взятии Пайде, в 1573—1574 годах сражался воеводой в Ливонии. Удалой молодец высоко поднялся, но, кажется, вознёсся

выше меры, а потому угодил в опалу и был казнён. Есть известие, что Иван IV заточил в тюрьму свою «женище» — сожительницу Василису Мелентьеву, «чтя ю зрящу яро на оружничьего Ивана Деветелева князя, коего и казни»²⁴.

Но подобные уроки могли воспитывать в «братии» только холопское терпение и угодливость, преклонение перед безграничной царской волей. Там же, за царским столом, выдвинулся «Васютка» Грязной — отчаянный шутник, не гнушавшийся ничем при исполнении царских приказаний. Он пришёлся Ивану Грозному ко двору. Дошедшая до нас переписка царя и опричника воскрешает перед нами царившую в опричнине атмосферу веселья и своеобразного чёрного юмора. Иван Грозный ободрял попавшего в татарский плен бывшего фаворита — обещал позаботиться о его семье, посылал жалованье, но даже не подумал обменивать опричника на оказавшегося в русском плену одного из лучших крымских полководцев Дивей-мурзу и потешался: «...ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уж заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрончон, умеют ловити, да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов».

Грязной задорно отвечал своему государю: «А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился», — а упрёк в том, что поехал в степь как на охоту, парировал намёком на свою лихость: «...да заец, государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твой, над собою укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил». Он смело сравнивал свою «должность» шутника со службой воина: «...шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом тешил тебя, государя, а ныне и умираю за Бога да за тебя ж, государя, да за твои царевичи».

В этих письмах как будто звучит живой диалог жестокого, ироничного царя, умевшего играть роль простого и справедливого человека, и его весёлого любимца. В то же время «Васютка» знал меру: «Не твоя б государская

милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки Бог — и мала, и велика чинишь». Пленник всё же надеялся, что его выкупят или обменяют, заверял царя в том, что «мы, холопы, Бога молим, чтобы нам за Бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи голова положити», и рассчитывал: «...да ещо вдунул душу Бог в мертвеное тело, ино бы, государь, и на конец показати прямая службишко».

То же самое могли сказать другие опричники и большинство служилых XVI века, сознававших, что их положение целиком зависит от царской милости. И всё же в этой переписке видна не только «раболепная выходка впавшего в немилость фаворита», как считал Р. Г. Скрытников. Опричник Грязной — человек невеликого ума, нет у него ни военных, ни дипломатических талантов; однако в «бедном полонянике», страдавшем от голода в тюрьме крымского Мангупа, чувствуются некая лихость, нежелание смириться с судьбой и способность шутить даже в самой нелёгкой ситуации.

Может быть, именно за это царь ценил своего слугу. Но не всем прощались шутки. Иногда за малейшую вольность можно было поплатиться жизнью. По словам Шлихтинга, «скажет ли при дворе кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеётся или поморщится, станет весёлым или печальным, сейчас же возникнет обвинение, что ты заодно с врагами или замышляешь против него (Ивана IV. — *И. К., А. Б.*) что-либо преступное».

Рост опричного двора и смена кадров не давали возможность царю тщательно отбирать лучших — искренних, верных, бывших в состоянии постичь высокое духовное предназначение (по замыслам Ивана IV) своей миссии. Да и сама повседневная «работа» опричников едва ли этому способствовала, тем более что среди их руководителей разгоралась борьба за влияние на царя. Подозрения, страхи и интриги приводили к новым репрессиям, для которых требовались новые исполнители.

Для рядового же служилого человека поначалу стимулами к тому, чтобы добиваться зачисления в «особный» двор царя, были честолюбие и надежда на царские

щедроты; потом же начинал действовать страх за жизнь, семью и имущество. Тогда, чтобы не быть жертвой, надо было стать палачом или, во всяком случае, вовремя примкнуть к тем, кто в данное время оказался «в силе», и ревностно исполнять любые их приказания.

Распад «братства» в этих условиях был неминуем. Шлихтинг, наблюдавший двор в слободе, отметил: «...братской любви у них нет никакой; взаимная привязанность и расположение пропали. Именно, братья преследуют друг друга взаимно с озлоблённой ненавистью, клеветуют, возводят ложные обвинения пред тираном. Сын восстаёт на отца, отцы, в свою очередь, на сыновей. Редко можно слышать у них приятельский разговор, до такой степени чуждаются они товарищества, общения, друзей, всех». Он привёл примеры подобных отношений в «братской» среде: «При дворе тирана были два брата, один из которых, несколько более бесстыдный, играл роль шута, другой считался в числе знати. По чистой случайности среди завязавшихся разговоров старший брат в шутку назвал упомянутого шута его отцовским именем Оболенский. Тот в негодовании на это имя (именно, с тех пор как он был приписан ко двору тирана, он изменил и презрел дедовское и отцовское имя и велел называть себя Прозоровским) пожаловался на обиду тирану, что брат якобы поносит его честь, называя его отцовским именем. Тиран отсылает обоих к суду бояр для разбора дела. Шут, как это было у него в обычае, приводит с собою медведя и там же, на суде, пред судьями выпускает медведя на брата. Дикая медведь с врождённой ему свирепостью стал рвать и терзать человека когтями. Упомянутые судьи начали бить медведя кулаками и палками, пока тот не отпустил его. Меж тем, когда медведь отходил, прибегает шут и взрезает ножом икру ноги поверженного брата, а кровью, которая обильно хлынула из раны, мажет пасть зверя. Медведь, отведав человеческой крови, приходит в ярость, снова нападает на человека, схватывает его, валит, терзает. Наконец, шут, по чувству сострадания, попытался вырвать брата из пасти медведя, но уже не мог оттолкнуть бешеного зверя, и этот медведь протащил несчастного в другие палаты, где обычно принимают посланцев госу-

дарей. Желая вознаградить и поправить это из ряду вон выходящее бесчестие, брат-шут препоручает растерзанного и измученного вниманию тирана, и пострадавший записан был в число придворных тирана»²⁵.

По отношению же к земским «братия» и подавно не стеснялась. Штаден со знанием дела перечислил способы, с помощью которых опричники вымогали «животы» у обывателей. Одни, например, «начали записывать в незащищённых посадах дочерей всех богатых купцов и крестьян, как будто великий князь требовал их и Москву. И который крестьянин или купец давал деньги, его дочь исключали из списка, как если бы она была некрасивой, а ту, что была некрасивой, заносили как красивую». Другие силой отбирали у земских крестьян — «кто добром не хотел перейти из земщины в опричнину, того забирали силой и вне срока». Третьи, говоря современным языком, «крышевали» дворян и купцов-«гостей» (разумеется, «вместе с их вотчинами, жёнами и детьми и всем имуществом»), желавших избежать насилий со стороны других опричников²⁶.

Собственно, опричные злоупотребления мало чем отличались от официально санкционированных действий. Данные «обысков» новгородских пятин после царского похода 1570 года бесстрастно рисуют картину разорения от государева воинства. Горькую память оставили по себе опричники в маленькой карельской деревушке Тивроле Водской пятины Новгорода: «В той же деревне пол лук (крестьянский участок, обложенный налогами. — *И. К., А. Б.*) пуста Сеньки Лукьянова; Сенька умер, дети от голода примерли, запустил 79-го (в 7079-м, то есть 1570/71 году. — *И. К., А. Б.*), двор опричные сожгли. В той же деревне лук пуст Ларюка Миронова; Ларюка опричные замучили, живот ограбели, двор сожгли, запустил 78-го. В той же деревне лук пуст Иванька Омельянова; Иванко умер, дети безвесно сбегали от опричины — опричина живот пограбели, двор сожгли, запустил 78-го».

Беда пришла и в соседние деревни: «В деревне в Пироли лук пуст Ивашки пришлого. Ивашка опричные замучили, а скотину его присекли, а животы пограбили, а дети его збежали от царева тягла, запустил 78-го. В той

же деревни лук пуст Матфика Пахомова. Матфика опришные убили, а скотину присекли, живот пограбелли, а дети его збежали безвесно, запустил 78-го. В той же деревни лук пуст Фетька Кирелова. Фетька опришные замучали и двор сожгли и з скотиною и з животами, запустил 78-го, отроду не осталось... В деревне Тенголи лук пуст Микифорка Гяпялева. У Микифорка опришные кони и коровы и обелье пограбелли, и он осеротел и безвесно збежал, запустил 78-го. В той же деревни лук пуст Федотка Ускалева. Федотка опришные в Горотки на правежи держали, там умер, животы и кони пограбелли, запустил 78-го»²⁷.

«...ис тих, господине, дворов жильцы розошлись безвистно и разошлись в нищих после государьского правежу лета 7079-го, как был праветчик Левонтий Кузмин сын Понточин — правил по кабалам, да как был праветчик Данила Иванович Исленьев — правил государьскую обиходную рыбу и за рыбу деньги; а которые жильцы забиты, и ти жильцы стояли на правежи у тих праветчиков у Левонтия у Понточина да у Данила у Ивановича Исленьева в государьской в обиходной рыбе, и ти жильцы, на правежи стоячи, с правежю, с холоду и з голоду, и примерли» — это уже результат действий опричников в Старой Ладогe, отражённый в официальном «обыске» о состоянии посада в 1572 году²⁸.

Знал ли сам Иван Грозный о действиях своих слуг? Может быть, и не всегда. Едва ли он приказывал (в отличие, например, от устроенного им и красочно описанного немцами-опричниками разгрома имений боярина Ивана Фёдорова) замучить до смерти безвестного мужика Ларюка Миронова. Но воспитывая у себя в опричнине «дерзких и бездушных парней», он был вынужден закрывать глаза на безобразия, чинимые исполнителями его приказаний, а возможно, и не хотел о них знать — до тех пор, пока не приходила пора предстать перед подданными в образе справедливого судьи, равно строгого к знатым и убогим.

Неуверенные в своём будущем и не столь сообразительные, как Штаден, царские слуги могли превратиться в обычных разбойников. С другой стороны, появлялись желающие им подражать. Сам же Штаден писал о «тех,

кто разъезжали, будто бы они из опричнины, и убивали на проезжих дорогах всё, что им попадалось, грабили много посадов и городов, убивали людей и жгли дома; они получали также много денег, которые следовали из других городов в Москву и должны были поступить в казну».

Немногие дошедшие до нашего времени документы рассказывают о случавшихся в опричную пору детективных историях. «В нынешнем в 81-м (1572/73-м. — *И. К., А. Б.*) году сее осени, с пятницы на субботу, ввечеру против Михайлова дни архангила» в богатую вотчину царского шурина, боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева — село Степаново под Коломной с каменной церковью и прудом «среди села с рыбою, а на пруде же мельница немецкая» — прискакал отряд всадников. Прибывшие схватили приказчика, боярского человека Никифора Собычакова, вместе со всем семейством, и «мать Никифоркову Собычакову и брата его Гришу и жену его и детей и своякиню Лукерью с дочерью да людей матери его и брата его 14 душ мужиков и женок и девок, всего 22 головы, до смерти убили». После расправы налётчики начали грабёж: «живота их, лошадей, и платья и кузни и низанье, и кобал, и денег, всего на 600 на 50 рублей с полтиною взяли».

В результате проведённого местными властями расследования подозрение в руководстве нападением (или, по крайней мере, участии в нём) пало на коломенского «сына боярского» Романа Богданова сына Волжина. Чем он занимался, неизвестно, но поместье его отца было бедное: «сельцо Воловичи на речке на Шелоковке, пусто, а в нем пашни и перелогу средние земли 103 чети да перелогу ж кустарем поросло 25 чети в поле». Посланному из Разбойной избы «сыну боярскому» Андрею Колупаеву было приказано арестовать обвиняемого, а «двор его и животы, статки переписав, запечатати и приказать беречи тутошним людям до государеву указу», после чего произвести «повальный обыск» (допрос) о тех, «кто с ним на том разбое товарищов был, и откуда приезжали, и, розбив, куды поехали», и всех, кто будет назван, доставить в Москву под охраной и в оковах. «Обыск», однако, ничего не дал: опрошенные не назва-

ли никого из сообщников Волжина. Вернувшись, Колупаев направился производить розыски в самом городе Коломне, на посаде. Кажется, дерзкое преступление с показательным убийством семьи и слуг управляющего вотчиной знатнейшего боярина так и осталось нераскрытым.

Исследователи подозревают, что «лихие люди» были членами отряда «государевых слуг», называть которых было опасно, а потому нам известно только имя предводителя (или «наводчика»), бедняка-дворянина, поступившего в опричнину или приставшего к опричному отряду²⁹. Вопрос, сами ли они решили совершить налёт или выполняли тайный приказ государя «проучить» его родственника, остался открытым. Впрочем, жертвам жестокого погрома от этого было не легче...

ОПРИЧНИНА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

*С детских лет — язвящий звон владычества,
Сжатых чувств шипы и остря;
Жгучий сплав варяжского язычества
С византийской верой: Бог и Я.*

Даниил Андреев. Гибель Грозного

Царь Иван Васильевич как религиозный тип

Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о проблеме взаимоотношений монарха и его верных опричников с Русской православной церковью, — это широко известные репрессии против духовенства. Действительно, от рук «царёвых кромешников» пострадали представители фактически всех слоев клира: от всероссийского митрополита и епископов до рядовых священнослужителей-«бельцов» (то есть не имевших монашеского пострига) и иноков, умерщвляемых порой целыми обителями. Однако прежде чем начинать печальный рассказ об избиении в опричнину лиц «духовного чина» и мирян, необходимо разобраться в ряде весьма интересных проблем, объединённых одной темой: царь и православная церковь.

Действия Ивана Грозного, на государственном ли поприще, на духовной ли ниве, во многом определялись той религиозной атмосферой, в которой он воспитывался и формировался как личность. Исследователи неоднократно подчёркивали влияние на первого русского царя полярных и даже взаимоисключающих политико-богословских доктрин. Прежде всего речь идёт о визан-

тийских теократических учениях, касающихся формы гармонического союза светской и церковной властей в православной державе. С максимальной полнотой идея такого сотрудничества воплотилась в принципе «диархии», предусматривавшем добровольное соподчинение «священства» и «царства». Только взаимная несвобода церкви от государства и государства от церкви гарантировала достижение подлинной симфонии* между ними¹. Однако и в Византии, и на Руси монархи очень часто поддавались искусительному желанию подчинить церковь своему влиянию, не уступая ничего взамен. Не случайно, излагая в послании молодому царю Ивану Васильевичу основы этого учения, всероссийский митрополит Макарий (1542—1563) особо указал на кару государю за нарушение такой симфонии: «Аще же и сам царь, нося багряницу и царский венец, надеясь благородству и саном гордящеся негодовати начнет нашего (митрополичьего. — *И. К., А. Б.*) повеления и святым правилом не покоряющеся святых отец, дерзнет таковая сотворити, той... осужден будет, яко гласу Господню противятся»².

Впрочем, отечественная церковная история являла царю совсем иные примеры. Слишком часто глава Русской митрополии добровольно становился политическим и, добавим, церковным подручником великого князя Московского³. Таковыми, к примеру, были святители Феогност при Иване Калите и Алексий при Дмитрии Донском. В противном случае неугодный светскому правителю первоиерарх рисковал быть насильно сведённым с кафедры. Так, например, в 1464 году дед Грозного, Иван III, не поддержал введённые митрополитом Феодосием дисциплинарные строгости, в результате которых многие члены клира лишились сана, а храмы стояли «без пения». По-видимому, под давлением со стороны великого князя Феодосий почёл за благо оставить московскую кафедру «по болезни», удалившись «на покой» в кремлёвский Чудов монастырь⁴.

Несмотря на неплохую книжную образованность, Иван IV, подобно тысячам своих подданных, до пос-

* Симфония (*греч.*) — созвучие. (*Прим. ред.*)

ледного дня жизни оставался крайне суеверным человеком, полагавшим одинаково спасительными для себя и заздравные молитвы православных иноков, и обереговую ворожбу ведунов. Причём безграничное доверие к последним вынуждало московского самодержца совершать весьма необычные для «помазанника Божия» поступки. Так, например, он всерьёз рассчитывал при помощи колдовства более чем полусотни лапландских и карельских чародейек исцелиться от смертельного недуга⁵. Подобное смешение в сознании средневекового русского человека православного благочестия и нечестивых языческих обрядов являлось вполне обычным делом. Более того, языческие обряды были явно лишены первоначального смысла и воспринимались отнюдь не противоречащими христианству. Посему любой член средневекового общества не признавал себя двоеверцем⁶. Подобное гармоническое сосуществование христианского и языческого в сознании отдельного человека достигалось за счёт абсолютной автономии одного от другого. Только таким способом, например, языческий культ «заложных» покойников* мог сохранять свою актуальность в услови-

* По широко распространённому среди восточных славян убеждению, каждому человеку при рождении отпущается свой срок жизни либо до глубокой старости, либо до естественной смерти от болезни. В противном случае усопшие не попадают сразу на «тот свет», а доживают за гробом положенный им срок земной жизни, превращаясь в весьма опасных «заложных» покойников. Обычно они обитают в местах своей гибели или близ собственных могил (если кто-то из таких нечистых мертвецов был погребён), сохраняя присущие им при жизни характер, привычки и поведение. Способность передвигаться в пространстве позволяла «заложным» покойникам являться живым людям, причём, как правило, с недобрыми намерениями, поскольку с момента вынужденной смерти они находятся в полном распоряжении у нечистой силы. Последнее обстоятельство проясняет причины регулярного повторения сельским населением Европейской и Азиатской России, Украины и Восточной Белоруссии даже в конце XIX века на могилах «заложных» мертвецов береговых обрядов, имитировавших участие в ритуале погребения в виде символических приношений веток, ключев сена, камней, щепок, тряпич. Суеверный народ приписывал им способность вызывать особо опасные для будущего урожая весенние заморозки, засуху, другие природные катаклизмы. Страх перед подобными покойниками был столь велик, что крестьяне совершенно не отличали скончавшегося насильственным образом иноверца-чужестранца от погибшего православного соплеменника; более того, они, по замечанию видного русского этнографа

ях господства православного вероисповедания. Иначе говоря, в момент совершения обереговых обрядов на могиле «нечистых» мертвецов русский православный человек явно не задумывался о том, насколько это противоречит учению церкви. При этом не стоит забывать, что лишённое богословского образования средневековое русское духовенство (особенно его низовое звено) в полной мере разделяло суеверные настроения своей паствы. Участие в том или ином обряде, например, приходского священника ещё не свидетельствовало о христианской «чистоте» совершаемого им действия. Остается вспомнить грустное заключение выдающегося знатока отечественной религиозной жизни Н. С. Лескова относительно того, что Русь была крещена, но не христианизирована. По отношению к широким массам населения оно абсолютно верно не только в эпоху Средневековья, но и в Новое время. Широко известен, например, воронежский инцидент лета 1765 года, когда тамошний епископ, святитель Тихон Задонский, наблюдал разгульное празднество в честь Ярилы, устроенное местными обывателями. Потрясённый архипастырь впервые выступил с обличительным увещанием к пастве 5 июня; однако, по-видимому, его обращение, прочитанное во всех храмах города, не произвело должного впечатления на жителей Во-

и фольклориста Д. К. Зеленина, вообще не интересовались обстоятельствами нечаянной гибели и поведением перед ней умершего. Подобную эмоциональную отстранённость можно понять, проанализировав различие между христианским и языческим мировосприятием. «В языческом же представлении о грехе, — пишет современная исследовательница Е. Е. Левкиевская, — личная воля вообще не играет роли. Здесь важно только одно: укладываются ли поступки человека (в том числе и его смерть) в рамки нормы или нет, даже если сам человек в этом не виноват. С точки зрения язычника, смерть в результате самоубийства и смерть в результате несчастного случая — это одинаково “неправильная” смерть, потому что и в том и в другом случаях человек не прожил положенный ему срок жизни, а значит, не может перейти в иной мир и становится “заложным” покойником, опасным для живых». Именно поэтому в народном сознании «заложными» мертвецами считались и ногайский воин, застреленный из пищали при отражении набега кочевников на курские земли, и вологодский разбойник Аника, осмелившийся поднять руку на странника-богомольца и надругаться над священными реликвиями, и погребённый в одном из курганов на границе Великолуцкого и Торопецкого уездов «храбрый витязь, богатырь славный, павший в честном бою за веру христианскую».

ронеза, поскольку ещё долгое время спустя оно многократно звучало под церковными сводами⁷.

По мнению отечественных историков и богословов, Иван Грозный не остался равнодушным и к политическим концепциям итальянского Ренессанса. В его практической деятельности исследователи искали отголоски воззрений адепта сильного единого государства Никколо Макиавелли. В первую очередь, разумеется, имеются в виду рассуждения знаменитого флорентийца о полном оправдании правителя, попирающего ради достижения главной цели — укрепления государственного «организма» — общепринятые этические нормы. Более того, мысль представить Грозного человеком эпохи Возрождения привела некоторых ученых к весьма неожиданному выводу о едва ли не сознательном его отказе от традиционных греческих политических ценностей в пользу прагматической вседозволенности макиавеллизма⁸.

Но таков ли был истинный духовный портрет «тирана Васильевича» (так первого русского царя называли многие его западноевропейские современники)? Иван Грозный, безусловно, никогда не мыслил себя вне православия и, тем паче, никогда не сочувствовал ни католичеству, ни ниспровергающему церковь протестантизму. В знаменитом богословском собеседовании с эмиссаром протестантской секты «чешских братьев» Яном Рокитой в 1570 году, в пору, когда репрессии против православного духовенства уже давно перестали быть диковинкой, он ясно определил собственные религиозные приоритеты. В Седьмом слове к Роките монарх, в частности, отметил: «...ино как Бог простил прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира... крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веком, аминь, от тех мест и доселе нарицается руская вера християньская». И далее: «А что писал еси о латинской Церкви, и аз о том не хочу много глаголати, понеже яко латыни прелесть, тако и вы (протестанты. — *И. К., А. Б.*) — тма»⁹.

Вопрос же о степени знакомства первого русского царя с писаниями Макиавелли, а значит, и о воздействии освобождённой от церковного влияния идеологии ита-

льянского Ренессанса на его политические (и не только) поступки разрешается не столь однозначно. Историки, находя сходство между повседневной практикой Ивана IV и текстами великого итальянца, упускают из поля зрения иные источники, откуда венценосный читатель мог почерпнуть примеры для подражания: отечественные летописи и хронографы. Именно из них он узнавал об истории правления собственных предков из Московского княжеского дома или могущественных римских и византийских императоров. Уроки истории, усвоенные августейшим книгочеем из привычных памятников древнерусской книжности или из специально переведённых произведений античных авторов (известно, что помимо Кодекса Юстиниана Грозный заказывал для себя переводы «Истории Рима от основания города» Тита Ливия и откровенно скандального сочинения Светония «Жизнь двенадцати цезарей»¹⁰), должны были оказаться впечатляющими. Вероломство и кровавые репрессии не раз позволяли русским князьям достигать желаемых целей задолго до появления на свет теории Макиавелли. Достаточно вспомнить сородича Грозного, старшего брата Ивана Калиты, великого московского князя Юрия Даниловича, который, нисколько не считаясь с принципом родового старшинства, ввязался в борьбу с Михаилом Ярославичем Тверским и его сыновьями за великое княжение Владимирское*.

* Когда фортуна отвернулась от Михаила, Юрий Данилович приложил все силы, чтобы физически извести своего политического соперника. В результате интриги московского князя и ордынского вельможи Кавгадыя Михаил Ярославич был умерщвлён с санкции хана Узбека 22 ноября 1318 года. Убийцы набросились на несчастного, сидевшего в узилище с деревянной колодой на шее, «повергоша на землю, бияху его нещадно ногами... и извлече нож, удари в ребра святого, в десную (правую. — *И. К., А. Б.*) страну и, обращая нож сею и овамо (туда и сюда. — *И. К., А. Б.*), отреза честное и непорочное сердце его». Ранее, в конце 1305 года, в Москве Юрий лишил жизни пленного рязанского князя Константина Романовича. По наговору Ивана Калиты страшно «скончали» свои дни в Орде тверской князь Александр Михайлович с сыном Фёдором: 28 октября 1339 года хан Узбек повелел казнить обоих через «резание по суставом». Впрочем, и политические оппоненты московских князей вели себя не лучше: в конце зимы 1316 года под Торжком по заключении мирного соглашения тверской князь Михаил Ярославич вероломно захватил младшего брата правителя Москвы, новгородского князя Афанасия с боярами и отправил их заложниками в Тверь.

Знакомство же российского венценосца с законодательством и, главное, с методами политической борьбы в античном Риме или христианском Царьграде прямо подводило его к двум важнейшим выводам, повлиявшим на его правосознание. Во-первых, православный государь сам является источником права, отчего любое его распоряжение становится если не нормой закона, то, во всяком случае, юридическим прецедентом; во-вторых, на него не распространяется действующее законодательство — «помазанник Божий» находится как бы над «правовым полем».

К тому же, в отличие от Макиавелли, царь Иван явно не принадлежал к последовательным сторонникам централизованного государства. Ярче всего рецидивы его «удельного» мышления проявились в учреждении опричнины и в фарсе царской интронизации Симеона Бекбулатовича в 1574 году. Шутовская маска «Ивашки Московского», добровольно возложенная на себя монархом, прекрасно демонстрирует всю зыбкость идеи централизации в его самодержавном сознании*.

Первый российский царь был очевидным традиционалистом, которому не могла не импонировать византийская церковная модель, допускавшая активное участие императора в делах Константинопольского (Вселенского) патриархата. Как известно, базилиевс ромеев не только наравне с патриархом выступал гарантом чистоты православного вероучения, но и непосредственно влиял на кадровую политику патриархата и церковную жизнь в целом**.

* В этом смысле Грозный был отнюдь не одинок. Через 70 лет после его кончины самый настоящий удел едва не создал другой русский царь — Михаил Фёдорович Романов. В первой половине 1640-х годов он был готов отдать в «вечное владение» графу Вальдемару Шлезвиг-Гольштейнскому обширные территории Суздальского и Ярославского уездов в случае его женитьбы на любимой царской дочери Ирине. Лишь успешная интрига высших сановников государства во главе с дворецким А. М. Львовым, поддержанных архиереями, помешала превращению этого проекта в жизнь.

** Ярким примером подобного вмешательства может служить инцидент, произошедший в Царьграде в августе 1347 года, когда император Иоанн Кантакузин своей грамотой упразднил Галицкую митрополию, учрежденную патриархом Иоанном Калекой. Патриаршему Синоду ничего не оставалось, как утвердить императорский декрет, придав ему вид церковного постановления.

Исстари русский великий князь, а впоследствии и царь, имел право выбора главы поместной церкви. В XVI—XVII веках Освящённый собор* представлял государю одного или несколько кандидатов, способных возглавить Русскую церковь, а тот по своему разумению избирал нового первоиерарха. Так был поставлен, например, владыка Афанасий (1564—1566). Иногда, как это случилось со святителем Филиппом Колычёвым (1566—1568), венценосец сам предлагал архиереям кандидатуру будущего митрополита «всая Руси».

Однако Иван IV считал возможным определять не только конкретного человека, по его мнению, достойного верховной церковной власти, но даже цвет и форму его клобука** и цвет воска, которым он должен пользоваться при запечатывании грамот. Именно эти вопросы царь вынес на обсуждение отцов Освящённого собора, съехавшихся в Москву для избрания митрополитом монаршего духовника Андрея (в иночестве Афанасия) 24 февраля 1564 года. Священноначалие Русской церкви не осталось равнодушным к «вопрошанию» венценосца, указав в специальном соборном решении: «Также митрополиту печатати грамоты благословенные и ставленные, и посыльные красным воском, а на печати быти Пречистой Богородице со младенцем, а на другой стороне быти руке благословенной, а вокруг ее (печати. — *И. К., А. Б.*) быти подписи митрополичю имяни». «А архиепископу Великого Новаграда и Пскова печатати красным воском по прежнему обычаю; а архиепископу Казанскому печатати красным же воском», — гласила соборная грамота от 2 февраля 1564 года, скреплённая не только рукоприкладствами архиереев, но и государе-

* Освящённый собор — орган церковного управления, в работе которого принимали участие архиереи, настоятели, а иногда и старшая братия монастырей. Белое духовенство могло быть представлено на нём царским духовником и другими старшими священниками соборных храмов Московского Кремля.

** К л о б у к (*тюрк.* колпак) — часть облачения мантийного монаха или епископа, головной убор, имеющий символическое значение «шлема спасения» и «покрывала послушания». Состоит из камилавки (цилиндра с обрезанными краями) и прикрепленного к ней покрывала из шёлка или других материалов, заканчивающегося тремя длинными концами, спускающимися по плечам и спине до пояса, знаменующими Троицкую благодать. (*Прим. ред.*)

вой печатью¹¹. И это не единственный пример трепетной заботы монарха о «мелочах» архиерейской и, шире, церковной жизни. Раньше, в 1551 году, он подготовил 37 «царских вопросов» для отцов Освящённого собора, ответы на которые составили знаменитый сборник церковного права — Стоглав. Свое вмешательство в духовные дела, подлежащие юрисдикции священноначалия во главе с митрополитом, венценосец объяснял заботой об искоренении многочисленных «нестроений», призывал епископат общими усилиями добиться единодушия в тех случаях, когда речь ведётся «о православной нашей христианстей вере и о благостоянии святых Божиих церквах, и нашем благочестивом царствии, и устроении всего православнаго хрестьянства». А посему он провозглашал: «...Всякому розгласию отныне далече быти повелеваем, всякому же согласию и единомыслию содержатися в нас»¹². От внимания Ивана не ускользнули ни соблазнительная традиция продажи антиминов* (вопрос 2), ни проблема ростовщичества монастырских властей и белого духовенства (вопрос 16), ни распространение среди верующих магических практик, профанирующих христианское богослужение (вопрос 11), ни брадобритие и увлечение иноземными нарядами (вопрос 25), а также многие другие отступления от установлений Священного Писания и канонического права.

Царь и московские митрополиты эпохи опричнины

Учреждение опричнины серьёзно нарушило отлаженную веками систему церковного управления. С первых дней существования нового государственного административного устройства царь, по сути, вступил в затяжной конфликт со священноначалием Русской церкви, якобы покрывавшим изменников-бояр.

* Антиминс (*греч. и лат.* вместопрестолие) — четырёхугольный плат из шёлковой или льняной материи с зашитыми в него частицами святых мощей и изображением положения во гроб Христа. Может заменять престол при богослужении и освещается архиереем. (*Прим. ред.*)

Именно в этом преступном намерении Иван Грозный огульно обвинял своих подданных «духовного чина» в знаменитом послании в Москву от 3 января 1565 года, в котором он объяснял причины своего тайного отъезда из столицы в Александровскую слободу. Притом адресовано оно было именно митрополиту Афанасию. В действительности только глава Русской церкви мог серьёзно помешать намерениям монарха сурово покарать «ослушников», по традиционному праву митрополита «печаловаться» перед монархом за опальных (ходатайствовать о их помиловании). Между тем разгневанный на бояр и их «потаковников» Грозный был готов жестоко мстить даже за намёк на «измену» и немедленно зачислял в ряды своих личных врагов любого, кто посмел бы ему помешать свершить задуманное.

Удалившись из Москвы в слободу, Иван не взял себе в спутники митрополита Афанасия. Тот оказался для первого русского царя, пожалуй, самым неудобным архипастырем на московской кафедре, поскольку «тиран Васильевич» не мог игнорировать его заступничество за опальных. Афанасию, едва ли не единственному из всех российских митрополитов эпохи опричнины, удалось добиться от монарха прощения для арестованного после октября 1564 года боярина И. П. Яковлева-Захарьина и сосланного ещё в 1562 году видного военачальника князя М. И. Воротынского (оба погибли позже, при его преемниках). Справедливости ради необходимо заметить, что к «молению» первоиерарха и членов Освящённого собора за боярина Яковлева присоединили свои голоса его поручители: земские бояре князь И. Д. Бельский и И. И. Пронский, конюший И. П. Фёдоров-Челядин, окольник А. А. Бутурлин, а также несколько десятков знатных дворян и приказных людей. Однако, без сомнения, выдающаяся роль в освобождении опального вельможи принадлежит именно всероссийскому митрополиту, а не нелюбимым государем земцам.

Дело в том, что царь и архиерей некогда принадлежали к одной «покаяльной» семье: Афанасий (в миру Андрей) в бытность свою благовещенским протопопом исповедовал и наставлял самодержца по праву духовного отца. Это обстоятельство, по-видимому, и позволило

автору «Книги степенной царского родословия»* сохранить в какой-то степени влияние на Ивана IV. Такая ситуация вряд ли устраивала венценосца, и 19 мая 1566 года он добился отставки своего бывшего духовника «за немощию велию». Поразительно, что государь помнил о крепких узах духовного родства, связывавших его с митрополитом, и после «сведения» того с кафедры. Например, в июле 1566 года Иван Васильевич доверил ему ответственнейшее поручение — «поновление» всероссийской святыни, Владимирской иконы Божией Матери. Не исключено также его участие в работе над миниатюрами Лицевого летописного свода. Неизвестно, как долго Афанасий прожил «на покое» в кремлёвском Чудове монастыре, однако он не был там в заключении и умер от естественных причин**.

Прежде чем поведать о правлении и трагическом конце преемника Афанасия, святителя Филиппа II Колычёва, необходимо упомянуть еще одного иерарха, которого многие исследователи также считают жертвой Грозного: казанского архиепископа Германа, происходившего из аристократической фамилии Поле-

* «Книга степенная царского родословия» — исторический свод, составленный в 1560—1563 годах под руководством митрополита Макария духовником царя Андреем (будущим митрополитом Афанасием), содержит изложение событий отечественной истории от призвания варягов до 1563 года. Излагая исторический путь Руси, автор отказался от привычного распределения материала по летописным погодным статьям, а расчленил его на 17 разделов «степеней», соответствующих поколениям русских великих князей от Владимира Святославича до Ивана Грозного. В символическом понимании «степени» означали ступени, ведущие к Богу. В центре каждой степени находится биография великого князя, рядом с которой помещены жизнеописания митрополитов и святых, живших в это время. Такой взгляд на события прошлого подчеркивал выдающуюся роль митрополии в объединении русских земель и созидании единой Московской державы.

** Подобная же щепетильность была свойственна в молодые годы и царю Петру I (кстати, большому почитателю Ивана IV). Так, явно памятуя о том, что был крещён чудовским архимандритом Иоакимом Савёловым 29 июня 1672 года, Пётр, при всём неприятии идеологии «грекофильствующего традиционализма», которой придерживался его креститель, никогда не позволял себе публичных прямых выпадов против Иоакима, когда тот занял первосвятительский престол, тогда как следующего патриарха, Адриана, чьи взгляды отличались куда меньшим радикализмом, монарх-реформатор прилюдно оскорблял и третировал, выказывая полнейшее неуважение к его сединам и высокому духовному сану.

вых-Садыревых. По уникальному свидетельству князя А. М. Курбского, после «сведения» с митрополии Афанасия Иван Васильевич будто бы предложил стать новым главой церкви именно Герману; при этом от него, как, впрочем, и от других претендентов, требовалось лишь одно — безоговорочная поддержка опричной политики царя. Но Герман мало подходил для роли марионетки-подручника и на первом же собеседовании с монархом энергично выступил против опричнины. Естественно, что вариант его приглашения на митрополию немедленно отпал. Явно поддавшись чувству неприязни к Грозному, Курбский с удовольствием пересказал слухи о таинственной гибели Германа на своём подворье в Кремле через два дня после разговора с венценосцем. На самом деле казанский архиепископ не только прожил ещё год и три месяца, но и не подвергся опале: 25 июля 1566 года он в «сущем» сане участвовал в поставлении митрополитом Филиппа, а скончался в Москве во время «морového поветрия» (эпидемии) 6 ноября 1567 года¹³.

Двадцатого июля 1566 года отцы Освящённого собора «нарекли» всероссийским митрополитом соловецкого игумена Филиппа Кольчёва. Вызванный в Москву «для духовного совету», а вероятней всего, в качестве одного из членов «синода», избравшего нового главу Русской церкви, он неожиданно для себя узнал о царском пожелании сделать именно его преемником Афанасия. После весьма продолжительных уговоров со стороны царя и соборян Филипп попытался заставить Ивана IV принять условия своего пребывания на первосвятительском престоле: ликвидировать опричнину и восстановить право митрополита «печаловаться» за опальных. В случае же сохранения нового порядка он грозился добровольно покинуть митрополию. Однако Грозный не внял требованиям архипастыря. Он повелел передать новому «нареченному» митрополиту, чтобы тот «в опричнину и в царский домовый обиход не вступался, и на митрополию ставился, и после поставления не оставлял ее» ни при каких обстоятельствах¹⁴. Филипп публично принял царские «кондиции», и пять дней спустя с подобающей событию торжественностью

и пышностью состоялась его интронизация в Успенском соборе Московского Кремля. По иронии судьбы возглавить службу довелось новгородскому архиепископу Пимену Чёрному, в мечтах видевшему себя, а не кого-либо другого предстоятелем Русской церкви.

Святитель Филипп — едва ли не самая трагическая фигура в истории отечественного православия эпохи Средневековья. И дело тут не в том, что, будучи насильно «сведён» с митрополичьей кафедры, он претерпел сначала физические страдания в монастырском узилище, а потом и мученическую смерть от рук Малюты Скуратова. Митрополит, публично отказавшийся от права «печаловаться» за опальных на избирательном Освящённом соборе, с первых дней своего управления церковью обрёл себя на колоссальные душевные терзания, вынужденный молча наблюдать, как набирал обороты маховик репрессий. Трудный моральный выбор стоял перед Филиппом Колычёвым: либо так же прилюдно нарушить ранее взятые обязательства и возвысить свой голос в защиту истребляемой паствы, вверенной его попечительству, либо сохранить верность данному слову и разделить с царём и его «кромешниками» нравственную ответственность за грех невинного пролития крови. Долго так продолжаться не могло.

Менее чем через год, 22 марта 1568 года, московский первоиерарх впервые всенародно обличил Грозного во время богослужения в кремлёвском Успенском соборе, проявив при этом трогательную заботу о христианском спасении венценосца: «Благочестивый царь, наше (то есть Филиппа. — *И. К., А. Б.*) молчание умножает грех души твоей и может причинить <духовную> смерть». Надо отдать должное Ивану IV: он пытался избежать эскалации конфликта, предлагая Филиппу в сложившихся обстоятельствах добровольно оставить митрополию и удалиться «на покой». Но тот решил исполнить свой пастырский долг до конца, предоставив царю возможность самому изыскивать способы изгнания неугодного архиерея с первосвятительского престола.

Спустя некоторое время государь и глава церкви вновь встретились на литургии в кафедральном соборе, и на этот раз противостояние двух незаурядных

личностей достигло наивысшего накала: Филипп публично отказал Ивану Васильевичу в благословении, а в ответ венценосец пригрозил испытать «твёрдость» архиерея, намекая на неминуемую расправу. Следующее столкновение произошло 28 июля того же года в главном храме подгородного Новодевичьего монастыря. Во время крестного хода перед началом чтения Евангелия Филипп сделал замечание одному из опричников, не снявшему с головы вслед за шапкой и тафью. Нарушитель успел исправить оплошность до того, как Грозный повернулся к своим людям, дабы убедиться в справедливости архиерейского упрёка. В результате монарх посчитал, что митрополит возводит напраслину на его верных слуг, прилюдно выказывая, таким образом, неуважение и к его августейшей особе.

Царь Иван повелел начать «розыск про вины» Филиппа. По его указанию в Соловецкий монастырь была направлена следственная комиссия в составе суздальского епископа Пафнутия, боярина князя В. И. Тёмкина-Ростовского, архимандрита московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосия и опричного дьяка Д. М. Пивова с целью «испытать... каково было прежнее житие митрополита». По свидетельству Жития Филиппа, следователи «покушались... неправду творить: склоняли на угождение царю живущих там иноков, иных ласканием и мздоимством, иных сановными почестями умягчая. Они же по образу благочестия и нрав имея, словно добрые страдальцы всякие скорби с радостью принимали за своего пастыря. Все, словно едиными устами, наполняемыми Святым Духом, вопияли: “Непорочно его житие и в Боге попечение о святом месте этом и о братском спасении”. Те же не желали слышать о святом благих свидетельств и, возвратившись в Москву... представили перед царем лжесвидетелей и лживые и многосмутные свитки свои положили». В ноябре 1568 года судьбу первоиерарха решал специально созванный Освящённый собор, который возглавил всё тот же завистливый недруг святителя, архиепископ Пимен. К сожалению, следственное дело митрополита донине не сохранилось, отчего невозможно наверное сказать, что именно инкриминировали Филиппу судьи, хотя можно

предположить, что ему были предъявлены типичные для того времени обвинения в колдовстве и церковных проступках в бытность его соловецким игуменом.

Осуждённый митрополит был готов сам снять с себя знаки сана на последнем заседании «синода». Однако Иван Васильевич приказал ему носить епископское облачение до момента объявления приговора. Развязка наступила 8 ноября 1568 года, когда царские «кромешники» под водительством боярина А. Д. Басманова явились в Успенский собор, где перед всеми молящимися огласили вердикт церковного суда о низложении священнодействовавшего в тот момент предстоятеля Русской церкви. После этого они набросились на Филиппа, совлекли с него святительские одежды, нарядив в разодранное платье рядового монаха. Затем опричники силой вывели страдальца из храма и, посадив в простые сани-дровни, отвезли в Богоявленский монастырь, «что Ветошным рядом» на Ильинке. В Тулуповской редакции Жития святителя Филиппа говорится: «Пришедшии (опричники. — *И. К., А. Б.*)... нападаша на святаго, яко суровии зверие, и совлекоша с него святительский сан... и возложиша на него ризы иноческия многошвенны и раздранны и изгнаша его из церкви, и посадиша его на возило, и вне града повезоша, ругающесея. Инии же ко исходу дебри реюще его и метлами биюще, и тмами злодейственныя укоризны приношаху ему»¹⁵. По одной из версий, экзекуторы «выметали» следы Филиппа ещё в Успенском соборе¹⁶.

Смысл обряда «выметания» становится понятным, если вспомнить строки из мемуаров двух имперских дипломатов, Сигизмунда фон Герберштейна и Августина фон Мейерберга. Так, Герберштейн описывал, как весной 1523 года из Москвы «выметали» новгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича, заподозренного в государственной измене: «Намекая на это <обвинение>, некий юродивый... во время въезда Шемячича в Москву носил повсюду <с собой> мётлы и лопату. Когда его спрашивали, зачем они ему, он отвечал, что держава государя (Василия III. — *И. К., А. Б.*) ещё не совсем очищена, а теперь настает удобное время вымести и выбросить всякую нечисть»¹⁷. Менее полувека спустя,

весной 1568 года, Грозный распорядился провести по московским улицам арестованных советников митрополита Филиппа Колычёва: старца Леонтия Русинова, инока Никиту Опухтина, Фёдора Рясина и Семёна Мануйлова, над головами которых опричники вертели своими помельями (вариант: избивали «железными хлыстами»), символически «выметая» измену из столицы¹⁸. Ещё через столетие Мейерберг свидетельствовал: «И если кто (имеются в виду иноверцы. — *И. К., А. Б.*) из любопытства проберётся туда (в православный храм. — *И. К., А. Б.*) тайком, они (русские. — *И. К., А. Б.*) сейчас же выводят его, схвативши за плечи, и выметают после него пол, чтобы очистить его от осквернения поганым прикосновением»¹⁹.

Практика переодевания опального архипастыря в рваную одежду простого чернеца, равно как перевозка его в простой телеге или санях к месту заключения, имевшая целью публичное умаление «внешней чести» епископского достоинства²⁰, существовала не один век. К такому дополнительному наказанию низложенных иерархов светские правители прибегали ещё в XIV столетии. Так, в 1378 году московский великий князь Дмитрий Иванович, на короткое время посадив в узилище киевского митрополита Киприана (1381—1382, 1390—1406), приказал надеть на него одежду рядового «калугера» (монаха), а в декабре 1381-го подверг такому же наказанию киевского митрополита Пимена (1380, 1382—1385), обманом занявшего кафедру, уготованную для монаршего фаворита Михаила-Митяя²¹. Уже по смерти Грозного подобную участь испытала целая череда московских патриархов, чьё служение пришлось на годы Смуты начала XVII века. В июне 1605 года, после воцарения Лжедмитрия I, опала постигла святителя Иова, связавшего свою судьбу с династией Годуновых. Накануне торжественного въезда расстриги Отрепьева в столицу толпа его приверженцев, возглавляемая князьями В. В. Голицыным и В. М. Рубцом-Мосальским, выволокла Иова из кремлёвского Успенского собора, силой сорвала с него архиерейские одежды, облачив в иноческое «чёрное платье». Мучители посадили избитого первоиерарха на крестьянскую телегу, на которой

он отправился в ссылку в старицкий Успенский монастырь²². Год спустя, 26 мая 1606 года, скорбный путь Иова повторил теперь уже приверженец «царя Димитрия Ивановича», патриарх Игнатий Грек, после того как оказался в руках торжествующих сторонников нового монарха, Василия Шуйского: он был насильно «сведён» с патриаршего престола и затем заточён в келье Чудова монастыря²³, при этом перед водворением в узилище тюремщики обрядили Игнатия в простую монашескую однорядку²⁴. В марте 1611 года, действуя от имени марионеточного правительства Семибоярщины, глава польской администрации в Москве А. Корвин-Гонсевский уготовил похожую участь низвергнутому ставленнику Шуйского, патриарху Гермогену. Подручники оккупантов, содрав с опального архипастыря святительское облачение, надели на него платье рядового черноризца и посадили под караул на подворье Кирилло-Белозерской обители в Китай-городе²⁵.

Между тем главу епархии и, тем более, поместной церкви не так легко лишить сана епископа, как это может показаться на первый взгляд. Благодать святительства, полученная им, как считается, мистическим образом через таинство, в определённом смысле сохранялась даже после наложения наказания по суду. В сущности, ни один из низложенных иерархов не считался по-настоящему извергнутым из епископского сана. Так, уже упоминавшиеся митрополиты Пимен и волею судьбы сменивший его у кормила церковной власти Киприан по вызволении из заключения без каких-либо препон возвращались на московскую кафедру.

Ещё более показательны метаморфозы со статусом Никона (1652—1666), лишённого патриаршества отцами Большого московского собора 1666—1667 годов. Мало того что до последних дней жизни сам опальный первоиерарх считал себя полноценным обладателем патриаршей инвеституры и, следовательно, архипастырем. В правление патриарха Иоакима по Москве циркулировали слухи о возможном возвращении «монаха» Никона к управлению церковью²⁶. Подобные ожидания, очевидно, имели под собой вполне реальные основания: когда в 1681 году бывший шестой всероссийский

патриарх скончался по пути из Белоозера в Новоиерусалимский монастырь, царь Фёдор Алексеевич велел погребать его останки по патриаршему чину. «Прощённые» грамоты покойному Никону, составленные весной 1682 года предстоятелями четырёх восточных патриархатов, фактически закрепили де-юре то, что уже свершилось де-факто²⁷.

Поэтому и Иван Грозный мог абсолютно серьёзно предлагать низложенному митрополиту Филиппу, в обмен на благословение им новгородской карательной экспедиции, мгновенное освобождение и, главное, беспрепятственное возвращение статуса московского первоиерарха.

По воле гонителей Филипп не задержался надолго в Богоявленском монастыре; сначала он оказался в узилище столичной Старо-Никольской обители, а потом «приставы» отвезли его в Тверской Отроч монастырь. Еще в Москве, у «Николы Старого», на долю несчастного выпало новое тяжкое испытание: пытаясь сломить его волю к сопротивлению, Иван прислал ему страшный «подарок» — отрубленную голову одного из самых близких и любимых старших родственников, И. Б. Хлызнева-Колычёва, большую часть своей жизни проведшего на службе Старицкому княжескому дому. Опальный святитель сотворил перед ней земной поклон и, облобызав, вернул царскому посланцу со словами: «Блажени яже избра и прият я Господь, память их в род и род»²⁸. 23 декабря 1569 года в Твери Филипп Колычёв был задушен Малютой Скуратовым. Поводом к расправе послужил категорический отказ низложенного митрополита дать монарху церковное напутствие на разгром Великого Новгорода²⁹.

Последующие московские архипастыри эпохи опричнины, Кирилл IV (1568—1572) и Антоний (1572—1581), явно выучили урок, преподанный монархом священноначалию на примере владыки Филиппа. Они не только не пытались оградить свою паству от репрессий, но и были готовы пойти навстречу любому пожеланию Грозного, мгновенно забывая и о нормах церковного права, и о собственных прагматических интересах, «добровольно» ограничив имущественно-владельчес-

кие права первосвятительской кафедры, архиерейских домов и монастырей.

По образному выражению видного отечественного историка церкви А. В. Карташева, в правление Кирилла* «ужасы опричнины достигли страшных размеров почти междоусобной войны»³⁰, кульминацией которой явилось знаменитое «новгородское дело» об измене 1570 года. Разгром городов северо-запада (Твери, Торжка и Великого Новгорода) и последовавшие за ним массовые казни «заговорщиков» происходили при абсолютном молчании митрополита и подначальных ему епископов. Они не проронили ни единого слова даже в защиту своего собрата, новгородского владыки Пимена, объявленного государственным преступником. Между тем весьма примечательно, что первой жертвой новгородского следствия стал местный архиерей, стяжавший печальную известность своим активным участием в судилище над Филиппом Колычёвым. Былые «заслуги» исполнительного царского подручника не смогли пересилить в сердце Ивана неприязни к церковным иерархам.

Страдания новгородского архиепископа начались едва ли не сразу после его встречи с самодержцем на мосту через Волхов. Грозный отказался принять от Пимена благословение и стал прилюдно «срамить» его вместе с остальными новгородскими «изменниками». Вслед за публичными обвинениями в столь тяжком государственном преступлении последовал арест опричниками злосчастного архипастыря на официальном приёме в честь монарха, устроенном во владычной резиденции³¹.

Иван распорядился сорвать с Пимена святительские облачения, во всеуслышание объявив: «Менее всего надлежит тебе быть архиепископом, но скорее флейтистом или волынщиком, а также вожаком медведей, обученных пляскам. Для этого лучше тебе взять жену, которую я тебе выбрал». Слова венценосца не оставляют сомне-

* Судя по вкладу в Троице-Сергиев монастырь «по матерее своей княгине Ксении», Кирилл принадлежал к одному из княжеских родов. Вероятно, постриг он принял в Троице-Сергиевом монастыре, а в 1566 году стал его архимандритом.

ний в том, что уже тогда, не дожидаясь вердикта церковного суда, он отказывался признать за Пименом право не только на высокое архиерейское достоинство, но даже на самое монашество. Впрочем, мучительная для чести епископа сцена имела еще более кощунственное продолжение: по версии литовского хрониста А. Гваньини, в качестве «супруги» Пимен получил от Грозного «жеребую белую кобылу».

Таким откровенно циничным жестом монарх явно намеревался ещё сильнее его унижить, недвусмысленно обвинив в позорном пристрастии к скотоложству. Опальный Пимен «нехотя был вынужден взгромоздиться на брюхатую кобылу, одетый в рваные лохмотья, а когда он сел верхом, то... ему связали ноги под брюхом лошади» и сам царь «сунул этому архиепископу инструменты, вероятно, лиру, флейту, дудку и гитару, говоря: “Ну вот, у тебя есть инструменты твоего искусства, ведь тебе больше улыбается должность гитариста, чем архиепископа. Итак, упражняйся на этих музыкальных инструментах и отправляйся в труппу гитаристов в Московию”»³². Эта информация подтверждается сведениями посетивших Новгород в 1616 году голландских дипломатов, записавших рассказ тамошних старожилов о глумлении опричников над Пименом: Иван IV приказал посадить того «задом наперёд на лошадь, дал ему в руки волынку, заставил дуть в неё и таким образом отправил его на поругание по дороге в Москву»³³.

Известно, что, покинув с бесчестьем свою кафедру, свергнутый новгородский иерарх оказался в тюрьме в Александровской слободе. Во второй половине июля 1570 года Освящённый собор приговорил его к лишению епископского достоинства и заточению в венёвскую Николаевскую мужскую обитель, где он и скончался в сентябре 1571 года³⁴. Между тем в «Истории о великом князе Московском» князь А. М. Курбский утверждал, что Иван IV уготовил Пимену Чёрному иной конец: «...бо приехав сам в Новград Великий, в реце его утопити повелел»³⁵. Примирить рассказ Курбского с сообщениями остальных источников можно лишь при допущении гипотетической возможности расправы самодержца с неугодным «тюремным сидельцем» непос-

редственно в месте заточения. Впрочем, следуя широко распространённой в средневековой России практике, Грозный вполне мог распорядиться утопить узника монастырской тюрьмы в ближайшем водоёме.

Для человека Средневековья, будь он европеец-католик или православный «московит», сама езда на лошади или осле задом наперёд указывала на принадлежность седока к враждебному инферальному миру. Не случайно в Западной Европе стражники привозили «особо злостных» еретиков на церемонию аутодафе верхом на ослах, посадив их задом наперёд и привязав к животным верёвками*.

На Руси похожую процедуру над приверженцами ереси «жидовствующих»** совершил новгородский архиепископ Геннадий Гонзов в 1490 году. Святитель распорядился взгромоздить осуждённых на лошадей лицом к хвосту, «яко да зрят на запад (то есть в сторону ада. — *И. К., А. Б.*) в уготованный им огонь», в надетом задом наперёд платье, в островерхих берестяных шлемах, «яко бесовския», с мочальными султанами, в венцах из сена и соломы, с надписями: «Се есть сатанино воинство». При этом ясно, что аутодафе преследовало цель не столько поглумиться над еретиками, сколько в запоминающейся и всем понятной форме разоблачить перед «добрыми христианами» их сакральную связь с демоническими силами.

Однако, подвергая опального Пимена Чёрного такому изощрённому наказанию, Грозный мог выбрать

* В «Диалоге о чудесах» монаха-цистерцианца XIII века Цезария Гейстербахского описывается встреча в уединённом месте по пути в Рим недавно умершего кардинала Иордана с его живым слугой, нотарием Пандольфом. Взору последнего предстала удивительная картина: скончавшийся князь церкви, который при жизни был известен своей невероятной жадностью, несовместимой со строгим орденским уставом, босым шёл на Суд Христов в сопровождении двух бесов и кавалькады всадников, восседавших на лошадях лицом к хвостам.

** «Жидовствующие» — приверженцы еретического направления в русской духовной жизни XV—XVI веков, отрицавшие божественную ипостась Христа и, соответственно, триединство Бога, а также монашество и духовную иерархию; не признававшие таинство Евхаристии и почитание икон. Одним из ересиархов, перенёсшим это учение из Литвы на Русь, принято считать «жидовина» Схарию, приехавшего в Великий Новгород в 1471 году в свите князя Михаила Александровича.

в качестве образца для подражания не только обряд расправы с религиозными новгородскими диссидентами конца XV столетия, изложенный с мельчайшими подробностями в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (или, тем паче, генеалогически связанную с ним практику католической церкви), но и один из «греческих» светских придворных обычаев. В Византии весьма распространённым способом публично надругательства над побеждённым противником императора (или опальным подданным) была организация специальной процессии, во время которой его, сидевшего задом наперёд на осле, со зримыми следами позорного наказания, проводили под улюлюканье толпы сначала по ипподрому, а потом и по всему городу. Осенью 823 года базилевсу Михаилу III Травлу удалось захватить мятежника Фому Славянина, после чего он немедленно «совершил то, что издавна принято и вошло у царей в обычай, — попрал его ногами, изувечил, отрубил руки и ноги, посадил на осла и выставил на всеобщее обозрение»³⁶. В начале 1043 года византийский император Константин IX Мономах похожим образом поступил с пленными воинами взбунтовавшегося стратига Георгия Маниака. Во время триумфа по случаю одержанной победы базилевс ромеев приказал провести их по ипподрому «не в строю и не в пристойном виде, но всё на ослах, задом наперёд, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи»³⁷. Спустя столетие император Иоанн II Комнин предал этому позорному наказанию коменданта Расы Критопла, позволившего сербам разрушить вверенную его попечению крепость: базилевс повелел надеть на военачальника женский наряд, посадить на осла и в столь жалком обличье провезти по столице³⁸.

В 1572 году отцы Освящённого собора, съехавшиеся в Москву для выбора преемника митрополита Кирилла, санкционировали канонически недопустимый четвёртый брак Грозного с Анной Алексеевной Колтовской. Дабы придать своему противозаконному решению видимость легитимного вердикта, они наложили на венценосца трёхлетнюю епитимию: в первые

два года ему не позволялось приобщаться Тела и Крови Христовой даже на Пасху, а на третий год только в этот праздник он, наконец, мог быть допущен к причастию. Временное отлучение Ивана IV от церкви сопровождалось для него серьёзными ограничениями посещения храмового богослужения: в первый год он имел право присутствовать лишь на пасхальной литургии, на следующий ему надлежало молиться вместе с кающимися грешниками и оглашенными (готовящимися принять крещение) на паперти. Между тем, по каноническому праву, четвёртый брак не получает христианского благословения даже при самом суровом духовном наказании. Иван нарушил епитимию 15 августа того же года, отстояв обедню в Софийском соборе Великого Новгорода.

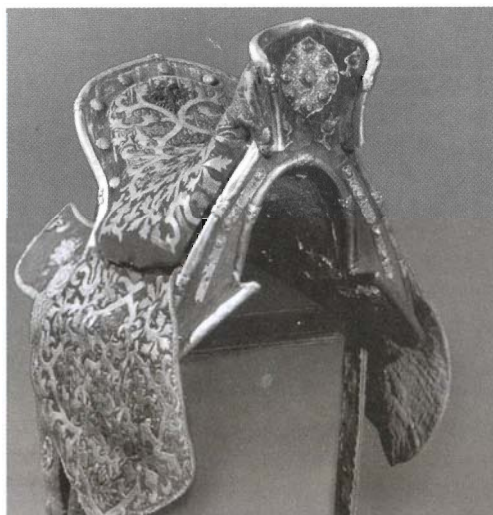
Третьего октября 1572 года, уже при митрополите Антонии, участники другого церковного «синода», исполняя волю венценосца, приговорили: «...В большие монастыри, где вотчин много, впредь вотчин не жертвовать и не записывать за монастырями; но вотчин, прежде пожертвованных на монастыри, вотчинам не выкупать. Если же будут давать вотчины малым монастырям, у которых земель мало, те вотчины записывать за монастырями только не иначе как с доклада государю и по приговору боярскому»³⁹. Уже после опричнины, в январе 1580 года отцы нового Освящённого собора позволили царю ещё больше ограничить земельные владения церкви. Следуя «духу» нормы семилетней давности, они согласились запретить властям «больших» иноческих обителей принимать в качестве пожертвований «на помин души» вотчинные земли — те с 15 января заменялись денежными вкладами. Помимо того, митрополиту, епископам и монастырям возбранялось приобретать новые земельные владения или брать их в залог (в особенности это касалось княжеских вотчин) под угрозой конфискации. Собор 1580 года подтвердил старую норму касательно поддержки бедных обителей, в согласии с которой их насельники могли стать обладателями недвижимого имущества только с ведома монарха и бояр после консультации с первоиерархом⁴⁰.

Аллегория тирании Ивана Грозного
из немецкой книги «Разговоры в царстве мёртвых». 1725 г.

Трон Ивана Грозного
из слоновой кости.
XVI в.

Бархатное седло
Ивана Грозного.
XVI в.

Евангелие —
вклад Ивана Грозного
в Благовещенский
собор Московского
Кремля в 1571 году

Опричник.
Гравировка
на поддоне подсвечника.
XVII в.

Власяница —
одежда опричников
из грубой шерсти

Стёганая ферьязь
из жёлтой тафты,
принадлежавшая
Ивану Грозному

Под чёрными
одеяниями
опричники носили
кафтаны
из персидского
бархата и других
импортных дорогих
тканей.
XVI в.

Сводчатые дворцовые подвалы предназначались для хранения оружейной, «рухлядной», постельной казны

Серебряные монеты,
найденные на территории Александровской слободы

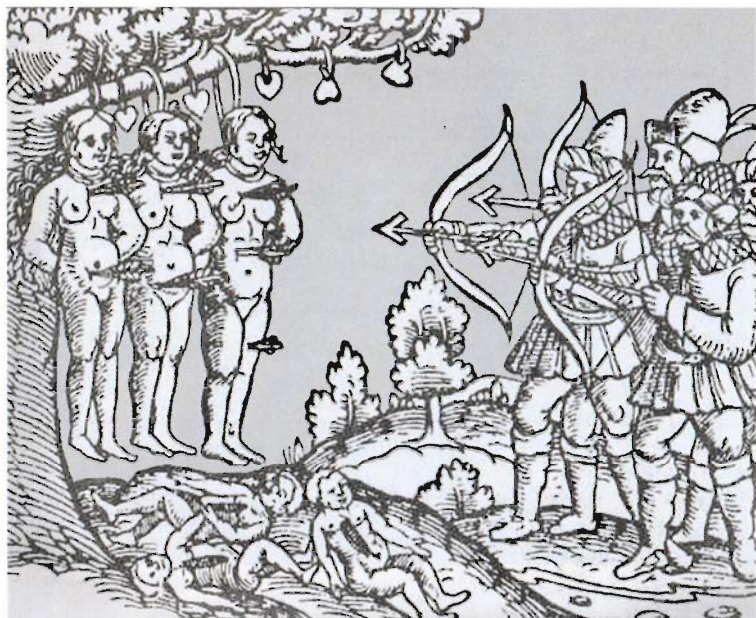

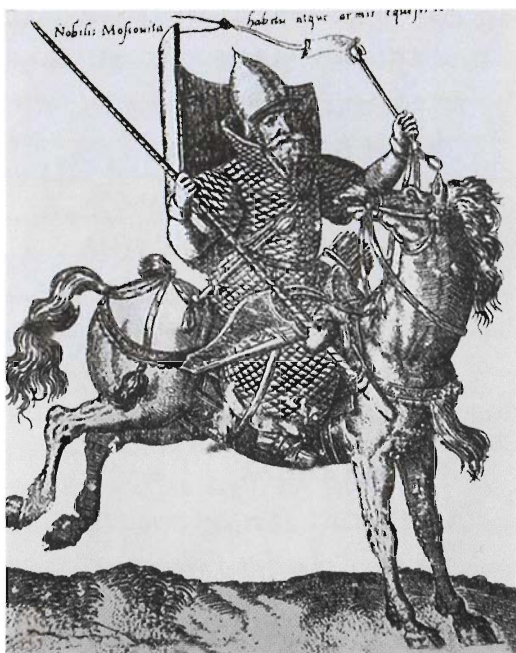
Военный доспех —
юшман.
XVI в.

Снаряжение
русского воина.
Гравюра из книги
С. Герберштейна
«Записки
о московитских
делах».
1556 г.

Зверства русского войска на вражеской территории во времена Ливонской войны. Немецкая гравюра, 1561 г.

Конный дворянин в стёганных доспехах, вооружённый луком, копьём и саблей. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах»

Цѣлѣдѣ великіи кнѣзь
 Іванъ Васильевичъ все
 русій . велѣлъ напи
 сати все на дикѣ , ка
 зарина и двѣ сыновѣ ,
 его . Алекса . Хозиа
 ина . Іванна . Ігна
 тѣя . Кнѣзь Василя
 Кнѣзь Михаила . Іно
 никитѣ . Еѡдорѣ .
 Кнѣзь Данила . Бана .
 Іванна . Кнѣзь Влади
 мера . Кнѣзь Еѡдорѣ .
 Кнѣзь Іванна . Андрѣя .

Казнь
 государственных
 преступников.
 Миниатюра Лицевого
 летописного свода

Запись в синодике
 Вознесенского
 Печерского
 монастыря
 о поминании людей,
 вписанных по указу
 Ивана Грозного.
 XVII в.

Наказание кнутом.
 Миниатюра Лицевого
 летописного свода

ИЗБИЕННЫА ВОПРИШМННУ.
 А ПОЮТЪ ПО НИ ПОМАХИ ДОУ.
 НА З. НА В ЧЕТВЕРГЪ ПО ПАЦ.
 ПОМАНИ ГИ ДШ А ОУСОПШИ
 РАБЪ СВОИ. И РАБЛИНЬ. ОУБН
 ЕННУХЪ. И КИ СЕН. И КИ ГНЬ.
 И ВСЕ ПРАВОСЛАВНЫ ХРТИАН
 МУЖЕСКА ПОЛЪ. И ЖЕНЕСКА.
 И СОУХЪ ИМЕНА И МЕПИСАНЫ.
 ПРПЕНАГО СУЦАНАШЕГО. И ГЪ
 МЕНА И ИСОНА. И КИ С А ФЕО
 ДОРА. ДИМИТРИА. ГЕОРГИ.

Запись в синодике
 Троине-Сергиева
 монастыря
 о поминании
 избивенных
 в опричину
 на панихиде в Семик.
 XVII в.

Опричники в доме
опального боярина.
А. Н. Новоскольцев

Иван Грозный
и Малюта Скуратов.
Г. С. Седов. 1870 г.

Опричники. *Н. В. Неврев. Вторая половина XIX в.*

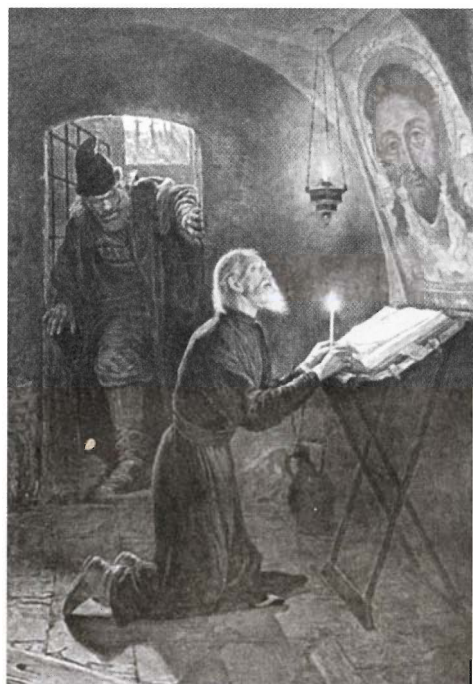
Московский застенок. *А. М. Васнецов. 1911 г.*

Последние минуты
митрополита
Филиппа.

Н. В. Неврев. 1898 г.

Смерть митрополита
Филиппа.

*А. Н. Новоскольцев.
1890 г.*

Сцена из оперы П. И. Чайковского «Опричник» в Мариинском театре.
Гравюра К. Ваеймана по рисунку Н. Негодаева. 1874 г.

Эскиз декорации А. М. Васнецова к опере «Опричник». 1911 г.

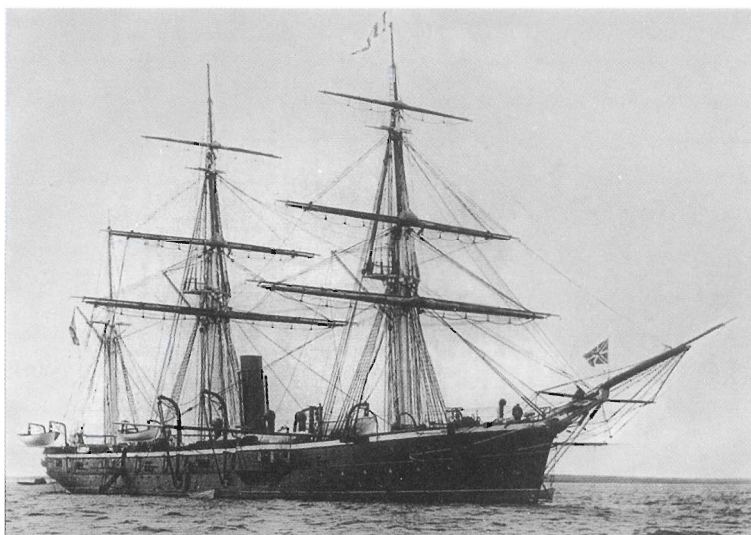

Опричник. Азбука Елизаветы Бём. 1913—1914 гг.

Клипер «Опричник»

в 1882—1907 годах входил в состав Балтийского флота

Кадр из фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». 1944 г.

Сцена из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста».
Иван Грозный обвиняет Михаила Темгрюка в отравлении Марфы

Иван Грозный в Александровской слободе. А. С. Максимов. 1905 г.

Августейший ктитор* «всёя Руси»

С первых дней учреждения опричнины, когда все-российский первоиерарх, в сущности, был оставлен в опальной земщине, оказалась нарушена традиционная иерархическая вертикаль, сложившаяся за века существования Русской митрополии. Причину такого положения следует искать в умалении авторитета епископата из-за затяжного кризиса в отношениях между царём и священноначалием во главе с митрополитами, результатом которого стало практически полное прекращение повседневных контактов светских и церковных властей по духовным проблемам. Лучше всего это видно на примере состава поминальной части Вселенского синодика Большого Успенского собора, читаемого в первое воскресенье Великого поста в Неделю Торжества православия**.

Успенский синодик представляет собой не только официальный поминальник Русской церкви, но и эталонный текст, служащий основой для аналогичных епархиальных вселенских синодиков, составляемых на местах⁴¹. Большую часть поминаний в нём приходится на списки воинов, погибших на полях сражений. Механизм составления поминальников для синодиков в Неделю Торжества православия ныне хорошо известен. Сначала в недрах бюрократического аппарата изготавливались так называемые «государские книги» с именами павших, затем они пересылались в канцеля-

* Ктитор (от *греч.* основатель, создатель) — лицо, на средства которого построен или убран (драгоценной утварью, богослужебными книгами, иконами, фресками) православный храм. В эпоху Средневековья ктитор превращался в настоящего «хозяина» церкви или монастыря, способного активно влиять едва ли не на все сферы их повседневной жизни. (*Прим. ред.*)

** Служба празднику Торжества православия была установлена в Греции в IX веке в память окончательной победы над врагами православия — иконоборцами. Она олицетворяет собой торжество церкви над всеми когда-либо существовавшими ересями и расколами; в ней утверждается не только православное учение об иконопочитании, но и все догматы и постановления семи Вселенских соборов, возносятся славословия всем живущим и усопшим «верным чадам Христовой церкви». Особое место в службе занимают чины поминовения праведников (в особенности пострадавших за веру) и анафематствования отступников и еретиков. (*Прим. ред.*)

рию первоиерарха, где на их основе создавался текст богослужебного поминания, который уже рассылался по епархиям для включения в местные синодики. При этом первое такое поминание вписывалось в список Вселенского синодика, хранящегося в ризнице кафедрального собора Московского Кремля. В царствование Ивана IV в Успенском синодике было сделано всего несколько новых записей. В основном это «памяти» служилых людей, погибших на южных рубежах государства, в первую очередь в ходе Казанского «взятия» 1552 года⁴². Отсутствие там перечней ратников, убиенных, например, в ходе боевых действий в Ливонии, можно объяснить не какими-то сомнениями монарха в необходимости их богослужебного поминовения, а нарушением привычных деловых связей между канцеляриями царя и первоиерарха: аппарат митрополии более не являлся для венценосца и его правительства необходимой инстанцией для разрешения возникающих в духовной сфере проблем.

В случае нужды монарх предпочитал «советоваться» не с главой Русской митрополии, а с духовником или старшей братией Троице-Сергиева монастыря — своими давними «ласкателями» и конфидентами Варсонофием Якимовым и особенно благовещенским протопопом Евстафием Головкиным и старцем Феодосием Вяткой, имевшими в церковной среде дурную славу. За «духовные вины» первый из них даже подвергся наказанию от митрополита Филиппа, запретившего ему священнодействовать. Проявляя преступную снисходительность к личным грехам венценосца, они не только всецело поддерживали и оправдывали его репрессивную политику, но и принимали деятельное участие в её проведении. Так, и протопоп Евстафий, и Феодосий, ставший к тому времени настоятелем Спасо-Андрониковой обители в Москве, активно помогали Ивану IV расправиться со святителем Филиппом. Евстафий приложил немало усилий к тому, чтобы опорочить главу церкви в глазах своего августейшего духовного сына, а Феодосий Вятка вошёл в состав опричной следственной комиссии, направленной на Соловки, дабы собрать материал для церковного суда над митрополитом.

Подобная ситуация, разумеется, не могла не повлиять на поведение паствы и клира. Всё чаще настоятели обителей и в ещё большей степени причт храмов, сохранившихся за счет руги* из казны, полагали полезным вступать во взаимоотношения с новой «дворовой» администрацией из Александровской слободы, вне зависимости от принадлежности к земщине или опричнине. В связи с этим весьма показательным поведением архимандрита и старцев «земского» Кирилло-Белозерского монастыря, не только сохранивших превосходные отношения с венценосцем, но наладивших плодотворное сотрудничество с бюрократами из опричных приказов.

С учреждением особого «двора» Кирилловская обитель потеряла лишь сёла в Чарондской округе на берегу озера Воже, «пойманные» на государя. Но уже в феврале 1568 года архимандрит Кирилл использовал свои связи в опричнине, дабы ускорить выдачу из земского Поместного приказа жалованной грамоты на земельные угодья, полученные взамен отобранных в Чаронде. Когда же монастырь стал владельцем обширных территорий в опричном Поморье, настоятель без труда получил грамоту из «дворовой» чети, что находилась в ведении опричного казначея. Наконец, в 1577 году власти обители выхлопотали в том же ведомстве специальную тарханную грамоту** на вотчины, располагавшиеся в «дворовых» городах и уездах. В столь благоприятных условиях белозерским монахам, обитавшим в стенах одного из любимейших царских «богомольй», не имело смысла заботиться об изменении его «земского» статуса и переводе в опричнину. Но от того времени сохранились и иные примеры.

В начале 1569 года старшая братия и насельники столичной Успенской Симоновой обители перешли «со

* Руга — согласно словарю В. И. Даля, «церковная земля и угодья, отведённые на содержание всего причта; годичное содержание попу и причту от прихода, деньгами, хлебом и припасами, по уговору или по положенью». Возможно, термин происходит от слова *ружить* — «вооружать», «снабжать». (*Прим. ред.*)

** Тарханная (несудимая) грамота — правовой акт, освобождавший от основных государственных налогов и дававший право её обладателю находиться под исключительной царской юрисдикцией.

всею вотчиною» в опричнину. Причём, принимая такое решение, они явно руководствовались не одними лишь сиюминутными прагматическими соображениями: со времени своего первоначальника Фёдора, племянника Сергия Радонежского, в роли основных ктиторов Симонова монастыря выступали именно московские великие князья. «Дворовыми государевыми богомольцами» также стали иноки Свято-Троицкой Стефановой Махрищской и ярославской Спасской обителей⁴³.

Точное количество монастырей, находившихся в ведении опричных администраторов, ныне неизвестно, к тому же «земский» статус обители отнюдь не являлся препятствием для установления её руководством добрых и даже доверительных отношений с царём. Так, уже упоминалось, что едва ли не самыми близкими советниками и «потаковниками» Ивана Грозного среди клириков по праву считались соборные старцы Троице-Сергиева монастыря, формально принадлежавшего к земщине.

Однако всё вышесказанное отнюдь не означает, что после учреждения в стране опричнины епархиальные архиереи совсем утратили власть над подначальным им духовенством. Усилилось лишь влияние самого государя как главного ктитора — и на экономический быт, и даже на церковную практику монашеских корпораций и причта «ружных» соборов и приходских храмов. Об истинном масштабе этого влияния можно только догадываться, но даже известные на сегодня весьма обрывочные свидетельства исторических источников позволяют делать самые смелые предположения. Как показала история рассылки по иноческим обителям и кафедральным соборам уездных городов списков «государских книг» с именами опальных, сопровождавшейся к тому же щедрыми денежными и материальными вкладами, венценосец провёл эту, во многом знаковую, акцию, полностью игнорируя епископов. Точно так же без каких-либо консультаций со священноначалием Иван Васильевич совершал труды по укреплению дисциплины насельников российских монастырей, равно как и попытки организовать их повседневную жизнь

на началах общежития*. При этом и сами монастырские власти охотнее разрешали с царём, а не с архиереем возникавшие в духовной сфере затруднения.

Знаменитое послание насельникам Кирилло-Белозерской обители 1573 года Грозный написал в ответ на грамотку архимандрита Козьмы, в которой тот в очередной раз жаловался монарху на своеволие родовитых постриженников, игнорировавших суровые предписания общежительного устава. Иронически сетуя в начале текста на собственное «окаянство», будто бы не позволяющее ему критиковать чернецов, он затем весьма жёстко порицал монастырские власти за то, что в результате их попустительства «чюдотворцово предание» (первого игумена Кирилла. — *И. К., А. Б.*) оказалось в обители «преобидимо» и поругано. Вердикт государя был нелицеприятен и горек: «А бояре, к вам пришед, свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглися — вы у них постриглися; не вы им учителя и законоположители — они вам учителя и законоположители».

Впрочем, слова увещевания Грозный подкреплял практическими распоряжениями. Так, он оставил в монастыре бывшего боярина и воеводу, монаха Иоасафа Хабарова, пожелавшего перейти в другую обитель. А его сопостника, черноризца Варлаама Собакина, царь, напротив, вызвал в Москву и обратно не вернул, о чём известил настоятеля: «...видя его сотониньское разжение любострастное, по его неистовому любострастию, в

* В общежительном монастыре (киновии) монахи не могут иметь личного имущества, получая содержание из принадлежащей обители коллективной собственности. Помимо участия в совместном богослужении, все без исключения насельники обязаны принимать пищу в специально отведённом для этого помещении — трапезной, довольствуясь одинаковыми для всех блюдами. Киновийный уклад отличается особенно суровой дисциплиной. Другой формой организации обители является особножительный монастырь (идиоритма), где иноки по собственному разумению организуют свой келейный быт, ограничивая удовлетворение своих потребностей лишь размером личных средств. Братия такой обители собирается вместе только в храме во время отправления церковных служб. На Руси преобразование идиоритмы в киновию почти всегда происходило крайне болезненно, принимая иногда форму открытого сопротивления насельников новым порядкам.

любоострастное житие отпустили жити. <...> А к вам есмя его не послали, воистину, потому: не хотя себя кручинити, а вас волновати. А ему добре хотелось к вам»⁴⁴. Насаждением правильного киновийного уклада Иван IV занимался и в иных обителях Русской митрополии. Например, получив от старца брянского Успенского Свенского монастыря Иова Комынина⁴⁵ челобитную, он не только пожаловал «милостыню и ругу годовую, и грамматы тарханняя на утверждение монастырю», но и «общее житие повеле... устроить»⁴⁶. Столь бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь иноческой обители мог себе позволить, помимо правящего архипастыря, лишь ктитор. Именно всевластным ктитором-вотчинником, вольным наказывать или миловать зависимое от него духовенство, представляется «грозный царь Иван Васильевич», когда заходит речь о его взаимоотношениях с клириками Русской митрополии в эпоху опричнины.

Подобное поведение было вполне типичным для восточного христианского мира. В Греции, например, ктитор-«владелец монастыря» мог превратить обитель в виноградную плантацию, а её насельников — в виноградарей поневоле. На Руси митрополит Алексей (1292(?)—1378), пользуясь ктиторовской властью, радикально изменил жизнь подначальных ему обителей. Весной 1377 года святитель провел навязанную Константинополем общежительную реформу в тех монастырях, где он был ктитором-учредителем, способным провести любые изменения повседневного богослужбного и, самое важное, дисциплинарного уклада обителей, не принимая в расчёт недовольство иноков⁴⁷. О всемогуществе ктитора свидетельствует и история ослепления московского великого князя Василия II*.

* Дядя Василия Васильевича, князь Галицкий и Звенигородский Юрий Дмитриевич, рассчитывавший после смерти брата занять престол Владимирско-Московского великого княжества, имел все основания быть недовольным изменением порядка престолонаследования. Если раньше власть переходила к старшему в семье мужчине, которым в данном случае был брат скончавшегося правителя, то теперь наследником стал сын покойного. Полагая такую «новину», по меньшей мере, несправедливой, Юрий готовился к борьбе за великое княжение и поэтому пристально следил за тем, чтобы никто из обиженных его венценосным племянником не остался без поддержки

Ивану IV не пришлось использовать ктиторскую власть для расправы над близкими родственниками, однако с её помощью он проводил ту церковную политику, которую полагал единственно правильной, насколько не интересуясь при этом мнением митрополита и епархиальных иерархов.

Церковный карнавал в Александровской слободе

По свидетельству немецких наёмников из Ливонии И. Таубе и Э. Крузе, в Александровской слободе, своей новой столице, Грозный учредил из пятисот дворян нечто вроде монашеского братства. Сам он являлся в нём «игуменом», опричного оружничего князя А. И. Вяземского, ведавшего дворцовым Бронным приказом, назначил «келарем», а Малюту Скуратова — пономарём. Жизнь опричной «иноческой» общины регламентировалась особым уставом, составленным августейшим «настоятелем». В согласии с ним ежедневно «братчики» собирались на совместные богослужения и трапезу: во время обильного застолья монарх читал им вслух душеполезные произведения из

из Галича и Звенигорода. Так, заметив взаимное отчуждение между митрополитом Киприаном и Василием Дмитриевичем, с одной стороны, и властями Троице-Сергиева монастыря — с другой, он немедленно проявил участие в делах обители. Тот факт, что этот едва ли не самый известный и авторитетный монастырь Северо-Восточной Руси находился на территории Серпуховско-Боровского удельного княжества, только стимулировал интерес к нему Юрия Галицкого. Около 1398 года Юрий пригласил одного из любимых учеников Сергия Радонежского, Савву, дабы тот стал духовником княжеской семьи, а также основал под августейшим патронатом монастырь в местности Сторожи под Звенигородом. Более того, когда сожжённая в 1408 году войсками татарского эмира Едигея Троицкая обитель лежала в руинах, именно галицко-звенигородский князь помог тамошним инокам восстановить её, без какой-либо финансовой помощи со стороны Василия I. Юрий превратился в частого паломника и самого щедрого ктитора Троице-Сергиева монастыря, о чем его насельники не забыли в годы разразившейся вскоре феодальной войны (1425—1453). В феврале 1446 года власти обители не препятствовали захвату и выдаче князю Ивану Андреевичу Можайскому, союзнику их благодетелей из Галицкого дома, московского великого князя Василия II, столь неосмотрительно забывшего о том, кто был истинным ктитором Троицы.

Пролога, популярнейшего древнерусского сборника уставного чтения*.

Дворяне из ближнего окружения Ивана IV, упоминаемых Таубе и Крузе, безусловно, не только принадлежали к элите опричного корпуса, но и образовывали привилегированную верхнюю прослойку нового «государева двора» в слободе. Любопытно, что примерно такое же количество служилых людей «по отчеству» (до московских дворян включительно) образовывало активную «половину» царского «двора» при Михаиле Фёдоровиче Романове. Однако если в первой трети XVII века дворовые «половины» в Москве сменяли друг друга через полгода, то несколько сотен «кромешников» находились при Грозном постоянно.

Они носили грубые одеяния, напомилавшие немцам-опричникам монашеские, а в руках у них были «длинные чёрные монашеские посохи». Правда, из-под убогих рубищ выглядывали полы шитых золотом кафтанов на дорогом меху, и посохи имели заточенные наконечники, превращавшие их в грозное оружие, да и головы царских «черноризцев» покрывали не иноческие клобуки, а изящные шапочки-тафьи. По-видимому, именно они использовали запоминающиеся аксессуары — мётлы и отрубленные собачьи головы.

В действительности же наряд членов «опричного братства» больше подходил к гардеробу светского служилого человека, нежели монаха. Средневековый русский чернец одевался иначе: поверх белой фланелевой рубахи он надевал мантию, подпоясанную кожаным поясом, а затем уже рясу с широким воротом и длинными рукавами⁴⁸. Велика вероятность того, что инозем-

* Пролог — житийный сборник, появившийся на Руси в самом начале принятия христианства и ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов, имеет календарный характер: жития святых расположены в нём в соответствии с днями их церковной памяти. Пролог был переведён как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством назидательных рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию. Уставное чтение — сборники произведений нравоучительного характера, предназначавшиеся для коллективного и индивидуального чтения в положенное церковным уставом время и по определённом им порядку в дополнение к служебным книгам и устной проповеди. (Прим. ред.)

ные мемуаристы вполне могли принять за иноческий наряд обычный охабень или даже однорядку, отнеся их к одежде клириков из-за «церковного» чёрного цвета.

Однако, с другой стороны, использование номенклатуры иноческих должностей для обозначения начальствующих особ и неперемное для членов «опричного братства» участие в совместном богослужении — равно как и их общая трапеза с чтением вслух назидательных текстов и, наконец, использование «монашеских» посохов — позволяют говорить об учреждении своеобразной псевдомонастырской общины в стенах царского дворца. Некоторые историки выдвинули экстравагантную гипотезу об организации Грозным своего опричного двора наподобие монашеской корпорации. При этом одни полагали, что создавалась она по образцу католических «охранных» орденов — доминиканцев (И. И. Полосин) или иезуитов (А. Л. Дворкин). Другие видели в ней оригинальный вариант традиционной православной киновии (Б. Н. Флоря). Третьи, напротив, отмечали откровенно карнавально-шутовской характер опричной «обители» (А. М. Панченко, Б. А. Успенский).

Думается, царь Иван Васильевич, как и многие его подданные, считал идеалом благочестивого поведения иноческое делание. Именно поэтому в послании братии Кирилло-Белозерского монастыря он прямо признаётся: «И мне мнится, окаянному, яко исполу (наполовину. — *И. К., А. Б.*) есмь чернец...» Соответственно его идея организации мирской повседневной жизни «помонастырски» не кажется странной. Кроме того, учреждая александровское «братство», Грозный пытался разрешить сразу несколько проблем.

Мысли о возможной «измене» служилого сословия, связанного тесными узами патроната с представителями некогда владетельных домов (княжатами) и нетитулованным боярством, по-видимому, постоянно преследовали венценосца. В результате он начал терять доверие к «избранной тысяче» «лучших слуг», набранных в 1550 году из числа прежних «дворовых» и некоторой части «городовых» (провинциальных) «детей боярских». Неудивительны поэтому в годы опричнины случаи тотального избиения целых городских корпо-

раций, заподозренных в поддержке опальных патронов-княжат или аристократов. Так, летом 1568 года, после казни боярина И. П. Фёдорова-Челяднина, его участи подверглись большинство дворян из Бежецкого Верха, заподозренных в симпатиях к влиятельному вельможе. Тем же летом печальную судьбу удельного князя Владимира Андреевича Старицкого разделили его подданные из числа служилых землевладельцев⁴⁹.

Неудовлетворенность Грозного результатами «тысячной» реформы в известном смысле подвигла его сформировать новую «избранную тысячу» — опричников. Царь предполагал вновь произвести «перебор людишек и земель», преследуя примерно те же цели, что и в 1550 году. Немного изменилась лишь географическая привязка территорий, предназначенных для помещения новых «тысячников». Однако теперь Иван IV прибегнул к весьма нетривиальному способу консолидации элиты нового «двора» вокруг собственной особы: в квазицерковной организации, основанной на принципе личной преданности царственному «игумену».

Между тем приходится признать, что Грозный, несмотря на использование номенклатуры иноческих должностей в новоучрежденном «братстве», намеревался создать нечто большее, чем подобие общежительного монастыря. Упоминаемые Таубе и Крузе «длинные чёрные монашеские посохи» были, скорее всего, жезлами-патериссами*, символизирующими духовную власть пастыря. Ими не могли пользоваться простые чернецы, но только архипастыри или настоятели монастырей⁵⁰. Таким образом, наличие у августейшего «игумена» и подначальных ему «иноков» посохов, подобных жезлам-патериссам, неминуемо превращало мнимую общину черноризцев в карикатуру на Освящённый собор.

* Патерисса (от *греч.* «патер» — отец) — архиерейский жезл, символ управления паствой, увенчанный крестом и рукоятью в виде поперечной, несколько изогнутой перекладины, иногда имеющей форму змеиных голов, что знаменует мудрость пастырской власти. К нему обычно привешивается златошвейный плат-сулок для оборачивания рукояти. Архиерей совершает с посохом входы и выходы, а в остальное время его держит служка (жезлоносец, или посошник), не опираясь на него и не касаясь земли. Посохи без змеевидной перекладины и сулка даются архимандритам и игуменам как знак их власти над обителью. (*Прим. ред.*)

Столь злая карнавалльно-шутовская насмешка над важнейшим институтом церковного управления в полной мере отражала те чувства, которые Грозный питал к священноначалию всероссийской митрополии. Притом необходимо подчеркнуть, что типологическое сближение «опричного братства» в Александровской слободе исключительно с монашеской обителью или, наоборот, с Освящённым собором вряд ли продуктивно. «Детище» Ивана IV, обладая поразительной способностью к семантической трансформации, в сущности, не было аналогом ни того ни другого*.

В России, помимо Грозного, открыто глумиться над церковными институтами позволял себе лишь царь Пётр I, выбрав в качестве мишени Освящённый собор при московском патриархе Адриане и самого первоиерарха. Выше уже говорилось об открытой нелюбви

* Подобные выходки, задевающие епископат, позволяли себе и иные православные монархи эпохи Средневековья и раннего Нового времени. По свидетельству Жития Стефана Нового, описывающего события второй трети VIII века, византийский базилевс Константин V Копроним нарёк некоего чернеца-расстригу «папой веселия», сделав его участником «гнусных процессов». Спустя столетие ещё дальше зашёл император Михаил III Травл: вступив в конфликт с константинопольским патриархом Игнатием, он произвёл одного из своих приближённых, мима с весьма красноречивым прозвищем Грил — Свиныя, в шутовского лжепатриарха. Затем базилевс, выбрав из числа товарищей Грила по ремеслу 11 «митрополитов», объявил себя двенадцатым архиереем с титулом «архиепископа Колоннии». Как видим, Михаил Травл не останавливался даже перед откровенным кощунством, если не богохульством, сотворив карикатуру не только на патриарший «синод», но и на Христа с Его двенадцатью учениками-апостолами. Поведя настоящую войну против Игнатия, он, казалось бы, пытался бороться с самой церковью. Так, в компании мимов-«епископов» во главе с лжепатриархом император участвовал в попытках сорвать богослужение в храме, для чего подстрекал своих клеветов теревить струны кифар, чтобы какофония их звуков заглушила возгласы священнослужителей и пение хора. С ещё большим пылом Михаил занялся устройством шутовских крестных ходов, в ходе которых и сам он, и его приспешники, играя на музыкальных инструментах, кощунственно выкрикивали «похабные слова», перемежаемые грубыми выпадами по адресу предстоятеля и клириков Вселенского патриархата. Печальным апофеозом выходок базилевса стало его участие в пародии на таинство евхаристии. На этот раз император и его неразлучные спутники-мимы наполнили украшенные драгоценными камнями и жемчугом золотые и серебряные потиры (чаши для Святых Даров) горчицей и перцем «и с громким хохотом, срамными словами и отвратительным мерзким кривлянием передавали» те сосуды «себе подобным».

молодого Петра к преемнику патриарха Иоакима, повинного, по мнению венценосца, в поддержке сил, враждебных его курсу на преобразование государства и общества. Особенное раздражение монарха, естественно, вызывало заступничество Адриана за мятежных стрельцов, отчего глава церкви даже был принародно обвинён в прямом пособничестве «ворам». В условиях, когда конфликт между царём и первосвятителем приобрёл форму затяжного противостояния без надежды на примирение, появился Всешутейший и всепьянейший собор во главе с «патриархом Московским, Кокуйским и всея Яузы*» — «князь-папой» Никитой Зотовым. Он «начальствовал» над двенадцатью (!) кардиналами и множеством «епископов», «архимандритов» и других «духовных» особ, среди которых были даже дамы — «матери-архиерейши» и «игуменьи». Сам инициатор этой затеи удовольствовался скромной ролью «протодьякона». Нормы повседневного поведения соборян были прописаны в специальном регламенте, сочинённом царём. Основной их обязанностью было каждодневно напиваться. Пьянство сопровождалось забавами, нередко сомнительными с точки зрения морали. Так, если нарочито кощунственные выходки участников Всешутейшего собора на Святках в полной мере соответствовали поведенческой норме, то их «покаянная» процессия в виде санного поезда, запряжённого свиньями, медведями и козлами, в первую неделю Великого поста, время особого аскетического настроения и усердной молитвы, выглядела как откровенное глумление над чувствами верующих. На Масленице 1699 года соборяне правили «архиерейскую» службу Бахусу, явно метя в патриарха Адриана. Вместо дикирия и трикирия** «князь-папа» «осенял» коленопреклонённых «молящихся» скрещёнными чубуками курительных трубок, не прекращая при этом жадно пить вино. Затем «владыка», не расставаясь с посохом, изображавшим патериссу, пустился в пляс⁵¹.

* В Москве в местности Кокуй на берегу речки Яузы располагалась Немецкая слобода, в которой жили иностранцы, состоявшие на русской службе.

** Дикирий и трикирий — особые подсвечники, соответственно с двумя и тремя свечами, принадлежность архиерейского богослужения.

Известный отечественный византист Я. Н. Любарский подметил у трёх монархов, учреждавших псевдоцерковные организации, не только склонность к кощунству или откровенному богохульству, но и сходство человеческих судеб и даже черт характеров. Действительно, в детские годы и Михаил Травл, и Иван Грозный, и Пётр I потеряли одного или обоих родителей. В отрочестве, получив в руки номинальную верховную власть, они постоянно испытывали унижение, вынужденные терпеть грубый диктат соперничавших между собой придворных группировок. Наконец, в ещё нежные годы все они стали свидетелями кровавых и драматичных событий, разыгравшихся вокруг них. Последний опыт, добавим, оказал самое негативное воздействие на их психику, закрепив в сознании убеждённость в эффективности террора для устранения политических противоречий. При этом все они были людьми по природе властолюбивыми, жестокими, эксцентричными, имели весьма переменчивый нрав, к тому же были подвержены пороку пьянства⁵². Между тем необходимо особо подчеркнуть, что в момент создания квазицерковных образований и Травл, и Грозный, и Пётр I находились в конфликте с местным священноначалием.

Однако в отличие от соборян базилевса Михаила III и царя Петра, духовная практика членов «опричного братства» Ивана IV не содержала даже намёка на богохульство, хотя, справедливости ради, следует не только признать её полное несоответствие идеалам православного благочестия, но и по праву назвать кощунственной.

Сколько-нибудь подробных свидетельств о повседневной церковной жизни опричников доньше не сохранилось. Таубе и Крузе описали круг суточного богослужения, принятый среди ближайших сподвижников «тирана Васильевича». Основная же масса царёвых «кромешников», десятками переводимых в опричнину из земщины, ни менталитетом, ни, тем паче, духовными устремлениями не отличалась от своих боевых товарищей, сохранивших прежний статус. Поэтому религиозные будни подавляющего большинства «дворовых» служилых людей и их коллег-земцев, по-видимому, полностью совпадали.

Синодики опальных

Среди церковных начинаний Грозного, так или иначе связанных с опричниной, особое место занимает государственная кампания по богослужебному поминовению нескольких тысяч православных христиан, казнённых в годы «большого террора». Несмотря на то, что она проводилась уже после формальной ликвидации «государева дворового удела», её предмет и, главное, механизм проведения в жизнь теснейшим образом были связаны с предшествующей эпохой.

Регулярное церковное поминовение жертв опричнины началось в 1583 году, после введения в богослужебный обиход монашеских обителей Московской митрополии так называемого Синодика опальных. Инициатором учреждения повсеместного «вечного» поминовения жертв опричного террора выступил сам царь, который таким нетривиальным способом объявил о христианском «примирении» со своими подданными, истреблёнными в годы массовых репрессий⁵³. Для этого по его распоряжению в 1582—1583 годах дьяки и подьячие, вероятно, Панихидного приказа — ведомства, специально образованного для организации в масштабе страны официальных поминальных акций, — изготовили «государские книги» с именами замученных в опале жителей Московии, в некоторых случаях снабдив эти перечни кратким описанием обстоятельств их насильственной гибели⁵⁴. По мнению исследователей, столь необычный исторический источник появился в результате изучения приказными дельцами подлинных «судных списков» громких политических процессов второй половины 1560-х — середины 1570-х годов, хранившихся дотоле в Царском архиве, а также в собраниях документальных материалов Посольского и Разрядного приказов⁵⁵. «Государские книги», созданные в недрах правительственного аппарата, представляют собой абсолютно светский документ как по месту возникновения, так и по содержанию.

Эти «книги», вместе с указом Ивана IV об обязательном поминовении за богослужением убиенных в опричнину единоверцев и щедрыми вкладами по их

душам, рассылались по монастырям России, где книжники-черноризцы перерабатывали полученные росписи казнённых в хорошо известные ныне местные Синодики опальных⁵⁶. К примеру, поминальный вклад по опальным (90 рублей) получили даже чернецы такого крохотного и малозначительного монастырька, как Успенская Шаровкина пустынь на реке Жиздре. Не исключено, что и туда были отправлены из столичной канцелярии «государские книги» с именами казнённых и только случай не сохранил до нашего времени таковой Синодик опальных.

Как отмечалось ранее, настоятели и старшая братия иноческих обителей получали списки «государских книг» и материальные пожертвования, минуя канцелярии всероссийского митрополита и епархиальных архиереев, непосредственно из рук светских бюрократов, служивших, вероятно, в Панихидном приказе или даже в царской канцелярии. Именно этим объясняется шокирующее несовпадение текстов Синодиков опальных 1583 года между собой, которое может указывать на абсолютно произвольное редактирование на местах, по всей видимости, единственного варианта перечня жертв опричного террора из-за его очевидной непригодности для богослужебного поминания. Дело в том, что составители «государских книг» записали в них не только многих казнённых соотечественников под их мирскими, а не крестильными именами, но и «баб»-ведуний, и западных христиан, и мусульман. Если поминовение последних на храмовом богослужении оказывалось недопустимым по догматическим причинам, то поминовение православных христиан по мирским именам было изначально лишено всякого практического смысла. Как известно, имянаречение новорождённого на восьмой день являет собой «знак посвящения его Богу и будущих обязанностей к Нему и к церкви»⁵⁷, а мирское имя или прозвище не имеет ни малейшего отношения ни к Господу, ни к церкви. Перечисление крестильных имён во время прошения Христа об упокоении душ усопших оказывается ещё и прикровенной молитвой, обращённой к небесным покровителям поминаемых, дабы те вместе с церковным народом хода-

тайствовали за них перед престолом Предвечного Сына. Однако было бы затруднительно рассчитывать на помощь святых Третьяку, Первому, Неудаче, Дружине, Суете, Нечаю, Плохому, Басурману, Неклюду и т. п. Богослужебная практика в таких случаях предусматривает весьма простой и эффективный выход — вместо неудобопроизносимого имени употребляется замещающая его формула: «...Имя его Ты, Господи, веси»⁵⁸. В известных же ныне поминальных перечнях XVI—XVII веков православные христиане, павшие в сражениях от рук неприятеля, иногда записывались под своими мирскими, а не крестильными именами*.

Параллель между Синодиком опальных и поминальниками павших «на бранех» из Вселенского синодика уместна по нескольким причинам. Во-первых, между обоими памятниками не только существует тесная генеалогическая связь (типологически Поминальник 1583 года представляет собой разновидность воинского синодика, читаемого в Первую Неделю Великого поста); во-вторых, одинаков механизм их создания: сначала появляется «государская книга», а затем — собственно текст синодика.

Для России эпохи позднего Средневековья характерно отношение к убитым на войне православным христианам как к «заложным» мертвецам.

Это выразилось как в специфических погребальных практиках (захоронение в курганах или скудельницах**), так и в особенностях организации богослужеб-

* Например, во Вселенском синодике кремлёвского Успенского собора XVII века таким образом оказался записан 61 человек, а в выборке из подобного памятника, названной Синодиком по убиенным во бранех (около 1661/62 года), — уже 126. Впрочем, известны и противоположные примеры. В Мазуринском списке Синодика в Неделю Торжества православия Успенского собора конца XV века все павшие воины были записаны исключительно под крестильными именами (иногда, правда, в уменьшительной форме). Так же поступили и организаторы повсеместного церковного поминовения служилых людей «по отчеству», убиенных во время псковского мятежа 1650 года.

** Скудельница (гниоше, божедом, буевище, убогий дом) — погребение, расположенное за оградой православного погоста, «в поле», «на пустом месте»; зачастую место выбиралось в заболоченных низинах, наподобие знаменитого Скудельничего поля у городских стен Великого Новгорода. Название, возможно, происходит либо от слова «скудость», либо от слова «скидель» — глиняная по-

ного поминовения. Принято считать, что поминание павших воинов происходило на панихидах в Дмитриевскую родительскую субботу, учреждение которой поздняя церковная традиция приписывает инициативе великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Именно таким образом он будто бы почтил память единоверцев, погибших на Куликовом поле⁵⁹. Однако литургическая практика XVII столетия позволяет существенно расширить круг тех, по кому в действительности творились поминальные молитвы в этот день. Например, насельники костромского Богоявленского монастыря вспоминали тогда за богослужением православных соотечественников, скончавшихся от «морového поветрия»⁶⁰. Думается, Дмитриевская родительская суббота, наряду с мясопустной неделей*, предназначалась для поминовения не только погибших ратоборцев, но всех умерших неестественной (в том числе насильственной) смертью.

Необходимо отметить не совсем корректный заголовок реконструкции перечня жертв террора, осуществлённой покойным Р. Г. Скрынниковым: «Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 года)». На деле видный исследователь создал реконструкцию «государской книги», а не Синодика опальных, поскольку никакого общего или сводного текста последнего просто не существовало в природе. Текст же «государской книги» не подлежал радикальной ревизии или адаптации на местах. Присланный перечень умерщвлённых подданных подкреплялся не только вкладом, но и царским указом о повсеместном их поминовении. В результате возникали ситуации, подобные той, в которую попал автор синодика 1583 года вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря: он был вынужден включить в поминание, например, «Янтоугана Бахмета», однако тут же на

суда; первоначально им обозначали глинистое место, непригодное для пашни, откуда брали сырьё для изготовления гончарных изделий. После истощения слоя глины яму использовали для погребения странников, нищих, инородцев и умерших в эпидемиях.

* Мясопустная неделя — здесь: предпоследнее воскресенье перед Великим постом, в которое по уставу заканчивается употребление в пищу мяса. Этот день посвящён напоминанию о Страшном суде. (*Прим. ред.*)

полях рукописи выразил сомнение в его воцерковлённости⁶¹. Во время богослужения в иноческих обителях и соборах все «сомнительные» имена казнённых либо опускались вовсе, либо поминались по вышеуказанной формуле «имя его Ты, Господи, веси».

Мысль об организации повсеместного «вечного» поминовения своих подданных, уничтоженных в годы опричного террора, впервые посетила Ивана Грозного после нечаянного убийства собственного сына и престолонаследника Ивана Ивановича 19 ноября 1581 года. Его нелепая гибель повергла самодержца в ужас и отчаяние: отныне будущее Российской державы и судьба правящей династии зависели от физически слабого августейшего «престеца» Фёдора Ивановича, по общему убеждению, неспособного ни самостоятельно управлять государством, ни иметь здоровое потомство⁶². После кончины Ивана Ивановича его отец «каждую ночь... под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны»⁶³. Бесславное для русского оружия завершение в 1582—1583 годах многолетней и кровопролитной Ливонской войны могло лишь закрепить в массовом сознании ощущение надвигающейся на молодое Московское царство политической и династической катастрофы, воспринимаемой как Божье наказание всех его жителей за грехи монарха и, прежде всего, за грех детоубийства.

Однако Ивана IV тревожили не одни горестные раздумья о политических перспективах созданного им царства или о грядущей судьбе династии. Не менее серьёзные опасения ему внушала посмертная участь души погибшего наследника. Дело в том, что в глазах средневекового москвитянина неестественная или насильственная кончина Ивана Ивановича в молодом возрасте выглядела «нечистой».

Вполне естественно ожидать причисления князя Ивана Ивановича, убитого собственным отцом, к опасным «заложным» покойникам. Насильственная гибель наследника отдавала его душу, наравне с душами других «заложных» покойников, под власть inferнальных сил. Опасения за посмертную участь сына явно

заставили Грозного искать пути преодоления столь мрачных последствий ноябрьской трагедии. В связи с этим поразительно точны слова шведского дипломата и писателя Пера Перссона (Петрея де Ерлезунды) о мотивах, побудивших российского венценосца устроить беспрецедентную по щедрости раздачу поминальных вкладов по скончавшемуся царевичу во все монастыри Русской митрополии, а также богатые пожертвования священноначалию и духовным корпорациям христианского Востока. По его замечанию, царь Иван, одаривая черноризцев, ожидал в ответ, «чтобы они молились, приносили жертву о душе молодого государя и спасли её из всех преисподних, чтобы злые духи не имели над нею никакой власти, а святые ангелы отнесли её в рай»⁶⁴. Именно стремление избавить любимого сына от участи, уготованной отверженным мертвецам, подвигло самодержца дополнить богатые «поминки» ещё и учреждением литургического поминовения опальных. Иван Грозный отказался от жёсткой регламентации времени и способов проведения такой богослужебной церемонии. Настоятель и соборные старцы каждого монастыря сами должны были определять, каким образом им надлежало исполнить монаршую волю, отчего в различных иноческих обителях Московской митрополии, а потом и патриархии возникли иногда резко отличавшиеся друг от друга местные традиции поминовения жертв опричнины, бережно сохраняемые насельниками ещё в начале XVIII века.

Так, власти вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря постановили поминать замученных единоверцев в полном соответствии с существовавшей тогда в Русской церкви практикой литургического чествования подвижников благочестия, прославленных в лике блаженных. По свидетельству Кормовой книги Прилуцкой обители, ежегодно 25 февраля местные черноризцы, отмечая память «князей и бояр, и дворян», и прочих «всяких людей», уничтоженных опричниками, собирались в главном храме обители «понахида пети и обедня служити собором». В тот же день для монахов устраивался «большой корм» на трапезе⁶⁵. Характер церемонии в честь замученных в опале подданных

Ивана Грозного, происходившей в монастыре близ Вологды, проясняет дата её проведения. В богослужении как студийского, так и иерусалимского строя* на 24 февраля приходится празднование Первого и Второго обретений главы Иоанна Предтечи — едва ли не самого прославленного после Богородицы христианского святого, убитого по злой прихоти светского правителя Галилеи и Переи Ирода Антипы; на следующий день, 25 февраля, отмечается попразднство этих двух памятных событий⁶⁶. Назначая по собственному разумению время поминальной церемонии, власти Спасо-Прилуцкого монастыря, очевидно, желали не только выказать сочувственное отношение к безвинным страдальцам, погибшим в опричнину, но и в значительной степени подчеркнуть «праведность» новых страстотерпцев, сближая их с сонмом почитаемых усопших или даже блаженных. Игумен и соборные старцы Спасской обители, занимая такую позицию, лишь воздавали должное тем, кто был приговорён к смерти по ложному обвинению или чьё суровое наказание разделили родственники и домочадцы, включая малых детей. Более того, получив из Москвы официальный список казнённых, они поневоле могли узнать о массовых внесудебных расправах, учинённых царскими карателями, над совершенно случайными обывателями — крестьянами и дорожными путниками, которые, не ведая за собой никакой провинности перед государем, не успевали сообщить посланным от него убийцам даже собственных имён. «Государские книги» сохранили лишь лаконичные свидетельства об этих несчастных: «Отделано Ивановых людей (боярина Фёдорова-Челяднина. — *И. К., А. Б.*) 20 человек. В Губине Углу (вотчине Фёдорова. — *И. К., А. Б.*) отделано 30 и 9 человек», «в Матвейщеве (другом владении Фёдо-

* Имеется в виду богослужение по предписаниям двух уставов (типиконов) — Студийского, составленного константинопольским патриархом Алексием Студитом, и Иерусалимского, созданного в лавре святого Саввы Освященного. На Руси Студийский устав активно использовался вплоть до первой четверти XV века, когда был вытеснен Иерусалимским; однако в некоторых отечественных иноческих обителях студийское богослужение сохранилось и после перехода на новый типикон.

рова. — *И. К., А. Б.*) отделано 84 человека, да у трех человек по руки сечено», «отделано 369 человек», «Ворошило Дементьев да 26 человек ручным усечением живот свой скончаша», «по Малютине (Скуратова. — *И. К., А. Б.*) скаске новгородцов отделил тысящу четыреста девяносто человек, ис пищали отделано 15 человек» и т. д.⁶⁷ Прилуцких монахов совсем не смущала неестественная, насильственная кончина погибших тогда людей, к тому же лишённых христианского погребения в земле, то есть им оказались абсолютно чужды народные представления о «заложных» покойниках.

Любопытно, что и один из самых злейших оппонентов Грозного, князь А. М. Курбский, прямо называл избитых в опале православных христиан «святыми мучениками». В первом послании своему бывшему сюзерену он писал: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми расторгл еси и победоносную святую кровь их во церквах Божиих пролиал еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханные от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными облыгая православных и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати?»⁶⁸

Московский самодержец прекрасно уяснил истинный смысл брошенного ему обвинения в избииении верноподданных, стяжавших от Бога за свои страдания «венцы мученические». В ответной эпистолии он не замедлил высказать высокородному беглецу свои возражения по столь принципиальному для обоих вопросу: «Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет? Апостолу вопиюще: “Аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается”; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: мучими бо суть татие и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи: такови убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не Бога ради»⁶⁹. Иначе говоря, Иван Грозный, весьма вольно перефразировав текст «Бесед на Еванге-

лие от Матфея» Иоанна Златоуста, пытался «теологически» обосновать неприемлемость даже неформального уподобления опальных как христианским мученикам, так и блаженным*.

В последние месяцы жизни Грозного, а именно с 19 января 1584 года, точно так же по чину блаженных поминали казнённых соотечественников насельники московского Богоявленского монастыря, «что за Ветошным рядом»: судя по показанию древнейшего синодика обители, на память преподобного Макария Великого Египтянина тамошние иноки должны были по ним «понахида пети и обедни служити», получая на трапезе специальный «корм»⁷⁰. Учреждение «у чюдного Богоявления» поминальной церемонии по опальным именно в этот день церковного литургического года связано, скорее всего, с датой получения монастырём вклада от монарха, находившегося во власти смертельной болезни.

Однако настоятели и старшая братия большинства русских монастырей явно отдавали предпочтение совсем иной форме богослужебного поминания жертв массовых репрессий «тирана Васильевича». Так, например, иноки Кирилло-Белозерской и московской Чудовой обителей почтили их лишённым какой бы то ни было эмоциональной и, тем более, оценочной «окраски» поминовением «на литиях и на литоргиях, и на понахидах по вся дни в церкви Божии», обыкновенно совершаемым после получения монастырём крупного ктиторского вклада на «вечный помин души»⁷¹. В настоящее время известны ставки последней четверти XVI века, установленные для «вечного» поминания усопших в Иосифо-Волоколамском монастыре: по Обиходнику 1581/82 года: за ежедневное поминовение «до скончания века» (без «корма» на трапезе) вкладчику необходимо было заплатить весьма крупную сумму — 500 рублей⁷².

* Даже спустя почти три столетия, в середине XVIII века, дискуссия по сей животрепещущей проблеме не потеряла актуальности. Российское правительство считало государственным преступником всякого, кто осмелился бы публично объявить казнённого, «якобы он был в терпении и страдании, причем следует почитать онго за святого».

Столь же нейтральной выглядела поминальная церемония и в нижегородской Вознесенской Печерской обители, братия которой служила по ним обедню и панихиду на Радуницу, или Пасху мёртвых (в понедельник или вторник Второй недели по Воскресении Христовом) — один из самых популярных «родительских» дней в годовом круге богослужения Русской церкви⁷³. Трижды в год поминали пострадавших в опале православных христиан во время трапезы чернецы валаамского Спасо-Преображенского монастыря. В заглавии местного синодика казнённых, переписанного приблизительно в 1580—1590-х годах, читаем: «Лета 7091 (1582/83) царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в свое царская богомолья на Волам сия имена убьенных и велел поминати во веки и кормы по них ставити октября в 8 день да генваря в 10 день, да июня в 12 день». В данном случае российский самодержец выступил в роли заурядного ктитора-вкладчика, обязавшего власти обители за сделанное им пожертвование устраивать специальный «корм» для насельников по заранее оговорённым датам⁷⁴. По наблюдению В. И. Буганова, аналогичное распоряжение Ивана IV, выраженное в самых общих словах «кормы по них ставити», зафиксировано в Поминальнике 1583 года Троицкого Антониево-Сийского монастыря⁷⁵. Видный современный немецкий историк Л. Штайндорф полагает, что дни поминальных трапез на Валааме были связаны с датами смерти конкретных людей, погибших в годы репрессий⁷⁶.

Сделав в последние месяцы 1583-го или самом начале 1584 года в казну Иосифо-Волоколамского монастыря огромный вклад в четыре тысячи рублей, царь заказал тамошней братии ежегодный «корм» по загубленным им подданным в мясопустную субботу — день, когда церковь поминает усопших христиан, скончавшихся «нужною» (то есть неестественною) смертью⁷⁷. Это едва ли не единственный случай, когда венценосец вмешался в процесс выбора времени поминовения опальных.

Весьма примечательным способом поминали избитых в опочину единоверцев монахи главного (с

1561 года) монастыря Московской митрополии, Троице-Сергиевой обители на Маковце. Троицкие власти, отказавшись от поминовения жертв террора на литиях и обеднях, повелели петь по ним единственную за весь год панихиду на Семик — «на 7 недели в четверг по Пасце»⁷⁸. Судя по избранию для заупокойного богослужения именно этой даты, архимандрит Иона с соборными старцами причисляли казнённых в опале православных христиан к нечистым «заложным» покойникам⁷⁹ (поминание их в Семик выполняло, очевидно, ещё и береговую функцию: по поверью марийцев, заимствованному, скорее всего, от русских, именно к середине Седьмой недели по Пасхе те начинали с особой силой вредить живым людям⁸⁰). Между тем они вполне могли в точном соответствии с церковным уставом организовать эту церемонию в субботу последней перед Масленицей мясопустной недели, когда служится специальная панихида по всем, кто «безгодную многаяжды на страстне подьяша смерть в мори же и непроходных горах, стремнинах же и пропастьех, и гладом, и запалением, и бранми, и студенми и инако всяко смерти претерпевше, равно же и убозии суще, и немощнии, и узаконеных псалмов и песней памяти не получиша» (Синаксарь в субботу мясопустную, «в ней же память творим умершим»). В другом гимнографическом тексте из того же чинопоследования вновь перечислялись умершие, отпеваемые на субботней панихиде: «...их же покры вода и брань пожат, их же обият трус, и убиша убийца, и их же огонь попали...», а также все, «иже напрасно восхищенныя, попадаемыя от молнии, и измершая мразом и всякою раною...» (Канон преподобного Феодора Студита)⁸¹, то есть все усопшие, которые воспринимались в народном сознании «заложными» покойниками.

Устраивая в Семик «поминки» по подданным Грозного, погибшим без христианского «напутствия» и погребения, троицкие власти явно стремились подчеркнуть неизменность их статуса государственных преступников даже после введения в богослужебный обиход Синодика 1583 года. Еще академик С. Б. Веселовский заметил, что в XVI столетии опальные лишались пред-

смертного покаяния и причащения Святыми Дарами, а их тела после экзекуции оставались без полноценного погребения⁸², то есть волей монарха они искусственно превращались в «заложных» мертвецов, чьи души попадали под власть демонических сил. Такая позиция настоятеля и старшей братии Троице-Сергиева монастыря, чья близость к самодержцу общеизвестна, думается, отражала истинный взгляд Ивана Грозного на опальных в момент учреждения им повсеместного богослужебного поминовения. Для царя, пытавшегося всеми средствами спасти душу своего сына от участи, уготованной «нечистым» покойникам, церковная реабилитация казнённых по его прихоти соотечественников была отнюдь не актом покаяния, а всего лишь одним из способов достижения желанной цели, наравне со щедрыми пожертвованиями духовным корпорациям.

Впрочем, в 1583-м — начале 1584 года во взгляде Ивана Грозного на опальных произошли серьёзные метаморфозы. С той поры он более не считал замученных подданных, наряду с «заложными» покойниками, достойными лишь Семикового поминания. В последний год жизни московский самодержец, по-видимому, впервые всерьёз задумался о личной загробной судьбе, а потому, писал Пер Перссон, «чувствуя себя со дня на день всё слабее и бессильнее и не забывая, что люди смертны, он посылал платье, деньги, пищу и питьё пленникам изо всех народов с просьбою молиться за него Богу»⁸³. В таком смятенном состоянии духа Иван IV действительно мог решиться на полноценную церковную реабилитацию своих жертв, хотя бы из-за очевидной и вполне понятной надежды обрести в них новых ходатаев о себе перед престолом Всевышнего.

ОПРИЧНЫЙ ТЕРРОР

*Оборвётся в доме дело всякое,
Слов неспешных не договорят,
Если чёрной сбруей мерно звякая
Пролетит по улице отряд.*

*Врассытную шурхнет детвора,
Затрясётся нищий на углу,
И купец за кипами добра,
Словно тать, притихнет на полу.*

Даниил Андреев. Гибель Грозного

Смертная казнь в эпоху опричнины: августейший судья и палачи

Для очень многих людей повседневная история опричнины сводится к череде кровавых расправ первого русского царя с подданными, имевшими несчастье вызвать его гнев. При этом бесчеловечные приёмы их умерщвления, описанные по преимуществу в воспоминаниях-памфлетах и исторических сочинениях европейских авторов последней четверти XVI — начала XVII столетия, обычно воспринимаются в массовом сознании либо как выдумка недобросовестных авторов, либо как проявление душевного расстройства «тирана Васильевича». Насколько такие суждения справедливы? Если рассматривать экзекуции времён опричнины в контексте традиционных способов расправы над государственными и иными опасными преступниками в эпоху Средневековья, то станет вполне очевидным, что данная проблема должна изучаться не столько психиатрами, сколько историками.

Отечественная система казней в позднее Средневековье имела важную особенность: способ умерщвления преступника обычно определялся судьёй, выносившим

приговор. Для периода опричнины чрезвычайное значение приобрёл царский суд, где способ лишения жизни «ослушника» всецело зависел от воли августейшего судии. В этой ситуации внесудебная расправа (наподобие иссечения человека в «пирожные мяса») могла легко приобрести ранг государственной казни, освящённой авторитетом высшей судебной инстанции державы. Судя по показаниям И. Таубе и Э. Крузе, монарх не нарушил судебской традиции, самолично устанавливая приемы умерщвления обречённых на смерть «преступников»: «Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Всё, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены»¹. Следовательно, роль палачей Иван IV уготовил своим ближайшим сподвижникам — членам квазицерковного «опричного братства». На основании же ныне хорошо известных свидетельств очевидцев о способах расправы палачей со своими жертвами можно сделать весьма важное заключение об отнюдь не случайном выборе приёмов лишения жизни государевых «ослушников». Как видно из текста Таубе и Крузе, способ казни конкретного человека выбирался экзекуторами-опричниками не по собственной прихоти, но в точном соответствии с полученными от венценосца инструкциями. В этом случае приходится признать неоспоримый факт: монарх не только был прекрасно информирован о существовании «нечистых» «заложенных» мертвецов, но и умышленно превращал в них всех своих противников через специальные приёмы убийства и особый похоронный обряд.

Именно поэтому выбор для «преступника» из числа «природных» подданных, жителей новоприсоединённых территорий или военнопленных конкретного способа и места проведения казни, равно как и погребального ритуала, учитывал прежде всего уготованную ему посмертную участь inferнального покойника. В результате наряду с такими распространённым видом

эзекуции, как «усекновение» головы, весьма часто применялись либо казни, не предполагавшие погребения останков преступников (колесование, посадение на кол и повешение), либо казни-захоронения, изначально освобождавшие палачей от необходимости предавать прах земле (сожжение в срубе, включая гибель от взрыва порохового заряда; «иссечение» заживо «в дробные части», травля собаками и медведями и, наконец, одна из самых популярных казней Средневековья — утопление в воде или болотной жиже).

Впрочем, даже если требовалось устроить погребение «преступника», то палачи выбирали для его «могилы» весьма специфические места: реку, озеро, болото или иной водоём, яму или курган «в поле», скудельницу вне пределов православного кладбища и т. п. При этом прах казнённых нередко оставлялся не преданным земле ещё довольно продолжительное время после эзекуции. Подобные «похороны» останков опальных ясно указывают на сознательное обращение с ними как с отверженными усопшими, обречёнными на вечные загробные страдания.

Массовые репрессии против земщины напоминали не столько процедуру исполнения судебного приговора, сколько расправу войска над населением вражеского города, не пожелавшего сдаться на милость победителя. Именно так выглядела, например, проведённая в декабре 1567 года «чистка» приказного аппарата в Москве. «Опричники великого князя должны были в количестве приблизительно от 10 до 20 человек разъезжать по улицам с большими топорами, имея под одеждой кольчугу. Каждая отдельная рота намечала бояр, государственных людей, князей и знатных купцов. Ни один из них не знал своей вины, ещё меньше — время своей смерти и что вообще они приговорены. И каждый шёл, ничего не зная, на работу, в суды и канцелярии. Затем банды убийц изрубали и душили их безо всякой вины на улицах, в воротах или рынке и оставляли их лежать, и ни один человек не должен был предать их земле. И все улицы, рынки и дороги были наполнены трупами, так что местные жители и чужестранцы не только пугались, но и не могли никуда пройти вследствие боль-

шого зловония», — вспоминали И. Таубе и Э. Крузе². Похожим образом вёл себя и немец-опричник Г. Штаден, отправившись в 1570 году по собственному почину со своими слугами и боевыми холопами разорять земцев. Покинув монарха в Пскове, он и его спутники (более напоминавшие разбойничью шайку) «подошли в одном месте к церкви». Люди Штадена «устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и прочие глупости. А было это неподалёку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около трёхсот человек вооружённых (явное преувеличение автора. — *И.К., А.Б.*). Эти 300 человек гнались за какими-то шестью всадниками... Те шестеро были опричники...». Покинув осквернённый храм, святотатцы бросились на выручку к товарищам по оружию. Их предводитель не без удовольствия вспоминал о перипетиях скоротечной схватки: «Одного из них (земцев. — *И.К., А.Б.*) я тотчас уложил наповал; потом прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались камни. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Спустившись во двор захваченной усадьбы, Штаден приказал своим «челядинцам»: «Забирайте что можно, но поспешайте!»³

В сознании большинства служилых людей, перешедших или переведённых в опричники, их превращение из профессиональных защитников отечества в карателей и палачей вряд ли вызвало сколько-нибудь заметные эмоции. Великий Новгород разоряли и его жителей истязали не одни только члены слободского мнимомонашеского братства, но «опришнинцы», ещё совсем недавно принадлежавшие к земским городским дворянским корпорациям. Косвенное подтверждение тому сохранилось в тексте «Послания» Таубе и Крузе: «...Вызвал великий князь к себе в Александровскую слободу всех опричников, богатых и бедных, кто только был боеспособен, и сообщил им, будто бы город Нов-

город и все епископы, монастыри и население решили предаться его королевскому величеству королю Польскому»⁴. Но далеко не так просто представлял себе эту метаморфозу, произошедшую с его приближёнными, царь Иван Васильевич.

Опричная символика

По свидетельству Таубе и Крузе, Иван Грозный повелел каждому воину-опричнику иметь в конном строю два атрибута, выделявших его из массы прочих служилых людей «по отечеству». Всем им полагалось подвесить «собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны»⁵. Им вторит Штаден: «...опричные должны были носить чёрные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке»⁶. Очевидец, наблюдавший в мае 1570 года движение государева поезда по столичным улицам, запомнил весьма колоритную деталь: на шее коня венценосца была подвешена пёсья голова из серебра, зубы которой клацали от каждого удара копыт о мостовую. Кроме того, на груди одного из опричных командиров, сопровождавшего в тот день монарха, висела свежееотрубленная голова большой английской собаки⁷. Позднее автор Пискаревского летописца описывал опричного воина: «А ходиша и ездиса в черном <царь> и все люди опришницы, а в саадацех* помяла»⁸. Толкование столь нетривиальных атрибутов снаряжения опричника, как пёсья голова и метла, предложенное иноземными наёмниками Грозного, не встретило серьёзных возражений у большинства отечественных исследователей XIX—XX столетий. Между тем подобная интерпретация скорее демонстрирует явно «функциональное» восприятие окружающей действительности самими Таубе и Крузе, нежели проясняет подлинный сакральный смысл этих предметов, придаваемый им первым русским царём и его подданными.

* В данном случае имеются в виду футляры для лука. (Прим. ред.)

Вполне обычное для протестантской ментальности рационалистическое объяснение особенностей внешнего облика царских «кромешников», данное немцами Таубе и Крузе, оставляет учёным широкие возможности для собственных гипотез на эту тему. Так, остроумную версию символического значения собачьей головы, помела и чёрного платья опричников предложила американская исследовательница П. Хант. Проанализировав письменные тексты и иконографические памятники эпохи Грозного, она пришла к выводу о том, что представления «тирана Васильевича» о харизме царского служения сформировались под весьма сильным влиянием учения христианского философа V или начала VI века Псевдодионисия Ареопагита о Премудрости Божией, в согласии с которым особа государя уподоблялась или даже прямо отождествлялась и с самим Божественным Логосом и Премудростью — Христом, и с предводителем небесного воинства — архангелом Михаилом. Средством «практической» реализации этих представлений стало юродство с его зеркально перевёрнутыми нормами поведения, добровольно принятыми на себя первым московским царём. Одним из последствий подобных изощрённых теологических построений явилось создание сложной системы символов-прообразов, связанных с опричниками, которые, по мнению исследовательницы, «как орудие “грозы” царя... были служителями архангела Михаила в священной битве»: «Во время налётов они, как и Михаил — Ангел Смерти, доставляли грешников в ад (до Страшного суда). <...> К тому же, когда опричники знакомили грешника с его грехом и показывали скрытые “советы сердечные” перед Страшным судом, они действовали как юродивые, а также как слуги архангела. Когда Иван IV снабдил их вениками, он явно сопоставлял суд с активным юродством». В данном контексте пёсьи головы, привязанные к коням опричных воинов, символизировали и собственно суд; и осквернение опальных, которые «как собаки» злословили о монархе, и, наконец, «юродское» самоосквернение царских слуг. Между тем «самоуничужение опричников выходило за рамки их отождествления с собаками или даже с “сором всего мира”: в дьявольских одеяниях

они выдавали себя за “изгоев” Божьего мира, показывая космический ритуальный смысл добровольной ссылки Ивана IV из Москвы непосредственно перед опричной». Участвуя в инфернальном маскараде, более походившем, по тонкому наблюдению исследовательницы, на «провокационное богохульство», «кромешники» демонстрировали крайнее унижение, мистически наполнявшее их сакральной архангельской силой. Поэтому, заключает Хант, «и одеяния опричников, и головы собак являлись символами противоречия, присущего юродству: принимая участие в разнузданных карнавальных “забавах” в облике, противоположном их действительной природе, они инсценировали “тайнство” “скрытой премудрости” Бога»⁹.

В Библии образ собаки двойствен. С одной стороны, она предстает нечистым животным (Мф. 7:6, 15, 26; Мр. 7:27), которое вместе с «чародеи и блудницы, и уб<и>ице, и идолослужителие» и всеми прочими, любящими и творящими «лжу», будет изгнана из рая (Откр. 22:15), а с другой — собака нередко выступает в роли орудия Божия для наказания грешников. Так, пророк Ахия Силомянин предрёк израильскому царю Иеровоаму кару за вероотступничество: «...умершаго Иеровоамова во граде изъядят пси, и умръшаго на селе изъядят птицы небесныя; сице глагола Господь Бог» (3 Цар. 14:9—11). Вновь подобную угрозу от имени Божия, но теперь уже в адрес царственных идолопоклонников Ахава и Иезавели, повторил пророк Илия Фесвитянин: «Иезавель, рече глаголет Господь, пси снедят ю в первое падение в Израили (3 Цар. 21:22—24). Наконец, пророк Иеремия возвестил о страшном наказании Богом всего еврейского народа за грех вероотступничества Манассии, царя Иудейского: «И посещу на тех четырьми образы, рече Господь: меч — на заклание и псы — на растерзание, и птица небеси и звери земли — на пожрения и расхищение» (Иер. 15:2—14).

В восточнославянском фольклоре отношение к собаке столь же неоднозначно. По широко распространённому убеждению, это животное находилось в близкой связи с нечистой силой. Так, облик чёрного пса часто принимали демоны — например, во время грозы, когда

они пытались спастись от «огненных стрел» — молний, пущенных в них Ильёй-пророком (особенно 20 июля, на память святого). Под видом чёрного пса бес предстал в келье перед преподобным Феодосием Печерским. В образе пса человеку нередко являлись чёрт, леший, водяной, русалка, колдун, ведьма, домовая, банник, рижный, кикимора, покойник и любое другое inferнальное существо. В облике живой или издохшей собаки иногда показывался людям клад-оборотень, рассыпавшийся деньгами при ударе наотмашь или указывавший на место их схрона в земле. Наконец, в пса мог быть превращён и самый обыкновенный человек, заколдованный разгневанным лешим или чародеем. Вместе с тем в восточнославянском фольклоре пёс воспринимался и как верный страж домашнего очага, способный предупредить о приближении демонических сил и даже защитить от них. Его лая, наравне с колокольным звоном, страшились не только ведуны и ведьмы, но и сам леший. Более того, собака наделялась даром предсказания будущего: существовал особый способ гадания по тому, как «выет пёс». Образ собаки встречается, например, в русских заговорных текстах «от крови», «на остуду» или «отсушку».

Восприятие пса в средневековой православной культуре весьма разнилось с полуязыческими народными представлениями. Собака фактически причислялась в ней к нечистым созданиям, недостойным, в отличие от кошки, находиться в храме; на её долю выпало лишь пожирать останки людей, лишённых христианского погребения, а также вместе с другими отверженными существами, змеями, мучить грешников в аду.

По Уставу князя Владимира Святославича «о церковных суждах», юрисдикции епископов подлежали, среди прочих, и все те лица, кто «скот или псы, или поткы (птиц. — *И. К., А. Б.*) без великы ноужи въведет, или ино что неподобно церкви подеет»¹⁰. И донине храм, куда случайно забежит собака, должен быть закрыт до повторного совершения в нём чина «малого освящения», специально составленного для такого случая¹¹.

Современный отечественный историк культуры А. Л. Юрганов считает отрубленную собачью голову в

снаряжении опричных слуг Ивана IV зримым подтверждением своей весьма экстравагантной концепции, по которой первый российский царь символически уподоблял своих «ближних слуг» одному из апокалиптических народов — «псоглавцам» или «пёсьим головам». При этом ученый рассматривал кинокефалов не иначе как «светлых» экзекуторов грешников. Между тем весьма красочные описания в православной средневековой книжности и восточнославянском фольклоре собако-головых людей представляют их существами, принадлежавшими к враждебному inferнальному миру. В апокрифическом Откровении Мефодия Патарского о «последних летех» упоминались «человекоядцы, нарицаеми песьи главы», подданные языческих царей Гога и Магога — воинственных антагонистов «народа Божьего». Примечательно, что некоторые из союзников и вассалов этих «нечестивых» правителей, выступивших в поход под их знаменами, сами принадлежали к породе кинокефалов: «Гог же бе крылат... а у оного будет шесть крыл, а у оного будет скотячины, а ины буде песьи главы»¹².

В новозаветном Апокалипсисе Иоанна Богослова повествуется о самой последней в истории попытке сил зла до основания уничтожить церковь Христову: «...егда скончится тысяща лет», дьявол «прельстит» Гога и Магога, а вместе с ними и «языки, сущыя на четырех углех земля». Однако планы богоборцев потерпят крах: по Промыслу Господню «сниде огонь с Небесе... и снеде я (воинство Гога и Магога. — *И. К., А. Б.*). И диавол, прелщай их, вьвержен есть в езеро огненное и жупелное, идеже и зверь, и лжепророк и мучени будут день и нош в веки веком» (Откр. 20:7—10).

Несмотря на то, что кинокефалы ни разу не упоминались в текстах библейских книг, на миниатюрах лицевых (иллюстрированных) Апокалипсисов XVI — первой половины XVII столетия все без исключения подданные Гога и Магога изображены с собачьими головами. И оба нечестивых правителя, и ведомые ими кинокефалы, выступающие исключительно в роли подручников дьявола или Антихриста, разделяют участь, уготованную Богом всем inferнальным существам: в

конце концов попадают в ад. Более того, на некоторых иллюстрациях к тексту Откровения Иоанна Богослова псоглавцы изображены поедающими или избивающими людей с нимбами вокруг головы, то есть святых.

Иван Грозный вряд ли отважился бы уподобить опричников апокалиптическим монстрам, подданным «нечестивого» правителя, которые к тому же находились в полном подчинении у Сатаны и выпестованного им «сына погибели» — Антихриста. Ведь если верные слуги московского самодержца — это псоглавцы, то он сам должен был отождествлять себя с язычником Гогом, посмевающим поднять руку на святых и Христову церковь.

Согласно гипотезе А. М. Панченко и Б. А. Успенского, «доктрину наказания», сложившуюся в «политическом богословии» Грозного, «можно выразить с помощью параллелизма: на том свете наказание определяет Бог, а осуществляют Сатана и бесы; на этом свете опалу налагает царь, а карательной практикой занимаются опричники-кромешники во главе с Малютой»¹³.

В третьем послании своему венценосному оппоненту князь А. М. Курбский писал: «...вместо избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих не стыдяся, прескверных паразитов и маньяков поднес тебе, вместо крепких стратигов и стратилатов (то есть военачальников. — *И. К., А. Б.*) — прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарищи, и вместо храброго воинства — кромешников, или опришнинцов кровоядных, тмы тмами горших, нежели палачей...»¹⁴ Хорошо известно, что в русских народных говорах термин «кромешники» служит для обозначения всей совокупности нечистых духов, а также созданий, населяющих потусторонний мир¹⁵. В «Истории о великом князе Московском» Курбский охарактеризовал новое окружение монарха, сменившее деятелей Избранной рады, в ещё более энергичных выражениях: «Царь же, напився от окаянных, со сладостным ласканием смешанного, смертоносного яду, и сам лукавства, паче же глупости, наполнився... собрав и учинив уже окрест себя яко пресильный и великий полк сотанинский...» Более того, по словам опального вельможи, столь откровенно негативный взгляд на оп-

ричное воинство вполне разделял митрополит Филипп Колычѣв, который не побоялся из тюремной кельи Тверского Отроча монастыря возвестить Ивану: «Аще... обещаешься покаяться о своих гресех и отгнати от себя оный полк сатанинский, собранный тобою на пагубу христианскую, сиречь кромешников, або апришнинцов нарицаемых, аз... благословлю тя и прощу, и на престол мой... возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклят в сем веце и в будущем и с кромешники твоими кровоядными, и со всеми согласующими тебе во злостях!»¹⁶ Мысли князя Курбского и, быть может, святителя Филиппа о дьявольской природе опричного войска развил их младший современник, русский книжник начала XVII столетия, дьяк Иван Тимофеев Семёнов: «Яко волки ото овец, ненавиденых им (Иваном IV. — *И. К., А. Б.*), отдели любезныя ему, знамения же на усвоенныя воины тмообразны наложи; вся от главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их и коня им своя имети повеле; по всему воя своя вся яко бесподобны слуги сотвори...»¹⁷ «Кромешниками», в точном значении этого слова, предстают подручники Ивана Грозного и в фольклорном сказании об участии проклятых покойников, которые «плавают по озеру в коробах, обросших мхом, и, не тлея, стоняют от лютого мучения»: в одном из вариантов предания в тех гробах вместе с убийцами князя Андрея Боголюбского оказались и «сподвижники Малюты»¹⁸. Однако процитированные выше тексты отражают взгляд на сподвижников Грозного его опальных подданных, младших современников и даже достаточно отдалённых потомков, но нисколько не проясняют отношения самого венценосца к собственному окружению. А потому до сего дня сохраняет актуальность вопрос: мог ли «тиран Васильевич» сознательно проводить параллель между «апришнинцами» и духами-мучителями, терзавшими грешников в аду?

Действительно, чёрный цвет одежды в сочетании с вороньей мастью боевых коней «царёвых слуг» вполне мог восприниматься людьми Средневековья как явный намёк на силы, тесно связанные с inferнальным миром¹⁹. По верованию восточных славян, населявшие его черти или бесы были звероподобными существами

чёрного или синего цвета, а сам дьявол часто появлялся в облике чёрного человека огромного роста. К тому же, «знаковому» ряду относится и образ чёрного всадника, олицетворявшего Ночь, из русской сказки «Василиса Прекрасная», который, как известно, прекращал свой путь по лесной чаще, внезапно исчезая у ограды из человеческих костей, выстроенной Бабой-ягой вокруг своей избушки. Притом и отрубленная собачья голова, привязанная к шее лошади, представляла собой двойник настоящего адского пса, поскольку в народной магии голова мёртвого зверя (птицы) всегда выступает в качестве его полноценного заместителя. Считалось, что обладание отрубленной головой давало владельцу власть над умершим, который поневоле обязан был служить и помогать новому хозяину. Более того, если животное умирало неестественной смертью, то оно, как и люди, превращалось в «заложное» существо, сохранявшее способность к активной деятельности и после гибели²⁰. Кого же в таком случае сопровождали адские псы?

По свидетельству средневековых апокрифических текстов, в аду обитали не отверженные демонические существа, а светлые «немилостивые», «злии» или «лютые» ангелы, которые исполняли те же функции, что бесы или черти, но подчинялись при этом Богу, а не Сатане. В «Слове о видении святого апостола Павла» Господь посылал «ангел немилостивых, никак ж милосердья не имущи», чьи «страшни... лица исполни ярости и зуби их преходяще выше устну, очеса же их святяхуся, яко звезда восходяща заутра, и власи главы их... распростерти, и пламень огнен из уст их», исторгать души из тел «неверных» в момент кончины. Другие же «злии» ангелы мучили грешников непосредственно в «темници адьстей». Апостол узрел там «старца, его же ... ангели лютии погрузиша... до колону в огненной реце, и волна огнена ударяше в лице, яко буря, и не дадяху ему рещи: “Господи, помилуй мя!”». Затем взору Павла открылась ужасающая картина наказания лицемера: «ангел мученный» отсекал у него, вверженного в огненную реку, огромной «раженной» (жгучей) бритвой губы и язык. В ином месте преисподней Павел наблю-

дал, как 12 «ангел страшны» возлагали на шеи двух девиц-распутниц обжигающие жаром «вериги». Наконец, в широко распространённом в средневековой книжности апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» описываются скорбь и мучения самих адских экзекуторов, ангельская природа которых изнемогала от столь тяжких обязанностей. «И видевьше Пресвятую ангели стрегущии възъпиша вси единеми усты, глаголюще: “Свят, свят, свят еси Боже и ты, Богородице! Благословим тя и Сына Божия родивъшагося от тебе! Яко бо от века не видехом света, и днесь видим свет тебе ради, Богородице!” И паки възъпиша вси единемъ гласъмъ, глаголюще: “Радуися благодатьная Богородице! Радуися Просвещение Вечнаго Света! Радуися и ты, архистратиге Михаиле (он сопровождал Божию Матерь по преисподней. — *И. К., А. Б.*)! Моляся Владычице за весь мир! Мы бо видимы грешьныя мучащяся и зело скорбим”. <...> И възъпиша вси единемъ гласом, глаголюще: “Добре есте пришьли в тъму сию, да ны видит, како ны есть мука”»²¹.

В народных духовных стихах встречаются те же «не тихие, не смиренные, не милосливые» ангелы, хорошо знакомые средневековому читателю по письменным памятникам. Именно их Бог посылает «вынимать» душу у скончавшегося несправедного богача, брата «убогого» христоролюбца Лазаря. Точно такую же участь Бог уготовил и грешному Анике-воину:

Сослал Господь по Аникину душу
Двух ангелов, двух архангелов,
И вынули Аникину душу,
Сквозь ребер-костей,
И не честно, не хвально, и не радушно,
Посадили Аникину душу на копие,
И вознесли Аникину душу вельмы высоко,
И возрынули Аникину душу во тъму глубокó,
В муку вечную, во плящий огонь...²²

В то же время обитателями преисподней в русских духовных стихах вполне могут оказаться и обыкновенные бесы. О нечистых ангелах ада рассказывается, например, в одном из вариантов стиха «Два брата Лазаря»:

...Но послал тут Господь
Двух исподних духов,
Двух исподних духов —
Грозных ангелов.
Сатанинских духов, сильных нечистей.
Ухватили они душу Лазаря,
Душу Лазаря нечестивого, горделивого
В когти страшные, в когти медные
И внесли её в ад, в пекло смердное...²³

Двойственность взгляда авторов духовных стихов на «лютых» ангелов, обитателей «геенны огненной», порождает уникальную ситуацию, когда грань между светлым духом и чёртом становится едва различимой, а сам этот художественный образ приобретает способность к поразительной по своей неожиданности и стремительности «знаковой» трансформации.

Для того чтобы понять истинное назначение метлы в снаряжении опричника, необходимо прежде всего уточнить сакральные функции метлы в народной и книжной культурах. Как известно, в славянской традиционной культуре помело или метла, среди прочего, воспринимались в качестве сильнейшего магического предмета-артефакта, использовавшегося для избавления от опасности или очищения от скверны²⁴. Кроме того, метла наряду с кочергой, ухватом, лопатой и голиком (веником из голых, лишённых листы прутьев) принадлежала к атрибутам очага, с которым в славянском язычестве было связано немало магических обрядов. Благодаря этому обстоятельству все перечисленные предметы воспринимались великороссами, украинцами и белорусами не иначе как священные, наделённые к тому же сверхъестественной энергией²⁵. При помощи помела или нескольких метёлок сказочный богатырь уничтожает огромное вражеское войско. В сказке о Еруслане Лазаревиче рассказывается, в частности, о чудесном разгроме полчищ князя Данилы Белого: «Он (Еруслан. — *И. К., А. Б.*)... сходил на сарай, взял две метёлки и выехал погулять с Данилиным войском. Это всё войско этими мётлами... и погубил. Без сабли, без тесака всё попленил, без меця и без копья»²⁶. Герой другой русской сказки, «Волшебный конь», Иван — крестьянский сын, обманом завладевает чудодейственными-

ми помелом и клюкой, использует их против захватчиков, посягнувших на его отечество: «...полетел на войско вражее; где помелом махнёт — там улица, где перемахнёт — там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьём приволок в стольный город»²⁷. Метафорически переосмыслен образ метлы, истребляющей «силу поганую», в русской былине «Нашествие татар» («Наезжал собака-вор Каин царь...») из собрания П. Н. Рыбникова, где помело предстаёт уже не в качестве волшебного оружия, непосредственно уничтожающего войско противника, а, скорее, как материализованный символ победы над ним:

..Как на тую пору на то времячко
Наехал дядюшка Самсон да сын Манойлович
Со своею дружиной со хороброю,
Как метлой пахнули силу поганую
И убили собаку-вора царя Каина...²⁸

Любопытная параллель народному взгляду на помело обнаруживается в Ветхом Завете. В синодальном переводе Книги пророка Исаяи на русский язык, восходящем к еврейскому протографу так называемых «полных пророков», упоминается «метла истребительная», коей Господь «выметет» Вавилонскую державу в наказание за пленение «народа Божия» (Ис. 14:22—23). Однако в болгарском переводе этого памятника с греческого, помещённом, например, в Острожской Библии 1581 года, пассаж о помеле отсутствует. Сталкиваясь в подлиннике с термином, как-либо связанным с языческими обрядами, переводчик обычно старался или заменить его максимально нейтральным в вероисповедальном смысле славянским эквивалентом, или совсем исключить из текста.

Отсюда следует, что представление о метле как чудесном оружии, насмерть поражающем врага, сложилось исключительно под воздействием воспоминаний о связанных с ней языческих верованиях и на его формирование никак не повлияла христианская книжность. Иными словами, в традиционной культуре помелу придавалась весьма важная функция очистительного

ритуального предмета, способного не только надёжно защитить человека от враждебных злых сил, но и помочь ему одолеть любого противника из inferнального или земного миров. Именно в качестве магического орудия, позволявшего его обладателю с одинаковым успехом сражаться как с демонами, так и с «окаянными» людьми, метла весьма подходила для роли одного из сакральных атрибутов опричного воина. При этом факт использования помела едва ли не с теми же целями православными юродивыми создавал уникальную социопсихологическую ситуацию, когда царские «кровоядцы» с их добровольным отказом от норм общепринятого поведения уподоблялись столь почитаемым на Руси блаженным «похабам», чьи поступки в повседневной жизни, судя по памятникам житийной литературы, отличались изрядной долей экстравагантности. Однако невозможно всерьёз рассматривать опричника в качестве культурно-типологической «реплики», пусть и весьма специфической, Божьего безумца — «юрода»: последние никогда не выступали в амплу карателей и палачей, удовлетворяясь положением милосердных отличителей человеческих пороков.

При рассмотрении всех символических аксессуаров снаряжения «апришнинцов» в их совокупности возникает совсем иной прообраз государева слуги: светлого ангела-мучителя из древнерусских апокрифов (и отчасти духовных стихов), обитающего в преисподней, единственной задачей которого было безжалостное физическое наказание грешников. В этом контексте вполне можно рассматривать собачью голову как мистический двойник страшного адского пса, а метлу — как священный оберег и мощное магическое оружие для борьбы с бесами и неправедными, преступными людьми. Причём функциональная тождественность Божьего ангела-мучителя и его антипода, inferнального демона-«пекельника», сообщала образу опричного воина соблазнительную двойственность, почти стиравшую и без того чрезвычайно зыбкую границу между светом и тьмой, добром и злом. Точно такая же амбивалентность была свойственна символике собак и медведей, нередко использовавшихся «тираном Ва-

сильевичем» для казней опальных подданных и военнопленных. Создавая столь изощрённый знаковый образ «апришнинца»-«кромешника», Иван Грозный явственно продемонстрировал прекрасное знание как «высокой» книжной, так и традиционной народной культуры. В связи с этим отнюдь не случайным кажется интерес московского самодержца к культу архангела Михаила, в честь которого, прикрывшись литературной маской Парфения Уродивого, он составил специальные Канон и молитву «Ангелу грозному и воеводе...». Примечательно, что по воле царственного автора архистратиг небесных сил предстаёт в Каноне лишь в одной из своих ипостасей — «смертного ангела», исторгающего душу в момент смерти²⁹. Взгляд средневекового человека на архангела Михаила очень точно передан выдающимся отечественным медиевистом О. А. Добиаш-Рождественской: «Светлое и мрачное чередуется в нём. В нём надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно увидеть. С другими святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море... Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечёт розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный Бог и святой Сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде»³⁰. Образ светлого ангела — беспощадного экзекутора грешников — в полной мере соответствовал умонастроению «тирана Васильевича», известного своим почитанием культа «ангела смерти», «грозного воеводы Небесного воинства» архангела Михаила.

Кровавый калейдоскоп: «посаждение в воду»

Водная стихия издревле служила местом умерщвления государственных и прочих преступников, а также их захоронения. Подобная практика всецело основывалась на распространённом народном убеждении о ней как сакральной субстанции, служащей местом

обитания демонов и в то же время представляющей собой мощнейший оберег от них. Судя по известным восточнославянским пословицам: «Было бы болото, а черти найдутся», «В тихом омуте черти водятся» (украинский вариант: «У тихому болоти чорти плодяцца»), «Из омута в ад как рукой подать», «Где чёрт ни был, а на устье реки поспел», «Чёрт огня боится, а в воде селится», — водоёмы явно считались нечистыми местами. Кроме того, по верованиям населения Новгородского края, именно лесную «болотину» нередко выбирает для своего дома ещё один персонаж славянской низовой демонологии — леший. Там же обитает, между прочим, и сказочная Баба-яга, чью избушку, как известно, поддерживают весьма экстравагантные сваи — «курьи ножки»³¹.

В 1497 году дед Грозного, великий князь Иван III, воздвигнув опалу на свою жену Софью Палеолог, которая осмелилась пригласить к себе в покои «баб с зелием», повелел тех ворожей «казнити — потопити в Москвеве реке нощию»³².

Спустя 70 лет, в царствование его внука и полного тезки, умерщвление государственных преступников в реках или иных водоёмах стало едва ли не самым распространённым видом массовых казней. Так, по свидетельству князя А. М. Курбского, около 1568—1569 годов Грозный повелел утопить в реке одного из старейших членов Боярской думы, князя И. И. Турунтая-Пронского, принявшего незадолго до того иноческий постриг³³.

При конфискации и разграблении имущества боярина И. П. Фёдорова-Челяднина один из его слуг украл позолоченный доспех господина, отдав его впоследствии «тюремным сидельцам» М. Дымову и К. Козлову в качестве залога. Дымов перезаложил дорогостоящую кольчугу за три «серебряника»* другому заключённому, литовскому «полонянику» князю Тимофею Мосальскому**, который поручил своему холопу вынести её из узи-

* Описавший эту историю А. Шлихтинг, вероятно, имел в виду серебряные талеры Священной Римской империи, вес которых по Эслингенскому монетному уставу 1524 года был узаконен в 29,43 грамма (27,41 грамма чистого серебра).

** В русском роду князей Мосальских не было человека с таким именем, но А. А. Зимину удалось обнаружить упоминание о литовс-

лица. Княжеского «раба» задержал начальник тюрьмы, отобрал у него доспех, а его самого посадил вместе с хозяином. Конец этой истории оказался весьма трагическим: из доноса двух стрельцов, содержавшихся в той же темнице, о судьбе доспеха узнал Иван Грозный. Он распорядился доставить и доносчиков, и всех фигурантов по этому делу в слободу, где Дымов, Козлов, князь Мосальский и его холоп после пыток были утоплены в Шерне. Туда же по совершении экзекуции опричники бросили расчленённый труп нечистого на руку тюремного смотрителя³⁴.

В декабре 1569 года опричное войско во главе с Грозным вступило на Тверскую землю, где принялось искоренять «измену» — избивать местное население, уничтожая в огне едва ли не всё принадлежавшее ему имущество. В Твери каратели учинили настоящий погром: по словам Г. Штадена, московский самодержец «приказал грабить всё — и церкви, и монастыри; пленных литовцев убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились или сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради, а потом трупы их спускали под лёд в Волгу». Точно такая же участь, по свидетельству Штадена, ожидала и полоцких «полоняников», содержавшихся в российских тюрьмах: они были убиты «вместе с... жёнами и детьми». Причём палачи продолжали глумиться над мёртвыми телами: у казнённых также оказались «отсечены ноги, а <тела их> брошены потом в воду»³⁵. В обоих случаях, по-видимому, иноземный наёмник лично не участвовал в описанных им расправах над опальными и военнопленными, а лишь слышал рассказы о них, поскольку сообщаемые им подробности погребения тверичей и полочан явно противоречат отечественным традициям предания тел казнённых водной стихии. Штаден, скорее всего, перепутал погребение в речных волнах тел истреблённых ранее людей с самой «водяной казнью». Лишь в последнем случае отрубание у них ног не только могло иметь страшный «практический» смысл, но даже обнаруживало очевидное типологическое сходство с русской

ком «полонянике» князе Матвее Мосальском, находившемся в России в 1566 году.

средневековой практикой умерщвления преступников, осуждённых на смерть в водоеме.

Несколько дней спустя, 2 января 1570 года, опричники подступили к стенам Великого Новгорода. Началось планомерное уничтожение крупнейшего города на северо-западе России. За те полтора месяца, что длился «государев разгром», сотни, если не тысячи его жителей были потоплены в водах Волхова. Подробности страшной процедуры казни описаны в Повести «о приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Руси самодержца, како казнил Великий Новгород, еже оприщина и розгром именуется». По сообщению её автора, первыми жертвами монаршего гнева стали новгородские монахи, арестованные опричниками из передового отряда ещё до появления в городе Грозного. На следующий день по прибытии венценосца, 7 января, началась расправа с несчастными: «...Государь... Иван Васильевич... повеле игуменов и попов черных и дияконов, и старцов соборных, которые прежде государева приезде... иманы из монастырей и поставлены на правежи, избивати их палицами насмерть; и убив их всех, повеле когождо их во свой монастырь развозити и погребати»³⁶. Но так было далеко не везде. По свидетельству датского дипломата Я. Ульфельдта, царь приказал абсолютно всех насельников подгородного Николо-Вяжицкого монастыря без всякой жалости «посадить в воду», то есть утопить³⁷. В воскресенье, 8 января, наступил черёд «владычных бояр и иных многих служилых людей, и жен их и детей», которых Грозный приказал поставить «пред собою», а потом «горце и люте мучити». Для этого «повеле государь телеса их некоею составною мукою огненной поджигати, и своим детем боярским повеле тех мученых людей за руки, и за ноги, и за головы различными тонкими ужи (верёвками. — *И. К., А. Б.*) привязывати по человеку к санем конским, и быстро влещи за санми на Великий Волховский мост, и повеле их с мосту метати в реку Волхов*». Казнь постигла «жен их и детей, мужеский

* В этом случае Иван IV, по-видимому, хотел инсценировать погребальную церемонию (как известно, на Руси покойника везли на погост на санях). Если верить сообщению составленной за несколько лет до описываемых событий Книги степенной царского родословия,

пол и женский», в руках палачей оказались «младенцы с сущими млекопитаемыми и всяк возраст» — всех их Иван IV распорядился «привозити на Волховский мост и возводити на высоту (помост. — *И. К., А. Б.*), иже на то устроено бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назад, а младенцев к матерем вязаху, и с великия высоты» сбрасывать в воды Волхова. По незамерзающей стремнине «иные дети боярские и воинские люди, в то время, в малых судех ездяху... со оружием и с рогатинами, и с копыи, и с топоры, и с багры, и кто всплвет наверх воды, и они прихватывая багры, людей копыи и рогатинами прободающее и топоры секуще, во глубину без милости погружаху, предающее горцей смерти»³⁸. Некоторых новгородцев царские «кромешники» выгоняли на реку, обрубали вокруг них лёд, который под тяжестью людей погружался в холодную воду, унося обречённых на дно³⁹. Печальную судьбу горожан и монахов в полной мере разделило новгородское белое духовенство: Иван Грозный повелел сначала лишить их имущества, а потом умертвить различными способами: «изрубить топорами, заколоть пиками, утопить»⁴⁰.

Множество трупов, запрудивших Волхов, явились причиной необычайного по силе весеннего паводка, когда, писал датчанин Ульфельдт, река уже «не могла течь по своему прежнему руслу, но разлилась по зеленеющим лугам и плодородным полям и всё затопила своей водой»⁴¹. Ему вторил шведский посол М. Шуберт, вместе с другими членами миссии препровождённый «за караулом» из Новгорода в Москву зимой 1570 года: «Недели три мы шли под стражей; кто отморозил ноги, а иных болезнь скрутила от грязной той воды, что пили мы в пути. В неё бросали мертвецов, и запах был невыносимый. О Господи, Ты всё мог это видеть»⁴².

Во время массовой экзекуции 25 июля 1570 года в Москве царь обрёл на смерть в реке более шестидесяти жён и детей «изменников»⁴³. Причём перед тем как сбросить свои жертвы в воду, палачи разбивали им голо-

похожая участь постигла останки «окаянных» Кучковичей — убийц Андрея Боголюбского (1157—1174): после казни палачи зашили их тела в рогожные кули, положили в короба, которые затем были подожжены и горящими сброшены в Поганое озеро.

вы⁴⁴. Между маем 1571-го и 1574 годом Иван IV повелел утопить видного опричного боярина князя В. И. Тёмкина-Ростовского⁴⁵ (правда, князь А. М. Курбский полагал, что князь Василий и его сын Иван были по распоряжению Грозного «разсеканы от кромешников его»⁴⁶). В 1572 году при отмене опричнины царь приказал убить одного из стрелецких командиров Кураку Унковского, а его тело затем было спущено под лёд⁴⁷. Подобным способом, как свидетельствовал англичанин Джильс Флетчер, власти Московии, расправлялись обычно с простолюдинами: сначала палач умерщвлял приговорённого ударом в голову, а уже потом мёртвое тело заталкивалось под лёд⁴⁸. Это, собственно и была казнь, называемая «посаждение в воду» (иногда вместо удара в голову экзекутор перебивал несчастному ноги). По версии Московского летописца, в 1575 году Грозный отдал распоряжение утопить «архангильского протопопа Ивана» (священника кремлёвского собора в Москве)⁴⁹. По словам английского дипломата Джерома Горсея, подобные экзекуции производились и в Александровской слободе: «...Многие... были убиты ударами в голову и сброшены в пруды и озёра около слободы, их трупы стали добычей огромных, переросших себя шук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего, кроме жира, на них нельзя было разглядеть»⁵⁰.

После взятия русскими войсками Полоцка в феврале 1563 года царь предал «водяной» казни многих его защитников из числа шляхты, «воинских людей» и членов местной иудейской общины. По сообщению Г. Штадена, «великий князь вызвал из города всё рыцарство и воинских людей. Их таким образом разъединили, а затем убили и бросили в <Западную> Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа»⁵¹. Показание немецкого наёмника подтверждается свидетельством Псковской Третьей летописи по Строевскому списку: всех иудеев, что жили в городе, Грозный «велел... с семьями в воду в речноую вьметати, и утопили их»⁵². Очевидно, этот печальный инцидент послужил источником слуха о поголовном истреблении иудеев в Российской державе в годы правления Ивана Грозного.

«Сигизмундов» план Москвы. Стрелкой отмечено место казни новгородских «изменников» 25 июля 1570 года — «Поганое Озеро». 1610 г.

«Они (москвиты. — *И. К., А. Б.*) не допускают у себя ни одного еврея с тех пор, как Иоанн Васильевич, прозванный Тираном, приказал собрать их всех (иудеев. — *И. К., А. Б.*), кто был в стране, и приказал отвести их на мост, связав им руки и ноги, велел... отречься от своей веры и принудил их сказать, что они хотят быть окрещены и веровать в Бога Отца, Сына и Святого Духа, и тотчас приказал всех их бросить в воду», — писал капитан Жак Маржерет в мемуарах о своей жизни в Московии⁵³. Несмотря на очевидную фантастичность этого известия, процедура «водяной казни» изображена иностранным наёмником весьма точно.

В начале 1569 года, когда в результате военной хитрости литовского военачальника князя Александра Полубенского пал Изборск, российский венценосец учинил в отместку массовую экзекуцию над «полоняниками» из Речи Посполитой, содержащимися в тюрьмах поволжских городов. По указу Грозного всех без исключения мужчин, связанных по рукам и ногам, опричники вывели на Волгу и спустили под лёд, а вслед за ними такая же участь постигла оставшихся в узилищах женщин и детей⁵⁴. Возможно, одну из таких расправ имел в виду автор «Дневника Марины Мнишек», рассказывая о погребении своего союзника Яна Березаньского, утонувшего во время купания: «Похоронили его в поле, за городом, там, где также похоронили тех поляков, которых до этого привезли и долго держали в тюрьме, а потом утопили в Волге»⁵⁵. Для аналогичной казни ливонских и литовских пленников в 1578 году в Москве Иван IV распорядился выстроить специальные помосты на Неглинной, откуда их «метали» в воду, предварительно раздробив колени железными ломками, дабы те «скорее валились в реку и тонули»⁵⁶.

Существовал, впрочем, ещё особый вариант «водяной казни», применявшийся в царствование «тирана Васильевича»: осуждённого привязывали к увечной, слепой лошади, запряжённой в телегу, которую загоняли в реку, где захлебнувшееся животное увлекало на дно своего невольного седока. Именно таким образом в 1570 году был убит боярин В. Д. Данилов-Услюмов⁵⁷. Запряжка обречённой на гибель лошади в телегу могла

преследовать две цели. Первая — сугубо прагматическая: увечное животное, обременённое дополнительной тяжестью, должно было быстрее выбиться из сил и утонуть вместе с осуждённым на смерть. Во-вторых, это также могла быть инсценировка погребальной церемонии; в данном случае сани заменялись телегой (если иностранные писатели правильно записали название повозки).

Наконец, последней разновидностью «водяной» экзекуции, совершаемой над осуждёнными на смерть «ворами и изменниками» в царствование Ивана IV, было утопление их заживо в болотной жиже. Именно к такой жестокой казни Грозный приговорил 150 пойманных по дороге в Литву «знатных» дворян, которые попытались бежать из страны и перейти на службу к польскому королю. «Когда об этом узнал великий князь, он приказал всех их загнать в глубокое и очень грязное болото и уложить там наподобие моста; и он приказал затапывать их до тех пор, пока они не погибли глубоко в тине и не утонули, сами почти сровнявшись с тиной».

Впрочем, венценосец мог «посадить в воду» человека из-за сущего пустяка. В «Описании Московии» А. Гваньини поместил историю о печальном конце некоего не названного по имени «секретаря великого князя». Както один из просителей поднёс тому красивую большую щуку в подарок. Об этом стало известно недругу «секретаря» — монаху, который поспешил оклеветать его перед царём, представив его браконьером: «...твой секретарь, о государь, никогда не питается мелкими рыбами, но только крупными; он ловит их в твоих озёрах и любит задавать пиры своим собутыльникам». После такого заявления судьба придворного была решена: «Великий князь приказывает призвать к себе самого секретаря и, не дав возможности оправдаться, осуждает его на такую казнь: приказывает связать по рукам и ногам и бросить в глубокое озеро, сказав: “Ну, негодяй, ты привык, чтобы тебе ловили много мелкой и крупной рыбы, ступай же теперь и лови, сколько хочешь”»⁵⁸.

Берега водоёмов или заболоченная местность также использовались в палаческой практике эпохи опричнины. Например, 25 июля 1570 года в присутствии Ивана

Грозного больше сотни православных христиан, осуждённых по делу новгородского архиепископа Пимена, приняли смерть на столичной рыночной площади, называемой Поганая Лужа⁵⁹. По сию пору среди историков нет согласия относительно локализации этого места на карте Москвы: одни исследователи (А. А. Зимин) помещали его в окрестностях Поганых (ныне Чистых) прудов, а другие (И. Граля), напротив, полагали, что оно находилось в непосредственной близости от Кремля и Китай-города⁶⁰. Действительно, на знаменитом «Сигизмундовом» плане российской столицы 1610 года местность, именуемая по-польски и на латыни *Poganiski jesoru, seu lacus*, обозначена цифрой 15, которая ясно видна в нижней части чертежа, недалеко от стены Белого города, в районе Покровских ворот. Таким образом, если признать тождественность Поганой Лужи Пискарёвского летописца и Поганого Озера на плане Москвы 1610 года, то необходимо принять идентификацию места экзекуции над И. Висковатым, Н. Фуниковым-Курцевым, В. Степановым-Угримовым, И. Булгаковым, Г. Шапкиным и другими «новгородскими изменниками», предложенную видным отечественным историком А. А. Зиминым. Однако нельзя совсем исключить вероятность того, что Поганой Лужей могла называться и заболоченная низменность в районе нынешней Театральной площади, известная в более поздний период как Поганый Брод. Это был «топкий, непроходимый, чрезвычайно загрязнённый участок» в центре столицы, неподалёку от Кремля и Китай-города. Там весьма длительное время существовала «большая грязная, зловонная лужа», в которую вплоть до 1824 года продолжали сливаться нечистоты⁶¹.

Практика «сажать в воду» пойманных «воров и изменников» была широко распространена и позднее, в эпоху Смуты начала XVII столетия. Ещё во время сильнейшего голода 1601—1603 годов царь Борис Годунов самым жестоким образом подавлял попытки изголодавшихся людей раздобыть пропитание с помощью грабежа и поджога дворов богатых соотечественников: схваченных на месте преступления либо сжигали заживо, либо топили в воде⁶². Вторая казнь применялась

и при усмирении воеводами Годунова «бунташного» населения Комарицкой волости в 1604 году⁶³.

Заняв московский престол, Лжедмитрий I также весьма часто приговаривал к смерти в воде опальных подданных: «...и во градех российских и в честных монастырех и мирстии и иночествующеи мнози погибоша — ови заточением, овеим же рыба утроба вечный гроб бысть»⁶⁴.

По-настоящему массовым наказанием эта экзекуция стала после прихода к власти Василия Шуйского. По свидетельству автора «Дневника Марины Мнишек», во время дворцового переворота 17 мая 1606 года поляков и иных европейцев, находившихся при дворе Лжедмитрия I, московиты «кололи, пороли, четвертовали, жир из них вытапливали, в болото, в гноище, в воду метали и совершали всяческие убийства»⁶⁵. После крупного поражения войск И. И. Болотникова под Москвой венценосец повелел умертвить в реке пленных, «кои пойманы на бою»⁶⁶. Не менее страшный конец Шуйский уготовил и самому «воеводе царя Дмитрия», сдавшемуся на милость монарха вместе с гарнизоном Тулы 10 октября 1607 года. Вероломный правитель, обещавший сохранить противнику жизнь, сослал его в Каргополь, где очень скоро Болотников был ослеплён и спущен в полынью на Онеге⁶⁷. Голландский торговый резидент в России Исаак Масса изобразил поистине ужасающую картину последствий массовых репрессий царя Василия против сторонников первого и второго самозванцев: «...эта водяная казнь... совершалась в Москве уже два года кряду, и всё ещё не было конца, и когда весною (1608 года. — *И. К., А. Б.*) наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные щуками и <другими> рыбами... и эти мёртвые тела лежали там и гнили тысячами, покрытые раками и червями, точившими их до костей»⁶⁸. Тот факт, что политические противники Шуйского остались непогребёнными по освобождении реки ото льда, демонстрирует отношение властей к ним как к inferнальным «заложным» покойникам, недостойным захоронения в земле. Столь же охотно топил в воде

своих врагов непримиримый оппонент Шуйского, Лжедмитрий II, оставшийся в отечественной истории под именем Тушинского вора.

Исполнялась «водяная» казнь и при первых царях из династии Романовых. В июле 1615 года правительственные войска под водительством боярина князя Б. М. Лыкова и окольного А. В. Измайлова разгромили отряды «вольных» казаков во главе с атаманом М. Баловневым, стоявшие «табором» в окрестностях Москвы. Два года спустя наречённый московский царь, польский король Владислав Ваза, вспоминая об этом инциденте в специально адресованном русскому казачеству универсале от 10 августа 1617 года, писал: «Которые нам, великому государю, добра хотели, и тех, заманив под Москву, и велел (царь Михаил Фёдорович. — *И. К., А. Б.*) всех побить и иных в воду посадить...»⁶⁹

Похожая участь была уготована и «смутьянам», повинным в убийствах, разграблении дворов и имущества правительственных администраторов в столице летом 1648 года, во время так называемого Соляного бунта. Московских «воров» не только ссылали в сибирские города, но многих из них казнили — «побили» палицами и потопили в реке⁷⁰. При подавлении так называемого Медного бунта царь Алексей Михайлович не стал откладывать наказание организаторов и наиболее активных участников беспорядков, а приговорил к смерти в воде всех, кто был в тот день, 25 июля 1662 года, схвачен правительственными войсками в селе Коломенском. По сообщению Г. К. Котошихина, той же ночью мятежников, «завязав руки назад, посадя в большие суды, потопили в Москве-реке»⁷¹.

Точно так же казни многих преступников совершались в непосредственной близости от водоёмов. В русской столице для подобных целей использовался прибрежный пустырь под названием Козье Болото, служивший для свалки нечистот⁷². По свидетельству Я. Рейтенфельса, это «наводящее печаль место» располагалось на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки; с центральной частью «царствующего града» его связывал плавучий мост, наведённый на лодках⁷³. Очевидно, именно эта местность описывается в народной песне

«Да в старые годы, прежние, во те времена первоначальные...», рассказывающей об опале Грозного на одного из своих сыновей:

...Скричал он, царь, зычным голосом:
«А есть ли в Москве немилостивы палачи?
Возмите царевича за белы ручки,
Ведите царевича со царского двора,
За те за ворота Москворецкие,
За славную матушку за Москву за реку,
За те живы мосты калиновы,
К тому Болоту поганому,
Ко той ко луже кровавая,
Ко той ко плахе белодубовой!»⁷⁴

Похожую картину можно было наблюдать и в других русских городах. В тех случаях, когда осуждённых не топили в реке, палачи нередко выбирали в качестве места проведения экзекуции заболоченное поле. Эта откровенно средневековая практика продолжала соблюдаться даже в «просвещённом» XVIII столетии: в 1739 году семья опальных князей Долгоруких приняла смерть на болотистом пустыре — Скудельничьем поле у городских стен Великого Новгорода⁷⁵.

Кровавый калейдоскоп: сожжение

Сожжение преступника заживо (лат. *crematio*), представлявшее собой один из видов квалифицированной* смертной казни в классическом римском праве, получило в дальнейшем самое широкое распространение в христианском мире и применялось в судебной практике до «просвещённого» XVIII столетия включительно. Параллельно оно повсеместно стало одним из популярнейших способов внесудебной расправы с недругами или обидчиками. На Руси «огненная казнь» приобрела одну специфическую особенность: «преступника» сжигали не у столба, обложенного вязанками хвороста или дров, а в деревянном срубе без крыши.

* Квалифицированная (от лат. *qualificare* — определять, устанавливать качество) судебная экзекуция предусматривает назначение установленной законом разновидности наказания за совершение определённого вида преступления.

В правление царя Ивана Грозного отмечено всего несколько достоверных случаев сожжения опальных поданных, осуждённых на смерть самим венценосцем. Как следует из текста «государских книг» с именами опальных, в декабре 1569 года, когда царь во главе экспедиционного войска вступил в Торжок, он повелел сжечь живьём 30 опальных псковичей «з женами и з детми»⁷⁶. При этом доселе неясно, какое именно преступление инкриминировал Грозный страдалцам, назначив им столь тяжкую кару. Другой подобный инцидент произошёл с четырьмя сотнями польско-литовских «полоняников», работавших на возведении крепостных сооружений в Вологде. Около 1569 года горожане, прознав о нарушении пленными строго соблюдавшегося в средневековой России запрета на употребление в пищу телятины, донесли о том монарху, усматривая прямую связь между поступком голодных литовцев и пожаром, уничтожившим часть города: «...явно их Бог покарал за воровской поступок». «Услышав о том, — указывает автор «Дневника Марины Мнишек», — разгневанный царь приказал своим приговором перебить пленников»⁷⁷. Каким именно способом были умерщвлены строители вологодского кремля, уточнил А. Гваньини: «Великий князь... приказал всех их схватить и сжечь»⁷⁸.

После 1567 года Иван Грозный подверг «огненной казни» Никиту Грязного, сына начальника опричного Земского двора⁷⁹. Д. Горсей упоминал о сожжении семейных монахов уже после опричнины, около 1575 года⁸⁰.

В царствование Ивана IV особым вариантом сожжения заживо был подрыв приговорённого к смерти порохом зарядом. В 1568 году именно таким образом опричники погубили многих «шляхетных слуг» (боевых холопов) боярина И. П. Фёдорова-Челяднина. Палачи загоняли обречённых на смерть людей в постройки господской усадьбы, которые потом взрывали⁸¹. По свидетельству князя А. М. Курбского, похожую экзекуцию монарх приказал совершить над Н. Г. Казариновым-Голохвастовым, схваченным «кромешниками» уже после его пострига в монахи в одном из приокских монастырей. Увидев бывшего стрелецкого военачальника в иноческом платье, Грозный пришёл в

неописуемую ярость «и абие бочку пороху, або две, под един трубец (срубец, небольшой сруб. — *И. К., А. Б.*) повелел поставити и, привязавши тамо мужа, взорвати»⁸².

Потрясённый гибелью своего любимца Малюты Скуратова под стенами Пайды, Иван повелел заживо зажать всех взятых там пленников — шведских и немецких дворян, а также знатных горожан во главе с комендантом Г. Боем. Палачи привязали страдальцев к кольям, врытым в землю перед крепостью, заставив тех, кому выпал жребий умереть позже, в течение нескольких дней наблюдать за мучительной агонией своих товарищей⁸³.

Жертвами «огненной казни» необходимо признать и всех сожжённых заживо на кострах на противочумных заставах в конце 60-х — самом начале 70-х годов XVI века. По воле монарха борьба с эпидемией превратилась в ещё одно массовое избиение подданных. «И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нём было, — с повозкой, седлом и уздечкой», — свидетельствовал Г. Штаден⁸⁴. Причём, как следует из текста царского наказа начальникам одной из таких застав князю Михаилу Фёдоровичу Гвоздеву-Ростовскому, Дмитрию и Даниле Борисовичам Салтыковым, подобная кара ожидала и нерадивых сторожей: «Чтоб вам однолично из поветренных (то есть заражённых. — *И. К., А. Б.*) мест на здоровые места поветрея не навезти — розни бы у вас в нашем деле однолично не было ни которые. А будет в вашем небрежении и розню ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия, и вам быть от нас самим сожжеными»⁸⁵.

Кровавый калейдоскоп: иссечение «в дробные части»

Расчленение живой человеческой плоти на мелкие куски в качестве экзекуции, назначаемой по приговору суда, упоминалось ещё в юридических памятниках ан-

тичного Рима эпохи республики. Законы Двенадцати таблиц предусматривали для несостоятельного должника смерть от рук кредиторов, которые имели право в качестве компенсации за безвозвратно потерянные деньги расчлени его тело на части (как видим, шекспировский Шейлок, предполагавший вырезать у своего обидчика-банкрота сердце, неплохо разбирался в нормах римского права). Однако едва ли не первым письменным зафиксированным прецедентом применения этой меры на практике следует, по-видимому, считать рассказ церковного историка III—IV веков Евсевия Памфила об истреблении христиан в Амасии и других городах Понта по воле римского императора Лициния в первой четверти IV века н. э.: «Конец же некоторых из них был дотоле невиданным: тела их разрубали мечом на многие части и после такого варварского зрелища бросали... в морскую пучину на съедение рыбам»⁸⁶.

В Византии эта казнь представляла собой одну из форм внесудебной расправы. К примеру, в X столетии во время войны с киевским князем Святославом базилиевс Иоанн I Цимисхий повелел своим телохранителям жестоко расправиться с захваченными в плен «росами». Слуги императора, «без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски»⁸⁷. А в 1258 году, когда трон Никейской империи достался несовершеннолетнему Иоанну IV, вооружённая толпа, недовольная назначением регентом при восьмилетнем императоре Георгия Музалона, жестоко расправилась с ним и его братьями: «...погибли все под ударами мечей и даже после смерти не возбудили к себе сожаления в своих убийцах», дошедших «при этом до такого озлобления против убитых, что, рассекши... на части, или на члены, или даже на мельчайшие куски и овладев каким-нибудь куском, каждый неистовствовал над ним»⁸⁸.

В дохристианскую эпоху расчленение живой плоти на куски представляло собой, наравне с закланием и утоплением в водоёме, распространённую форму жертвоприношения языческим богам или богоподобным героям⁸⁹. Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» передал слух о жутком и, по-видимому, позорном наказании Октавианом Августом трёхсот жителей Перузии, сто-

ронников мятежного Луция Антония: после покорения города он приказал схватить и перебить их, «как жертвенный скот», у алтаря, воздвигнутого в честь Юлия Цезаря, в мартовские иды 40 года до н. э.⁹⁰

По сообщениям византийских историков, летом 971 года во время одной из вылазок из осаждённого Доростола воины князя Святослава уничтожили осадные машины и захватили греческого военачальника Иоанна Куркуаса, которого из-за роскошных доспехов с золотыми украшениями приняли за базилевса Иоанна Цимисхия. «Тесно окружив магистра, они зверским образом изрубили его... своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили её на башне и стали потешаться над ромеями, крича, что они закололи их императора, как жертвенное животное»⁹¹.

Вплоть до начала XX века среди великороссов сохранялся обычай устраивать ритуальные квазипохороны «поганных» божеств Купалы, Костромы и Масленицы, по завершении которых их магические двойники — пук обыкновенной соломы или специально изготовленное чучело — разрывались участниками обрядового действия на мелкие части, после чего его фрагменты или сжигались на костре, или топились в воде⁹².

После крещения Руси «иссечение» людей заживо на мелкие части в качестве казни не получило сколько-нибудь заметного распространения вплоть до времени «самовластительного» правления Ивана Грозного. Народная молва (в передаче Герберштейна) приписывала такую смерть лишь фавориту матери Ивана, вдовствующей великой княгини Елены Глинской, боярину И. Ф. Овчине-Телепнёву-Оболенскому⁹³. Между тем составитель официальной Никоновской летописи совсем иначе описал гибель княгинино любимца, арестованного 9 апреля 1538 года, через шесть дней после кончины его августейшей покровительницы: «...пойман бысть великаго князя боярин конюшей князь Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский, боярьским съветом князя Василя Шуйскаго и брата его, князя Ивана, и иных единомысленых им, без великаго князя (малолетнего Ивана IV. — *И. К., А. Б.*) веления. <...> И посадиша его в полате за дворцем у конюшни и умориша

его гладом и тягостию железною...»⁹⁴ Согласно ещё одной версии, Оболенского «повелением князя Михаила Глинского и матери его, княгини Анны... посадили на кол на лугу за Москвою-рекою»⁹⁵.

Однако с наступлением эпохи опричнины «иссечение» опальных на части, превратившись в одну из государственных казней, приобрело поистине массовый характер.

В 1567 году палачи изрубили топорами дьяка К. Ю. Дубровского и двух его сыновей и «куски трупов бросили в находившийся при доме колодец»⁹⁶. По сообщению И. Таубе и Э. Крузе, «князя Петра Серебряного, князя Владимира Курлятева и много сот других (их не счесть) приказал он (царь. — *И. К., А. Б.*) внезапно изрубить, многих в их домах, и бросить куски в колодцы, из которых люди пили и брали воду для приготовления пищи»⁹⁷.

В том же 1567 году Иван IV расправился с земцами, подавшими ему челобитную о скорейшей отмене опричнины: царь, «негодую на увещание, велит схватить и разрубить на куски»⁹⁸. Таубе и Крузе описали ещё несколько случаев применения подобной экзекуции: «Своего казначея Хозяина Юрьевича (Тютин. — *И. К., А. Б.*) приказал он своему зятю, князю Михаилу Темрюковичу, изрубить на мелкие куски в его доме вместе с женой, двумя маленькими мальчиками, пяти и шести лет, и двумя дочерьми и оставить их лежать на площади для зрелища». Впрочем, очень скоро беда пришла и в дом Черкасского: «Жену своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского, чья сестра была за ним замужем, дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную благочестивую женщину, не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с её полугодовалым сыном и положить во дворе, где её муж должен был ежедневно проезжать и проходить». Точно такая же судьба постигла некоего «Петра Santzen'a» (установить его реального прототипа доселе не удалось) и многих других страдальцев⁹⁹.

По сообщению А. Гваньини, царские «кромешники» рассекли заживо на куски жён и дочерей боевых холопов боярина И. П. Фёдорова-Челяднина. Позднее, зимой

1569/70 года, похожая участь ожидала ослушников монаршего запрета проезжать по Новгородской дороге накануне карательной экспедиции в северо-западные пределы государства. Одним из таких случайных страдалцев — некоего наездника, посмевшего обогнать царский поезд по пути «в Новгородскую область», — Грозный приказал изрубить на мелкие части, а затем смешать «обрезки членов» несчастного с придорожными «нечистотами и глубокой грязью»¹⁰⁰. В самом Великом Новгороде подобной страшной казни подверглись, например, братья Ф. Д. и А. Д. Сырковы (первый принадлежал к местной бюрократической корпорации, второй — к именитому купечеству), причём расчленённые тела несчастных «тиран Васильевич» распорядился кинуть в воду.

Нередко иссечение «в пирожные мяса» представляло собой посмертную экзекуцию, производившуюся уже над бездыханными останками опального. По показанию Таубе и Крузе, вместе с И. П. Фёдоровым-Челядником смерть постигла и «Михаила Кольцова»*, которых Грозный «заколел... сам в большой палате <в Кремле> и приказал пищальникам бросить их тела; они разрубили их больше чем на сто кусков и оставили лежать на открытой площади»¹⁰¹.

Во время избиения жителей Твери в 1569 году Иван IV аналогичным способом расправился с пленными татарами и подданными польской короны, заключёнными в тамошних тюрьмах. Обречённые на гибель «бессермены» оказали яростное сопротивление убийцам; тогда царь повелел расстрелять смельчаков из луков и пищалей, а их мёртвые тела были изрублены в куски и выброшены в реку¹⁰². В июле 1570 года такой же суровой экзекуции подверглись литовские «полоняники», казнённые в московских узилищах при личном участии самодержца. Грозный, посетив в окружении многочисленных «приспешников» три тюремные башни, приказал свите «иссечь» на мелкие части топорами и мечами всех их обитателей, включая грудных младенцев¹⁰³.

* Весьма вероятно, что немцы-опричники имели в виду М. И. Кольчёва, погибшего в Москве в один день с боярином Фёдоровым.

«Иссечение» иногда могло быть заменено на ещё более ужасную казнь, предполагавшую долгую и невероятно мучительную агонию, когда осуждённого «резали по суставам». Первыми применили эту страшную экзекуцию на практике татаро-монголы в отношении населения Северо-Восточной Руси. По сообщению Новгородской Четвёртой летописи, 19 июля 1270 года в Орде хан Менгу-Тимур приговорил к смерти рязанского князя Романа Ольговича, которому «заткаша уста его убрисом (платком. — *И. К., А. Б.*) и начаша резати по суставам и метати разво, и тако розоимаша, оставиша труп един, они же одраша голову его и на копье взотькнуша...»¹⁰⁴. Семь десятилетий спустя, 28 октября 1339 года, хан Узбек после почти месячных раздумий об участии своих тверских вассалов повелел казнить у себя в ставке князя Александра Михайловича и его сына Фёдора: подобно Роману, они «разоимани быша по с<ус>тавом»¹⁰⁵.

В опричные времена, 25 июля 1570 года, столь жестокой расправе, заимствованной у ордынцев, подвергся влиятельный думный дьяк, печатник И. М. Висковатый, осуждённый по «новгородскому изменному делу». Опальный администратор перед смертью не только публично свидетельствовал о собственной невиновности, но и имел мужество обличить своих палачей-опричников во главе с самим государем, апеллируя к высшему, небесному правосудию: «Несчастливые вы люди вместе с великим князем; разбойники вы и прислужники его бессовестных деяний; проливаете вы незаслуженно безвинную кровь; вы поступаете как тираны, право и неправое посылаете смертных на гибель. Всё, в чём вы меня обвиняете, совершенно ложно, но для вас нет ничего легче, чем погубить невиновного. Но придёт час, которого вы не ждете, Бог когда-то вас накажет и сурово за всё покарает». Произнеся эти или похожие по смыслу слова, Висковатый выбрал наиболее сильный способ выказать степень своего презрения к убийцам — плюнул в их сторону. Вслед за тем он был подвешен на виселице вниз головой, а потом каждому из присутствующих на экзекуции придворных надлежало отрезать у него по одному «члену» — уху, губе и т. д. К огорчению Ивана IV, мучения его злосчастного канцлера окончи-

лись относительно скоро — он испустил дух после того, как некий подьячий отсёк ему «тайные уды». Сняв с виселицы обезображенный труп, царские «кромешники» продолжали истязать мёртвое тело, «рассекая его на части, а сперва отрезав голову»¹⁰⁶. По сообщению Д. Горсея, аналогичная экзекуция была совершена над неким царским «старшим конюхом» И. Обросимовым (его прототип также неизвестен)¹⁰⁷.

После кончины Ивана IV расчленение тел живых или мёртвых «преступников» на «дробные части» фактически перестало использоваться в государственной практике, уступив место типологически близкому четвертованию. Впрочем, своеобразный вариант этой экзекуции использовал и сам Грозный. В книге Гваньини описана одна из «новин» палаческой практики эпохи опричнины, при помощи которой был умерщвлён последний третий сын Казарина Дубровского: «Когда его схватили и доставили в Московию (так в тексте, правильно — в Москву. — *И. К., А. Б.*), великий князь велел разорвать его на четыре части на четырёх огромных колесах, придуманных для этой цели. Это орудие из четырёх колес изобретено для пыток самим нынешним великим князем: к первому колесу привязывают одну руку, ко второму — другую, таким же образом — каждую ногу к остальным двум колёсам. Каждое колесо поворачивают пятнадцать человек, и будь казимый хоть железный, хоть стальной, но шестьюдесятью человеками, беспощадно тянущими в разные стороны, он разрывается на части»¹⁰⁸.

Однако иссечение своих жертв «в пирожные мяса» явно приглянулось участникам народных волнений. Так, 17 мая 1606 года, когда в столице Российской державы произошёл дворцовый переворот, в результате которого был свергнут и убит Лжедмитрий I, камердинер царицы Марины Мнишек Ян Осмольский попытался защитить свою госпожу от расправы разъяренных москвичей. «Он... всею силою и долго удерживал противников на ступенях, потому что его в узком месте не могли поразить. Только когда лишился чувств, его разрубили на куски», — свидетельствовал автор «Дневника Марины Мнишек»¹⁰⁹. Осенью того же года в Зарайске

погиб местный «сын боярский» Д. Лосенков. «И Зарайского, государи, города жилецкие и всякие воровские люди по своей воровской измене, грубя государю царю Василью, мужа моево... убили до смерти: скинули з башни и изсекли на многие части, и многое время тело ево погresti не дали, покинуто было в рове в навоз», — жаловалась его вдова в челобитной царю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету, поданной в Поместный приказ в ноябре 1631 года¹¹⁰. В апреле 1613 года «тушинский» боярин, казачий атаман И. М. Заруцкий приказал изрубить в «пирожные мяса» захваченного в плен рязанского «сына боярского» А. Редькина¹¹¹.

Пятнадцатого мая 1682 года взбунтовавшиеся стрельцы и солдаты Второго выборного полка, возбуждённые слухом о насильственной смерти царевича Ивана Алексеевича от рук боярина И. К. Нарышкина, ворвались в Кремль, окружили Красное крыльцо монарших палат и потребовали выдать «тех, которые изменяют великому государю». Первой жертвой мятежников пал начальник столичных стрельцов боярин князь М. Ю. Долгорукий: «...жестокосердые те стрельцы, ухватя его, с того крыльца бросили на копья и бердышами изрубили». Эта участь постигла и боярина А. С. Матвеева: «...бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора и с таким своим тиранством варварскими бердышами... тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся». Родного брата царицы Натальи Кирилловны, комнатного стольника А. К. Нарышкина, пытавшегося спрятаться под алтарём дворцовой Воскресенской церкви, «бесчеловечно рассекли и тело его оттуда на площадь соборной церкви с высоты ругательски скинули». Такой же ужасной смерти был предан наперсник покойного царя Фёдора Алексеевича боярин И. М. Языков, укrywшийся было в доме своего духовника: «мучительно подняв на копья, все тело его бердышами рассекли»¹¹². В тот же день стрельцы и солдаты «изрубили в дробные части» спрятавшегося в одной из печных труб государевых палат (по другой версии — в ларе) посольского думного дьяка Лариона Иванова, а на следующий — думного дьяка Аверкия Кириллова. На третий день беспорядков, 17 мая, бунтовщики после

настойчивых поисков схватили боярина И. К. Нарышкина и Данилу-«лекаря» Фунгаданова, подозреваемого в отравлении своего августейшего пациента. После жестокой пытки добровольные палачи вывели их нагими к Лобному месту, где изрубили бердышами и искололи копьями, а потом «посекли» туловища на мелкие части, предварительно отделив головы и конечности. Вздвигая их на копьё, убийцы ходили «по мосту по Красному на оказание всем людем, а туловища иссекли и подымали на копьях вверх многожды», затем «голову взоткнули на долгое копьё и носили», а под конец «взоткнули... на долгой жа шест, где висели незнама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»¹¹³.

И в других случаях столичные стрельцы и солдаты Второго выборного полка не ограничивались лишь физическим истреблением «изменников», предавая их останки повторной казни через «иссечение» на мелкие «члены». После убийства Ю. А. Долгорукого его тело целую ночь валялось подле его дома, а на другой день убийцы возвратились и изрубили останки «в дробныя части», то есть вполне сознательно «поругались» над ними «нехристиански»¹¹⁴. По свидетельству Сильвестра Медведева, подобную участь мятежники уготовили праху всех остальных своих жертв: «Егда же кого убьют и збросят с Красного крыльца, нагого человека, взем за ноги, и вонзя копыи в тело, влачили по улице в Спаския ворота на Красную площадь... сечаху во многия бердыши многия люди мертвое тело наругателне, и пресекше с костми в мелчайшия частицы, яко отнюд невозможно знать, что человек ли то был, тако отхождаху»¹¹⁵.

События середины мая 1682 года стали последним случаем иссечения человека «в пирожные мяса», когда столь изуверская экзекуция, пусть и постфактум, получила санкцию верховного правителя (в данном случае правительницы) страны*.

* Одобрение правительством регентши царевны Софьи Алексеевны кровавого кошмара, учинённого взбунтовавшимися «воинскими людьми» 15—17 мая 1682 года, превратило внесудебную расправу в подобие государственного наказания преступников. Более того, дав согласие на сооружение на месте массовых убийств столпа с «медными лужоными» досками, на которых был выбит текст, оправдывавший майскую резню, и выдав печатные жалованные грамоты, освобождав-

Кровавый калейдоскоп: damnatio ad bestias и obicere bestiis по-русски

Среди квалифицированных смертных казней классического римского права упоминалась *damnatio ad bestias* («приговор к диким зверям»), предполагавшая схватку преступника со зверями в цирке. На первый взгляд эта экзекуция напоминала любимые римлянами поединки гладиаторов с дикими животными, но, в отличие от них, финал такой схватки был всегда предрешён: приговорённый к смерти человек погибал в пасти разъярённого хищника. Жестокая зрелищность превращала наказание в представление, ставшее одним из любимых развлечений римского народа. В тех случаях, когда приговорённые к чудовищной расправе люди не получали в руки оружия, они были обречены на растерзание дикими животными в соответствии с другой, хотя и типологически близкой, экзекуцией — *obicere bestiis* («бросать диким зверям») ¹¹⁶.

В Византии по законодательству императора Юстиниана те, «кто возмущает стихии или убивает своих врагов чрез демонов, те предаются на съедение зверям». Аналогичному наказанию подлежали и «нощные церковные тати», арестованные на месте преступления ¹¹⁷. Эта квалифицированная смертоубийственная экзекуция была хорошо известна отечественным судьям эпохи Средневековья через славянский перевод юридической компиляции, помещённый в Кормчей книге*: «Отлучена (предназначена. — И. К., А. Б.) же мука есть, еже зверем предати нощному церковному татю» ¹¹⁸.

шие мятежников от судебного преследования, светская власть, в сущности, приняла на себя ответственность за произошедшее. Впрочем, уже в ноябре 1682-го — январе 1683 года была проведена кампания по изъятию всех списков июньской жалованной грамоты, а ещё раньше «по просьбе» самих стрельцов был разрушен обелиск, прославлявший «заводчиков» и активных участников кровавых майских беспорядков.

* Кормчая книга (от ц.-сл. *кормчий* — рулевой) — сборник церковных и светских законов, руководство при управлении церковью и церковном суде, русская переработка византийского Номоканона, составленного в VI веке константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком. (Прим. ред.)

Однако на Руси практика травли приговорённых к смерти людей хищными животными не получила сколько-нибудь широкого распространения до правления Грозного. Единственный известный ныне подобный инцидент произошёл зимой 1377 года во время карательной экспедиции против «мордвы», снаряжённой нижегородско-суздальским великим князем Дмитрием Константиновичем*. Младший брат Дмитрия, городецкий князь Борис, «...взяша землю Мордовьскую и повоеваша всю, и села их, и погосты их, и зимници пограбиша, а самих посекоша, а жены и дети их полониша... и всю землю их пусту сотвориша и множество живых полонившее, и приведоша их в <Нижний> Новгород, и казниша их казнию смертною, травиша их псы на леду на Волзе»¹¹⁹.

Два века спустя весьма похожим способом расправлялся со своими врагами Иван IV. Выше уже шла речь о том, что Грозного всерьёз интересовала практика наказаний преступников по раннему византийскому законодательству, в основу которой была положена пенальная система классического римского права, и он даже заказал для себя перевод Кодекса Юстиниана. Московский государь превратил собак и медведей в безотказное орудие умерщвления опальных подданных и военнопленных. Г. Штаден сообщил без описания подробностей об экзекуции над неким человеком, который был затравлен псами «у Каринской заставы под Александровой слободой»¹²⁰.

В октябре 1569 года московский самодержец прика-

* Как известно, Дмитрий происходил из семьи, известной своим церковным и культурным грекофильством. Его отец, великий князь Константин Васильевич, породнился с византийским аристократическим родом армянского происхождения Гавров-Таронитов. При активном участии Константина Новгород (наряду с Великим Новгородом, Ростовом Ярославским и Тверью) превратился в центр византийского церковного и культурного влияния в Северо-Восточной Руси. Именно великий князь Константин выступил в роли ктитора-соучредителя нижегородской Вознесенской Печерской обители, первоначальником которой стал выученик балканских монахов архимандрит Дионисий, пользовавшийся в великокняжеской семье непререкаемым авторитетом. Очевидное грекофильство Бориса Городецкого позволяет говорить о попытке организовать на берегу Волги римско-греческую *obicere bestiis* — конечно, с налётом местного колорита.

зал уничтожить «знатных женщин», сторонниц опального Старицкого княжеского дома: «Сперва их для постыдного зрелища травили собаками... а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом и их оставили лежать непогребёнными под открытым небом, птицам и зверям на съедение»¹²¹. По словам Пера Перссона (Петрея), «раз велел он (Иван IV. — *И. К., А. Б.*) зашить в большую медвежью шкуру одного знатного дворянина и привести его на лёд. На него натравили больших княжеских и меделянских собак*, которые, считая его настоящим медведем, изорвали в мелкие клочки...»¹²². Причём А. Гваньини специально отметил тот факт, что истребление опальных таким страшным способом особенно часто происходило в присутствии Грозного в его резиденции в Александровской слободе¹²³. В 1574/75 году аналогичным образом, возможно, был умерщвлён новгородский архиепископ Леонид, которого российский самодержец «взя к Москве и сан на нем оборвал, и, в медведно ошив, собаками затравил»¹²⁴.

Однако нередко Грозный приговаривал обречённого на смерть человека к растерзанию не собаками, а медведем. Именно так в декабре 1571 года погиб дьяк «земской половины» Великого Новгорода Д. М. Бортев, разорванный хищником в самой дьячьей избе¹²⁵. По-видимому, с князьями В. И. и Н. И. Лугвицыными-Прозоровскими был связан описанный выше инцидент, когда на глазах монарха князь Никита Прозоровский хладнокровно участвовал в убийстве родного старшего брата. Правда, в данном случае речь могла идти не о каре, а всего лишь о специфическом царском развлечении, что подтверждается свидетельством Шлихтинга о том, что жертва экзекуции была награждена. Гваньини же пишет: «...Медведь так разъярился, что ни брат, ни многие другие долго не могли вырвать человека из пасти зверя, но, наконец, несчастный был избавлен от этой пытки». Вскоре он скончался от полученных ран¹²⁶.

* Меделянская собака (от *Mediolanus* — Милан) — миланский дог, одна из самых крупных пород очень сильных травильных и боевых гладкошерстных собак, ведущая происхождение от древних ассирийских псов, отличавшихся особенной злостью и употреблявшихся для охоты на крупного зверя. Её боевые качества позволяли брать не только волка, но даже медведя или тура. (*Прим. ред.*)

Помимо *obicere bestiis* Иван IV иногда устраивал и *damnatio ad bestias*, превращая страшную казнь в кровавую «медвежью потеху» наподобие гладиаторских боёв, происходивших на цирковых аренах Рима в эпоху язычества. Английский дипломатический агент Джером Горсей красочно изобразил экзекуцию, произведённую в Александровской слободе, вероятно, в 1575 году над православными черноризцами, каждому из которых палачи выдали по рогатине, вынуждая сразиться один на один с разъярённым животным: «В День святого Исайи (28 мая по григорианскому календарю. — И. К., А. Б.) царь приказал вывести огромных диких и свирепых медведей из тёмных клеток и укрытий, где их прятали... в Великой слободе. Потом привезли в специальное ограждённое место около семи человек из главных мятежников, рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и чётки в одной руке и пику 5 футов длины (то есть около полутора метров. — И. К., А. Б.) в другой... Вслед за тем был спущен дикий медведь, который, рыча, бросался с остервенением на стены: крики и шум людей сделали его ещё более свирепым. Медведь учуял монаха... он с яростью набросился на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот, ноги и руки, как кот мышь, растерзал в клочки, пока не дошёл до мяса, крови и костей. Так зверь сожрал первого монаха, после чего стрельцы застрелили зверя. Затем другой монах и другой медведь были стравлены, и подобным образом все семеро, как и первый, были растерзаны». Только один из них, более ловкий, чем другие, упёр один конец своей рогатины в землю, а другой направил в грудь зверю, и тот напоролся на выставленное оружие. Однако исход схватки всё равно оказался трагическим: раненый медведь «сожрал его... и оба умерли на одном месте»¹²⁷.

Аналогичным образом «тиран Васильевич» поступал с ливонскими и литовскими «полоняниками». По сообщению Пера Перссона, «эту медвежью травлю он часто заводил и зимой, когда бывал в Москве и мог смотреть на лёд из своей комнаты; тут он приказывал выводить множество пленных, заставлял их бороться и драться с медведями, которые безжалостно убивали

и терзали их»¹²⁸. Впрочем, как уже говорилось, развлекать российского венценосца столь диким и отнюдь не безопасным способом обречены были не только захваченные в плен иноземцы, но и его собственные законопослушные подданные, в недобрый час оказавшиеся поблизости от монаршей резиденции. «Отец и сын (царевич Иван Иванович. — *И. К., А. Б.*) охотно любят этим зрелищем и до упаду смеются...» — писал о «медвежьей забаве» первого московского царя А. Гваньини. Родственникам столичных жителей, убиенных во время этого «представления», Иван Грозный выплачивал своеобразную денежную «виру» за пролитую кровь — «одну или две золотых монеты» (по другой версии — три «серебренника»*), — вполне достаточную, по мнению самодержца, чтобы компенсировать потерю кормильца¹²⁹.

После смерти «тирана Васильевича» государственная власть больше никогда не использовала животных в качестве орудия умерщвления людей. Единичные случаи, когда владелец собак или ручного медведя натравливал их на человека, с тех пор представляли собой или способ внесудебной расправы, или весьма опасную, злую шутку.

Травля опального собаками и в особенности медведем, помимо чудовищных предсмертных мучений, как правило, освобождала палачей от необходимости хоронить его останки. Иными словами, наряду с описанным выше «иссечением» осуждённого на мелкие куски гибель его в пасти животного также идеально соответствовала традиции квазипогребения «нечистых» «заложных» покойников вне земной тверди.

При этом казнь при помощи собак и медведей, думается, была исполнена глубокого символизма, свойственного мышлению средневекового человека.

Грозный, внимательный читатель Ветхого Завета, мог вспомнить повествование о двух медведицах, растерзавших сорок два «отрочища», посмевших оскор-

* Не исключено, что речь идёт о весьма дорогой и почётной «вире» — наградных золотых и серебряных монетах, обычно жаловавшихся за воинское мастерство и мужество, предшественниках современных орденов.

бить пророка Елисея и проклятых «именем Господним», (4 Цар. 2:24). Этот библейский рассказ, где лесной исполин выступает в роли орудия Божьего правосудия, в полной мере согласуется с представлением о медведе как о чистом животном в славянской фольклорной традиции.

По народной русской примете, случайная встреча с медведем в дороге служит добрым предзнаменованием и сулит путнику удачу¹³⁰. Однако по своим чудесным свойствам лесной исполин весьма походит на пса: он может не только предупредить человека о присутствии нечистой силы, но и выступить в роли орудия наказания Господня для нераскаявшихся грешников. По распространённому среди восточных славян убеждению, живой медведь способен обратить в бегство нечисть и даже самого чёрта¹³¹, а его голова (череп), зубы и шерсть использовались в повседневном быту в качестве оберегов, защищавших как пастухов, так и домашний скот от чёрной магии и inferнальных существ¹³². Славяне рассматривали его в качестве ближайшего родственника: он либо имел общего с ними предка, либо был человеком, волей обстоятельств потерявшим людской облик и превратившимся в дикого зверя¹³³. В связи с этим становятся понятными не только зафиксированный в некоторых северных регионах Европейской России запрет на употребление в пищу медвежатины, но и убеждённость местного населения в существовании аналогичного кормового табу у медведя. По народным представлениям, самый могучий хищник русского леса мог напасть на человека и съесть его лишь с позволения Бога в наказание за совершённый грех¹³⁴.

В то же время славянские народы Восточной Европы верили, что медведь «близко знается с нечистой силой»: лешему он родной брат или находится у него в услужении; его облик нередко принимает и «младший» лесной дух — боровик. Считалось, что в медвежьей «личине» могут предстать перед людьми и леший, и домовый, и ведьма, и колдун, и клад-оборотень¹³⁵. Весьма примечательным является факт появления в русских народных говорах эвфемизмов «косматый чёрт», «лапистый чёрт», «лесной чёрт», «леший», «лешак», под влиянием ритуаль-

ного запрета заменяющих понятие «медведь» и притом ясно указывающих на сакральную связь этого зверя с инфернальным миром¹³⁶.

В связи со сказанным выше уместно вспомнить поведанную А. М. Курбским, скорее всего, фантастическую историю о тщетной попытке Ивана IV затравить медведем митрополита Филиппа, которого монаршие подручники якобы заперли с голодным животным в келье на ночь. Вопреки ожиданиям «кромешников», страшный хищник не причинил праведному святителю ни малейшего вреда¹³⁷.

Очевидно, Грозный, отдавая опальных на растерзание собакам и медведям, учитывал не только пример расправы с военнопленными в далёком XIV веке, но и сакральную способность этих животных выступать в качестве орудия Божьего наказания грешников, сведения о которой были почерпнуты царём в православной книжной и народной культурах. Последнее обстоятельство, безусловно, устраивало Грозного, так как сообщало массовым экзекуциям, совершаемым над собственными подданными и иноземными «полоняниками», необходимую санкцию не земного, а небесного правосудия. Более того, свои жестокие «медвежьи потехи» царь Иван мог посчитать вполне невинными и отчасти даже богоугодными, поскольку смерть в них наступала лишь того, кто прогневил самого Господа. Тесная же связь в народном сознании псов и медведей ещё и с демоническими силами неожиданным образом типологически объединяла их с верными царскими подручниками-опричниками, которые точно так же воспринимались современниками в двух совершенно противоположных ипостасях — как слуги одновременно и «светлого», и «тёмного» миров.

Истребление «скверного» имущества и погромы городов

Самый ранний по времени прецедент физического уничтожения вместе с преступником его домочадцев и всего принадлежавшего им имущества подробно опи-

сывается в ветхозаветной Книге Иисуса Навина. Преемник Моисея приговорил к столь суровому наказанию Ахана за кражу золотого и серебряных слитков, а также драгоценной одежды, захваченных евреями в поверженном Иерихоне и потом пожертвованных Богу. Последствия этой кражи для народа-скитальца, связанного коллективной ответственностью за преступление любого из своих представителей, оказались поистине катастрофическими: «Разгневался Господь яростью на сыны Израилевы», военная удача отвернулась от них — после триумфа под иерихонскими стенами их почти трёхтысячный отряд потерпел сокрушительное поражение. В соответствии с законом Моисея, Ахана постигло чрезвычайно жестокое наказание: под градом камней погиб не только сам вор, но и всё его потомство; тотальному истреблению подверглись даже домашние животные, шатёр и весь прочий скарб, который нашёлся в хозяйстве преступника. Добровольные палачи сначала предали огню трупы людей и скота, а затем завалили грудой камней их прах, смешанный с пеплом от сожжённого жилища и имущества (Нав. 7:1—26).

В средневековой России начало практики уничтожения «скверного» имущества преступников пришлось именно на время правления Ивана IV. По-видимому, впервые мысль об этом зародилась у монарха в ходе следствия о «заговоре» конюшего И. П. Фёдорова-Челяднина. По свидетельству Таубе и Крузе, летом 1568 года Грозный в окружении сподвижников-опричников и «дворовых» стрельцов «рыскал в течение шести недель кругом Москвы по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал всё, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и всё, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать». Чудовищной оказалась участь одушевлённого «имущества» опальных вельмож: «Бедный ни в чём не повинный деревенский люд, детишки на груди у матери и даже во чреве были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад и вперёд и ловить кур. Всё это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их

из лука»¹³⁸. Разгромив подмосковные имения истинных и мнимых сторонников опального вельможи, «тиран Васильевич» приступил к методичному разорению вотчинных земель самого боярина Фёдорова: «А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожёг по всей стране все вотчины, принадлежавшие... Ивану Петровичу...»¹³⁹ Используя показания очевидцев тех жутких событий, литовский хронист А. Гваньини нарисовал поистине апокалиптическую картину погрома едва ли не самого богатого частного хозяйства Московии второй половины XVI столетия: «После этого в течение почти целого года он (царь. — *И. К., А. Б.*) объезжал города и деревни во владениях упомянутого Ивана, предавая их огню и мечу. <...> Всю скотину, вплоть до собак и кошек, он велел изрубить на куски и превратить в ничто, деревни и имения — сжечь и смешать с землёй...»¹⁴⁰

Спустя несколько лет, зимой 1569/70 года, беспощадному истреблению подверглась собственность других «государевых изменников» — жителей Северо-Запада страны. В Твери царь «приказал... врываться в дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лён, сало, воск, шкуры, всю движимость, свезти всё это в кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться целыми; все двери и ворота были отмечены и изрублены. Если кто-либо из грабителей выезжал из дома и не делал всего этого, его наказывали как преступника»¹⁴¹. В Великом Новгороде, крупнейшем торговом и административном центре Московского государства, Иван IV распорядился, чтобы «ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться <целым>; всё, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось». Помимо этого, там «были снесены все высокие постройки; было иссечено всё красивое: ворота, лестницы, окна». Разгром города довершило уничтожение имущества опальных подданных в пограничной Нарве, которая традиционно служила новгородским негоциантам перевалочной базой для иностранных и отечественных товаров. «К Нарве и к шведской границе — к Ладожскому озеру — он (Грозный. — *И. К., А. Б.*) отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских (нов-

городцев. — *И. К., А. Б.*) и уничтожить всё их имущество; и многое было брошено в воду и сожжено...» — вспоминал Штаден¹⁴².

Священное Писание не только служило Ивану IV основой его политической практики в качестве «помазанника Божия», самодержавного монарха, но и оказалось весьма удобным пособием в таком частном вопросе, как наказание провинившихся подданных¹⁴³. Предав действительных и мнимых врагов участи ветхозаветного Ахана, Грозный явно пытался представить их в роли преступников, повинных в страшном по своим последствиям злодеянии — «сведении» гнева Божьего на соплеменников. К тому же избрание авторитетного текста в качестве литературного руководства для реальных экзекуций давало последним столь необходимую в глазах средневекового человека сакральную санкцию. Таким образом, весьма сомнительное с точки зрения христианской морали тотальное избиение личных недругов монарха в одночасье превращалось в абсолютно неизбежное и, главное, праведное противоборство с врагами самого Бога. Подобно Иисусу Навину, московский самодержец лишь исполнял волю небесного правосудия¹⁴⁴, искореняя «скверну» теми методами, которые прежде уже получили одобрение Господа. И первыми помощниками царя в этом вполне богоугодном деле снова были опричники.

Движимый пафосом справедливого и неминуемого воздаяния «ворам и изменникам», «злоумышлявшим» против своего законного государя, Иван IV задумал карательный поход в Великий Новгород. В глазах потомков эти ужасающие по своим последствиям деяния, учинённые опричниками при прямом участии Грозного и царевичей Ивана и Фёдора, являются едва ли не главным доказательством психического нездоровья первого русского царя. Многие населённые пункты по дороге в новгородские пределы являли собой печальное зрелище. «Как только опричники подошли к яму или почтовому двору Чёрная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там всё поджигалось и спаливалось», — писал Г. Штаден¹⁴⁵. Смерть и запустение принесли «кромешники» в Тверь, где они

«вешали женщин, мужчин и детей, сжигали их на огне, мучили клещами и иными способами, чтобы узнать, где были их деньги и добро». В целом, по мнению И. Таубе и Э. Крузе, более 90 тысяч человек (цифра явно завышена) были задушены и в три раза больше умерло затем с голоду. Точно так же «апришнинцы» разгромили Медынь, Торжок, Выдропуск, Вышний Волочёк, достигнув, наконец, стен Новгорода¹⁴⁶. Вступив в город, венценосец с сыновьями «и со всеми своими государевыми полчаны» принялись грабить «церковныя и монастырския казны и кельи, и служебные монастырские дома, и всякие обиходы». Если каратели находили «в житницах и на полях в скирдах стоячей немолоченой хлеб», то, выполняя монаршую волю, сжигали его, «а скот всякой, лошади и коровы» надлежало «посекати». Затем наступил черёд горожан. Грозный «со всеми воинскими людьми поехал по всему граду и по всем посадом и повеле у всех градских жителей, во всех домех и в подцерковиях, и в полатах имения их грабити, и самых мужей и жен без пощадения и без остатка бити и грабити дворы их, и в хоромех окна и ворота высекати». Помимо собственно города с пригородами разорению подлежала прилегающая территория «верст за 200 и за 300, и болши». Для этого царь разослал «на все четыре стороны» своих «князей и бояр, оприч воинских людей», которым вменялось в обязанность разорять дотла владения новгородцев: «домы их грабити и всячески расхищати и скот их убивати без пощадения»¹⁴⁷. Свидетельство отечественного книжника-летописца дополняют детали, подмеченные иноземными писателями. Так, Таубе и Крузе, между прочим, вспоминали о судьбе движимого имущества, захваченного в Великом Новгороде: «Грубые товары, как воск, лён, сало, меха и другие, велел он (Иван. — *И. К., А. Б.*) сжечь и бросить в воду. Шёлк, бархат и другие товары были бесплатно розданы палачам (то есть членам экспедиционного корпуса. — *И. К., А. Б.*)»¹⁴⁸. «Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; всё, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали», — вторит им Г. Штаден¹⁴⁹. Не стоит забывать

о причине столь трагической гибели целого региона: Иван IV подозревал его население во главе с местными церковными и светскими элитами в самом страшном преступлении против себя и государства — измене.

Об избиении жителей целого города по подозрению в измене также известно ещё из текстов Ветхого Завета. Первый израильский царь Саул повелел «начальнику пастухов» Доику-идумеянину возглавить карательную экспедицию и уничтожить левитский город Номву. Разгрому «града иереиского» предшествовала казнь восьмидесяти шести левитов во главе с первосвященником Ахимелехом, обвинённых в измене. Саул подозревал их в тайном сочувствии к своему мнимому сопернику Давиду. В глазах израильского царя вину Ахимелеха усугублял тот факт, что он снабдил беглецов пищей — священными хлебами, а безоружному Давиду вручил меч, некогда принадлежавший гиганту Голиафу (1 Цар. 21:3—6, 8—9). Не поверив уверениям первосвященника в преданности, Саул приказал истребить за «грех» измены не только самого первосвященника и его ближайших сподвижников — левитов, но и всех их «слуг»-номвитян: «от мужеска полу и до женьска, от отрок и до с<о>сущих <младенцев>» вместе со всем имевшимся в городе скотом: «и телят, и оселе, и овчат» (1 Цар. 22:19).

Подобная участь нередко ожидала и население городов, захваченных иудеями в ходе боевых действий. Так, Иисус Навин во время штурма Иерихона, предав его жителей проклятию, распорядился, чтобы «все, елико бяше в граде от мужеска полу и до женьска, от юноша и до старца, и от телца до овцы, и до осляти, все — под мечь». Исполнив повеление своего предводителя, израильские воины «град... запалиша огнем с всем, еже в нем, разве злата и сребра, меди и железа», которые им надлежало «отдаша в дом Господень, внести Господеву» (Нав. 6:20, 23).

Расправа Грозного с тверскими и новгородскими «изменниками» представляется чем-то вроде вольной инсценировки библейского повествования о наказании Саулом обитателей подвластной ему Номвы. В самом деле, страшную участь представителей региональных элит, заподозренных монархом в измене, в полной

мере разделили не только многие из их родственников, челядинцев или даже холопов, но и тысячи человек, «вина» которых состояла лишь в том, что им довелось жить на одной территории с высокопоставленными опальными. Причём в жизни, как и в литературном произведении, безусловному уничтожению подлежали и сами «преступники», и их «скверное» имущество. Любопытно, что августейший читатель Священного Писания с одинаковым восторгом и энтузиазмом был готов подражать и Иисусу Навину, пожертвовавшему ради спасения всего израильского народа жизнями преступника и его вероятных соучастников, и Саулу, погубившему множество законопослушных подданных из-за одних только сомнений в лояльности первосвященителя. Такая нетривиальная психокультурная коллизия легко могла возникнуть в средневековой России, где перевод на церковнославянский язык библейских книг отнюдь не подразумевал синхронного перевода толкований Отцов Церкви на ветхозаветные тексты, не используемые за богослужением. Поэтому царь Иван Грозный, лишённый духовного путеводительства по Ветхому Завету, вынужден был постигать премудрость древних памятников исключительно в меру своего разумения и темперамента. Практическим результатом такого стихийного знакомства с ветхозаветными текстами стала невиданная дотоле эскалация насилия над подданными, многие из которых были преданы смерти за «преступления», содеянные даже без их формального участия, другими людьми, за сотни вёрст от места их постоянного проживания.

Между тем расправа с населением городов и сёл Северо-Запада Московского государства весьма напоминала операцию русского войска на вражеской территории. Каковы были обычаи ведения войны во владениях противника, великолепно иллюстрирует история осады ратниками царя Алексея Михайловича литовского Витебска в 1654 году. Осенью того года шведский торговый агент в Московии И. де Родес сообщал в донесении королю Карлу X Густаву о повелении целенаправленно разорять окрестности осаждённого Витебска, отданном царём своим воеводам: «На 70 миль пути почти

всё сожжено и опустошено, урожай на полях выжжен, вытоптан и скормлен <лошадям?>; напитки — венгерское вино, коньяк, медовуха и пиво — вылиты на землю и смешаны с дерьмом. Солдатам и офицерам высочайше предписано не пить ни капли. Скот забивается солдатами только ради получения кожи, а мясо достаётся воронам»¹⁵⁰. Можно заметить, что картины погрома окрестностей Великого Новгорода в 1570 году и Витебска менее столетия спустя имеют много общего.

Думается, «изменнический» город или регион переставал восприниматься в качестве неотъемлемой части своего государства, отчего обращение карателей с его жителями и их имуществом подчинялось жестоким правилам ведения боевых действий на чужой земле. Именно поэтому еще в 1387 году, когда войска коалиции, возглавляемые смоленским великим князем Святославом Ивановичем, отправились отвоевывать старинную «отчину» Мстиславль, захваченную литовцами, путь их был усеян трупами мирного населения, брошенными в разрушенных жилищах. Смоленские «вои» и их союзники, «кого где изымавшие нещадно мучаху различными казнями: мужей, жен и детей, а иных в избы запираючи зажигаху»¹⁵¹, то есть громили родную землю, волей случая оказавшуюся под властью Литвы, и жестоко расправлялись с бывшими подданными смоленского «володителя».

Создаётся впечатление, что сами наши соотечественники эпохи Средневековья не имели точного представления о том, кого следует считать изменником и в чём, собственно, заключается преступное деяние, называемое изменой, когда речь заходит не об отдельной личности, а о населении города или даже целого региона. В отечественной истории Средневековья и раннего Нового времени «тиран Васильевич» был отнюдь не одинок в организации массового умерщвления подданных по одному лишь подозрению в их «измене». Тишайший царь Алексей Михайлович погубил тысячи людей в Белоруссии и Литве во время длительной войны с Речью Посполитой 1654—1667 годов, причём речь идёт не о потерях в ходе боевых действий, а о сознательном истреблении мирных жителей новоприсоединённых

территорий, которые после тактического отступления царских войск автоматически становились «изменниками» при возобновлении старой присяги польскому королю. Трагический инцидент, в котором буквально как в зеркале отразились новгородские события 1570 года, произошёл с мещанами Брест-Литовска при повторном взятии города русскими «ратными людьми» в начале 1660 года. Имперского капитана Розенштейна, посетившего в феврале по делам службы завоёванный москвитями Брест, потрясло жуткое зрелище: во рву, возле городских ворот, едва присыпанные соломой, лежали трупы и отделённые от туловищ головы 1700 тамошних обывателей, убитых как в ходе штурма города, так и во время резни, устроенной после взятия замка¹⁵². Примечательно, что жители Бреста подверглись избиению лишь на основании гипотетической возможности совершения инкриминируемого им преступления: московский военачальник князь И. А. Хованский точно не знал, принимали ли они новую присягу, но тем не менее отдал приказ о проведении экзекуции.

Погром городов за «измену» прекратился лишь при Петре I. 2 ноября 1708 года, после перехода гетмана Малороссии И. С. Мазепы на сторону шведского короля Карла XII, карательный отряд, возглавляемый А. Д. Меншиковым, «выжег и высек» гетманскую столицу Батурин. «Ятмана (гетмана. — И. К., А. Б.) же Иоанна Мазепу великий государь повеле смертию казнити, и град его stolный разори до основания и вся люди посече...» — лаконично сообщается в одной из позднейших новгородских летописей¹⁵³. Однако необходимо отметить, что безвестный книжник, явно памятуя о том, как поступали в аналогичной ситуации прежние российские государи, приписал монарху-реформатору мысли и поступки, которых тот не совершал. Расправу с «изменниками» затеяли драгуны, понесшие потери при штурме города, а Меншиков остановил своих разошедшихся подчинённых лишь через несколько часов. Государь не только не наградил «Алексашку» за батуринский штурм, но и повелел исключить описание этой операции из официальной «Гистории Свейской войны»¹⁵⁴. Следовать «старине» Пётр более не желал.

Иван Грозный же, подобно одному из героев Г. К. Честертона, с упоением читал «свою Библию», нередко используя её тексты в качестве практического руководства при организации массовых экзекуций. Какова была роль опричников в этом кровавом шоу и насколько они были способны постичь всю символично-аллегорическую глубину замыслов палаческих инсценировок самодержца? Думается, «тиран Васильевич» отводил своим приспешникам из слободского «братства», равно как и опричным «детям боярским» или стрельцам, скромное место бессловесных статистов, беспрекословно и, главное, точно исполнявших его волю. Образованность же основной массы служилых людей «по отечеству», без различия их принадлежности к земщине или опричнине, не выходила за рамки элементарных навыков чтения, письма и счёта. Поэтому и ближайшие сподвижники августейшего «игумена», и провинциальные опричные «дети боярские» в большинстве своём вряд ли смогли оценить по достоинству прихотливую игру ума монарха-книгочоя. Однако они были вполне в состоянии адекватно воспринять намерение царя превратить опальных в inferнальных «заложных» покойников.

Необходимо отказаться от устойчиво сохраняющегося в общественном сознании мифа об опричниках, исполнителях монаршей воли, как людях, отличавшихся особой демонической жестокостью и кровожадностью. В истребительных экспедициях Грозного принимали участие многие бывшие дворяне-земцы, переведённые в опричнину в составе своих территориальных корпораций. Именно такие «дети боярские», плавая на лодках по Волхову, добивали полуживых опальных новгородцев. В известных акциях устрашения населения Ливонии равно принимали участие и «дворовые», и земские воинские люди. Любопытно, что даже противники российского самодержца, наводнившие в те годы Западную и Центральную Европу пропагандистскими «летучими» листовками с картинками зверств русского войска, никогда не изображали ратников-«москвитов» в чёрном платье царских «кромешников». В массовом сознании эпохи позднего Средневековья террористические способы войны не воспринимались как нечто

аномальное и диковинное. Поведение Грозного, равно как и его верных приспешников, безусловно, устрашало современников. Но возникает ощущение, что даже сами жертвы «большого террора» XVI столетия вполне понимали логику поступков своих мучителей. Приведённые выше примеры из других времён русской истории ясно демонстрируют чрезвычайно высокий градус жестокости нравов средневекового общества. На фоне истребления населения и «запустошения» окрестностей Мстиславля в конце XIV столетия или избиения жителей Бреста зимой 1660 года действия «апришнинцов» выглядят вполне традиционными, а вовсе не предстают кровавым кошмаром, порождённым психической патологией венценосца.

Погребение опальных

В тех случаях, когда казнь опального подданного вынуждала палачей искать для него место вечного упокоения, в качестве такового выбиралась квазимогила, уготованная inferнальным «заложным» покойникам. По широко распространённому среди восточных славян убеждению, участие в похоронах «заложного» мертвеца могло причинить вполне ощутимый вред всякому, кто присутствовал на этой погребальной церемонии, поскольку «нечистота» покойника автоматически распространялась на всех его могильщиков¹⁵⁵. В реке же или в озере никого погребать не приходится, а в мочажине* или в трясине земля сама «засосёт» брошенный труп — разве что для ускорения природного процесса его следовало ещё затоптать¹⁵⁶.

По этой причине водная стихия представлялась идеальным местом погребения останков убитых на суше опальных. Так, в начале 1565 года Иван IV повелел казнить одного из нижегородских воевод, князя С. В. Звягу Лобанова-Ростовского, притом он явно не предполагал предавать его останки земле. Опричники схватили администратора в церкви, «с него содрали одежду, так что он остался нагим, в чём мать родила, а потом в око-

* Мочажина (мочаг) — мокрое, непросыхающее место.

вах был брошен в сани и привязан». Отъехав от города, как пишет Гваньини, на три мили, опричный отряд остановился на берегу Волги, якобы для того, чтобы напоить коней. Эта остановка оказалась последней в жизни страдальца: «начальник всадников отрубил ему, лежащему, голову топором, а труп сбросили в замёрзшую реку». Голову казнённого «апришнинцы» повезли в Москву, дабы продемонстрировать её монарху. «Прощание» Грозного со своим подданным было коротким: венценосец оттолкнул страшный трофей ногой и приказал бросить в реку¹⁵⁷.

Река Шерна, протекающая близ Александровской слободы, по-видимому, стала могилой для боярина В. В. Поплевина-Морозова, скончавшегося от пыток в тюремном застенке около 1568—1569 годов¹⁵⁸. По свидетельству А. Шлихтинга, Иван IV повелел привезти того из тюрьмы в свою слободскую резиденцию и подвергнуть пыткам. «Он слышал, что тот по чувству сострадания велел похоронить утопленного в реке... слугу князя Курбского. Тиран думал, что Владимир устроил какой-то заговор с Курбским, и ложно обвинил его, наконец, в том, будто он неоднократно переписывался с Курбским. Этот несчастный умер от боли среди пыток; тело покойного тиран бросает в воду»¹⁵⁹. Как известно, Иван IV усматривал признаки государственной измены даже в проявлении его подданными христианского сочувствия к земским или, тем паче, опальным. В Великом Новгороде, где в начале 70-х годов XVI столетия свирепствовал страшнейший голод, произошёл инцидент, описанный Таубе и Крузе: «Один из его опричников дал из особого сострадания одной вдове хлеб и не хотел ничего взять с неё за это. Когда это дошло до великого князя, приказал он схватить и обезглавить его и вдову, и оба тела вместе с хлебом открыто лежали на площади в течение трёх дней»¹⁶⁰. Столь же безжалостно расправлялся царь с теми, кто публично выказывал чувства по отношению к казнимым опальным: «...если он заметит кого-нибудь в это время с угрюмым или печальным лицом или услышит, что кто-нибудь недостаточно рьяно повторяет за ним “гойда, гойда”, он тотчас приказывает своим приспешникам схватить и изрубить такого чело-

века, приговаривая: “И ты, изменник, мыслишь заодно с моим врагом? Почему ты ему сочувствуешь? Почему скорбишь о смерти его?” и т. д.»¹⁶¹. Между тем забота В. В. Поплевина-Морозова о посмертном упокоении души единове́рца, пострадавшего за преданность своему господину, демонстрировала явное нежелание этого православного человека спокойно наблюдать откровенное глумление над соотечественником-христианином, которого через лишение правильного погребения пытались превратить в отверженного «заложного» мертвеца, обречённого на вечные загробные страдания. Судя по тому, что уже в 1568/69 году Иван Грозный приказал разрядным дьякам Щелкаловым послать в Симонов монастырь 25 рублей на церковное поминание боярина Поплевина, тот и под пыткой не дал никаких компрометирующих себя показаний¹⁶².

Во время погрома Северо-Запада страны в конце 1569-го — начале 1570 года каратели «хоронили» тела замученных тверичей и новгородцев соответственно в водах Волги и Волхова¹⁶³. Печальную судьбу горожан в полной мере разделили и находившиеся там военнопленные. Например, в Твери монарх «приказал... привести к воде, к Волге, вместе с пленными немцами, пленных полочан, многие из которых жили в тюрьмах и более ста в домах; они были растерзаны в его присутствии и брошены под лёд»¹⁶⁴. Та же участь постигла и жителей пограничной Нарвы, традиционно использовавшейся купцами Великого Новгорода для хранения крупных партий товаров, реализуемых как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Иван IV отправил туда 500 «конников», приказав «объявить по всему городу, чтобы никто не смел под страхом смертной казни и конфискации всего имущества ни покупать, ни присваивать новгородские товары. Все же нарвские жители, которые тайно купили у новгородцев хоть какие-нибудь товары, были изрублены и брошены в озеро, а их владения вместе с домами были сожжены. Бедняков же и нищих, которые из-за страшного голода... варили и ели трупы убитых, приспешники (то есть опричники. — *И. К., А. Б.*), по приказанию государя, убили и утопили убитых в реке, а все товары разного рода, принад-

лежавшие новгородцам, которые разыскали, снесли в одно место и сожгли»¹⁶⁵.

Водная стихия служила местом погребения не только телесных останков опальных, но и самого их праха после сожжения трупов на кострах. Так, во время массового избиения ливонских и польских пленных в Москве в 1578 году Иван Грозный приказал предать огню тела замученных девушек-дворянок, «а пепел кинуть в реку»¹⁶⁶.

В тех случаях, когда возникала необходимость «похоронить» останки опальных не в воде, а на суше, опричники пользовались двумя традиционными квазимогилами: скудельницами в поле и надземными курганами, которые в эпоху позднего Средневековья предназначались исключительно для погребения «заложных» мертвецов. Между тем с богословской точки зрения на «распределение» тел между регулярным христианским погостом и скудельницей влияли особенности восточнославянского мировосприятия, органически вмещавшего в себя, казалось бы, несоединимое: языческую и православную идеологии. Общеизвестно, что в христианстве понятие греха неразрывно связано с личной ответственностью человека за всё содеянное им в продолжение жизненного пути, «яже в слове и в деле, в ведении и в неведении, яже в уме и в помышлении», отчего он может быть наказан или поощрён лишь за собственные действия или мысли. Именно поэтому церковь отказывает самоубийцам, добровольно лишаящим себя дарованной Богом жизни, не только в поминовении во время богослужения в храме, но и в погребении в освящённой земле кладбища, тогда как ни для церковных молитвенных ходатайств перед Всевышним за погибших от несчастных случаев, стихийных бедствий, эпидемий или актов насилия, ни, тем более, для их надлежащего захоронения на православном погосте не существует ни малейших богословских и канонических препятствий.

Принято представлять скудельницу отечественным аналогом западноевропейской братской могилы¹⁶⁷. Действительно, по внешнему виду они мало чем отличаются¹⁶⁸. Однако между ними существует одно весьма принципиальное различие: братская могила в Запад-

ной Европе, как правило, находится на освящённой территории кладбища, а скудельница — за оградой православного погоста. Более того, судя по свидетельству голландского дипломата Н. Витсена, оставленному в его дневнике, описывающем путешествие в Московию в 1664—1665 годах, такая яма засыпалась лишь небольшим слоем земли, отчего погребённые в ней останки становились лёгкой добычей диких зверей и птиц. В таком случае средневековое русское буевище представляет собой не братскую могилу, а место для захоронения «неправильных» мертвецов, лишённых права упокоения на регулярном кладбище¹⁶⁹.

Детальное описание «гноища», устроенного рядом с приписанной к Иосифо-Волоколамскому монастырю Спиридоньевой обителью, помещено в волоколамском Обиходнике 1581/82 года: «У того же монастыря близ от церкви оставлен есть молитвенный храм, в нем ископана есть глубокая могила, иже нарицают дом Божий. В нем же полагают, по благословению настоятеля большего монастыря и соборных старцов, преставльшихся раб своих всех православных христиан, иже нужными всякими смертями скончавшихся от глада и губительства, огня, и меча, и межусобных брани, сиречь от разбоя и от татбы, и от потопа, и Божиим гневом мором умерших, и в воде утопающих, и где ни будет на пути, и на лесу, и на пустых местех, повержена телеса усопших кто обрящет и пришед возвестит игумену и старцом. И игумен, и старцы прикажут строителю богарадному, повелит взять... тело наго умершаго и положити в Божей дом и спиоровскому игумену над ним, отпев обычна молитвы погребалные, положити в той молитвенный храм, и в книги писати, Бога ради, коих имена ведомы». «Молитвенный храм» над выкопанной ямой-могилой зачастую представлял собой обыкновенный сарай¹⁷⁰.

В 1568 году тела явных и мнимых сторонников влиятельного земского боярина И. П. Фёдорова-Челядника, подозреваемого Грозным в намерении захватить власть «на Москве», оставались лежать непогребёнными на городских улицах с приколотыми к одежде «цидулами», извещавшими жителей о причине постигших их опалы и бесчестной смерти от рук опричников. По

прошествии суток или нескольких дней специальные заставы вывозили трупы казнённых за город, «в поле», где и сваливали их «в одну кучу... в яму». Причём Штаден, рассказывая о леденящих кровь подробностях массовой экзекуции, ни словом не упомянул о том, что этот могильник, больше напоминавший наскоро сооружённую скудельницу, был сразу же засыпан землёй. Труп же самого конюшего И. П. Фёдорова-Челяднина, убитого в столице 11 сентября 1568 года, «кромешники» бросили, по сообщению немца-опричника, «у речки Неглинной в навозную яму»¹⁷¹. Столь непривлекательный вид в глазах Штадена вполне мог иметь один из московских «убогих домов», существовавший в районе Неглинной, рядом с церковью Николая Чудотворца в Звонарях. Примечательно, что тамошний Никольский храм ещё до возведения стен Белого города и Скородома в 1593 году именовался божедомским¹⁷². Не случайно в России гноищем, помимо собственно навозной ямы, нередко называли ещё и «убогий дом», где останки «заложных» покойников, подчас совсем разложившиеся, находились весьма продолжительное время в ожидании захоронения в Семиковый четверг¹⁷³.

Более сотни тел православных христиан, казнённых по делу новгородского архиепископа Пимена в Москве 25 июля 1570 года, лежали неприбранными на рыночной площади, называемой Поганая Лужа, в продолжение всего дня экзекуции, и лишь под вечер «эти трупы были собраны в одну яму, вырытую за городскими воротами, и над ней насыпана огромная куча земли»¹⁷⁴. Очевидно, что описываемая «могила» представляла собой обыкновенную скудельницу, по прихоти палачей превращённую в курган.

Широко известен факт захоронения в сентябре 1570 года в скудельнице у церкви Рождества Христова «на поле», расположенной близ Великого Новгорода, десяти тысяч горожан, уничтоженных во время опричной резни¹⁷⁵ (впрочем, Р. Г. Скрынников полагал, что среди погребённых в скудельнице находились не только жертвы опричного террора, но и умершие от голода и чумы, свирепствовавших в Новгороде в тот год¹⁷⁶). Несмотря на участие в церемонии новгородского духовенства,

выбор в качестве места упокоения жертв массовых репрессий скудельницы или «убогого дома», куда обычно свозили тела «заложных» покойников, весьма показателен. Православное священноначалие прилагало немало усилий, дабы максимально «христианизировать» существующую практику погребения лиц, умерших неестественной или насильственной смертью. Более того, само «пение» общей панихиды в Семик, равно как и постройки часовен вблизи божедомок являют собой акты вынужденного компромисса со стороны церкви, уступающей «бытующему в народе предрассудку»¹⁷⁷.

В июле 1572 года русское войско под водительством князей И. М. Воротынского и Д. И. Хворостинина наголову разбило татарские и ногайские полки крымского хана Девлет-Гирея. По свидетельству непосредственного участника боев Г. Штадена, победители оставляли трупы павших «бесермен» на съедение диким животным, предавая земле лишь тех убитых, на которых сохранились нательные кресты¹⁷⁸. Впрочем, и останкам воинов-христиан могильщики уготовили всего лишь скудельницу.

Сознательное оставление праха без надлежащей защиты от расхищения животными присуще и другим псевдомогилам — надземным курганам, в которых палачи Грозного «похоронили» останки польских и литовских пленников, «отделанных» во время московской резни в июле 1570 года. Они вывезли собранные на месте экзекуции изрубленные трупы за город, где соорудили из человеческих тел «три холма», которые потом присыпали песком и землёй. При этом небрежность, с какой опричники погребли убиенных «полоняников», показала А. Шлихтингу явно умышленной, имевшей целью скормить истерзанные тела зверям и птицам¹⁷⁹.

Таким образом, широко распространённое среди славян представление о фатальных последствиях неестественной и тем более насильственной смерти для загробной участи человека предопределило отношение к соотечественникам, казнённым по суду, как к «заложным» покойникам, недостойным правильного христианского погребения на кладбище. Именно поэтому Грозный охотно подвергал опальных подданных

и военнопленных казням-захоронениям, изначально освобождавшим палачей от необходимости предавать «нечистый» прах земле. Бесчеловечные приёмы умерщвления опальных, которые обычно принято объяснять спонтанными проявлениями патологической жестокости «тирана Васильевича», в большинстве случаев представляли собой традиционные для Руси смертоубийственные экзекуции. Лишь четвертование при помощи колёс да подрыв на пороховых зарядах в маленьком срубе можно отнести к «новинам» опричной палаческой практики. Поэтому справедливости ради необходимо признать, что при выборе той или иной экзекуции для расправы с врагами первый русский царь оставался убеждённым традиционалистом. Иными словами, из рассуждений об аномальном развитии личности Ивана IV отныне придется исключить ссылки на способы лишения жизни монарших «ослушников».

Более четырёх столетий отделяют нас от бурного царствования Ивана Грозного. После него наступила Смута, произошли крутые Петровские реформы, случились невиданные потрясения XX столетия. Но за всеми этими катаклизмами возвышается и по-прежнему притягивает взгляды фигура первого российского царя. Конечно, XVI век — время становления Московской державы, чьими непосредственными преемниками стали и Российская империя, и Советский Союз, и вновь обретшая старинный герб нынешняя Российская Федерация. И всё-таки есть в том времени ещё что-то, как будто смятенный дух царя Ивана всё не может обрести покой и время от времени смущает умы потомков: то толкает их на поиски загадочной царской библиотеки, то является объектом для десятилетиями учёных дискуссий с порой явным политическим подтекстом, то предстаёт в кинофильме в виде харизматичной личности или обсуждается с телеэкрана в проекте «Имя Россия» и входит, хотя и последним, в десятку победителей, обойдя при этом Екатерину Великую и царя-реформатора Александра II, то подвигает неумеренных почитателей на требование его канонизации. Учёные же продолжают спорить о цели и смысле странного и ужасного царского детища — опричнины.

Иное дело — сами опричники. За пределами исторических изысканий их имена мало кому известны и особоб-

го интереса у публики не вызывали, за исключением, пожалуй, Малюты Скуратова и Бориса Годунова. Первый стал своеобразным символом опричнины, хотя не был ни её основателем, ни руководителем; второй же известен не службой в опричнине, а в качестве «убийцы» царевича Дмитрия и первого выборного царя, открывшего дорогу Смуте.

Основная же масса опричников остаётся «за кадром» в виде толпы беспощадных слуг. Такими, собственно, они и были запечатлены в памяти современников. «И бысть в людех ненависть на царя от всех людей. И биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти. И присташа ту лихие люди, ненавистники добру, стаща вадити великому князю на всех людей, а иные по грехом словесы своими погибоша».

Тем не менее одни из них окружали государя, пользовались его доверием и, очевидно, подсказывали ему те или иные решения, которые затем выполнялись уже руками других членов опричнины. В результате многолетних исследований нам известны сейчас многие (если не все) командиры опричного корпуса, их служебные «подвиги», награды, вотчины — и бесславный конец их карьеры, отчасти заслуженный. «Начальные люди» опричнины скоро разочаровали своего повелителя: они оказались столь же алчными, как и те, с чьими злоупотреблениями призваны были бороться; так же стремились к чинам и почестям, интриговали, заискивали и устраняли соперников на пути к царским милостям.

Но о рядовых опричного воинства мы по-прежнему знаем очень мало, в лучшем случае — их имена, размер жалованья, наличие поместья. Мы можем представить, как они одевались, каким образом воевали, какими были их владения. Но люди того времени не вели дневников и не делились с друзьями и знакомыми своими проблемами в переписке, а большинство вообще были неграмотными. Скучность источников не даёт возможности узнать, что они думали, чувствовали и переживали. Осознавал ли кто-то из них, хотя бы отчасти, предназначенную им царём миссию охраны

великого православного царства во главе с не ограниченным в своих действиях монархом — или просто радовался внезапному зачислению в опричнину, видя в нём возможность подняться по чиновной лестнице и получить деревню побогаче? Действительно ли они считали свои жертвы изменниками, бездумно выполняли приказы — или, пользуясь случаем, подводили под следствие и казнь невинных и вымещали злобу на соседях?

Едва ли это когда-нибудь будет доподлинно известно. Можно, пожалуй, полагать, что одним, более приближенным к государю, приходилось задумываться. Для них иллюзия опричного «братства» с царём-игуменом была разрушена казнью государевых любимцев, вчерашних начальников или сослуживцев, когда в 1572 году в Новгороде «царь православной многих своих детей боярских метал в Волхову реку, с камением топил». Их не могло не насторожить, что противниками объявлялись не только «ленивые богатины» — бояре, но и всероссийский митрополит Филипп, и новгородские посадские люди с жёнами и детьми, и простые мужики из северных деревушек, которые умирали от опричных сабель или на жестоком «правеже».

Других же кипящие у трона страсти могли поначалу не затронуть — зачисленные в опричнину провинциальные «дети боярские» едва ли сильно интересовались придворными делами. Они, как и прежде, в составе своей сотни ходили в походы или несли «береговую» службу, вели своё нехитрое хозяйство. Им куда важнее было получить справное поместье в опричном уезде и посадить на землю пленников-холопов. Но и на них могла обрушиться беда по воле очередного царского приспешника или самого государя, как это случилось во время карательной экспедиции по вотчинам боярина И. П. Фёдорова-Челяднина: «...весь крупный и мелкий скот и лошадей, собранных в одном месте, ...приказал рассечь на куски, а некоторых и пронзить стрелами, так-то он не пожелал оставить живым в каком-либо месте даже маленького зверька. Поместья и кучи хлеба он зажигал и обращал в пепел. Он приказывал убийцам насиловать у него на глазах жён и детей тех, кого

он убивал, и обращаться с ними по своему произволу, а затем умерщвлять».

Как и в иные времена, кто-то не мудрствуя, а то и не без выгоды для себя исполнял любые приказы. Тем более что сам великий государь возвысил их, верных слуг, над прочими подданными именно для того, чтобы творить его волю, которая, полагал Иван IV, есть исполнение воли Божьей, а потому не подлежит суду человеческому. Сформулированная царём-писателем идея, что лишь единоличная, сильная, ничем не ограниченная власть монарха может сохранить государство, укрепить и защитить его от внешних и внутренних врагов, с этого времени прочно заняла важное место в сознании русского общества и отнюдь не исчезла из него до наших дней.

Кого-то царские повеления могли смущать — и тогда надо было спасать душу щедрым вкладом в монастырь. Так же поступал и сам царь, радуясь, когда «церковные пороги — насколько хватает наших сил и разума и верной службы наших подданных — светятся всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями». Думается, не один опричник томился и стремился покаяться подобно тому, как это делал сам государь в каноне архангелу Михаилу: «Осквернившие душу злыми похотми и теплыми слезами не омывшие и милостынею не очистившие, страшного посланника не поминающе, мы же ты, ангеле, по достоянию величаем. Бога нам поведаешь, святой ангеле, и душу мою окаянную ис тела изимаеши, и плоть разтлиши и гробу предаешь, молим ти ся, святой ангеле, изми душу мою от сети ловящих, ты величаем. От Бога посланному, всех ангел пристрашен еси, святой ангеле, не устраши мою душу убогую, наполнену злосмрадия, и очисти, и представи ю престолу Божию непорочну».

Однако, облегчив душу, государь вновь принимался карать изменников. Как человек он признавал себя «грешником» и «блудником», но как государь, кажется, никогда не ставил под сомнение своё право «воспитывать» подданных любыми средствами; они же как истинные христиане должны были подчиняться и безропотно принимать смерть по царской воле, которую

вершили опричники. Но при этом Иван Грозный сначала делал их избранными слугами и снимал с них, орудия установления божественной справедливости, ответственность — а затем подвергал «перебору» и опале, как и прочих лукавых холопов. Сейчас нельзя утверждать, что заговоры и «измены» бояр против царя существовали в действительности; но он сам был искренне уверен, что окружён предателями, и даже просил политического убежища в Англии, куда предполагал бежать с немногими верными людьми и сокровищами.

Едва ли такое отношение укрепляло дух опричной «братии» — скорее, наоборот, разрушало опричное сообщество и расшатывало нравственные нормы его членов. После того как опричное войско не сумело преградить путь коннице крымского хана Девлет-Гирея, которая летом 1571 года прорвалась к самой Москве и сожгла её, царь перестал доверять своему окружению, объединил земскую и опричную армию, казнил руководство опричнины. После победы над татарами под Серпуховом опричнина была официально отменена. Однако в 1575 году царь вновь разделил свое государство на «земщину» и «двор». Деление на земскую и «дворовую» службу, на земские и «дворовые» уезды сохранялось до конца его царствования, хотя массовых репрессий больше не было.

Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию своей власти, но внутри- и внешнеполитическое положение страны стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожай на рубеже 1560—1570-х годов привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Писцовые книги начала 80-х годов XVI столетия свидетельствуют о том, что во многих уездах сильно сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось, так что «церкви Божии стояли без пения». Мужики бежали «от царевых податей», «от того, что земля худа», «от опричнины», «от помещикова воровства», «от помещиковой подати», «от помещиковой худобы», «ушли с голода», «от мора», «от поветрия». Опричнина — это не только казни и произвол, но и непосильный фис-

кальный гнёт: по имеющимся сопоставимым данным, налоги с «земских» территорий превышали опричные в два раза. Казни воевод и разорение поместий делали армию небоеспособной: дворян в конце 1570-х годов надо было бить кнутом, чтобы заставить отправиться на службу в полки, и Ливонская война оказалась в итоге проиграна.

Социально-экономический кризис, сокращение налоговых поступлений и слабость армии привели к тому, что при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 1580-х годов крестьянам было запрещено уходить из вотчин и поместий. Так с введением «заповедных лет» (отменой Юрьева дня) началось двухсотлетнее становление системы крепостного права — ликвидация личных прав крестьян в России.

Однако все эти хорошо известные историкам факты как будто не сказываются на популярности фигуры Ивана IV и притягательности сюжетов, относящихся к его правлению и особенно к временам опричнины. Народные песни, сложенные на Новгородчине про царя, разорившего в 1570 году город и его окрестности, повествуют только о том, как он наказывал изменников и награждал верных слуг. Грозный государь сочно выписан в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. Да и граф А. К. Толстой в «Князе Серебряном» (1863) изображал Ивана жестоким, но величественным владыкой, а не аморальным садистом.

К образу Ивана Грозного неоднократно обращалось «главнейшее из искусств». В 1944 году была закончена работа над фильмом гениального Сергея Эйзенштейна с великим Николаем Черкасовым в роли царя. За первую серию, вышедшую в прокат в январе 1945 года, съёмочная группа получила Сталинскую премию, а вторая серия была запрещена после её просмотра «вождём народов» из-за очевидной ассоциации опричнины со сталинским режимом и вышла на экран только в сентябре 1958 года.

Режиссёр Геннадий Васильев в 1991 году снял картину «Царь Иван Грозный» по мотивам повести толстовского «Князя Серебряного». Наконец, почти одновремен-

но в 2009 году появились телесериал «Иван Грозный» Андрея А. Эшпая и фильм «Царь» Павла Лунгина, действие которого происходит в 1566—1569 годах, в разгар опричнины.

Умный историк Николай Михайлович Карамзин, понимавший, что прошлое существует в культурной памяти народа не только в качестве научного знания, тонко подметил: «История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего... Вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина». Так и ужасы опричнины не задержались в народной памяти; она преображала грязное и унижительное в трагическое. А потому первый русский царь остался в массовом сознании жестоким и ужасным, но в то же время грозным и величественным героем. Одна из легенд о царе Иване повествует о том, что одно из селений в окрестностях Стефано-Махрицкого монастыря, неподалёку от Александровской слободы, пользовалось дурной славой из-за чёрствого отношения к нищим и страждущим. Прослышавший об этом Иван Грозный пришёл туда, переодевшись в рубище. Обойдя всю деревню, «погорелец» не обрел приюта ни в одном доме. Лишь на окраине, в ветхой избушке бобыля, ему дали кров. Наутро, облачившись в царское одеяние, государь повелел сжечь деревню дотла, а её жителей-погорельцев отправить скитаться по России, для бобыля же выстроить хоромы и передать эту землю ему во владение. Так в этом предании воплотилась народная вера в царя-заступника, карающего за несправедные дела¹.

Отражённый свет царского величия упал и на его слуг. Так появились образы лихого Малюты и удалых бойцов-молодцов в поэме Лермонтова и народной песне о Кострюке-Мастрюке. Часто опричнина использовалась в качестве исторического фона, на котором разворачивались драматические события.

В 1843 году известный автор исторических романов «Ледяной дом» и «Последний Новик» И. И. Лажечников

написал историческую драму в стихах «Опричник», которая из-за цензурных препон была опубликована только в 1859-м. На её основе была создана одноимённая опера П. И. Чайковского, премьера которой состоялась 12 апреля 1874 года в Петербурге в Мариинском театре, а год спустя — в Большом театре в Москве. С тех пор опера входила в репертуар многих театров страны. Последняя её постановка была осуществлена в Большом театре в 1999 году. Действие, в центре которого находится любовная история с трагическим концом, происходит в Александровской слободе осенью 1572 года. Главный герой, чтобы жениться на любимой девушке, обращается за помощью к Фёдору Басманову и по его совету вступает в опричнину, дав клятву о беспрекословном подчинении царю. Иван Грозный, желая проверить верность нового опричника, на свадьбе требует к себе новобрачную; неподчинение героя влечёт за собой его казнь.

Премьера оперы Н. А. Римского-Корсакова по драме Л. А. Мея «Царская невеста» состоялась в Москве 22 октября 1899 года. Её сюжет строится на возможном факте отравления Марфы Собакиной, а в числе главных персонажей — опричники Григорий Грязной и Малюта Скуратов, Марфа и её родственники.

Далёкие потопки «тирана Васильевича» были снисходительны к памяти его верных слуг и сподвижников. В 1856 году со стапелей архангельской верфи сошёл военный «винтовой клипер», получивший название «Опричник». В 1861 году в штормовых волнах Индийского океана на полпути между Зондским проливом и мысом Доброй Надежды корабль потерпел крушение, при котором погиб весь его экипаж. Кораблю и морякам был поставлен памятник в Кронштадте, а имя «Опричник» получили залив на северо-западе Японского моря, бухта на этом же побережье между мысами Рифовый и Сигнальный и бухта в заливе Чихачёва. В 1881 году в состав Балтийского флота вошёл парусно-паровой крейсер 2-го ранга с тем же названием, который с 1897 года использовался как учебный корабль Морского корпуса.

Ныне это название можно встретить разве что на ресторанной вывеске. Открытый в 2008 году ресторан

«Опричник», позиционирующий себя как заведение старорусской кухни, приглашает посетителей «отобедать в обстановке боярского терема эпохи Ивана Грозного», а его персонал грозит «встретить и накормить супами да ухой, рыбными и мясными закусками, сладкими пирогами да блинами разнообразными».

В поэме «Наша древняя столица», созданной в 1947 году и посвящённой 800-летию Москвы, Н. П. Кончаловская конечно же не могла обойтись без сюжетов, связанных с опричниной:

Там Грозный выстроил дворцы,
Ряды палат просторных,
Где всё вершили молодцы
В своих кафтанах чёрных.
...
Измену грызла пёсья пасть,
Метла врагов сметала,
И каждый, каждый мог пропасть,
И сколько пропадало!

Даже отпетые опричные злодеи часто по законам жанра окружены романтическим флёром. В «Клятве опричника» (2003) современной поэтессы Майи Будзинской речь идёт об опале отца и сына Басмановых:

«В царя окруженье не кротостью мы
Средь прочих вельмож отличались!
То ведают мрачные стены тюрьмы,
Что смотрят на нас из клубящейся тьмы...
Величием мы упивались,

Следя, чтобы в царской душе не угас
Огонь подозрения лютой, —
И все трепетали, завидевши нас,
Басмановых имя звучало подчас
Страшнее, чем имя Малюты!»

После того как Фёдор Басманов в доказательство верности присяге по требованию царя убивает отца, на него снисходит раскаяние:

«Что сделал я, Господи! Батюшка мой!
Нет в свете страшней преступления!
Греми ж, гром небесный, над грешной главой!
О Боже! Низвергни мя в ад огневой
На вечные, злые мученья!»

...

Кинжал прозвенел, и опричник молодой,
Померкшим окинувши взглядом
Тюрьму и шепнув со смиренной мольбой:
«Помедли, отец, — я иду за тобой!», —
Пал с мёртвым родителем рядом.

В реальности некоторые приспешники Ивана Грозного были корыстными и жестокими холопами; иные же, в том числе большинство рядовых опричников, — обычными представителями служилого сословия, мало чем отличавшимися от своих товарищей по оружию из земщины. Но, возможно, служба грозному царю на самом деле способствовала проявлению не лучших человеческих качеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960; *он же.* Иван Грозный. М., 1989; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992; *он же.* Иван Грозный. М., 1975; *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времен Ивана Грозного. М., 1982; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1996; *он же.* Россия Ивана Грозного. М., 1999.

² См.: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е гг. XVI в. СПб., 2002; *он же.* Иван Грозный. Первый русский царь. СПб., 2006; *Калобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; *Булычев А. А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

³ См.: *Хорошкевич А. Л.* Ещё одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвящённых памяти А. А. Зимина. 13—18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 285—290; *Филлюшкин А. И.* Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор. Историко-культурные исследования: Альманах. Вып. 3. Воронеж, 1995. С. 60—74.

⁴ См.: *Юрганов А. Л.* Опричнина и Страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52—75; *он же.* Опричнина // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. М., 2002. Кн. 2. С. 409—473.

⁵ См.: *Никитин А. Л.* Основания русской истории. Мифологемы и факты. М., 2001. С. 629—647.

⁶ См.: *Алексеев В. В., Нефёдов С. А., Побережников И. В.* Модернизация до модернизации: Средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5—6. С. 152—183.

⁷ *Янов А. Л.* Россия: у истоков трагедии. 1462—1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 54.

⁸ http://monar.ru/index.php?article=download/Almanah_Oprichnina/Tsar_Ioann_Groznyi_i_Oprichnina&format=html&page=4.

⁹ *Дугин А.* Русский Орден (актуальность новой опричнины) // www.dugin.gfns.net/ideolog/oprichnina.

¹⁰ *Володихин Д. И.* Антикоррупция: Приказ тайных дел против опричнины // www.apn.ru/opinions/article20120.htm; *он же.* Опричнина: трагедия и фарс // www.apn.ru/publications/article16934.htm.

¹¹ См.: Царь Иван Васильевич: Грозный или святой: аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М., 2003.

Глава первая
Опричные столицы

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 13. М., 2000. С. 394—395.

² Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. с нем. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 18.

³ Цит. по: Там же. С. 19.

⁴ Цит. по: *Забелин И. Е.* Опричный дворец царя Ивана Васильевича // Опричное братство: всех воров на кол! М., 2005. С. 157—158.

⁵ См.: *Кондратьев И. И., Кренке Н. А.* Опричный двор Ивана Грозного: археолого-геоморфологические и исторические данные // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI в. СПб., 2003. С. 493—510.

⁶ *Штаден Г.* Записки о Московии: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 181—189.

⁷ См.: *Юрганов А. Л.* Опричина и Страшный суд. С. 62—64.

⁸ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 19.

⁹ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 196—197. См. также: *Кужушкин И. П., Никитинский И. Ф.* Из истории Вологодского кремля: Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремли России». Москва, 23—26 ноября 1999 г. // www.rusarch.ru/kukushkin1.htm.

¹⁰ См.: *Таценко С. Л.* Клад из опричнины // Нумизматический альманах. 2003. № 1. С. 43—46.

¹¹ Цит. по: *Кавельмахер В. В.* Государев двор в Александровой слободе как памятник русской дворцовой архитектуры // *Кавельмахер В. В.* Памятники архитектуры древней Александровой слободы: Сборник статей. Владимир, 1995 (приводится по изданию: <http://www.rusarch.ru/kavelmaher9.htm>).

¹² См.: *Кавельмахер В. В.* Государев двор в Александровой слободе // *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 2002. С. 458—462.

¹³ См.: *Фролов М. В.* Итоги археологических раскопок 2000—2003 гг. на территории Александровской слободы // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция: Сборник статей. Ярославль, 2006. С. 356—362.

¹⁴ См.: *он же.* Археологические раскопки в Александровской слободе в 2005—2006 гг. // *Зубовские чтения: Сборник статей.* Вып. 4. М., 2008. С. 184—188.

¹⁵ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 109—111, 289.

¹⁶ См.: *Колобков В. А.* Указ. соч. С. 149—151, 157, 161.

¹⁷ *Ульфельдт Я.* Указ. соч. С. 322—324.

¹⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 336; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 109.

¹⁹ Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 45—46.

²⁰ Цит. по: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 395—396.

²¹ *Балазин В.* Занимательная история России. Середина XVI — конец XVII в. М., 2001. С. 43.

²² См.: *Морозова Л., Морозов Б.* Иван Грозный и его жёны. М., 2005. С. 144—155.

²³ Цит. по: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М. Г. Рогинского // *Русский исторический журнал.* 1922. № 8. С. 55.

²⁴ См.: *Панова Т.* Та самая царская невеста // *Наука и жизнь.* 2006. № 3. С. 52—55.

²⁵ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 50.

Глава вторая Опричные земли

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

² О расширении опричной территории см.: *Садиков П. А.* Указ. соч. С. 157—191; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 307—311; *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 210—211.

³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1998. Т. 2. С. 315.

⁴ См.: *Козляков В. Н.* Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 204—211.

⁵ Цит. по: *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины // Исторический архив. 1958. № 3. С. 158—160.

⁶ Цит. по: *Садиков П. А.* Из истории опричнины // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 218—219.

⁷ См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 131—134.

⁸ См.: *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 32—33, 63, 68, 74.

⁹ См.: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.* М., 2001. С. 64—66.

¹⁰ См.: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 149.

¹¹ См.: *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика. С. 87—88.

¹² Цит. по: *Самоковасов Д. Я.* Новооткрытые документы Московского государства XV—XVII вв. М., 1905. С. 52.

¹³ См.: *Абрамович Г. В.* Новгородское поместье в годы экономического кризиса последней трети XVI в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. С. 9—16.

¹⁴ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 2. С. 435.

¹⁵ См.: *Антонов А. В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI—XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 44—45.

¹⁶ См.: *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика. С. 38, 91—92.

¹⁷ См.: *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 49.

¹⁸ См.: Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5. С. 509.

¹⁹ См.: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М., 1966. С. 186—196.

²⁰ *Загорский В. Ф.* Землевладение Шелонской пятины // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 194.

²¹ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 249.

²² Цит. по: *Садиков П. А.* Из истории опричнины. С. 251.

²³ См.: *Антонов А. В.* Указ. соч. // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 97.

²⁴ См.: *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г. // История СССР. 1990. № 5. С. 89—99.

Глава третья
«Начальные люди» опричнины

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

² См.: *Володихин Д.* Вечно второй. Боярин Басманов, отец опричнины // *Родина*. 2009. № 5. С. 63.

³ Там же. С. 65.

⁴ См.: *Колобков В. А.* Указ. соч. С. 305—307, 316, 346; Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 48.

⁵ См.: *Михайлова И. Б.* Пётр Зайцев и Василий Грязной: две судьбы, два пути в опричнину // *Университетский историк: Альманах*. СПб., 2003. Вып. 2. С. 129—130.

⁶ Цит. по: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 33.

⁷ Цит. по: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 73.

⁸ См.: *Баранов К. В.* Ростовские предки опричников // *История и культура Ростовской земли: Материалы конференции 1993 г.* Ростов, 1994. С. 80—85.

⁹ См.: *Богатырёв С. Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. // *Археографический ежегодник за 1993 год*. М., 1995. С. 101—106.

¹⁰ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 23.

¹¹ См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 373—380.

¹² Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 46—47.

¹³ См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 143, 145.

¹⁴ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 24.

¹⁵ См.: Там же. С. 33; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 143; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 443.

¹⁶ Цит. по: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 80.

¹⁷ См.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 136.

¹⁸ Цит. по: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 93.

¹⁹ См.: *Сокуров В. Н.* Кабардинцы в составе государева двора (XVI—XVII вв.) // *Государев двор в истории России XV—XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции 30 октября — 1 ноября 2003 г.* Владимир, 2006. С. 304.

²⁰ См.: *Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории*. СПб., 2006. С. 221.

²¹ *Опись архива Посольского приказа 1626 года*. М., 1977. Ч. 1. С. 257.

²² См.: *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*. М., 1987. С. 99.

²³ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 45—47.

²⁴ Цит. по: *Садиков П. А.* Из истории опричнины. С. 255.

²⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 147—148.

²⁶ См.: *Эскин Ю. М.* Опричнина и местничество // *Анфологион. Славяне и их соседи: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б. Н. Флори*. М., 2008. С. 352.

²⁷ *Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе*. С. 54—55.

²⁸ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 229.

²⁹ См.: *Шокарев С. Ю.* Переписка Ивана IV Грозного с Василием

Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. // Москва—Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. № 1. С. 142—162.

³⁰ См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 54.

³¹ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 42.

³² См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 308—312.

³³ См.: *Богатырёв С. Н.* Путила Михайлов: поместный дьяк и опричный казначей // Реализм исторического мышления: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. М., 1991. С. 38—39; *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 72.

³⁴ *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 71, 73, 91, 92.

Глава четвёртая **Опричный корпус**

¹ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 19.

² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ См.: Список опричников Ивана Грозного / Подг. и предисл. Аль Даниил // Рукописные памятники. Б.м., 2003. Вып. 7.

⁵ См.: *Зылин А. А.* Указ. соч. С. 345—346; *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 100—103.

⁶ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 35.

⁷ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 21—98.

⁸ См.: *Сокуров В. Н.* Указ. соч. С. 305.

⁹ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 405, 409.

¹⁰ См.: *Хорошкевич А. Л.* Генрих Штаден и опричнина в Москве // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI — начало XX в. М., 1999. С. 18.

¹¹ См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 175, 177, 377, 383, 389, 395, 415, 425, 427.

¹² Там же. С. 411.

¹³ Цит. по: *Беляев Л. А.* Лицензиат при дворе Ивана Грозного // Российская археология. 1997. № 1. С. 149.

¹⁴ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 363, 365.

¹⁵ См.: *Колобков В. А.* Воспоминания очевидцев об опричнине Ивана Грозного в коллекции «Россика» // Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: Вопросы раскрытия. СПб., 2002. С. 29.

¹⁶ См.: *Граля И.* Супершпион и ренегаты // Родина. 2004. № 12. С. 62—63.

¹⁷ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 49—50.

¹⁸ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 33.

¹⁹ См.: *Граля И.* Супершпион и ренегаты. С. 62.

²⁰ См.: *Горшков И. Д.* Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 2000. С. 15—16.

²¹ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 50.

²² См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 55—56.

²³ *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Вступ. ст., пер. и коммент. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 74—75.

²⁴ См.: *Таймасова Л. Ю.* «Дело Бомелиуса» // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 134—142.

²⁵ См.: *Етифанов П. П.* Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1. С. 346—348.

²⁶ См.: Там же. С. 305—307; Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. С. 285, 286; *Денисова М. М.* Поместная конница и её вооружение в XVI—XVI вв. // Антология научных трудов Государственного исторического музея. М., 2002. Ч. 2. С. 23—34.

²⁷ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 62—67.

²⁸ См.: Там же. С. 80—81.

²⁹ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 136.

³⁰ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 27—28.

³¹ См.: *Зуев М. И.* Константин Дмитриевич Поливанов — опричник и воин (из материалов к Псковскому биографическому словарю) // Земля Псковская, древняя и современная: Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1994. С. 121—126.

³² См.: *Виноградов А.* Судьба резидента // Родина. 2004. № 12. С. 71—73.

³³ Цит. по: *Горсей Д.* Указ. соч. С. 130.

³⁴ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 50.

³⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 279.

³⁶ См.: *Клюшников Ю.* Аркебуза Шекспира // <http://magazines.russ.ru/ural/2005/2/klu11.html>.

³⁷ См.: *Микулин Н. Б.* Г. И. Микулин — государственный деятель конца XVI — начала XVII в. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 135—138; *Салодкин Я. Г.* К биографии Григория Микулина // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 172—173.

Глава пятая Опричный обиход

¹ Цит. по: Легенды и были Александровской слободы. Владимир, 2006. С. 34.

² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 39—40.

³ См.: *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 190—191.

⁴ См.: *Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 234—237.

⁵ Цит. по: *Михайлова И. Б.* «И весёлый пир пошёл...» // Родина. 2004. № 12. С. 103.

⁶ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 40—41.

⁷ Там же. С. 26—27.

⁸ См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 39.

⁹ См.: *Чумиков А.* Осада Ревеля // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1891. Кн. 2. Отд. 5. С. 32.

¹⁰ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 16—17.

¹¹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 39—40.

¹² См.: Легенды и были Александровской слободы. С. 19, 21.

¹³ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 27.

¹⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 38.

¹⁵ См.: *Абрамович Г. В.* Указ. соч. С. 25.

¹⁶ Цит. по: *Крам М. М.* Защита Яганова, или «Тот ли добр, который

что слышав, да не скажет» // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 94.

¹⁷ Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 137, 374—375.

¹⁸ Там же. С. 409.

¹⁹ См.: *Хорошкевич А. Л.* Повседневный быт москвичей в середине XVI в. (по материалам Стоглава) // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 205—209.

²⁰ См.: *Сукина Л. Б.* «С кабаком и скomoroxами»: Девиантное поведение русского человека XVI—XVII вв. в церкви и во время религиозных праздников // Вестник Российского университета дружбы народов. История. 2008. № 3. С. 75.

²¹ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. Л., 1979. С. 8, 104, 403, 406.

²² См.: *Богатырёв С. Н.* Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского общества XVI в. // *Studia Slavica Finlandiensia*. Vol. 11. Helsinki, 1994. P. 11—12.

²³ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 42—43.

²⁴ См.: *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 80.

²⁵ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 43—44.

²⁶ См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 133, 135.

²⁷ Цит. по: *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 106.

²⁸ Хрестоматия по истории СССР XVI—XVI вв. М., 1962. С. 166.

²⁹ См.: *Садигов П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 155—156.

Глава шестая

Опричнина и православная церковь

¹ См.: *Шмеман А., прот.* Догматический союз: Вступительная лекция в курс истории Византийской церкви, прочитанная 11 октября 1945 г. // Ретроспективная и сравнительная политология: Публикации и исследования. М., 1991. Вып. 1. С. 105—118.

² Цит. по: *Моисеева Г. Н.* Старинная редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). Т. 16. М.; Л., 1960. С. 470.

³ См.: *Мейендорф И. Ф., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990. С. 181—186, 189—203, 223—231.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 160; *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 66.

⁵ См., например: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1869. Т. 3. С. 619—620.

⁶ См.: *Живов В. М.* Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 311.

⁷ См.: *Тихон, еп.* Сочинения. 2-е изд. СПб., 1825. Т. 3. С. 322—355.

⁸ См., например: *Мейендорф И. Ф., прот.* Предисловие // *Дворкин А. Л.* Иван Грозный как религиозный тип: Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005. С. 11—12.

⁹ Древнерусские полемические сочинения против протестантов. Ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките / Публ. А. Н. Попова // ЧОИДР. 1878. Кн. 2. С. 29—31 (буквенная пагинация).

¹⁰ См.: *Дуйчев И.* Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 159.

¹¹ Соборная грамота о белом клобуке // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 1. № 174. С. 331—333.

¹² Стоглав // Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 260.

¹³ См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. М., 1996. Ч. 1. С. 161—163.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. 1. № 193. С. 557.

¹⁵ Житие и подвизи, и от части чудес исповедание, иже во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московскаго и всея Росии // *Калобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. С. 583—584.

¹⁶ См.: *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха. Статья первая // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 73—74.

¹⁷ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 141.

¹⁸ См.: *Калобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. С. 300—301; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 43.

¹⁹ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию / Пер. А. Н. Шемякина // Утверждение династии. М., 1997. С. 70.

²⁰ См.: Первый канон Антиохийского поместного собора // Правила Св. Поместных соборов с толкованиями. 2-е изд. М., 1912. Вып. 1. С. 110—113.

²¹ См.: *Мейендорф И. Ф., прот.* Византия и Московская Русь. С. 254, 270, 276.

²² См.: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 65—66 (первая пагинация); *Скрынников Р. Г.* Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. СПб., 2000. С. 338—339.

²³ См.: *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории / Пер. А. А. Дмитриевского // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 184.

²⁴ См.: Новый летописец. С. 69—70.

²⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Крест и корона. С. 367.

²⁶ См.: *Смирнов П., свящ.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. С. 62.

²⁷ См.: *Шушерин И.* Житие святейшего патриарха Никона. СПб., 1784. С. 206—223.

²⁸ См.: *Курбский А. М.* Сочинения. Т. 1: Сочинения оригинальные / Изд. Г. З. Кунцевича // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 301.

²⁹ См.: *Федотов Г. П.* Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928. С. 82—83.

³⁰ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1958. Т. 1. С. 448.

³¹ См.: *Хорошкевич А. Л.* «Измена» Пимена и поход Ивана Грозного на Новгород // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 225—231.

³² *Гваньини А.* Описание Московии. / Пер. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 117.

³³ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 365.

³⁴ См.: Там же. С. 400; *Буланин Д. М.* Пимен (по прозвищу Чёрный) — архиепископ Новгородский и Псковский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 186—187.

³⁵ *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 159.

³⁶ *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Подг. текста Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 34.

³⁷ *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., вступ. ст. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 94.

³⁸ См.: *Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 19.

³⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 154. С. 270.

⁴⁰ См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 174.

⁴¹ См.: *Дергачёв В. В.* Вселенский синодик в древней и средневековой России // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2001. № 1 (3). С. 25.

⁴² См.: *Синодик // Древняя российская вивлиофика.* 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. № 20. С. 473—480.

⁴³ См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 90—104.

⁴⁴ См.: *Послания Ивана Грозного /* Под ред. В. П. Адриановой-Петц. М.; Л., 1951. С. 162—192.

⁴⁵ См.: *Stroev P.* Verzeichnisse der Hierarchen und Vorsteher der klöster der Russischen Kirche / Nachol. heraus. und eingel. von F. B. Poljakov. Köln; Wien, 1990. S. 906.

⁴⁶ Сказание о зачатии Свинского монастыря во граде Брянске // *Древняя российская вивлиофика.* 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. № 5. С. 290.

⁴⁷ См.: *Булычев А. А.* Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // *Вестник церковной истории.* М., 2006. № 4. С. 95.

⁴⁸ См.: *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII—XVII вв. // *Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу.* М., 1986. С. 71—73, 84, 102, 105.

⁴⁹ См.: *Булычев А. А.* Потомки «мужа честна» Ратши: Генеалогия дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. М., 1994. С. 10—11.

⁵⁰ См.: *Полный православный богословский энциклопедический словарь.* М., 1992. Т. 2. Стб. 1862—1863.

⁵¹ См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 4 // *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 40—41.

⁵² См.: *Любарский Я. Н.* Сочинения Продолжателя Феофана. С. 257.

⁵³ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 340; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 11.

⁵⁴ См.: *Лукичёв М. П., Эскин Ю. М.* Панихидный приказ // *Государственность России: Словарь-справочник.* М., 2001. Кн. 3. С. 291.

⁵⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 15—18; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 343—345; *Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года /* Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 44, 96.

⁵⁶ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 342, 346—352; Леонид (Кавелин), иеромон. Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии // *ЧОИДР.* 1865. Кн. 4. С. 14 (шестая пагинация).

⁵⁷ *Митрофан, инок.* Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти. 3-е изд. СПб., 1885. Т. 1. С. 160.

⁵⁸ Подробнее о правилах чтения синодиков за богослужением см.: *Афанасий (Сахаров), еп.* О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. Киев, 2006. С. 470—502.

⁵⁹ См., например: *Митрофан, инок.* Указ. соч. С. 170—171.

⁶⁰ См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1183. Оп. 1. 1904 г. № 247. Л. 25.

⁶¹ См.: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. С. 544. Прим. 119.

⁶² См.: *Поссевино А.* Московия // *Поссевино А.* Указ. соч. С. 50—51.

⁶³ Там же. С. 51. Ср.: *Петрей де Ерлезунда П.* История о Великом княжестве Московском / Пер. А. Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 263.

⁶⁴ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 263.

⁶⁵ См.: *Суворов Н.* Тетрадь, а в ней имена писаны опальных при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси // *ЧОИДР.* 1859. Кн. 3. Отд. 5. С. 90.

⁶⁶ См.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 329—330; *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1. С. 451.

⁶⁷ См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 530—533, 535—544.

⁶⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7.

⁶⁹ Там же. С. 18.

⁷⁰ См.: *Алексеев А. И.* Роспись главам древнейшего Синодика московского Богоявленского монастыря // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* Вып. 4. СПб., 2001. С. 26.

⁷¹ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 352; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 529.

⁷² См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. № 403. С. 397—398.

⁷³ См.: *Steindorf L.* Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. S. 228; *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1993. Т. 1. С. 652—653.

⁷⁴ См.: *Буганов В. И.* К изучению Синодика опальных царя Ивана Грозного 1583 г. // *Архив русской истории.* М., 1993. Вып. 3. С. 149—156; *он же.* Валаамский список царского синодика 1583 г. // *Вопросы истории.* 1993. № 3. С. 190—191; *Алексеев А. И.* Поминальная практика в Московской Руси и в Великом княжестве Литовском (опыт сравнительной характеристики) // *Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии.* Вып. 1. СПб., 1998. С. 91—92.

⁷⁵ См.: *Буганов В. И.* Валаамский список царского синодика 1583 г. С. 191.

⁷⁶ См.: *Steindorf L.* Op. cit. S. 228. № 428.

⁷⁷ См.: *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2002. № 2 (8). С. 95.

⁷⁸ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 353.

⁷⁹ См.: Там же. С. 325—326.

⁸⁰ См.: *Зеленин Д. К.* К вопросу о русалках (культ покойников, умерших неестественною смертью, у русских и у финнов) // *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901—1913. М., 1994. С. 242.

⁸¹ См.: Триодъ постная. М., 1589. Л. 21 об., 22 об., 24 об.

⁸² См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 326.

⁸³ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 264—265.

Глава седьмая **Опричный террор**

¹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ *Штаден Г.* Записки немца-опричника / Пер. И. И. Полосина; сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 107.

⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 47.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 43—44.

⁷ См.: *Каттелер А., Скрынников Р. Г.* Забытый источник по истории России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 137.

⁸ Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 190.

⁹ См.: *Хант П.* Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 277—279.

¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Подг. текста Я. Н. Шапова. М., 1976. С. 23.

¹¹ См.: Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных внидет кто // Требник мирской. М., 1639. Л. 57 (третья фолиация).

¹² См.: *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы // Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. СПб., 1999. Вып. 1. С. 676.

¹³ *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 74.

¹⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 116.

¹⁵ См.: *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 195.

¹⁶ Цит. по: *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 102—103, 156.

¹⁷ Временник Ивана Тимофеева / Подг. текста, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 12—13.

¹⁸ См.: *Макаров М. Н.* Русские предания. М., 1838. Кн. 1. С. 39.

¹⁹ См.: *Махов А. Е.* HOSTIS ANTIQUUS. Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. М., 2006. С. 361, 362.

²⁰ См.: *Дашкевич В. Я.* До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. 2-е вид. Київ, 1992. С. 531.

²¹ Цит. по: *Мильков В. В.* Указ. соч. С. 534—535, 539—541, 548—550, 552, 586, 590, 592.

²² См.: Стихи духовные / Сост. Ф. М. Селиванов. М., 1991. № 59. С. 192—193; № 63. С. 197—198, 200, 202; Голубиная книга / Сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. С. 104, 109—110.

²³ См.: Стихи духовные. № 84. С. 234—235.

²⁴ См.: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М., 2002. С. 8, 124—125, 140—141, 178—179; *Валенцова М. М., Виноградова Л. Н.* Мести, метение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 231.

²⁵ См.: *Афанасьев А. Н.* Религиозно-языческое значение избы славянина // *Афанасьев А. Н.* Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 67; *он же.* Ведун и ведьма // *Он же.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996. С. 59.

²⁶ Народная проза. / Сост. С. Н. Азбелева // Библиотека русского фольклора. Т. 12. М., 1992. № 115. С. 496—497.

²⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Подг. текста и прим. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 2. № 185. С. 28—29.

²⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. № 36. С. 221.

²⁹ См.: *Лихачёв Д. С.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 10—27.

³⁰ *Добиши-Рождественская О. А.* Культ св. Михаила в латинском Средневековье V—XIII вв. Пг., 1917. С. 392.

³¹ См.: *Власова М. Н.* Указ. соч. С. 209; Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Сост., подг. текста, послесл. и коммент. Т. Г. Берегулевой-Дмитриевой. № 31 (28). М., 1991. С. 166.

³² См.: Дополнения к Софийской Второй летописи по списку из библиотеки Воскресенского Новоиерусалимского монастыря // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 279.

³³ См.: *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 125.

³⁴ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 69; *Гваньини А.* Указ. соч. С. 123.

³⁵ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 48, 77.

³⁶ Новгородская Третья летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 257.

³⁷ См.: *Ульфельдт Я.* Указ. соч. С. 338.

³⁸ Новгородская Третья летопись. С. 258. Фольклорную версию событий см.: Легенды. Предания. Бывальщины / Сост. Н. А. Криничная. М., 1989. С. 99; Народная проза. № 45. С. 81.

³⁹ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 115.

⁴⁰ См.: Там же. С. 117; *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 251.

⁴¹ *Ульфельдт Я.* Указ. соч. С. 300—301.

⁴² Русская реляция, составленная Матиасом Шубертом в форме песни «Пошли нам, Господи, милость Свою» / Пер. Л. М. Николаева // *Юстен П.* Посольство в Московию 1569—1572 гг. СПб., 2000. С. 195.

⁴³ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 49; *Гваньини А.* Указ. соч. С. 149.

⁴⁴ См.: *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 254.

⁴⁵ См.: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 55; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 434, 544.

⁴⁶ *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 123.

⁴⁷ См.: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 56; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 461.

⁴⁸ См.: *Флетчер Д.* О государстве Русском / Пер. М. А. Оболенского. СПб., 1905. С. 61.

⁴⁹ См.: Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 226.

⁵⁰ *Горсей Д.* Указ. соч. С. 62.

- ⁵¹ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 77.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 244.
- ⁵³ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: Тексты, комментарии, статьи. М., 2007. С. 129.
- ⁵⁴ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 129, 131.
- ⁵⁵ Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 92.
- ⁵⁶ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 244.
- ⁵⁷ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 38; *Гваньини А.* Указ. соч. С. 127.
- ⁵⁸ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁹ См.: Пискарёвский летописец. С. 191.
- ⁶⁰ См.: *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 263; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 382—384. Прим. 11.
- ⁶¹ См.: *Луцихин Н. Н.* Гидрографическая сеть // Природа города Москвы и Подмосковья. М.; Л., 1947. С. 98—99; *Дик Н. Е., Соловьев А. И.* Рельеф и геологическое строение // Там же. С. 52.
- ⁶² См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606—1607. М.; Л., 1951. С. 84—85. Прим. 4.
- ⁶³ См.: *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А. А. Морозова. М., 1937. С. 81.
- ⁶⁴ Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста, коммент. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 112.
- ⁶⁵ Дневник Марины Мнишек. С. 59.
- ⁶⁶ См.: Там же. С. 79.
- ⁶⁷ См.: *Буссов К.* Московская хроника. 1584—1613 / Пер. под ред. С. А. Акулянца. М.; Л., 1961. С. 147; Новый летописец. С. 77.
- ⁶⁸ *Масса И.* Указ. соч. С. 173.
- ⁶⁹ Цит. по: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 165.
- ⁷⁰ См.: *Бахрушин С. В.* Московский мятеж 1648 г. // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 747.
- ⁷¹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. текста, вступ. ст., коммент., словарь Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 127.
- ⁷² *Луцихин Н. Н.* Гидрографическая сеть. С. 105.
- ⁷³ См.: *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. А. Станкевича // Утверждение династии. С. 306.
- ⁷⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. текста, вступ. ст., коммент. С. К. Шамбинаго. М., 1938. № 45. С. 222—223.
- ⁷⁵ См.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 535—536, 548.
- ⁷⁶ См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 536.
- ⁷⁷ Дневник Марины Мнишек. С. 117.
- ⁷⁸ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 151.
- ⁷⁹ См.: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 56.
- ⁸⁰ См.: *Горсей Д.* Указ. соч. С. 67.
- ⁸¹ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 22.
- ⁸² *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 148.
- ⁸³ См.: *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. С. 463.

- ⁸⁴ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 51.
- ⁸⁵ Цит. по: *Альшиц Д. Н.* Неизвестные послания Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 429.
- ⁸⁶ *Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 1993. С. 367, 369.
- ⁸⁷ *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 73.
- ⁸⁸ *Иоанн Киннам.* Указ. соч. С. 386—387.
- ⁸⁹ См., например: *Чеховський І. Г.* Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону. Чернівці, 2001. С. 166.
- ⁹⁰ См.: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей / Пер., предисл., прим. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 57.
- ⁹¹ *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 78.
- ⁹² См.: *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 27—28; *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. 2-е изд. М., 1983. С. 301.
- ⁹³ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 88, 192.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 123.
- ⁹⁵ См.: *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 22.
- ⁹⁶ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 105.
- ⁹⁷ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 41.
- ⁹⁸ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 73.
- ⁹⁹ См.: Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 40—41.
- ¹⁰⁰ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 127.
- ¹⁰¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 40.
- ¹⁰² См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 103, 113, 119, 121; Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 49.
- ¹⁰³ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 139.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 240—241.
- ¹⁰⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 51 (первая пагинация).
- ¹⁰⁶ Цит. по: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁰⁷ См.: *Горсей Д.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁰⁸ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 105.
- ¹⁰⁹ Дневник Марины Мнишек. С. 56.
- ¹¹⁰ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601—1608: Сборник документов / Сост. Р. В. Овчинников и др. М., 2003. № 185. С. 325.
- ¹¹¹ См.: *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 67.
- ¹¹² См.: *Матвеев А. А.* Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М., 1997. С. 377, 379—380, 385; *Тихомиров М. Н.* Записки приказных людей конца XVII в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 263—264.
- ¹¹³ Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Записки приказных людей конца XVII в. С. 264—265.
- ¹¹⁴ См.: Там же. С. 263.
- ¹¹⁵ *Сильвестр Медведев.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / Предисл. и прим. А. Прозоровского. М., 1894. С. 55.
- ¹¹⁶ См.: *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 97, 229, 248.
- ¹¹⁷ См.: *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2. С. 171, 313.
- ¹¹⁸ Кормчая. М., 1653. Л. 353 (вторая фолиация).

- ¹¹⁹ Рогожский летописец. Стб. 120.
- ¹²⁰ См.: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 56.
- ¹²¹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 47.
- ¹²² *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 259.
- ¹²³ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 127, 129.
- ¹²⁴ Псковская Третья летопись по второму Архивскому списку // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 262.
- ¹²⁵ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 361.
- ¹²⁶ Цит. по: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 133.
- ¹²⁷ *Горсей Д.* Указ. соч. С. 66—67.
- ¹²⁸ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 259.
- ¹²⁹ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 127; *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 259.
- ¹³⁰ См.: *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 159, 171.
- ¹³¹ См.: Там же. С. 164.
- ¹³² См.: Там же. С. 165—166; *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 99—100.
- ¹³³ См.: *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 162—163; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Медведь // Мифология народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 128—129; *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М., 2003. С. 107—108.
- ¹³⁴ См.: *Гура А. В.* Указ. соч. С. 163; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 129.
- ¹³⁵ См.: *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. С. 453.
- ¹³⁶ См.: *Гура А. В.* Указ. соч. С. 164, 166, 173; *Афанасьев А. Н.* Ведун и ведьма. С. 84; *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. С. 453.
- ¹³⁷ См.: *Курбский А. М.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 155.
- ¹³⁸ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 42.
- ¹³⁹ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 45.
- ¹⁴⁰ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁴¹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 48.
- ¹⁴² *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 49.
- ¹⁴³ См.: *Smilyanich M. A.* Tentative d'explication de la personnalité d'Ivan le Terrible // Revue des études slaves. Paris, 1969. Vol. 48. P. 118 ff.
- ¹⁴⁴ См.: *Каравашкин А. В., Филюшкин А. И.* События и лица Священной истории в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского (опыт герменевтического комментария) // Русская религиозность: Проблемы изучения. СПб., 2000. С. 90.
- ¹⁴⁵ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 48.
- ¹⁴⁶ См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 48—49.
- ¹⁴⁷ Новгородская Третья летопись. С. 258—259.
- ¹⁴⁸ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 50.
- ¹⁴⁹ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 49.
- ¹⁵⁰ Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. / Публ. Н. А. Бондарко, С. В. Лобачёва, Г. В. Селезнёва // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 9. № 2. СПб., 2001. С. 19—20, 25.
- ¹⁵¹ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 213.
- ¹⁵² См.: *Walewskij A.* Historia Wyzwolonej Rzeczy Pospolitej, wpadającej pod jarmo Domowe za panowania Jana Kaźmierza (1655—1660). Krakow, 1872. Т. 2. S. XLVII—XLVIII.
- ¹⁵³ Новгородские летописи. Рязань, 2002. Т. 2. С. 383.

- ¹⁵⁴ См.: *Артамонов В. А.* Устрашение гетманщины: Катастрофа резиденции Мазепы // *Родина*. 2009. № 7. С. 31—32.
- ¹⁵⁵ См.: *Ерёмина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 46.
- ¹⁵⁶ См.: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. С. 98.
- ¹⁵⁷ См.: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁵⁸ См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 354.
- ¹⁵⁹ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 72.
- ¹⁶⁰ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 50.
- ¹⁶¹ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 105.
- ¹⁶² См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 386. Прим. 59.
- ¹⁶³ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 64—65; *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 49.
- ¹⁶⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 49.
- ¹⁶⁵ *Гваньини А.* Указ. соч. С. 115.
- ¹⁶⁶ См.: *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 244—245.
- ¹⁶⁷ См.: *Шокарев С. Ю.* Русский средневековый некрополь. На материалах Москвы XIV—XVII вв. // *Кульгура памяти: Сборник научных статей*. М., 2003. С. 146.
- ¹⁶⁸ См.: *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 82—83; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества. Т. 1. С. 200.
- ¹⁶⁹ См.: *Гальковский Н. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 197—201; *Шокарев С. Ю.* Русский средневековый некрополь. С. 146—147.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Указ. соч. Отд. 3. Ч. 1. С. 401—402.
- ¹⁷¹ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 45, 56, 60.
- ¹⁷² См.: *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. М., 1994. Т. 2. С. 124—125.
- ¹⁷³ См.: *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. М., 1995. С. 97.
- ¹⁷⁴ Цит. по: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 80—82. См. также: *Гваньини А.* Указ. соч. С. 149; *Пискаревский летописец*. С. 191.
- ¹⁷⁵ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 325.
- ¹⁷⁶ См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 382—383.
- ¹⁷⁷ *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. 2 // *Федотов Г. П.* Собрание сочинений. Т. 11. М., 2004. С. 89.
- ¹⁷⁸ См.: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 72.
- ¹⁷⁹ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 78; *Гваньини А.* Указ. соч. С. 141.

Послесловие

- ¹ См.: Легенды и были Александровской слободы. С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аль Д. Иван Грозный: От легенд к фактам. СПб., 2005.

Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; подг. к печ. и доп. А. А. Амосов; под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982.

Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Володихин Д. М. Митрополит Филипп. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Зимин А. А. Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Легенды и были Александровской слободы. Владимир, 2006.

Морозова Л., Морозов Б. Иван Грозный и его жёны. М., 2005.

Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. 3-е изд. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Глава первая.</i> ОПРИЧНЫЕ СТОЛИЦЫ	13
Учреждение опричнины.....	13
«Опричный двор, враждою окружённый»	21
Замок в слободе.....	33
Хозяева и гости слободы	39
Обитательницы слободы.....	46
<i>Глава вторая.</i> ОПРИЧНЫЕ ЗЕМЛИ	53
«Разделение земли и градом».....	53
Вотчинники и помещики.....	68
<i>Глава третья.</i> «НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ» ОПРИЧНИНЫ.....	89
Царь и его слуги	89
Первый призыв	95
Несостоявшееся братство: «перебор людишек».....	108
Малюта и К°.....	121
Опричные приказные.....	130
<i>Глава четвёртая.</i> ОПРИЧНЫЙ КОРПУС	143
Рядовые «кромешного» воинства.....	143
Искатели счастья	154
На службе государевой.....	168
Дипломаты из опричнины	187
<i>Глава пятая.</i> ОПРИЧНЫЙ ОБИХОД	198
Молитвы, пытки и потехи	198
Шелка под рубищем.....	212
«Слободские» нравы.....	217
<i>Глава шестая.</i> ОПРИЧНИНА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	234
Царь Иван Васильевич как религиозный тип	234
Царь и московские митрополиты эпохи опричнины	242
Августейший ктитор «всёя Руси».....	257
Церковный карнавал в Александровской слободе	263
Синодики опальных.....	270
<i>Глава седьмая.</i> ОПРИЧНЫЙ ТЕРРОР	282
Смертная казнь в эпоху опричнины:	
августейший судья и палачи	282
Опричная символика	286
Кровавый калейдоскоп: «посаждение в воду».....	298
Кровавый калейдоскоп: сожжение	311
Кровавый калейдоскоп: иссечение «в дробные части»	313
Кровавый калейдоскоп: damnatio ad bestias и obicere bestiis по-русски	322

Истребление скверного имущества и погромы городов.....	328
Погребение опальных.....	338
Послесловие.....	346
Примечания.....	356
Библиография.....	372

Курукин И. В., Булычев А. А.
К 93 Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного/ Игорь Курукин, Андрей Булычев. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 374[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03340-5

Иван Грозный давно стал знаковым персонажем отечественной истории, а учреждённая им опричина — одной из самых загадочных её страниц. Она является предметом ожесточённых споров историков-профессионалов и любителей в поисках цели, смысла и результатов замысловатых поворотов политики царя. Но при этом часто остаются в тени непосредственные исполнители, чьими руками Иван IV творил историю своего царствования, при этом они традиционно наделяются демонической жестокостью и кровожадностью.

Книга Игоря Курукина и Андрея Булычева, написанная на основе документов, рассказывает о «начальных людях» и рядовых опричниках, повседневном обиходе и нравах опричного двора и службе опричного воинства. Читатели смогут представить облик и почувствовать атмосферу опричных резиденций, где происходили пытки и молитвенные бдения, пиры и потехи опричного «братства», узнать о значении зловещих символов — метлы и пёсней головы и истинной подоплёке кровавых погромов и казней.

УДК 94(47)“450.7”
ББК 63.3(2)43-061

Курукин Игорь Владимирович, Булычев Андрей Алексеевич
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 22.01.2010. Подписано в печать 17.03.2010. Формат 84×108/₃₂.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л.
20,16+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 10256.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03340-5

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Вышли в свет:

А. Воронский
«ГОГОЛЬ»

С. Марков
«МИХАИЛ УЛЬЯНОВ»

Н. Старосельская
«ВИКТОР АВИЛОВ»

М. Гейзер
«ФАИНА РАНЕВСКАЯ»

А. Карпов
«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dset@gvardiya.ru

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Вышли в свет:

Е. Герцык
«ЛИКИ И ОБРАЗЫ»

И. фон Гюнтер
**«ЖИЗНЬ НА ВОСТОЧНОМ ВЕТРУ:
МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И МЮНХЕНОМ»**

Н. Матвеева
«МЯЧ, ОСТАВШИЙСЯ В НЕБЕ»

М. Нестеров
«О ПЕРЕЖИТОМ. ВОСПОМИНАНИЯ»

С. Дурьлин
«В СВОЕМ УГЛУ»

О. Гильдебрандт-Арбенина
«ДЕВОЧКА, КАТЯЩАЯ СЕРСО...»

А. Тахо-Годи
«ЖИЗНЬ И СУДЬБА: ВОСПОМИНАНИЯ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Г. Аксенов
«ВЕРНАДСКИЙ»

А. Кузичева
«ЧЕХОВ»

А. Воронцов-Дашков
«ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА»

М. Беленький
«МЕНДЕЛЕЕВ»

Н. Петрова
«СКОПИН-ШУЙСКИЙ»

О. Елисеева
«ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ»

А. Бульгин
«КАРУЗО»

Н. Бодрихин
«КОЖЕДУБ»

Г. Горелик
«АНДРЕЙ САХАРОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dscel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Анисимов
«БАГРАТИОН»

Б. Соколов
«РОКОССОВСКИЙ»

Н. Великанов
«БЛЮХЕР»

В. Шигин
«АДМИРАЛ НЕЛЬСОН»

М. Радовский
«АЛЕКСАНДР ПОПОВ»

Ю. Борев
«ЛУНАЧАРСКИЙ»

А. Сенкевич
«БЛАВАТСКАЯ»

Б. Соколов
«ВРАНГЕЛЬ»

П. Зюмтор
«ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин, А. Булычев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО**

В. Бокова
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

Ж. Эргон
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЭТРУСКОВ**

М. Пастуро
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦИИ И АНГЛИИ ВО ВРЕМЕНА
РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА**

Н. Будур
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИНКВИЗИЦИИ**

Г. Андреевский
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Семенова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ**

Б. Григорьев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ**

М. Брион

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА**

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СКАЗАНИЯ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

В пересказе Алексея Карпова

«Сказания Русской Летописи» обращены в первую очередь к детям, но наверняка будут интересны и взрослым. Здесь нет ничего выдуманного: все рассказы взяты из подлинных русских летописей, но изложены живым, доступным для детей языком. Именно летописи — бесценные свидетельства прошлого — сохранили для нас историческую память о пройденном народом пути — с самых ранних времён. В них рассказывается о том, «откуда пошла земля Русская», о первых русских князьях и Крещении Руси, о кровавых междоусобицах и нашествиях иноплеменников, о возвышении Москвы и избавлении Русской земли от ордынского ига, о венчании на царство и опричных казнях грозного царя Ивана Васильевича, о Смуте начала XVII века и воцарении династии Романовых.

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

В. Бакова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Б. Григорьев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ

О. Семенова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

О. Ковалик

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ БАЛЕРИНЫ

Е. Глаголева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ
ОТ ФРЭНСИСА ДРЕЙКА
ДО ГЕНРИ МОРГАНА

ISBN 978-5-235-03340-5

9 785235 103340 5 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ